

КУЛЬТУРА МИРА

Том 13. Выпуск 4.

(№ 47)

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.

Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.

Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 номеров в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60х90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 19,625

Москва 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Члены редколлегии

Зорин В.Ю. - доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Михайлова Н.В. - профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, доктор политических наук.

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Айлана Калиновна Кужугает - доктор культурологии, заведующая сектором культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, заслуженный работник образования Республики Тыва.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Санжеева Л.В. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры этнокультурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Савельев В.В. - заслуженный работник культуры Российской Федерации. Доктор философских наук.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Омар Годинес Лансо - Академик. Академия художеств Российской Федерации.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Чжан Сяолин - доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русского языка Института языков и культуры, Шанхайский политико-юридический университет.

Щупленков Н.О. - it-специалист-программист. Эксперт фонда поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений.

Гаджиева Р.Г. - кандидат психологических наук, доцент кафедры национальных и федеративных отношений Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Член союза русских художников.

CULTURAL WORLD

Volume 13. Issue 4.

(№ 47)

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Moscow 2025

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Editorial Board

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Mikhailova N.V., Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Political Science.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Aylana Kalinovna Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies, Head of the Cultural Studies Sector of the Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Professor of the Philosophy Department of Tuva State University, Honored Educator of the Republic of Tuva.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Sanzheeva L.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Ethnoculturology of the Russian State Pedagogical Herzen University.

Saveliev V.V., Honored Worker of Culture of the Russian Federation. Doctor of philosophical science.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Omar Godinez Lanzo, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Dolgenko A.N., Doctor of philological sciences. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the “National Institute of professional development and training of educators”, Tajikistan.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics(Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization “Friendship Society with Cuba”.

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN).

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Schuplenkov N.O., it-specialist-programmer. Expert of the Foundation for the Support of Interethnic Culture and Public International Relations.

Ternovaya L.O., Doctor of historical Sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Zhang Xiaoling, Doctor of Humanities, Associate Professor of the Russian Language Department, Institute of Languages and Cultures, Shanghai University of Political Science and Law.

Gadzhieva R.G., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of National and Federal Relations of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Member of the Union of Russian Artists.

Содержание

Культурология

Ултургашева Н.Д., Сафарова Т.В. К вопросу о проведении традиционных праздников кочевников приграничных районов Центральной Азии: современный аспект (на примере Убсунурского аймака и Овюрского кожууна).....	14
Мальцева Л.В. Кубанское казачество (вышивка на Кубани)...	23
Личак Н.А., Личак Д.А. Создание культурного пространства национального парка Мали.....	30
Божбин В.А. Качественная трансформация художественного осмысления реальности в современных телевизионных шоу-программах.....	39
Гончаренко А.Н. Тембральный морфинг как средство музыкальной выразительности.....	52
Джумаева Ф.Ш. Исторический жанр в изобразительном искусстве Татарстана.....	58
Железная П.Л., Железная А.Б. Комплекс «Мадонна–Магдалина» в динамике любовных отношений Дмитрия Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: психоаналитический аспект.....	67
Житников А.Ю. Позитивный образ технологического прогресса через призму русского менталитета в сериале «Кибердеревня».....	75
Зейналова Л.М. «Книга Деде Горгуд»: культурная ценность и духовный источник.....	84
Мэн Юйвэй Цзян Вэнье: ода великому поэту.....	91
Смирнов Ю.С. Эволюция творческих подходов к созданию иллюзии глубины звуковой перспективы в фонографии неакадемических музыкальных жанров.....	99

Вэй Даньтун, Мельникова Л.А. Концептуальные подходы культурологического исследования понятий «общественное городское пространство» и «социокультурное пространство».....	109
Сунь Тинтин Основоположник китайской национальной музыки XX века — Ли Шутун.....	123
Турсынбаева К.А., Жолдубаева А.К. Символические и сакральные функции денег в кочевых обществах: к вопросу о многоаспектности денежного обращения.....	130
Хушбоков О.У. Миссия античного учителя.....	141
Юань Чжэньцзюнь Техника обучения академическому пению в Китае.....	145
Яо Сыцунхуэй, Будкеев С.М. Краткий анализ влияния королевского архитектурно-декоративного искусства эпохи династий Цин и Мин в Китае на современный архитектурный дизайн.....	153
Ван Чэньюй Сравнительный анализ российской и китайской систем высшего музыкально-педагогического образования.....	164

Политология

Упоров И.В. Особенности муниципально-правовой ответственности главы муниципального образования: политико-теоретический аспект.....	173
Арустамян Г.В., Шестак Д.О., Дилбандян Р.А., Терещенко О.В. Российские информационные вызовы и ответы на них.....	181
Дармилова Э.Н., Сидakov А.М., Урчукова С.Р. Влияние информационных технологий на взаимодействие политических партий и общественных организаций с социальными группами в регулировании социальных процессов в современном обществе.....	196

Актуальные вопросы науки и инновации

<i>Кравченко В.И., Банокин Д.Д.</i> Социальная реклама как инструмент решения проблемы наркомании среди молодёжи.....	203
<i>Упоров И.В.</i> Теория естественного права: основные этапы развития и особенности отечественной мысли.....	212
<i>Айзаму Айбайдула</i> Ценность и практический путь изложения истории Китая на курсах гражданского права в колледжах и университетах в новую эпоху.....	223
<i>Борисов Б.Б.</i> Некоторые аспекты правового регулирования музыкальной культуры в Китайской Народной Республике.....	236
<i>Ткачук И.Б.</i> Язык и культура: система речевых установок в стратегиях личностного роста.....	244
<i>Ли Тяньюй , Ли Пэнчэн, Мэй Яньлин</i> Система оценки влияния гражданского воспитания на социальное поведение учащихся.....	258
<i>Щупленков О.В., Щупленков Н.О.</i> Особенности нейрофилософского антропологизма в синергетическом историческом фазовом пространстве.....	273
Аннотации	290
Авторы	311

Contents

Culturology

Ulturgasheva N.D., Safarova T.V. On the issue of holding traditional holidays of nomads in the border regions of Central Asia: a modern aspect (using the example of the Ubsunur aimag and the Ovyur Kozhuun).....	14
Maltseva L.V. Kuban Cossacks (embroidery in Kuban).....	23
Lichak N.A., Lichak D.A. Creation of the national park of Mali as a cultural space.....	30
Bozbin V.A. Substantive transformation of artistic comprehension of reality in modern television show-programmes.....	39
Goncharenko A.N. Timbre morphing as a means of musical expression.....	52
Dzhumaeva F.Sh. Historical genre in the fine arts of Tatarstan...	58
Zheleznaya P.L., Zheleznaya A.B. The “Madonna–Whore” complex in the dynamics of Dmitry Karamazov’s love relationships in F.M. Dostoevsky’s novel the brothers Karamazov: a psychoanalytic perspective.....	67
Zhitnikov A.Y. A positive image of technological progress through the prism of the Russian mentality in the series “Cyber Village”	75
Zeynalova L.M. “The book of Dede Gorgud”: a cultural value and spiritual source.....	84
Meng Yuwei Jiang Wenye: ode to a great poet.....	91
Smirnov Yu.S. Evolution of creative approaches to creating the illusion of depth of sound perspective in the phonography of non-academic musical genres.....	99

Wei Dantong, Melnikova L.A. Conceptual approaches to the cultural study of the concepts of «public urban space», «socio-cultural space».....	109
Sun Tingting Li Shutong - the founder of Chinese national music of the 20th century.....	123
Tursynbayeva K.A., Zholdubayeva A.K. Symbolic and sacred functions of money in nomadic societies: on the issue of the multidimensionality of money circulation.....	130
Khushbokov O.U. Mission of the ancient teacher.....	141
YuanZhenjun Teaching techniques for academics singing in China.....	145
Siconghui Yao, Budkeev S.M. A brief analysis of the influence of royal architectural and decorative arts of the Qing and Ming dynasts in China on modern architectural design.....	153
Wang Chenyu Comparative analysis of the Russian and Chinese systems of higher musical and pedagogical education.....	164

Political science

Uporov I.V. Features of municipal-legal responsibility of the head of a municipal formation: political and theoretical aspect...	173
Arustamyan G.V., Shestak D.O., Dilbandyan R.A., Tereshchenko O.V. Russian information challenges and answers to them.....	181
Darmilova E.N., Sidakov A.M., Urchukova S.R. The influence of information technology on the interaction of political parties and public organizations with social groups in regulating social processes in modern society.....	196

Current issues of science and innovation

Kravchenko V.I., Banokin D.D. Social advertising as a tool for solving the problem of drug addiction among young people... 203

Uporov I.V. The theory of natural law: main stages of development and features of domestic thought..... 212

Aizamu Abaidullah The value and practical path of telling China's story in civics courses of Colleges and Universities in the new era..... 223

Borisov B.B. Regulatory dimensions of musical culture in the People's Republic of China..... 236

Tkachuk I.B. Language and culture: the system of speech attitude in personal growth strategies..... 244

Li TianYu, Li Pengcheng, Mei Yanling Influential evaluation system of Civic Education on students' social behavior..... 258

Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Features of Neurophilosophical Anthropologism in the synergetic historical phase space..... 273

Abstracts 301

Authors 313

Culturology

Культурология

Ултургашева Н.Д.

Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры. Кемеровский государственный институт культуры.

Сафарова Т.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры. Кемеровский государственный институт культуры.

К вопросу о проведении традиционных праздников кочевников приграничных районов Центральной Азии: современный аспект (на примере Убсунурского аймака и Овюрского кожууна)*

Аннотация. Статья посвящена выявлению основных особенностей современного бытования традиционной праздничной культуры кочевников, проживающих в приграничных районах Центральной Азии. Предпринятый авторами анализ современной практики проведения традиционных праздников тувинцев и монголов Убсунурского аймака и Овюрского кожууна позволил сделать вывод о том, что в них наблюдается больше сходства, чем различий. При этом нам не удалось найти существенного подтверждения наличия фактов духовной культуры монгольского этноса в Овюрском кожууне и тувинской культуры – в Убсунурском аймаке, кроме тех, которые уже были зафиксированы исследователями и являются характерными особенностями не только приграничных районов, но и всех остальных. Несмотря на территориальную близость, оба народа сохранили свою национальную идентичность, которая сформировалась под влиянием кочевого образа жизни, а позже – буддизма.

Ключевые слова: праздничная культура, кочевники, традиционные праздники, приграничные территории, межкультурное взаимодействие, календарные обряды.

Ulturgasheva N.D.

D.Sc. in Cultural Studies, professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Safarova T.V.

Candidate of Sciences in Philology, Associate professor in the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo State Institute of Culture.

* © Ултургашева Н.Д., Сафарова Т.В., 2025.

К вопросу о проведении традиционных праздников кочевников приграничных районов Центральной Азии: современный аспект (на примере Убсунурского аймака и Овюрского кожууна)

On the issue of holding traditional holidays of nomads in the border regions of Central Asia: a modern aspect (using the example of the Ubsunur aimag and the Ovyur Kozhuun)

Abstract. The article is devoted to the identification of the main features of the modern existence of the traditional holiday culture of nomads living in the border regions of Central Asia. The authors' analysis of the modern practice of holding traditional holidays of Tuvans and Mongols of the Ubsunur aimag and Ovyur Kozhuun led to the conclusion that there are more similarities than differences in them. We have not been able to find significant evidence of the presence of facts of the spiritual culture of the Mongolian ethnic group in the Ovyur Kozhuun and the Tuvan culture in the Ubsunur aimag, except for those that have already been recorded by researchers and are characteristic features not only of the border areas, but also of all others. Despite their territorial proximity, both peoples retained their national identity, which was formed under the influence of a nomadic lifestyle, and later Buddhism.

Key words: holiday culture, nomads, traditional holidays, border territories, intercultural interaction, calendar rituals.

Актуальность исследования определяется повышенным интересом к некоторым приграничным районам Центральной Азии, в частности – Убсунурскому аймаку и Овюрскому кожууну, которые представляют собой уникальное культурно-историческое и географическое пространство. На их территории находится Убсунурская котловина – удивительный природный заповедник, где можно встретить практически все ландшафты Земли. Кроме того, для этих районов Тувы и Монголии характерно многолетнее приграничное сотрудничество, важной чертой которого является взаимовлияние монгольской и тувинской культур во многих сферах, в том числе – в сфере культуры (включая традиционную). Учитывая кочевой характер обеих цивилизаций, можно отметить в них немало общего.

Актуальность проблемы усиливается рядом противоречий между теоретическим осмыслением богатства празднично-обрядовой культуры и современной практикой проведения традиционных праздников. В настоящее время произошли серьезные деформации в празднично-обрядовой культуре, связанные с тем, что праздник лишился своего сакрального ядра, зачастую превратился лишь в сферу развлечений.

Целью данного исследования было выявление основных особенностей современного проведения традиционных праздников тувинцев и монголов, проживающих в приграничных районах Центральной Азии (на примере Убсунурского аймака и Овюрского кожууна).

Традиционная праздничная культура как комплекс традиций, обрядов, обычаев, игр, символических атрибутов, отражающих ценности предста-

вителей того или иного этноса, наряду с национальным языком, религиозными верованиями составляет один из главных факторов этнической идентификации и самобытности.

Праздники, являясь полифункциональным явлением, играли и продолжают играть значительную социальную роль в жизни каждого народа, выполняя коммуникативную, регулятивную; эмоционально-психологическую, культурно-творческую, нравственно-воспитательную и другие функции.

Вопрос взаимовлияния монгольской и тувинской культуры на сегодняшний день не вызывает сомнений. В современной гуманитарной науке имеется достаточно много теоретических работ, в которых проводится целостный культурологический анализ культурных контактов тувинцев и монголов как носителей кочевой культуры. И хотя основная сфера сотрудничества Тувы и Монголии – это экономические связи, традиционно продолжится сотрудничество в сфере культуры, туризма и спорта. Особенно этот вопрос значим для приграничных территорий, каковыми являются Убсунурский аймак и Овюрский кожуун.

Как отмечает в одной из своих статей Н.В. Абаев, в современных геополитических условиях «...необходима выработка такой культурно-образовательной стратегии России, которая бы позволила с наименьшими потерями для национальной безопасности взаимодействовать с культурным наследием соседних цивилизаций» [1].

Именно такими являются приграничные Убсунурский аймак (Монголия) и Овюрский кожуун (Россия, Республика Тыва).

В настоящее время исключительная роль в формировании национальной идентичности принадлежит праздничной культуре. Интерес к ней лишь возрастает со временем, примером чему могут служить регулярно проводимые в Туве и Монголии традиционные праздники.

Исследователи XX–XXI веков (С.И. Вайнштейн, Н.Л. Жуковская, Н.В. Абаев, Ш.Б. Майны и др.) уже неоднократно писали о сходстве как традиционной материальной культуры тувинцев и монголов, которое четко прослеживается в пище, жилище, одежде и т.д., так и духовной (религия, обряды и т.д.). Очень много общего в фольклоре и прикладном искусстве этих народов) [см.: 1–6 и др.].

Монгольское влияние в этнокультурной истории тувинцев сильнее сказывалось с начала XIII века, когда в Туву проникло значительное количество монголоязычных племен и начал происходить непрерывный процесс этнического, культурного и экономического взаимодействия и сближения населения Тувы с монголоязычными племенами [см.: 3]. С этого времени и до настоящего момента этнокультурные связи тувинцев с монголами характеризуются тесными взаимоотношениями в разных сферах жизни.

Историко-культурное своеобразие Убсунурского аймака и Овюрского кожууна, определяется, во-первых, тем, что эти регионы представляют собой уникальное географическое и историческое пространство, являющееся приграничным, на территории которого находится природный заповедник Убсунурская котловина. Во-вторых, всё в культуре тувинцев и монголов неразрывно связано с кочевым образом жизни. Культура кочевников – это особый мир, существенно отличающийся как от западной, так и от восточной цивилизации. В-третьих, оба народа исповедуют буддистскую веру с сильным влиянием шаманизма. Они по сей день, как и много лет назад, поклоняются духам природы (об этом свидетельствуют активно бытующие в сельской местности обряды кормления огня, почитания духов гор и др.). То есть сегодня большинство населения данных территорий является и шаманистами, и буддистами одновременно.

Исторически сложившийся синкретизм этих двух верований показывает, как шаманы и ламы перенимают друг у друга различные обрядовые функции. Например, освящение источников, родников, обряды освящения родового дерева, очищение семейного очага, похороны мог совершить как лама, так и шаман. Лечение больных, как правило, раньше было привилегией шаманов, но сейчас могут лечить и ламы. Синкретизм шаманизма и буддизма в обрядовой практике тувинского и монгольского этносов также характеризует историко-культурное своеобразие рассматриваемых приграничных территорий.

Исторически тувинцы и монголы являлись соседями, имели сходные обычаи, единый способ ведения хозяйства, похожую кухню и материальный быт, были умелыми лучниками и воинами, занимались борьбой, любили горловое пение.

Рассматриваемые этносы сумели донести до наших дней свои уникальные традиции, свою самобытную культуру, которая характеризуется ярко выраженным национальным своеобразием.

Так, в настоящее время в Овюрском кожууне сохраняются многие традиционные обычаи и обряды (хотя и не в аутентичных вариантах). Например, до сих пор у скотоводов актуален обряд приучения детенышей к матери, который выполняется, когда теленок (или ягненок) заплутает в стаде, потеряет свою мать, а в случае если найдет, она может и не принять его. Тогда люди заговаривают малыша и мать, чтобы они узнали друг друга, чтобы детеныш не умер от голода. Кроме того, сохраняются свадебные, погребальные, родовые, а также обряды, связанные с рождением ребенка. В частности, хорошо сохранились предсвадебные обряды сватовства, знакомства старших родственников жениха и невесты, обмена подарками – бараньими курдюками и некоторые другие.

В последние годы у тувинцев возродился обряд освящения родовой горы дагылга, на который собирается несколько сотен людей – предста-

вителей того или иного рода. Среди родов тувинцев Овюрского района существует распределение, какой род должен провести обряд в какой год. Для проведения освящения родовой горы приглашают лам, устраивают национальную стрельбу из лука и национальную борьбу хуреш. Победителей награждают призами [7].

Культура кочевых народов имеет много общего и восходит своими корнями к традиционным истокам, остающимся ее ядром и питательной средой для развития. Она представляет собой сложный феномен, в котором отражаются быт, традиции, религиозные культы, важнейшие даты истории тувинского и монгольского этносов. И приграничные районы Центральной Азии не являются исключением.

Несмотря на отмеченные аналогии, в традиционной культуре монголов и тувинцев есть немало различий, которые объясняются, в частности, тем, что они относятся к разным группам народов. Первые, соответственно, к монгольской, а вторые – к тюркской. Это означает, что у них разное историческое происхождение и говорят они на разных языках. Хотелось бы акцентировать внимание на этом значимом факте, подчеркнув, что «из всех компонентов культуры именно язык обладает наиболее ярко выраженными этническими свойствами, чем и определяется его чрезвычайно важная роль в жизни этноса» [6].

Среди сохранившихся до настоящего времени элементов традиционной культуры есть множество традиций, связанных с проведением праздников. Они были нами рассмотрены на примере двух праздников: встречи Нового года (тув. Шагаа и монг. Цагаан сар) и тувинского Наадыма и монгольского Наадыма.

Отмечание Шагаа согласно лунному календарю характерно как для всей Республики Тывы, так и для Монголии. В этом видится прямое влияние буддизма, получившего распространение в Тыве примерно с XVII века. Есть мнение, что большинство традиций на Шагаа сугубо буддистские, с элементами шаманизма, причем сегодня сложно сказать, какое именно верование отразилось в том или ином обряде. Так, например, когда в ритуальный костер бросают кусочки обрядовой пищи, тем самым почитая духа огня, то это может быть проявлением как шаманизма, так и буддистских традиций («огненная пуджа»). Кроме того, дату праздника обычно назначает лама (буддистский монах), а главную роль в обрядах, как правило, играет шаман. То есть можно говорить о тесном переплетении этих верований в праздничных традициях монголов и тувинцев.

В настоящее время социальная роль шамана и ламы остается довольно значимой в Тыве и Монголии. Люди обращаются к ним, нуждаясь в психологическом осмыслении произошедшего, а также тогда, когда нет уверенности в самостоятельном решении проблемы или получении желаемого результата (болезнь, предстоящая свадьба и т.п.). Ламы и шаманы, будучи

носителями разных конфессиональных структур, не вступают в конфликт друг с другом. И обычно это дает основание говорить о состоявшемся межконфессиональном диалоге культур на фоне возрождения и дальнейшего развития традиционной культуры тувинского и монгольского этносов. Хотя в практике известны случаи отсутствия взаимопонимания между представителями этих двух конфессий (в частности, это касается Овюрского района (Тыва)).

Праздник Нового года – один из самых значительных в календарной обрядности тувинцев и монголов; как и у большинства народов Востока, он завершает зиму и открывает весну. В Тыве он называется Шагаа (есть два варианта толкования), а в Монголии – Цагаан сар («белый месяц»). Отмечается по лунно-солнечному календарю и не имеет фиксированной даты: начало его может смещаться в пределах конца января – конца февраля.

Как и раньше, в настоящее время к Шагаа и Цагаан-Сар начинают готовиться заблаговременно: откладывают запасы осеннего урожая, с наступлением холодов заготавливают мясо, забивают скот, поскольку во время праздника запрещается прерывать жизнь живых существ. Накануне Шагаа и Цагаан-Сар в каждом доме накрывают стол и главными атрибутами праздничного стола и у тувинцев, и у монголов являются: мясо (курдюк барана) и в обязательном порядке блюда, изготовленные из молока, такие как тарак, быштак, хойтпак и др., а также «буузы» (тув.) и «бууз» (монг.), боорзак, боова, мучные изделия, сладости, фрукты.

В отличие от тувинцев, на столе у монголов должны быть 13-этажные боовы, сверху которых расставлены мучные угощения. Также может присутствовать водка из молока («архи»), которую раньше пили только уважаемые члены и гости аала. По тувинским же обычаям, выпивать алкоголь («арака») категорически запрещается. Однако сегодня эта традиция нарушается, и на праздничных столах тувинцев арака нередко тоже присутствует.

У обоих народов существовала традиция (частично поддерживаемая и сейчас) не спать в новогоднюю ночь: по поверьям, бог (у монголов – богиня Палден Лхамо) посчитает спящего человека мертвым и не благословит. Поэтому всю ночь бодрствовали: слушали сказки сказителей, играли в национальные игры, такие как кажык, тевек, пели частушки, загадывали загадки, катались с гор [5].

Если в Монголии празднование Цагаан-Сар длится целый месяц, то в Тыве период празднования Шагаа гораздо короче. И хотя в течение месяца могут встречаться отдельные элементы празднования (как, например, общение с родственниками, друзьями), но в целом праздник длится двое суток.

Итак, несмотря на некоторые различия, в традициях празднования Но-

вого года тувинцами и монголами все же сохранились многие схожести: дата проведения, определяемая по лунному календарю, приготовление обрядовой молочной пищи, проведение религиозных обрядов и др.

В целом такая же ситуация характерна и для Наадыма – не менее популярного праздника тувинцев и монголов (и других народов-кочевников: бурятов, калмыков и т.д.), имеющего многовековую историю.

Отличительные особенности связаны, во-первых, с названием праздника (Наадым – у тувинцев и Наадам – у монголов), во-вторых, со сроками его проведения: в настоящее время в Монголии первый день Наадама отмечают 11 июля (в начале XX века Надаам проходил обычно в конце июня, но потом дата его проведения была изменена и приурочена к годовщине провозглашения независимости Монголии). Сам же праздник длится три дня: с 11 по 13 июля, в течение которых проходят «три мужских игры»: борьба хуреш, скачки и стрельба из лука. В Туве же Наадым отмечается в середине августа (дата приурочена ко Дню Республики). конкретный день праздника может меняться (в соответствии с законом о региональных праздниках эта дата определяется исполнительной властью Республики каждый год заново.). Так, например, в 2023 году Правительство Тувы постановило провести праздник животноводов Наадым 13 августа. Кроме традиционных трех игрищ (борьбы хуреш, скачек и стрельбы из лука), во время празднования тувинского Наадыма проводятся и другие (весьма многочисленные) конкурсы и состязания (в том числе на приграничных территориях). Например, состязания по поднимая камней – кодурер-даш, шахматный турнир, конкурсы на лучшую юрту, коновязь, национальный костюм, лучшее снаряжение коня и др. В отличие от «трех игрищ», остальные конкурсы не являются обязательными.

Хотелось бы отметить, что монголы и тувинцы – единственные народы в мире, которые борются в одинаковой экипировке: содак-шудак (борцовская форма) и кадыг идик (борцовская обувь) и исполняющие до и после схваток танец орла. Правила тувинской и монгольской борьбы также не имеют существенных отличий.

В функциях тувинского Наадыма и монгольского Наадыма также много общего: в частности, связь с родовыми жертвоприношениями. Но в Монголии в древности этот праздник приобрел дополнительную функцию военного смотра, точнее сказать, отбора кандидатов в воинские дружины при ханах и нойонах

В настоящее время и в Туве, и в Монголии в функции праздника входит, помимо демонстрации единения членов рода друг с другом, а также с охраняющими родовую территорию духами умерших предков и духами-хозяевами местности, сохранение и развитие народных традиций. Этот праздник объединяет не только тех, кто продолжает традиционный образ жизни, чтит наследие предков и таким образом сохраняет культуру,

но и всех тех, кто в этот день имеет возможность прикоснуться к первозданному быту тувинского и монгольского этносов.

Итак, праздничная культура тувинцев и монголов представляет собой сложный по содержанию феномен, в котором отражаются быт, традиции, религиозные воззрения, важнейшие, даты истории тувинского и монгольского этносов. Она восходит своими корнями к традиционным истокам, остающимся ее ядром и питательной средой для развития.

Что касается особенностей рассматриваемых праздников тувинцев и монголов, проживающих на приграничных территориях Центральной Азии, в целом можно сказать, что в них наблюдается больше сходства, чем различий. Процесс межкультурного взаимодействия практически не отразился (если и отразился, то незначительно) на проведении традиционных праздников. Несмотря на территориальную близость, оба народа сохранили свою национальную идентичность, которая сформировалась под влиянием кочевого образа жизни, позже на нее большое воздействие оказал буддизм.

Данную ситуацию можно объяснить следующим.

Во-первых, известно, что значительное влияние на материальную и духовную систему ценностей жителей приграничных районов оказывает процесс миграции, который в нашем случае практически отсутствует. На сегодняшний день в Овюрском кожууне проживает более 7 тысяч человек, при этом среди них нет ни одного монгола.

Что касается Убсунурского аймака, хотя, согласно некоторым источникам, в состав населения входят тувинцы, однако это единичные случаи, которые никак не смогли повлиять на устоявшиеся обычаи и обряды, сопровождающие монгольские праздники. Нам не удалось найти какого-либо существенного подтверждения наличию фактов духовной культуры монгольского этноса в Овюрском кожууне и тувинской культуры – в Убсунурском аймаке, кроме тех, которые уже были зафиксированы исследователями и являются характерными особенностями не только приграничных районов, но и всех остальных.

Во-вторых, несмотря на то, что тувинский и монгольский языки принадлежат к разным языковым ветвям (имея при этом много аналогичных элементов), традиционная праздничная культура тувинцев и монголов имеет больше сходств, чем различий: в традициях, фольклоре, прикладном искусстве, религии этих народов много общего. Также четко прослеживается сходство материальных культур тувинцев и монголов (пища, жилище, одежда и т.д.).

Основными отличиями являются названия праздников, незначительная разница в датах или периодах празднования, некоторые особенности проведения традиционных состязаний: борьбы хуреш, конных скачек и стрельбы из лука, а также, возможно, большее влияние религиозной со-

ставляющей праздника у монголов (пост, посещение буддийского храма).

Таким образом, праздничная культура тувинцев и монголов представляет собой сложный по содержанию феномен, в котором отражаются быт, традиции, религиозные воззрения, важнейшие, даты истории тувинского и монгольского этносов. Тувинско-монгольское приграничное межэтническое взаимодействие в современных условиях продолжает оставаться сбалансированным сосуществованием двух самостоятельных народов на соседствующих территориях, что само по себе является устойчивым фундаментом для дальнейшего расширения и углубления добрососедских связей между ними.

Библиографический список

1. Абаев Н.В. «Евразийские ценности», духовно-культурное наследие «кочевой» цивилизации и проблемы приграничной безопасности России // Новые исследования Тувы: электронный научный журнал // URL: www.tuva.asia 2009. № 1-2.
2. Абаев Н.В. Тэнгрианство и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов Алтай-Байкалы / отв. ред. В.Р. Фельдман. – Абакан: ООО Фирма «Март», 2011. 114 с.
3. Донгак В.С. Проблемы истории и современной ситуации тувинско-монгольских отношений // Новые исследования Тувы: электронный научный журнал. 2010. № 1. // URL: www.tuva.asia.
4. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика: учеб. пособие / Н.Л. Жуковская. – Москва: Вост. лит., 2002. 247 с.
5. «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год» / отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, М.В. Крюков. – Москва: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985. 264 с.
6. Монгуш М.В. Этнокультурные процессы у тувинцев Монголии и Китая // URL: <https://biblio.kz/m/articles/view/>
7. Прочитать и послушать: как «переезжают» тувинские песни из села в город // Культура.РФ. // URL: <https://www.culture.ru/news>
8. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-istorii-i-sovremennaya-situatsiya-tuvinsko-mongolskih-otnosheniy>

References

1. Abaev N.V. "Eurasian Values", Spiritual and Cultural Heritage of the "Nomadic" Civilization and Problems of Russia's Border Security // New Studies of Tuva: Electronic Scientific Journal // URL: www.tuva.asia 2009. № 1-2.
2. Abaev N.V. Tengrianism and Ethnocultural Genesis of the Turkic-Mongolian Peoples of Altai-Baikal / ed. V.R. Feldman. – Abakan: OOO Firma "Mart", 2011. 114 p.
3. Dongak V.S. Problems of the History and Current Situation of Tuvan-Mongolian Relations // New Studies of Tuva: Electronic Scientific Journal. 2010. № 1. // URL: www.tuva.asia.
4. Zhukovskaya N.L. Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbolism: Textbook. manual / N.L. Zhukovskaya. – Moscow: Vost. lit., 2002. 247 p.
5. "Calendar customs and rites of the peoples of East Asia. New Year" / ed. R.Sh. Dzharlygasinova, M.V. Kryukov. – Moscow: Chief ed. of eastern lit. publishing house "Nauka", 1985. 264 p.
6. Mongush M.V. Ethnocultural processes among the Tuvans of Mongolia and China // URL: <https://biblio.kz/m/articles/view/>
7. Read and listen: how Tuvan songs "move" from the village to the city // Kultura.RF. // URL: <https://www.culture.ru/news>
8. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-istorii-i-sovremennaya-situatsiya-tuvinsko-mongolskih-otnosheniy>

Мальцева Л.В.

Доктор педагогических наук, профессор, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Кубанское казачество (вышивка на Кубани)*

Аннотация. Статья поднимается проблема сохранению традиций, обычаев кубанских казаков в воспитании подрастающего поколения. Это нужно для того чтобы не забывали свое прошлое, свою историю, свои традиции и обычаи. Необходимо возрождать и сохранять традиции своей малой Родины, своего народа, там, где мы родились.

Культура кубанских казаков существуют в системе целостной культуры человечества, но это глобальная внутренне диалектически противоречива, и взаимодействие между отдельными элементами демонстрирует как всеобщую связь явлений. Культура не может считаться сформировавшейся полностью самостоятельно, так и моменты напряжения, связанного с различиями между отдельными культурными нормами, ценностями, религиями каждого народа.

Традиционная культура кубанского казачества богата и сложна. Во многом обряды и обычаи связаны как с православием, так и военным образом жизни.

Ключевые слова: традиции, обычаи, культура, казаки, подворье, воспитание, вышивка, обряды.

Maltseva L.V.

Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

Kuban Cossacks (embroidery in Kuban)

Abstract. The article raises the problem of preserving the traditions and customs of the Kuban Cossacks in the upbringing of the younger generation. This is necessary so that they do not forget their past, their history, their traditions and customs. It is necessary to revive and preserve the traditions of their small homeland, their people, where we were born.

The culture of the Kuban Cossacks exists in the system of the integral culture of mankind, but this global internally dialectically contradictory, and the interaction between individual elements demonstrates both the universal connection of phenomena. Culture cannot be considered to have formed completely independently, and moments of tension associated with the differences between individual cultural norms, values, religions of each nation.

The traditional culture of the Kuban Cossacks is rich and complex. In many ways, rituals and customs are associated with both Orthodoxy and the military way of life.

Key words: traditions, customs, culture, Cossacks, farmstead, education, embroidery, ceremonies.

* © Мальцева Л.В., 2025.

Кубанское казачество (вышивка на Кубани)

Орнамент вышивок – это удивительный рассказ о верованиях наших предков. Геометрические фигуры, из которых складываются простейшие узоры, несли когда-то большую смысловую нагрузку, олицетворяя силы природы, являясь охранными знаками. Вышивка о многом может нам рассказать. По древним народным представлениям – мир состоит из четырех стихий: «Водицы», «Царя – Огня», «Матери – сырой Земли», «Воздуха – Господина». Вода родственна земле и является ее составной частью.

Как много, может рассказать человеку орнамент – это язык тысячелетий: каждый знак включает целое понятие, а несколько символов, стоящих в ряд, словно фраза в письме [2].

Как известно, орнамент – это узор, построенный на ритмическом чередовании элементов. Но не каждый узор можно назвать орнаментом. Узор, в котором отсутствует последовательное повторение одинаковых элементов, таковым не является. Орнаменты бывают: 1) геометрический, который создается при помощи закономерного повторения (линейного) мотива; 2) растительный – это упорядоченное, ритмичное изображение растительного мотива; 3) зооморфный, в композицию которого входит хотя бы один ряд четко выраженных животных, птиц, насекомых; 4) антропоморфный – это последовательное повторение стилизованных фигур людей, которые ритмично чередуются с другими орнаментальными

Геометрический.

Растительный.

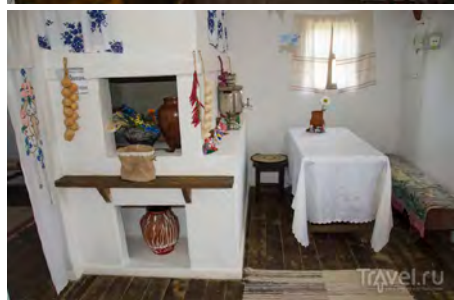
мотивами.

Одно из первых мест в обрядовой и бытовой культуре казачества занимали вышитые и тканые полотенца – рушники. Еще в древности полотенце «набожник» играло особую культовую роль в жизни казаков. Полотенца вешали на священные деревья и иконы. По своим функциональным особенностям в системе ритуалов полотенца подразделяются на «утирач», «килковые», «подарковые» или «дарные», «божники», «церковные».

Обычно в доме казаков имелись не менее тридцати вышитых рушников. Часть из них входило в приданное невесты и готовилось девушкой до замужества. Это, прежде всего рушник для новобрачных – молодожены им пользовались первые дни. Два рушника готовились для будущих малышей: для мальчика – с геометрическим орнаментом, для девочки – с растительным. Большой семейный рушник для гостей вешался в прихожей. Для детей гостей, готовились маленькие белые полотенца с вышитыми цветами и птицами [3]. Декоративные полотенца, предназначавшиеся для убранства интерьера, изготавливали из лучшего конопляного и льняного отбельного полотна, и хлопка. Длина полотенца была от 2 до 4 метров, ширина 36 – 40 см, реже их делали более узкими 25 – 35 см [3].

Одно из первых мест в быту у казаков занимали вышитые и тканые полотенца – рушники. Вышитые полотенца играли большую роль в обрядах дарения, особенно в свадебной обрядности. Свадьба – сложный и длительный обряд, со своими строгими правилами. В старину свадьба никогда не была показом материального богатства родителей жениха и невесты.

Прежде всего, она была государственным, духовным и нравственным актом, важным событием в жизни станицы. Строго соблюдался запрет устраивать свадьбы в посты. Самым предпочтительным временем года

Убранство хаты казака.

Зооморфный Антропоморфный.

для свадеб считались осень и зима, когда не было полевых работ и, к тому же, это время хозяйственного достатка после уборки урожая.

Приход осени на Кубани знаменовал наступление свадебной поры. Непременным атрибутом всех предсвадебных и свадебных обрядов с давних пор и до сегодняшнего дня выступает вышитый рушник. Каждая девушка, готовясь к будущему замужеству, с юных лет вышивала свадебные рушники. На рушнике подавали хлеб, «молодым», рушником связывали руки.

И вот наступала пора свадьбы. В некоторых станицах, во время свадебного обряда использовалось до 20-ти видов рушников. Рушники использовались не только для обрядового действия, а и для того, чтобы продемонстрировать умение и трудолюбие невесты. Рушники «сватовские». Родня жениха вышивала петухов или павлинов с намеком на красоту, и стать парня, дубовые листья с желудями – это богатство и крепость семьи. Если невеста принимала предложение свата, то перевязывала еще сильнее его своим рушником, где тоже ничего не было случайным, все со смыслом. К тому времени в сундуке каждой девушки было два рушника с вышитыми птицами. На одном из них птицы, как правило, голуби, смотрели друг на дружку. Такой рушник девушка вручала парню, если соглашалась выйти за него замуж. В случае же отказа, вместе с тыквой неудачнику вручали рушник, на котором птицы смотрели в противоположные стороны.

На протяжении всех этапов свадебного ритуала полотенце использовалось в качестве подарка, а также как знак участников свадьбы. Рушник, на который жених и невеста становились ногами в храм, ни в коем случае не должен был включать в себя орнаментов из цветов или птиц. Цветы и птицы символизируют основные семейные ценности – совместную жизнь, любовь, детей, поэтому под ноги их не клали. На этом рушнике вышивали растительный орнамент. Наиболее характерными были калина, виноград, дубовый лист и желуди. Иногда растительный орнамент заменяли геометрическим, характерным для того или иного региона. Главное требование

Свадебный рушник.

к полотенцу, которое использовали в этом ритуале – непрерывность орнамента из конца в конец рушника, чтобы не прерывалась жизненная дорога молодой семьи. Рушник служил поясом невесте во время венчания. Перед выходом в церковь невесте давали в руки полотенце и икону. Рушник «Подножником», который расстилали в церкви под ногами вступающих в брак молодожены, под него клали медную монету. После церемонии венчания рушник «Подножник» и деньги оставались в пользу церкви. Рушники служили знаком костюма друзей, а также сватов.

Казачки вышивали рушники, которыми украшались иконы невесты. Рушники были разными для невесты и жениха. Общим элементом на орнаментах свадебных рушников были цветы лилии, которая символизировала собой продолжение рода, виноградная лоза с гроздьями, которые символизировали благосостояние в доме невесты. Вышивали калину, которая символизировала женское начало. Для жениха на рушнике вышивались дубовые листья и желуди, которые означали стабильность и мужскую руку в доме, силу и здоровье.

На свадьбу в станицах пекли каравай и для них вышивали рушник, он был наиболее ярким и содержательным, для него практически не существовало таких ограничений, как для предыдущих двух, скорее, наоборот. На нем были цветочные композиции: цветы лилии и розы в объединении

Рушники под каравай.

одна с другой или отдельно. Были и другие цветы. Кроме того, на «каравайном» рушнике вышивали птичьи пары. Чаще всего на свадебных рушниках вышивались пары голубей, которые символизируют любовь и согласие; лебедей, как знак верности молодых друг другу; ласточек, которые символизируют весну и любовь. Кроме того, на этом рушнике вышивались свадебные обручальные кольца и надписи-пожелания.

По обычаю был рушник, которым свя-

зывали руки молодым. Он объединял в себе элементы из рушников, которые вышивались на иконы. Также на нем могли присутствовать элементы, характерные для каравайного рушника, вышивались обручальные кольца и надписи. Вышивая рушник с обручальными кольцами, важно помнить, что они должны быть до конца сомкнутыми.

В наиболее богато орнаментированных, в основном свадебных, рушниках низ декорировался зубчато-подобными или кистеподобными элементами, чем достигалась не только иллюзия утяжеленного низа, но и ощущение праздничной торжественности.

Жизнь и служба в приграничной полосе протекала в постоянной опасности со стороны соседей, что вызывало необходимость быть всегда готовыми к отражению нападения неприятеля. Поэтому казак должен быть храбр, силен, ловок, вынослив, хорошо владеть холодным и огнестрельным оружием. Примерно за день до назначенной даты проводов, утром казаки съезжались на своих лошадях в центр станицы к храму. Возле храма проводился молебен, на котором присутствовало большинство жителей станицы, родители и родственники новобранцев, атаман и станичное правление [2].

Молодые девушки и парни в доме казака пели, танцевали, играли, а затем все садились за стол. Уже за столом крестная мать перевязывала новобранца крест-накрест рушником. Девушки прикалывали булавками платочки, цветы к черкеске на груди казака, либо перевязывали ему руки.

Важным этапом считался выход со двора. Казак должен был выйти только через ворота, при этом некоторые информаторы отмечают, что на воротах простилали рушник [3]. Первым выходил казак, затем в последовательности: родители, жена, ведя коня, гости. Неженатому казаку коня могли выводить и невестка, сестра, младший брат, или мать.

Возрождая многовековые традиции, культуру, обычаи кубанских казаков, где имеются уникальные условия для формирования и изучения национального потенциала. Они помогают и продолжают формировать у молодежи Кубани нравственно-эстетического отношения к жизни. Необходимо пропагандировать и прививать культуру, традиции, обычаи. Все силы направить на укрепление традиций в семье. Во все времена именно семья играла самую важную роль в сохранении и передаче традиций. Непременнo в каждой семье есть свои семейные реликвии, которые передаются из поколения в поколение. Нужно устраивать праздники с их главными ритуалами, обрядами как способами передачи традиций. Не забывать своих предков, которые помогают нам сохранять и передавать память о традиционной культуре, обычаях.

Библиографический список

1. Бакланова Т.И. Педагогика народного художественного творчества. Учебник. – Москва:

- Планета музыки, 2016.
2. Вакуленко Е.Г. Народная культура Кубанский казаков. – Краснодар: Традиция, 2014.
3. Гангур Н.А. Орнаменты народной вышивки славянского населения Кубани. Краснодар: Советская Кубань, 1999.
4. История Кубани / Под. ред. Куб. ГУ Щетнева В.Е. – Краснодар: Кубанское книжное издательство, 2004.
5. КФЭЭ-1997. А/К № 1337. Краснодарский край, Курганинский район, ст. Родниковская. Инф-нт: фольклорный коллектив.
6. Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция (далее КФЭЭ)-1995. Аудиокассета (далее А/К) №812. Краснодарский край, Северский район, ст. Калужская. Информант (далее инф-нт): Павленко И.С. (1907 г.р.)
7. Мальцева Л.В. Кубановедение на уроках изобразительного искусства в общеобразовательной школе. – Краснодар: Традиция, 2010.
8. Мальцева Л.В. Развитие художественно-творческих способностей школьников средствами изобразительного искусства (на материале этнохудожественной культуры Краснодарского края). Краснодар: Экоинвест, 2009.

References

1. Baklanova T.I. Pedagogy of folk art. Textbook. – Moscow: Planet of music, 2016.
2. Vakulenko E.G. Folk culture of the Kuban Cossacks. – Krasnodar: Tra-ditsiya, 2014.
3. Gangur N.A. Ornaments of folk embroidery of the Slavic population of Kuban. Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1999.
4. History of Kuban / Ed. Kuban State University Shchetnev V.E. – Krasnodar: Kuban Book Publishing House, 2004.
5. KFEE-1997. A/K No. 1337. Krasnodar Territory, Kurganinsky District, Rodnikovskaya station. Inf-nt: folklore group.
6. Kuban folklore and ethnographic expedition (hereinafter KFEE)-1995. Audio cassette (hereinafter A/C) No. 812. Krasnodar region, Seversky district, Kaluzhskaya station. Informant (hereinafter inf-nt): Pavlenko I.S. (born in 1907)
7. Maltseva L.V. Kuban studies in fine arts lessons in comprehensive schools. – Krasnodar: Traditsiya, 2010.
8. Maltseva L.V. Development of artistic and creative abilities of schoolchildren by means of fine arts (based on the ethno-artistic culture of Krasnodar region). Krasnodar: Ecoinvest, 2009.

Личак Н.А.

Доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль.

Личак Д.А.

Кандидат технических наук, заведующий кафедрой. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ярославский государственный университет имени К.Д. Ушинского, г. Ярославль.

Создание культурного пространства национального парка Мали*

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования культурного пространства Национального парка Мали с целью сохранения природного и историко-культурного наследия, а также развития экотуризма. Рассматриваются ключевые аспекты создания инфраструктуры, включающей музеи, экологические тропы, информационные центры и зоны для традиционных ремесел. Особое внимание уделяется вовлечению местного населения в процесс благоустройства парка, что способствует повышению уровня жизни и сохранению этнокультурных традиций. Авторы анализируют успешные практики национальных парков. В статье также обсуждаются возможные экономические и социальные эффекты от реализации проекта, такие как рост туристической привлекательности региона и создание новых рабочих мест. Появившаяся территория парка представляет собой большой полукруглый каньон с охраняемым лесным заповедником. Он спроектирован таким образом, чтобы предложить широкие открытые пространства для проведения досуга и образовательных мероприятий для широкой публики, школьных групп и туристов. В парке спроектировано много открытых газонов, цветников. Результаты могут быть полезны культурологам, экологам, администрациям городов и организаторам туристической деятельности.

Ключевые слова: Мали, национальный парк, культурное пространство, экотуризм, сохранение наследия, местное сообщество.

Lichak N.A.

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl.

Lichak D.A.

Candidate of Technical Sciences, Head of the Department. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Yaroslavl State University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl.

* © Личак Н.А., Личак Д.А., 2025.

Создание культурного пространства национального парка Мали

Creation of the national park of Mali as a cultural space

Abstract. The article is devoted to the formation of the cultural space of the National Park of Mali in order to preserve the natural and historical and cultural heritage, as well as the development of ecotourism. The key aspects of creating an infrastructure, including museums, ecological trails, information centers and areas for traditional crafts, are considered. Special attention is paid to the involvement of the local population in the process of improving the park, which contributes to improving living standards and preserving ethnic and cultural traditions. The authors analyze successful practices of national parks. The article also discusses the possible economic and social effects of the project, such as the increased tourist attractiveness of the region and the creation of new jobs. The newly created territory of the park is a large semicircular canyon with a protected forest reserve. It is designed to offer wide open spaces for leisure and educational activities for the general public, school groups and tourists. There are many open lawns and flower beds designed in the park. The results can be useful to cultural scientists, environmentalists, city administrations and organizers of tourism activities.

Key words: Mali, national park, cultural space, ecotourism, heritage conservation, local community.

Введение. История человечества начиналась в Африке. На протяжении тысячелетий на данной территории рождались крупные цивилизации и могущественные державы. Республика Мали, расположенная в Западной Африке, является страной с богатой историей, культурой и архитектурным наследием. Рассматриваемое государство гордится большим количеством интересных мест, которые возвеличивают его значение в регионе и мире - от древних мечетей до потрясающих природных ландшафтов.

Мали было основано как торговое государство с централизованной властью. С помощью арабских хроник XI-XIV вв. и из устного народного творчества можно узнать об истории проживавших на территории государства этносов, кланов. В доисламский период на данной территории основываются крупные города и городские поселения со множеством жителей. В полисах процветало каменное строительство, а в богатых домах появляются остекленные окна. Города превращались в большие культурные центры, а в университетах собирались огромные библиотеки, число студентов приближалось к десяткам тысяч.

Вторая половина XX в. явилась одним из наиболее трудных и важных периодов в истории Мали. В 1960 г. была образована независимая Республика Мали, что дало новый толчок развитию городов данной страны, но также обострило уже имевшиеся в них проблемы и создало новые [1, с. 72].

Большинство городов Республики Мали не велики. Среди них особо стоит выделить Дженне и Томбукту. Численность жителей Дженне составляет 12 152 человека, а численность жителей Томбукту — 31 962 человека. Во второй половине XX в. им были свойственны все характерные для небольших городов проблемы – низкий уровень развития промышленности,

безработица, отток населения, его малограмотность, недостаток квалифицированных кадров, антисанитария, нехватка финансов, засуха, голод.

Мопти — самый яркий пример средних по величине городов Мали. Он имел свои особенности вследствие расположения в точке слияния рек Нигер и Бани, из-за чего в период полноводья превращался в три острова, соединенных между собой дамбами. Это обостряло проблемы, указанные выше [2].

Крупнейший город — столица Мали Бамако насчитывает более 600 тысяч жителей. Перед ним стояли те же проблемы, что и перед Дженне и Томбукту, хотя были и специфические — такие, как слишком большой приток населения и нехватка жилья.

В последние годы население Бамако, столицы Республики Мали, возросло и превысило миллион человек, что привело к росту спроса на жилье и общественные объекты. В ходе развития городской территории предполагалось сделать акцент на создание парковых пространств.

Истории отечественной архитектуры в Республике Мали уделяется достаточно большое внимание; она осознаётся как важнейшая часть национального культурного наследия. По мере возможности, публикуются исследования памятников традиционной архитектуры (во франкоязычной литературе используется термин *l'architecture vernaculaire*, т.е. «народная архитектура»); в г. Мопти действует Центр земляной архитектуры, финансируемый фондом Ага Хана. Опираясь на исследования по архитектуре Мали, специалисты отмечают иллюстрированную монографию В. Шийнса «Народная архитектура догонов в Мали. Типологическая эволюция и будущее всемирного наследия» [3, с. 70], до сих пор остающуюся наиболее обстоятельным трудом, посвящённым архитектуре этого народа. Однако и монография В. Шийнса страдает тем же недостатком, что и остальная посвящённая догонам литература — в ней описываются только те памятники, что входят в охранную зону ЮНЕСКО.

Ухудшение условий проживания в современном городе связано с уплотнением городской застройки и различными видами загрязнений, сверхвысокой концентрацией в воздухе канцерогенных соединений серы, азота, пыли, тяжёлых металлов, электромагнитным, радиоактивным, визуальным, тепловым загрязнениями, вибрацией, шумом, уничтожением зелёных насаждений, возникновением стихийных свалок и прочего [4, с. 19]. Всё это провоцирует возникновение стрессовых ситуаций, ухудшает условия проживания в городе и определяет необходимость поиска резервов повышения уровня комфортности и озеленения городской застройки.

Актуальной становится проблема организации новых городских парков, а также сохранения и переустройства старых.

Тренды в развитии культурных пространств. Город можно рассматривать как живой организм, поэтому он подвержен многочисленным

внутренним и внешним изменениям. С развитием урбанистики как науки городские власти всё больше стараются влиять на такие процессы, давая стимул к развитию или предотвращая упадок [5]. Один из инструментов воздействия - это открытое городское пространство и, в частности, городской парк [6, с. 73]. Данная территория необходима обычно для обеспечения культурного отдыха посетителей.

Люди приходят в парки, чтобы погулять на свежем воздухе, поучаствовать в массовых празднествах, заняться спортом, пообщаться в кафе или ресторане. Зелёные насаждения и ухоженные водоёмы также способствуют улучшению качества воздуха и созданию качественной экосистемы в городе. Создание парковых пространств служат локациями для встреч друзей, семейных прогулок, проведения праздников. Кроме того, парки способствуют повышению качества жизни и помогают жителям поближе узнать друг друга в безопасной обстановке.

Перечислим некоторые современные мировые тренды развития рекреационных парковых территорий [7, с. 2]:

- Экологичность и устойчивость материалов. Специалисты используют переработанный и возобновляемый материалы, что способствует снижению углеродного следа объектов благоустройства.

- Цифровизация и «умные» системы. В парках всё чаще внедряются сенсорные системы, автоматизированное освещение и информационные панели. Данные технологические новшества позволяют жителям получать оперативные сведения о событиях, погодных условиях и состоянии оборудования.

- Безопасность, инклюзивность и адаптивность пространства. Объекты проектируются таким образом, чтобы каждый мог чувствовать себя комфортно - маленькие дети и пожилые люди, а также граждане с ограниченными возможностями.

- Эстетика, искусство и уникальность парковых инсталляций. Художественные инсталляции, топиарные и резиновые фигуры, скульптуры и декоративные элементы позволяют создавать индивидуальный облик каждой территории.

- Модульность и многофункциональность объектов. Комплексное решение, объединяющее элементы для детских игр, спортивные площадки и зоны для отдыха, становится оптимальным выбором для современных парков.

Классификация городских парков очень достаточно широкая. Каждый тип имеет свои особенности и предназначение. Однако современные реалии диктуют необходимость совмещать различные функции и делать парки зачастую огромными и многофункциональными комплексами. Следует отметить, что почти всегда городские парки являются муниципальной собственностью и содержатся полностью за счет городского бюджета. Су-

ществуют многофункциональные городские парки для массового отдыха всех возрастных групп, в основном они предназначены для пешеходов.

Национальный парк Мали: особенности культурного, архитектурного и природного ландшафта. Национальный парк Мали, расположенный в одноимённой африканской стране, представляет собой уникальный симбиоз природного ландшафта и архитектурного наследия. В отличие от многих других заповедников, на данной территории архитектура играет ключевую роль, подчёркивая культурную идентичность региона и создавая гармоничное пространство для взаимодействия человека и природы. Национальный парк Бауле относится к всемирно известным памятникам культурного наследия и находится под охраной ЮНЕСКО. Примечательно, что на территории парка сохранились археологические памятники эпохи палеолита, что ещё больше подогревает интерес среди туристов.

Национальный парк Бамако площадью 103 гектара был построен в рамках более крупного охраняемого лесного заповедника площадью 2100 гектаров, который образует значительный зеленый пояс на преимущественно засушливой земле [8, с. 51].

В соответствии с условиями государственно-частного партнерства, правительство предложило Культурному фонду Ага Хана спроектировать развитие территории парка. Она представляет собой большой полукруглый каньон с охраняемым лесом, расположенным под террасами плато Кулуба, между Национальным музеем и комплексом Президентского дворца.

Культурный фонд ранее провёл реставрацию памятников архитектуры — глинобитных мечетей в Мопти, Томбукту и Дженне.

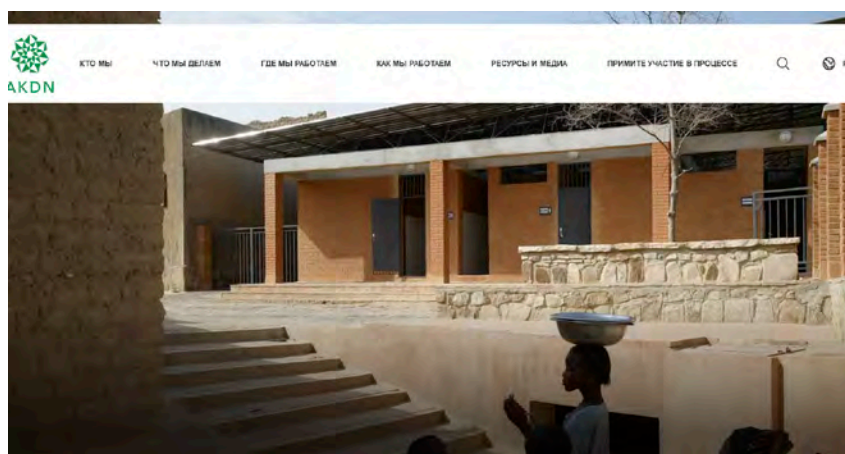

Рис. 1. Входная зона Национального парка Мали.

Источник: Составлено автором на основании [9].

Учитывая природные достопримечательности парка, его большие размеры и расположение рядом с Национальным музейным комплексом, парк был спроектирован таким образом, чтобы использовать большие открытые пространства для проведения досуга и образовательных мероприятий для широкой публики, школьных групп и туристов. Проектом было предусмотрено объединение территорий Национального музея и Ботанического сада и зоопарка в единый культурно-экологический парк с природными и культурными достопримечательностями, представляющий значительную ценность. Первый этап включал восстановление семнадцати гектаров открытых пространств и садов и строительство нескольких новых объектов [10, с. 27].

Парк имеет разветвленную по всей территории пешеходную сеть. Локации для фитнеса, бега трусцой, езды на велосипеде и альпинизма различной сложности, а также разнообразные маршруты для ознакомления с ботаникой, птицами и природой привлекают посетителей. Амфитеатр предназначен для образовательных программ и театральных постановок. Архитекторами оформлен центральный вход (см. рисунок 1), молодежно-спортивный центр, ресторан (см. рисунок 2), общественные туалеты и несколько киосков.

В садовых зонах представлена местная флора в различных вариантах - от открытых газонов до цветников, лесистых зон и лечебного сада [11, с. 20]. Установка указателей и стендов с пояснениями, а также экскурсии

Рис. 2. Расположение и архитектура ресторана.
Источник: Составлено автором на основании [9].

квалифицированных гидов предоставят посетителям новые возможности.

Примечательно расположение и архитектура ресторана. Он находится на вершине скалы, на разных уровнях высоты. Здание разделено на четыре куба, которые выполняют различные функции. При проектировании ставилась задача обеспечить захватывающий вид на парк и близлежащее озеро [12, с. 80]. Спортивный центр выдержан в том же архитектурном стиле. Он состоит из трех павильонов, расположенных вокруг игровой площадки в форме эллипса. Здания построены таким образом, что они создают естественную тень для игровой площадки, а также для внутренних зон отдыха. Внутреннее и внешнее пространства гармонично соединены.

Все здания снаружи облицованы натуральным камнем, использование которого подчеркивает местную самобытность и экономит затраты на строительство. Наружные каменные стены обеспечивают естественную изоляцию и акклиматизацию внутренних пространств (см. рисунок 3). Большие нависающие крыши затеняют фасады и создают приятный микроклимат внутри. Тем самым архитекторы при планировании парка уделили особое внимание устойчивому развитию. В помещениях, таких как обеденный зал ресторана, предусмотрена система кондиционирования воздуха. Вместе с тем используется и пассивное охлаждение – здания спроектированы так, чтобы минимизировать использование кондиционеров за счёт естественной вентиляции. Часть энергии парк получает от возобновляемых источников, используя солнечные панели. Дождевая вода собирается и используется для полива растений через водосборную систему.

До XX столетия на территории Национального парка было большое

Рис. 3. Архитектурные объекты на территории парка.

Источник: Составлено автором на основании [9].

разнообразие животных. Из-за браконьеров животный мир парка существенно пострадал, специалисты и на современном этапе работают над его восстановлением. На данном пространстве сейчас обитают львы, жирафы, дикие быки, слоны, аллигаторы, антилопы, газели и гиппопотамы. Скудная фауна стала причиной того, что в Национальном парке почти не развит туризм. Даже экологический туризм не пользуется спросом, ведь туристам интересна, прежде всего, фауна Африки. Туристическая инфраструктура здесь была создана, но она используется мало. Несмотря на это, сафари в парке проводятся нередко.

Основные результаты. В городах Республики Мали во второй половине XX в. было много проблем – низкий уровень развития экономики городов, засуха, голод и антисанитария, малограмотность населения, нехватка квалифицированных кадров, безработица. Города развивались медленно, испытывая большие сложности, что не могло не сказаться на их внешнем облике улиц и жизни городского населения.

Бамако – столица Мали – быстро увеличивающийся территориально город богат большими территориями лесов и парков, что дает возможность сохранить достаточное количество зеленых насаждений. В парке растет много лимонных деревьев, папайи, манго. Великолепны зеленые массивы ботанического и зоологического садов, где собрана флора и фауна тропической Африки.

Местные органы власти подключились к процессу сохранения зеленых насаждений в городе. Кроме того, большое значение придавалось африканской архитектуре и культурному пространству. Работа заключалась в благоустройстве общественных зон в интересах жителей города. Архитектура парка вдохновлена традиционными строительными техниками народов Мали, такими как использование глиняного кирпича (банко), деревянных балок и соломенных крыш. Эти материалы не только экологичны, но и идеально вписываются в окружающую среду, создавая ощущение единства с природой.

Одним из ярких примеров является **центр для посетителей**, выполненный в стиле суданской архитектуры с характерными высокими глиняными стенами, узкими окнами и террасами, защищающими от палящего солнца. Формы зданий напоминают древние сооружения Тимбукту и Дженне, внесённые в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Архитектура парка – это не просто функциональные постройки, а часть культурного ландшафта. Она рассказывает историю народа, его связь с землей и уважение к природе. Посетители могут не только наслаждаться пейзажами, но и ощутить дух Мали через ее архитектурное наследие. Таким образом, Национальный парк Мали демонстрирует, как современная архитектура может сохранять традиции, оставаясь экологичной и эстетически выразительной. Национальный парк Бамако в Мали является

примером эффективного государственно-частного партнерства, которое позволило создать благоприятную зеленую зону для жителей города и туристов. Специалисты обустроили городской парк и зоопарк в Бамако, создав места для досуга и получения новых знаний.

Библиографический список

1. Забытая история Африки // Знание - сила. 2019. № 12. С. 72.
2. Revisit: National Park of Mali by Kéré Architecture // URL: <https://www.architectural-review.com/buildings/revisit-national-park-of-mali-by-kere-architecture>
3. Стыцук Р.Ю. Мировые тренды создания рекреационных парковых территорий // Экономика. Бизнес. Банки. 2019. № 5 (31). С. 69-77.
4. Aegyptiaca Rossica (Выпуск 4): сб. ст. / под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 470 с.
5. Токбаул Д.Д. Социально-экономическая значимость городских парков / Д.Д. Токбаул, Ж.Н. Алиева // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 3-2 (109). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-znachimost-gorodskih-parkov> (Дата обращения: 27.04.2025).
6. Личак Н.А. Концепция «города-сада»: утопия, воплощенная в строительстве социалистического Ярославля / Н.А. Личак, Д.А. Личак // Умные композиты в строительстве. 2022. № 1. С. 73-81.
7. Большакова Д. Магия Африки // Мир музея. 2023. № 6. С. 2-5.
8. Лавреньева Н. Под горячим солнцем Африки // Мир музея. 2018. № 4. С. 50-52.
9. National Park of Mali // URL: <https://www.kerearchitecture.com/work/building/national-park-of-mali>
10. Ванюкова Д.В. Тропические королевства // Мир музея. 2023. № 6. С. 32-34.
11. Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / Составитель Степугина Т.В. – М.: Наука, 1996. 286 с.
12. Новиков С.С. История Мали в новое и новейшее время / С.С. Новиков, Д.П. Урсу. – М.: Наука, 1994. 288 с.

References

1. The Forgotten History of Africa // Knowledge is Power. 2019. № 12. P. 72.
2. Revisit: National Park of Mali by Kéré Architecture // URL: <https://www.architectural-review.com/buildings/revisit-national-park-of-mali-by-kere-architecture>
3. Stytsyuk R.Yu. World trends in the creation of recreational park areas // Economy. Business. Banks. 2019. № 5 (31). P. 69-77.
4. Aegyptiaca Rossica (Issue 4): collection of articles / edited by M.A. Chegodaev, N.V. Lavrentyeva. – M.: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2016. 470 p.
5. Tokbaul D.D. Socio-economic importance of urban parks / D.D. Tokbaul, Zh.N. Aliyeva // Economy and business: theory and practice. 2024. № 3-2 (109). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-znachimost-gorodskih-parkov> (04.27.2025).
6. Lichak N.A. The concept of a "garden city": a utopia embodied in the construction of socialist Yaroslavl / N.A. Lichak, D.A. Lichak // Smart composites in construction. 2022. № 1. P. 73-81.
7. Bolshakova D. The magic of Africa // World of the museum. 2023. № 6. P. 2-5.
8. Lavrenyeva N. Under the hot sun of Africa // World of the Museum. 2018. № 4. P. 50-52.
9. National Park of Mali // URL: <https://www.kerearchitecture.com/work/building/national-park-of-mali>
10. Vanyukova D.V. Tropical kingdoms // World of the Museum. 2023. № 6. P. 32-34.
11. City and art: subjects of socio-cultural dialogue / Compiled by Stepugina T.V. – M.: Nauka, 1996. 286 p.
12. Novikov S.S. History of Mali in modern and contemporary times / S.S. Novikov, D.P. Ursu. – M.: Nauka, 1994. 288 p.

Божбин В.А.

Исполняющий обязанности заведующего кафедрой экранных искусств Московского университета «Синергия», аспирант/прикрепленное лицо кафедры культурологии Московского государственного института культуры.

Качественная трансформация художественного осмысления реальности в современных телевизионных шоу-программах*

Аннотация. Статья посвящена поиску инструментов выхода из духовно-мировоззренческого кризиса, порожденного мировым усилением канонической массовой культуры. Автор указывает на то, что в результате отсутствия целенаправленной культурной политики к 2010-м годам Россия полностью слилась с транснациональной потребительской моделью образа жизни, исключающей восприятие широкими массами образцов самодостаточной в ценностно-смысловом отношении культуры. Учитывая это, автор считает обоснованным издание в 2014 г. Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной культурной политики», обеспечивающего правовую защиту культурным преобразованиям, направленным на качественное повышение духовного и интеллектуального уровня массовой культуры. Такая трансформация по сути приводит к новой парадигме понимания сущности масскульта: культура массовая по распространению благодаря телевидению и электронным медиа, но не массовая по своему художественному уровню, рассчитанному на усредненного неподготовленного реципиента. Далее автор анализирует промежуточные результаты осуществления государственной культурной политики на примере шоу-программ, являющихся частью сетки вещания 29 телеканалов базового бесплатного пакета Московского региона. Божбин В.А. подчеркивает, что выбор шоу-программ в качестве объекта исследования не случаен, а мотивирован результатами анкетирования студентов (2023 г.). Анкетирование показало, что шоу-программы являются самым востребованным жанром у молодежи, а значит, могут стать «отправной точкой» повышения художественно-эстетических запросов этой самой важной, формирующей будущее социальной группы. В заключительной части автор выделяет следующие недоработки в ходе реализации положений Указа: наблюдается значительное преобладание развлекательных шоу-программ над культурно-познавательными, выявлен недостаток научных шоу, а также общественно-публицистических для подростков и семей с детьми, отмечено отношение руководителей медиа-структур к программам об элитарной культуре и для детей младшего возраста как к «нишевому» продукту. К положительным сдвигам отнесены: рост внимания к освещению культурно-социального сотрудничества с дружественными странами, трансформация ряда «формульных» программ в персонифицированные и содержательные, а также появление реалити-шоу формата профессионального психолого-педагогического и медицинского консультирования для решения значимых семейно-детских проблем.

Ключевые слова: массовая культура, потребление, духовный кризис, телевидение, шоу-программа, указ, культурная политика, художественный уровень.

* © Божбин В.А., 2025.

Качественная трансформация художественного осмысления реальности в современных телевизионных шоу-программах

Bozbin V.A.

Duty holder of the department of screen arts at the Moscow University of Finance and Industry «Synergy», student/attached person, department of cultural studies, Moscow State Institute of Culture and Arts.

Substantive transformation of artistic comprehension of reality in modern television show-programmes

Abstract. The article is devoted to the search for tools to output the spiritual-worldview crisis caused by the global dominance of canonical mass culture. The author points out that, as a result of the lack of purposeful cultural policy, by the 2010s Russia has completely merged with the transnational consumer lifestyle model, which excludes the perception of the masses of samples of self-sufficient culture in its value-semantic meaning. With this in mind, the author considers it justified to issue in 2014 the Decree of the President of the Russian Federation «On the statement of the Bases of the state cultural policy», which provides juridical protection to cultural transformations aimed at qualitative improvement of the spiritual and intellectual level of mass culture. This transformation essentially leads to a new paradigm of understanding the essence of mass culture: mass culture by distribution through television and electronic media, but not by its artistic level intended for the average unprepared recipient. Further, the author analyses the intermediate results of the implementation of the state cultural policy on the example of show-programmes being part of the broadcasting grid of 29 TV channels of the basic free package of the Moscow region. V.A. Bozbin stresses that the choice of show-programmes as an object of research is not accidental, but motivated by the results of a questionnaire survey of students (2023). The questionnaire showed that show-programmes are the most demanded genre among young people, which means that they can become a «starting point» of increasing the artistic and aesthetic demands of this most important, future-shaping social group. In the final part, the author identifies the following flaws in the course of the execution of the Decree's articles: there is observed a significant predominance of entertainment show-programmes over cultural, a lack of scientific and socio-publicist shows for teenagers and families with children is revealed, and the attitude of media executives to elitist culture programmes and programmes for young children as a «niche product» is noted. Positive changes include: increased attention to coverage of cultural and social partnership with friendly countries, the transformation of a number of «formulary» programmes into personalised and meaningful ones, and the emergence of reality-shows in the format of professional psychological, pedagogical and medical consulting to solve significant family and children's problems.

Key words: mass culture, consumption, spiritual crisis, television, show-programme, decree, cultural policy, artistic level.

Введение

После распада СССР в новой России была окончательно свернута государственная культурная политика, фрагментарная свобода перестройки сменилась безусловной волей эпохи становления капитализма [4, с. 20]. В итоге к 2010-м годам отечественная массовая культура пришла в кондиционное состояние совокупности субкультур, отличающихся эстетически, но сущностно абсолютно идентичных и соответствующих американской мар-

кетинговой модели. Указанная модель порождена структурой производственного цикла транснациональных корпораций¹ и направлена на воспитание унифицированного индивида-потребителя. Ее засилье естественно и неотвратимо в условиях духовно-мировоззренческого вакуума, так как единственным прибежищем потерявшего самобытную ценностно-культурную основу становится удовлетворение своих первичных инстинктов с помощью бесконечной погони за постоянно обновляемыми внешними атрибутами «счастья». Видимые отличительные черты субкультур являются проявлением системообразующего маркетингового приема корпораций – представление комплекта аксессуаров и совокупности поведенческих реакций как подтверждения исключительной «оригинальности» и «свободы» их обладателя [10, с. 9].

Подобное положение заведомо деструктивно по отношению к национальным интересам России, поскольку исключает работу с более сложными по когнитивно-эмоциональному воздействию на личность формами² [7, с. 63], например, с художественными образами, направленными на патриотическое воспитание, на формирование ценностей гуманизма, просвещения и традиционной семьи. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики» ставит своей задачей вернуть ответственное отношение к культуре как к важнейшему фактору социального развития и выделяет в качестве одной из основополагающих целей «создание условий для развития национального сектора массовой культуры, повышения эстетического качества культурных продуктов, относящихся к массовой культуре, вовлечения массовой культуры в процесс реализации государственной культурной политики» [6, ст. VI]. Стремление повысить художественно-эстетический уровень масскульты равноценно призыву ликвидировать его, поскольку предельная простота как необходимое условие всеобщей доступности массовой культуры несовместима с выразительными средствами, выходящими за рамки ее традиционных клишированных приемов. Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель фактически декларирует переход к новой парадигме понимания массовой культуры: культура массовая по уровню распространения (в том числе, благодаря современным медиа-ресурсам)³, а не по при-

1 Транснациональные корпорации владеют производствами во многих странах мира, оказывая влияние таким образом влияние на определенную экономико-культурную сферу в международном масштабе.

2 Усложнение внутреннего бытия героев, смещение к эстетике «неопределенного многообразия» жизни, попытки поиска выхода из конфликта актуальных социокультурных процессов неминуемо преобразуют произведение искусства в немассовый, дискуссионный, смыслообразующий художественный текст.

3 Текст Указа свидетельствует об осознании законодателем невозможности и нецелесообразности смещения медиа с позиции основного распространителя культуры, а ее массовость в значении широты охватываемой аудитории рассматривается как благо, поскольку

знаку примитивных эстетико-семантических свойств.

Цель и задачи

В настоящее время всеобщей доступности интернета телевидение сда-ло значительную часть своих позиций господствующего источника ин-формации и культуры, однако, по-прежнему заслуживает ответственного отношения в силу традиционного для нашей страны восприятия телеви-зионного контента как механизма трансляции официально одобряемой социальной нормы⁴. Вашему вниманию предлагается исследование про-межуточных результатов выполнения задач, поставленных в Указе Пре-зидента «Об утверждении Основ государственной культурной политики», на примере шоу-программ⁵. В рамках исследования был проведен обзор 29 каналов, входящих в базовый, доступный любому пользователю без ка-кой-либо дополнительной платы или оборудования пакет Московского региона, что делает статью практически значимой и пригодной в качестве вспомогательного материала для деятельности по дальнейшему совершен-ствованию национального сектора массовой культуры.

Результаты исследования (основная часть)

Анализ базового пакета Московского региона, проведенный на основе бесплатно распространяемой через стойки в общественных местах газе-ты «Телепрограмма» (Специализированное приложение к газете «Ком-сомольская правда») показал следующую структуру количества и жанров телевизионных шоу-программ: 96 культурно-познавательных (35%); 156 развлекательных (56%); 26 общественно-политических (9%) [9, с. 12-25].

В категорию «культурно-познавательные» входят:

1) 12 «трэвел-шоу» разной направленности от путешествий по райо-нам столицы до углубленного изучения одной страны дальнего зарубежья («Турецкая тетрадь» с В.В.Познером, в которой исследуется история, теку-щее общественное устройство и перспективы Турецкой Республики, Пер-вый канал);

2) 13 – интервью с известными деятелями культуры и искусства;

инкультурированные граждане есть неизменная первооснова любого устойчивого, способного к поступательному развитию общества.

4 Основными федеральными телеканалами России (Первый канал, Россия 1, НТВ, Культура) владеют компании, контрольный пакет акций которых принадлежит государству. При этом этатизм является частью структуры мировоззрения, свойственной большинству россиян.

5 По данным исследования, проведенного в декабре 2023 г. методом тайного анкети-рования, наиболее востребованным жанром телепродукции среди студентов в возрасте от 16 до 26 лет являются шоу-программы, что делает возможным их использование для осущест-вления целенаправленного духовно-эстетического воздействия на молодежь с целью прео-доления культурного кризиса (см. [Божбин В.А. Актуализация традиционных ценностей и повышение художественного качества шоу-программ российского телевидения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2024. - № 5 (121) сен-тябрь-октябрь. – С. 38.]).

3) 22 шоу «полезной информации»: «телеклиники», программы для автомобилистов, дачников, о безопасном и выгодном поведении на потребительском рынке и т.п., среди которых лишь два о заботе о детях - «Мамы Пятницы» (канал «Пятница»), и «Родительское собрание» (канал «ОТР», выходит по четвергам в 17:15);

4) 4 «утренних шоу», представляющих собой информационный поток, включающий темы всех прочих видов шоу-программ;

5) 7 научных шоу;

6) 14 шоу об элитарной и фольклорной культуре и на общественно-значимые неполитические темы, из которых 10 – транслируются каналом «Культура», 3 – «Первым каналом» и 1 – каналом «Звезда»;

7) 24 шоу для детей: «Спокойной ночи, малыши!», «С добрым утром, малыши!», «Ералаш», «Навигатор. Новости» (идеи для познавательного досуга), «Все, что вы хотели знать, но боялись спросить» (познавательное шоу для детей младшего возраста), «Мастерская. Умелые ручки», «Студия «Каляки-Маляки», «Навигатор. У нас гости!» (интервью с талантливым ребенком младшего возраста), 2 кулинарных шоу, «Семья на ура!» (идеи для веселого досуга), «Это супер» (шоу «распаковок», экспериментов, соревнований, необычных вечеринок и т.п.), «Студия красоты» (девочкам создают разные образы), «У меня лапки» (советы по уходу за домашними питомцами), канал «Карусель»; «Дети рулят» (кулинарное шоу при совместном участии родителей и детей), канал «Суббота»; «Кондитер. Дети», канал «Пятница»; «Все по-взрослому» (обсуждаются игры, досуг, кулинария, хобби и т.п.), «Ректорат с А. Торкуновым» (широкий спектр вопросов о высшем образовании, выходит в 17:00 по вторникам), канал «ОТР»; «Мои университеты. Будущее за настоящим» (ведущие рассказывают о ВУЗах России), «Ты супер!» (международное музыкальное шоу для воспитанников детских домов), канал «НТВ»; «Большие и маленькие» (эксперты в студии обсуждают выступления детских хореографических коллективов), «Мы – грамотеи!» (викторина на знание русского языка для школьников), канал «Культура»; «Голос. Дети» (детский вокальный конкурс), «Умницы и умники» (гуманитарная олимпиада для старшеклассников), Первый канал.

В категорию «развлекательные»: 17 викторин, 14 кулинарных шоу, 37 реалити-шоу и 88 развлекательных, в большинстве которых элементы просвещения отсутствуют полностью.

Подобное представление сетки культурно-познавательных программ весьма репрезентативно и позволяет сделать ряд выводов о состоянии современного телевидения и системе мотиваций его руководителей. Первостепенным из них является не выполнение на практике вводной части Указа Президента «Об утверждении Основ государственной культурной политики», утверждающей культуру в качестве важнейшего национального приоритета [6, ст. I], и статьи V этого Указа, провозглашающей од-

ним из принципов государственной культурной политики формирование условий для развития детей на основе российских традиционных духовно-нравственных ценностей [6, ст. V, абз. 6]. В этом контексте необходимо отметить деструктивную тенденцию к обособлению таких важных жизненных сфер как детство и классическая культура на отдельных телеканалах (как видно из приведенных данных, за рамками канала «Карусель» существуют единичные программы для детей, при этом на канале «Россия 1» они отсутствуют полностью). С точки зрения маркетинговых технологий руководители медиа-холдингов приравнивают детские программы и программы о высокой культуре к контенту, созданному для четко разграничиваемой социальной группы, то есть, работают с ними как с нишевой продукцией, что формирует соответствующее отношение в массовом сознании. Просмотр детских передач или увлечение элитарной культурой стали восприниматься как субкультурные явления, а не органическая часть жизни. Безусловно, создание на современном телевидении тематических каналов, по сути представляющих собой замену устаревших периодических печатных изданий типа журналов «За рулем», «Рыболов» и т.п., является естественным и вполне безвредным мероприятием, однако, социальная причинно-следственная связь между центральными федеральными каналами, олицетворяющими «рупор» самого государства, и детской и культурной тематиками – это вопрос совсем иных сфер бытия и, соответственно, подходов к работе с ними. Так, федеральный телеканал «Культура» считает необходимым дублировать в своем эфире с понедельника по четверг включительно программу «Спокойной ночи, малыши!», несмотря на то, что она ежедневно выходит на канале «Карусель», потому что доктрина о любви к детям и осознание того, что через них мы формируем будущее, является частью элитарной созидательной культуры. Молодые люди, у которых пока нет детей, должны видеть, как ради них делаются перерывы в трансляциях программ для взрослых и неминуемо периодически «попадать» в красочный и очаровательный мир дошколят, а также наблюдать их удивительное преображение в подающих надежды талантливых подростков. То же касается классической культуры, которая должна быть воспринимается любым цивилизованным обществом как такая же неотъемлемая часть жизни как получение информации и отдых. В наши дни в официальных ключевых медиа типа «Российской газеты» можно прочитать статьи, посвященные юбилею канала «Культура», содержащие рассуждения о том, что он не имеет и близко объема аудитории «Первого канала» или «России 1», однако, это нормально, поскольку рейтинг – явление, абсолютно не соотносимое с культурой. При этом отмечается благодатность факта существования канала, где могут найти отдушину не только непосредственно занятые в культуре люди, но и простые любители. Вместо речи о культуре как о национальном приоритете

и инкультурированности как базовой составляющей социальной полноценности мы видим душеспасительный рассказ о культурном «убежище», для тех, кто устал от низкопробных шоу-программ [3]. Три шоу Первого канала о классической культуре: «Играем свадьбу!» (героям помогают организовать свадьбу в соответствии с народными традициями одного из регионов), «Подкаст.Лаб» (программа интеллектуальных дискуссий об искусстве, психологии, общественных явлениях и т.п., выходит в будние дни в 01:00, а в выходные в 02:20 и 00:10), «Наше все» (ведущая рассказывает об истории и современности народных промыслов) не представляют даже самых основных пластов элитарной культуры, например, отсутствуют литературные и музыкальные программы. Процентное соотношение развлекательных и культурно-познавательных шоу также является порождением отношения к телевидению, как к бизнесу, а не как к источнику просвещения и инструменту проведения государственной культурной политики. Культура увеселительного досуга присутствовала на протяжении всей истории человечества, однако, в цивилизованном и технологичном государстве она должна быть дополнением к культуре просвещения, а не наоборот. 35% культурно-познавательных шоу против 56% развлекательных – это знак кризиса, тем более, что абсолютное большинство программ, отнесенных в моей классификации к культурно-познавательным, не являются академическими, специализированными и высокоинтеллектуальными, а содержат масскультурные выразительные средства и являются примерами той самой адаптированной, массовой немассовой культуры. В качестве социально одобряемой нормы общество видит следующую соразмерность приоритетов: количество одних только реалити-шоу (37), основанных на низменном инстинкте подглядывания в «замочную скважину», почти равно количеству детских (24) и высококультурных (14) программ вместе взятых, а совокупное количество примитивных викторин (17) и развлекательных шоу, типа «Точь-в-точь» (Первый канал) или «Петросян шоу» («Россия» 1») (88), превышает общее число детских и культурных передач в 2,7 раза. Необходимо принять меры для преодоления этой тенденции и вернуть по примеру СССР в качестве социального образца постоянно развивающегося, читающего, интеллигентного человека, и в том, что бумажные научные и литературные журналы заменит телевизионный, нет ничего тлетворного.

Также обращает на себя внимание пробел в сегменте вещания для подростков, он представлен лишь 5 программами: «Мои университеты. Будущее за настоящим», «Ректорат с А. Торкуновым», «Большие и маленькие», «Мы – грамотеи!» и «Умницы и умники». Таким образом, на 29 телеканалах базового пакета Московского региона освещается только одна общественно-публицистическая тема, касающаяся детей старшего возраста – получение высшего образования. В результате образуется деструктивная ситу-

ация, при которой, пройдя этап «Каляк-маляк» и «Умелых ручек», детям некуда направить свое внимание кроме «телевизионных трущоб» каналов «ТНТ» и «ТНТ4», поскольку своекорыстные владельцы продюсерской компании «Comedy Club Production» оказываются единственными создателями продукции, в которой с молодежью говорят на «их языке», точнее, они сформировали этот язык, сделав в отсутствие альтернативы кумиром детей с 12-летнего возраста персонажей типа охальника П. Воли. При таком объеме внимания телевидения к подрастающему поколению дискуссия о возможностях детских телешоу на ниве преобразования массовой культуру в массовую высокохудожественную культуру бессмысленна.

Среди 21 шоу полезной информации существуют только 2 для семей с детьми. Одно называется «Мама пятницы», воплощая собой очередное социальное явление, сигнализирующее о нормализации отстраненности мужчин от института родительства, а также их дискриминации под лозунгами «мать нужнее ребенку, чем отец» или «мама отвечает за воспитание детей», а второе выходит один раз в неделю в рабочее время (четверг, 17:15). Родительство является одним из важнейших социальных институтов, его статус необходимо повышать и пропагандировать вовлеченность в него вне зависимости от гендерной принадлежности.

И завершающий негативный комментарий – недостаточность и низкое качество научных программ. В них практически не уделяется внимания фундаментальной науке, подавляющая часть содержания направлена на обсуждение тем, вошедших в массовую культуру и обросших мифами (конструкция египетских пирамид, происхождение кругов на полях и т.д.) или инстинктивно вызывающих любопытство у зрителя (наработки ученых, позволяющие по анализу крови узнать продолжительность жизни человека; обосновано ли утверждение, что слоны боятся мышей и т.д.). При этом в интернете есть достаточно широкий спектр программ на темы, связанные с квантовой механикой, антропогенезом, геологией, космологией, астрофизикой, генетикой и т.п., созданием которых занимаются видные российские ученые, имеющие желание и способность объяснять сложные вещи непрофессиональным языком. Количество просмотров лекций и интервью таких известных популяризаторов науки как доктора физико-математических наук А.М. Семихатов и Б.Е. Штерн, кандидат физико-математических наук Сурдин В.Г., кандидаты биологических наук С.В. Дробышевский и А.Ю. Панчин, физиолог А. Захаров и др. не оставляют сомнений в том, что публике интересны самые фундаментальные научные темы. Знания в этих областях необходимы для формирования целостной картины мира, без которой немислимо существование одухотворенного человека, живущего не безусловными инстинктами, а идеями рационального, созидательного, ответственного перед будущими поколениями развития. Любой самый тонкий знаток кино или музыки – пустой

человек, если он не имеет представления о всей хрупкости и одновременно фантастическом великолепии бытия. При этом А.М. Семихатов ведет программу «Вопрос науки» на платном круглосуточном телеканале «Наука», владельцем которого является АО «Цифровое телевидение», учрежденное ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания». Этот факт свидетельствует о следующем: владельцы российского медиа-бизнеса имеют результаты маркетинговых исследований, подтверждающих, что науку можно «продавать», но не считают ее наравне с культурой обязательным, социально-значимым объектом государственной политики и поддержки. Можно выдвинуть гипотезу о том, что просветительская работа по продвижению в коллективном сознании установки о сущностной неразделимости понятий «культура» и «наука» будет способствовать ускоренному и более стабильному развитию людей до культурного уровня, соответствующего обществу, где сильно чувство гражданского единства и стремление к развитию национального потенциала. По-настоящему деятельным, гуманным, патриотичным и одновременно с этим осознающим себя частью мирового сообщества может быть только человек, в мироощущении которого сплетены воедино знания и конструкции Вселенной и эстетическое чувство, полученное посредством общения с миром искусства.

Тем не менее, наблюдаются и благоприятные тенденции, способствующие реализации задач Указа «Об утверждении Основ государственной культурной политики», в частности, сохранению культурного суверенитета России [6, ст. II, п. 4]. Обозначилась тенденция к включению телевизионных шоу-программ в работу по развитию межкультурной коммуникации с дружественными государствами, такими как: Китай, Индия, ОАЭ, Сербия, Саудовская Аравия, страны СНГ и др. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что интернациональные проекты присутствуют и на развлекательных молодежных каналах, например, шоу «Игры без границ» (спортивные состязания команд из разных стран) и «Вызов» (соревнования международных команд в интеллекте и смекалке, во многих конкурсах делается расчет на знание оптики, механики, электромагнетизма и т.п.), канал «ТНТ». Проекты, подобные «Вызову», возрождают лучшие советские подходы к распространению своих общественных и культурных идей как среди народов СССР, так и в зарубежных странах. Межгосударственное экономико-культурное объединение «БРИКС»⁶ постоянно расширяет свою географию и области сотрудничества, запуская новые проекты в спорте, модной индустрии, цифровых технологиях и т.п., и имеет все потенциальные средства для выполнения организационно-административных функций в ходе реализации проектов, направленных на сохране-

6 Аббревиатура от: Brazil (Бразилия), Russia (Россия), India (Индия), China (Китай), South Africa (Южно-Африканская Республика).

ние и продвижение традиционных духовно-нравственных ценностей в противовес деградационной, деэтизированной культуре Запада. «Вызов» является прекрасным примером проекта, демонстрирующего уровень просвещения в странах, об отсталости и закрытости которых Запад распространяет ложные убеждения. С 09.01.2018 запущено круглосуточное вещание информационно-познавательного телеканала «TV BRICS» на Русском, Китайском, Португальском и Английском языках. Подобный мультилингвизм делает БРИКС и инструменты популяризации концептов этого объединения сопоставимыми с деятельностью международной организацией «Коминтерн» (1919 – 1943 гг.), которая в период с 1935 по 1943 гг. осуществляла внешнеполитическую пропаганду в основном с помощью иноязычного радиовещания с территории СССР, производя значимый вклад в пропаганду революционных идей и объединения коммунистических партий всех стран в интегрированную структуру [2, с. 3, 5]. Также, как и программы канала «Культура», контент «ТВ БРИКС» должен быть выведен из категории «специализированного предложения на рынке телевизионной продукции» и распространен на всю сетку федеральных и, возможно, не только федеральных телеканалов России.

Также обращает на себя внимание трансформация стилистики некоторых развлекательных шоу с копирования самых незатейливых образцов массовой культуры западных стран, выражающегося как в подборе репертуара, так и в способе участников держать себя, их жестикуляции, мимике и т.п., на отечественный (в большей степени) и зарубежный репертуар тех авторов, чьи произведения с эстетико-функциональной точки зрения соответствуют задаче формирования и развития «ценностно-мировоззренческой культуры личности». Данная формулировка, разработанная доктором культурологии В.А. Ремизовым, представляет собой идеальный выразитель ключевого смысла задач текущей культурной политики России. Ценностно-мировоззренческая культура личности определяет внутренние убеждения человека, психо-эмоциональную рефлексию на события и, в конечном итоге все его поведение, соответственно, она является функциональным инструментарием построения цивилизации [8, с. 29]. Такие музыкальные шоу, как «Хорошие песни» («ТВЦ»), «Песни от всей души» («Россия 1») и «Родня» (Первый канал), являются примером трансформации формульной, то есть составленной из клишированных средств художественной выразительности, выстроенных в стандартном для данного жанра порядке [5, с. 8], передачи в программу личностную, «одушевленную», образно говоря, «вдохновляющую энергией подлинного бытия». В «Родне» в завершающей части шоу известный артист исполняет песню со своим близким родственником. Разумеется, никогда чуткая, искренняя привязанность в глазах участников этого шоу не сравнится с штампованной «техникой» выражения «эмоций» выступающих в программах запад-

ного образца. Любой, кто смотрит телевизионные шоу, заметил, что стандартной формой для комментирования своего участия стало формальное обозначение: «У меня столько эмоций!», а для совсем обезличенных и не способных выразить особенности своих переживаний складывание пальцев двух рук в сердечко – «люблю всех», а значит никого. Всех можно уважать, также можно испытывать чувство признательности к зрителям, за то, что они тратят на просмотр свое время, но истинную любовь можно найти только в семье. Шоу «Родня» выполняет важную миссию, показывая, что даже для тех, кто добился достатка и успеха, смыслом жизни остается семья. Трансформация образа «звезды» из дерзкого одиночки (что во многом являлось рекламным мифом) в объективный образ человека подрывает основы деструктивной ложно-научной концепции современного западного мира о возможности благодаря комфорту, созданному цивилизацией, и благоприятности, при соответствующем желании «личности», одиночного существования. Идея шоу «Песни от всей души» основана на традиции сельских посиделок за большим праздничным столом, которые обязательно заканчиваются пением и танцами. Необычность программы заключается в том, что ее основу составляют рассказы приглашенных талантливых непрофессиональных вокалистов о своих семьях, мечтах, делах и планах на будущее, а исполнение песен является лишь дополнением. Таким образом, мы видим воплощение идеи о «нескучном просвещении» - разговор о смысле жизни, о труде и его нравственных основах, о человеческих взаимоотношениях и т.д. украшают лучшие народные и авторские песни. Программа воссоздает фрагмент подлинной жизни, ведь в нашей стране общение с родственниками и друзьями традиционно является основным назначением праздничных мероприятий. Собираясь, мы стремимся узнать о жизни близких, о том, как они справляются с проблемами, как воспитывают детей. Праздник, гости – это «психотерапевтический форум», который помогает увидеть себя в социальном зеркале, то есть, со стороны, поделиться идеями и получить дельные советы самому, а также просто почувствовать себя частью сообщества. Шоу «хорошие песни» концептуально похоже на «Песни от всей души», но в нем больше профессиональных исполнителей, и основное содержание составляют рассказы о различных музыкальных жанрах, исполнителях и конкретных произведениях (например, «Зыкина – душа России»), а истории из жизни гостей являются дополняющим компонентом.

В качестве положительного сдвига последних лет можно отметить появление ряда реалити-шоу, посвященных семейно-детской тематике: «Няня особого назначения» (няня с педагогическим образованием помогает супругам решить проблемы с детьми), «Беременна в 45», «Мама в 16», «Чадю из ада» (перевоспитание трудного подростка богатых родителей путем помещения на время в многодетную простую семью), «Ста-

тус» (программа о супругах с большой разницей в возрасте), «Зови меня мамой» (программа о трудностях усыновления), телеканал «Ю». Присутствие подобных «телевизионных психолого-практических консультаций», сфокусированных на отдельных проблемах, положительно влияет на общественное восприятие различных кризисных и нестандартных ситуаций, помогая выработать к ним толерантное отношение и найти пути разрешения. Однако снова обращает на себя внимание сгруппированность указанных программ на одном телеканале, в то время как на Первом канале с понедельника по пятницу выходит классическое шоу самых нелепых семейных скандалов «Мужское/женское», а на «России 1» – «Малахов», передача, эксплуатирующая чувство бессознательного иррационального любопытства у людей с низким уровнем образования (вот 3 названия отдельных программ, иллюстрирующих тематический спектр «Малахова»: «Любовь до гроба? Экс-полицейский против экс-чиновницы» (9.12.2024), «Астролог С. Драган: «Нас ждет год перемен» (5.12.2024), «Осторожно, «доктор» Коновалов: что скрывает лжецелитель» (4.12.2024).

Выводы

В качестве упущений и недоработок можно выделить такие особенности современного состояния телевидения (на примере базового пакета Московского региона): значительное преобладание развлекательных шоу по сравнению с культурно-познавательными; подход к программам об элитарной культуре и детским передачам как к нишевому продукту; практически полное отсутствие шоу для подростков на общественные темы; крайне низкое количество шоу полезной информации для семей с детьми; недостаточность и низкое качество научных передач;

К благоприятным тенденциям можно отнести: значительный рост внимания к вопросу межкультурной коммуникации с дружественными странами; трансформацию художественно-эстетического уровня некоторых шоу программ из формульного масскультурного продукта в авторские, способствующие повышению ценностно-мировоззренческой культуры личности программы; появление ряда реалити-шоу нового для российского телевидения формата, демонстрирующих психологическое консультирование и прикладные методы решения в случае возникновения значимых семейно-детских проблем.

Библиографический список

1. Божбин В.А. Актуализация традиционных ценностей и повышение художественного качества шоу-программ российского телевидения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 5 (121). С. 35-41.
2. Глазов А.А. Роль коммунистического интернационала в системе советского радиовещания на зарубежные страны (1935–1943 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: 2017. 235 с.
3. Как канал «Культура» удержал доверие зрителей в эпоху ток-шоу. (Электронная версия

- «Российской газеты, выпуск от 31.10.2017). // URL: <https://rg.ru/2017/10/31/kak-kanal-kultura-uderzhal-doverie-zritelej-v-epohu-tok-shou.html> (Дата обращения: 16.01.2025).
4. Карнаушенко Л.В. Генезис массовой потребительской культуры в России 1990-х – 2000-х годов и проблема деформации правосознания // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 20-24.
5. Новикова А.А. Современные телевизионные зрелища: истоки, формы и методы воздействия. – СПб.: Алетейя, 2008. 208 с.
6. Об утверждении Основ государственной культурной политики. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 25.12.2014 г. - Ст. II, п. 3 с изм. и допол. в ред. от 25.01.2023. – СПС «КонсультантПлюс».
7. Ремизов В.А. Социальная экология культуры личности: Монография. – М.: МГУКИ, 2004. 164 с.
8. Ремизов В.А. Ценностно-мировоззренческий анализ культуры личности. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора культурологии. – М.: 2000. 62 с.
9. Телепрограмма. Специализированное приложение к газете «Комсомольская правда». – М.: «ИД «Комсомольская правда», 2024. - №41/1179. 31 с.
10. Тонконогов А.В. Массовая культура как фактор формирования духовного пространства современной России // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 5. С. 27-37.

References

1. Bozhbin V.A. Actualization of traditional values and improvement of artistic quality of show programs of Russian television // Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts. 2024. № 5 (121). P. 35-41.
2. Glazov A.A. The role of the communist international in the system of Soviet radio broadcasting to foreign countries (1935-1943). Dissertation for the degree of candidate of historical sciences. – М.: 2017. 235 p.
3. How the Kultura channel retained the trust of viewers in the era of talk shows. (Electronic version of the Rossiyskaya Gazeta, issue of 10/31/2017). // URL: <https://rg.ru/2017/10/31/kak-kanal-kultura-uderzhal-doverie-zritelej-v-epohu-tok-shou.html> (16.01.2025).
4. Karnaushenko L.V. Genesis of mass consumer culture in Russia in the 1990s - 2000s and the problem of deformation of legal consciousness // Society and Law. 2014. № 4 (50). P. 20-24.
5. Novikova A.A. Modern television spectacles: sources, forms and methods of influence. – St. Petersburg: Aleteya, 2008. 208 p.
6. On approval of the Fundamentals of state cultural policy. Decree of the President of the Russian Federation of 24.12.2014 № 808 // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> - 25.12.2014 - Art. II, paragraph 3 as amended and supplemented on 25.01.2023. - SPS "ConsultantPlus".
7. Remizov V.A. Social ecology of personality culture: Monograph. – М.: МГУКИ, 2004. 164 p.
8. Remizov V.A. Value-ideological analysis of personality culture. Dissertation in the form of a scientific report for the degree of Doctor of Cultural Studies. – М.: 2000. 62 p.
9. TV program. Specialized supplement to the newspaper "Komsomolskaya Pravda". – М.: "ID "Komsomolskaya Pravda", 2024. № 41/1179. 31 p.
10. Tonkonogov A.V. Mass culture as a factor in the formation of the spiritual space of modern Russia // Social and humanitarian knowledge. 2010. № 5. P. 27-37.

Гончаренко А.Н.

Аспирант, старший преподаватель. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

Тембральный морфинг как средство музыкальной выразительности*

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает технологию синтеза звука тембральный морфинг как средство музыкальной выразительности, тенденции развития музыкальной культуры в XX веке, приведшие к его появлению, а также творческие задачи, которые решаются с применением этой технологии.

Ключевые слова: синтез звука, тембральный морфинг, конкретная музыка, музыкальный авангард, искусство.

Goncharenko A.N.

Graduate student, Senior Lecturer. Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Timbre morphing as a means of musical expression

Abstract. In this article the author examines the technology of sound synthesis timbre morphing as a means of musical expression, the trends in the development of musical culture in the 20th century that led to its emergence, as well as creative tasks that are solved using this technology.

Key words: sound synthesis, timbre morphing, musique concrète, musical avant-garde, art.

Интенсивное развитие компьютерных технологий, начавшееся в конце XX века, привело к значительным изменениям в массовой культуре. Результатом технического прогресса стала трансформация и модернизация традиционных видов массовой культуры (таких как кинематограф или популярная музыка), и появление новых – например, компьютерных игр. Технологии компьютерной графики в кинематографе позволили создавать визуальный ряд, ограниченный только возможностями компьютеров. Появляются фильмы с разнообразными фантастическими сюжетами. Полеты в космос, путешествия во времени, исторические драмы, «фэнтези»

* © Гончаренко А.Н., 2025.

Тембральный морфинг как средство музыкальной выразительности

про вымышленные миры, населенные всевозможными сказочными персонажами – от динозавров до драконов и волшебников, и многое другое. Все это в полной мере относится и к компьютерным играм. Одновременно с этим возникла потребность в создании соответствующего звукового оформления. Традиционных способов, применявшихся при музыкальном или шумовом озвучании в кино, в новых условиях было уже недостаточно. Требовались новые способы звукового синтеза для создания различных звучаний. При этом задачи стояли совершенно разные. Например, в фантастическом фильме «Парк Юрского периода» нужно было воспроизвести «голоса» динозавров, которые вымерли миллионы лет назад. А в исторической драме «Фаринелли-кастрат» - показать огромные вокальные возможности главного героя. И в том, и в другом случае традиционные способы озвучивания были бы бессильны. Динозавров никто никогда не видел и не слышал, а певцы - контратеноры, несмотря на высокую тесситуру голоса, не могут полноценно исполнять партии кастратов XVII-XVIII веков в силу физиологических особенностей. Еще одно очень важное направление, напрямую связанное с развитием визуальных технологий – необходимость создания «звуковых ландшафтов» - тембральных решений, состоящих из компонентов тембров различных инструментов и всевозможных приборов обработки звука. Эти и другие подобные задачи были решены с появлением новых технологий звукового синтеза, ставших возможными в результате развития компьютерных технологий. Одним из наиболее современных видов синтеза звука является тембральный морфинг.

Эксперименты по созданию новых тембральных звучаний начались еще в 50-е годы XX века, в «доцифровую» эпоху. Это было связано с появлением и бурным развитием электромузыкальных инструментов и электроприборов, позволяющих искажать исходное звучание – менять переходные процессы, добавлять эффекты, основанные на временной задержке сигнала или его модулировании, и многое другое, а также появлением магнитофонов, которые позволяли гибко и разнообразно работать с записанным на магнитную ленту звуком. Инженеры и музыканты искали способы, с помощью которых можно было расширить традиционную тембровую палитру. Для этого применялись различные способы. Например, записанный на ленту звук можно было воспроизвести в ускоренном или замедленном режиме, или запустить воспроизведение в обратную сторону, или отрезать момент звуковой атаки и склеить ленту в кольцо, получив тем самым новый бесконечный звук, также можно было пропустить полученное с помощью этих манипуляций звучание через искажающие приборы, и получить абсолютно новое звучание, никак не связанное с исходным реальным тембром. Автором этой концепции, получившей название «Конкретная музыка», является французский композитор, музыкальный теоретик и инженер Пьер Шеффер (1910-1995) [5]. Основная идея этой

концепции заключалась в том, что современные технические возможности позволяют рассматривать звук вне его источника, что было невозможно до появления звукозаписи. Звук, записанный на ленту и отделенный от исходного контекста, превращается в «звуковой объект», который становится основой для создания музыкального произведения. То есть творческая мысль автора-сочинителя отталкивается не от традиционных нот, ладов и тональностей, а от нового, искусственно созданного тембра.

Другой, не менее известный новатор, предложивший полностью переосмотреть традиционные подходы к созданию музыки – немецкий композитор и музыкальный теоретик, один из лидеров послевоенного музыкального авангарда, Карлхайнц Штокхаузен (1928-2007). Штокхаузен учился и некоторое время работал в Париже в «Студии конкретной музыки» Пьера Шеффера, после чего в 1953 году он начал работать в Кёльнской «Студии электронной музыки». Штокхаузен предложил множество новых концепций и идей, иногда очень радикальных, которые повлияли на всю дальнейшую музыкальную культуру. Например, он утверждал, что одним из наиболее важных параметров современной «Новой музыки» является параметр музыкального пространства. Пространственная локализация звука оказывается столь же принципиально важной, как и его высотная позиция, продолжительность, громкость, тембр и т.д. [4]. Он предложил использовать концертный зал как самостоятельный, отдельно звучащий музыкальный инструмент. Для этого он располагал музыкантов не только на сцене, но и в зрительном зале, тем самым создавая пространственное звучание, которое много лет спустя было реализовано с помощью цифровых технологий (Dolby Surround, Dolby Atmos). Другая концепция, предложенная Штокхаузенем - полный отказ от традиционных музыкальных инструментов и вообще каких-либо акустических звуков. Источником звука являлись исключительно электронные звуковые генераторы. Синусоиды, разнообразные шумы (белый, розовый) обрабатывались фильтрами, модуляторами, искажителями, в результате чего создавались звучания, не имеющие ничего общего с привычным звучанием акустических музыкальных инструментов. Сам Штокхаузен называл этот процесс «синтезом звуков с нуля». Так в 1953 году была создана композиция «Studie I» - первая в истории музыкальная композиция, созданная при помощи только электронных звуков.

Таким образом Шеффером и Штокхаузенем были предложены два принципиально отличающихся способа создания новых тембральных звучаний: тембры на основе реальных записанных звуков (то, что в современном обиходе называется «сэмплирование»), и тембры на основе электронного синтеза. В дальнейшем эти два подхода начали взаимодействовать, и в настоящее время все передовые технологии синтеза (например, гранулярный синтез или тембральный морфинг) так или иначе связаны с этими

способами создания или трансформации тембров.

Еще одним способом получения нового тембрального звучания является модулирование одного звука с помощью другого. Появление этой технологии связано с изобретением в 1928 году устройства, получившего название «вокодер». Изначально это устройство предназначалось для оптимизации передачи звукового сигнала по линиям телефонной связи, но вскоре это изобретение стало использоваться и для создания музыки. Появляются голосовые синтезаторы, в которых входящий шумовой сигнал модулировался т.н. «формантными резонаторами», в результате чего можно было достаточно точно синтезировать человеческую речь. Следующим шагом стало использование в этом процессе каких-либо произвольных звуков. Например, можно было промодулировать речевым сигналом звук скрипки, и получить «говорящую» скрипку.

Появление современных высокоскоростных компьютеров позволило реализовать технологии, связанные с созданием новых тембральных звучаний, на принципиально другом уровне. Цифровая обработка сигнала, основанная на быстром преобразовании Фурье, привела к появлению новых видов синтеза звука, одним из которых является тембральный морфинг.

Морфинг – это процесс плавной трансформации одного объекта в другой. Соответственно, тембральный морфинг – это процесс плавной трансформации тембров, создания сложных динамичных переходов между двумя или более исходными тембрами. С технической точки зрения тембральный морфинг представляет собой «процесс комбинирования с использованием цифровой процессорной обработки двух или более звуков различного тембра и длительности в новый звук с промежуточной длительностью и особым тембром, включающий в себя отдельные черты исходных звуков» [2]. Этот процесс не является обычным смешиванием звуков, так как в результате появляется новый звук, обладающий новыми, уникальными свойствами.

Появлению тембрального морфинга предшествовали многие годы научных исследований в области психоакустики. Анализ процессов восприятия тембров, слуховой маскировки и пр. позволили разработать алгоритмы, позволяющие комбинировать различные тембры.

Данная технология открыла новые возможности как для конструкторов и звуковых дизайнеров, занимающихся созданием новых звучаний для кинематографа, компьютерных игр, электронных музыкальных инструментов (физических или виртуальных), так и для композиторов и аранжировщиков, создающих новые музыкальные произведения, и получивших благодаря этой технологии новое средство музыкальной выразительности.

Музыка – это искусство создания художественных образов путем орга-

низации средств музыкальной выразительности во времени. Средства музыкальной выразительности – это компоненты, из которых состоит любое музыкальное произведение. К средствам музыкальной выразительности относятся мелодия, ритм, лад, гармония, темп, метр, тембр, и др.

Средства музыкальной выразительности развиваются и изменяются под воздействием культурных и социальных факторов, а также технического прогресса. Так, если сравнить, например, мелодию и гармонию музыкальных произведений эпохи Возрождения и Классицизма, то окажется, что и мелодия, и гармония за прошедшие между этими эпохами три столетия существенно изменились. Мелодии усложнились, появляется орнаментика, украшения, устанавливается равномерная темпация, в гармонии формируются тональности, кадансовые тяготения, и пр. В эпоху Романтизма гармония еще сильнее усложняется, появляются альтерированные аккорды, сложные модуляции. В XX веке в эпоху Модернизма и Постмодернизма гармония обретает атональность, появляются кластерные созвучия. В XXI веке новые компьютерные технологии точно так же воздействуют на музыкальный язык, трансформируя его и дополняя новыми возможностями.

Среди всех средств музыкальной выразительности тембр – является одним из первичных, то есть наиболее специфических и важных [3].

Также тембр относится к числу важнейших субъективных характеристик звука, являющихся базой для распознавания звукового источника. Американский стандарт ANSI-S3.20 определяет тембр как «атрибут слухового восприятия, который позволяет слушателю определить, что два звука, имеющие одинаковую высоту и громкость, отличаются друг от друга» [1].

Появление и развитие тембров в музыке всегда было связано с техническим прогрессом и с изобретением новых музыкальных инструментов. В 18-19 веках появляются классические музыкальные инструменты, создающие звук через преобразование механической энергии. В 20 веке с появлением электричества появляются электромузыкальные инструменты, для звучания которых необходима электрическая энергия. В 21 веке с развитием компьютеров и информационных технологий появились возможности еще сильнее расширить тембральную палитру, получив звучания, недоступные ранее.

Тембральный морфинг открывает возможности для решения творческих задач, которые невозможно было осуществить в докомпьютерную эпоху. Так в фильме «Парк Юрского периода» с помощью тембрального морфинга были созданы «голоса» динозавров на основе шипения гусей, рычания собаки и криков журавлей. В фильме «Фаринелли-кастрат» для воссоздания голоса Фаринелли соединили тембры мужского контратенора и женского сопрано. В фильме «Матрица» голос главного героя преобразу-

ется с помощью морфинга в звучание компьютерного кода через телефонную линию. Имея реальные аудиозаписи голоса какого-либо исторического персонажа, с помощью тембрального морфинга можно создать новую аудиозапись, в которой этот же голос будет озвучивать произвольный новый текст.

Технологии тембрального морфинга позволяют усилить эмоциональное воздействие на слушателя, повысить драматизм в конкретном эпизоде произведения, выстроить музыкальную форму в соответствии с творческими задачами, дополнить звучание новыми составляющими, например для создания сложных «эволюционирующих» звуков.

Тембральный морфинг внутри компьютера осуществляется с помощью специальных программ – подключаемых модулей. Наиболее популярные среди них – Waves Morphoder, Izotope Iris, Zynaptiq Morph.

Таким образом тембральный морфинг в XXI веке превратился из технического компонента в важный инструмент в арсенале композиторов, исполнителей и звукорежиссеров, став одним из наиболее интересных современных средств музыкальной выразительности.

Библиографический список

1. Алдошина И., Приттс Р. Музыкальная акустика – СПб.: Композитор, 2006. 181 с.
2. Алдошина И. Статья «Тембральный морфинг звука» на allprosound.ru, 2015.
3. Сладкопеев Р. Средства музыкальной выразительности как элемент художественно-результативной стороны исполнительского процесса. Вестник МГУКИ, 2014. № 5 (61).
4. Просняков М.Т. Живая легенда электроники. Отец «техно» в музыке (К.Штокхаузен) – «Музыка и электроника», 2004. № 4.
5. Музыкальная энциклопедия (гл. ред. Ю.В. Келдыш) – Советская энциклопедия, 1982. 335 с.

References

1. Aldoshina I., Pritts R. Musical acoustics – SPb.: Kompozitor, 2006. 181 p.
2. Aldoshina I. Article “Timbral morphing of sound” on allprosound.ru, 2015.
3. Sladkopevets R. Means of musical expression as an element of the artistic and effective side of the performing process. Bulletin of MGUKI, 2014. No. 5 (61).
4. Prosnjakov M.T. Living legend of electronics. Father of “techno” in music (K. Stockhausen) – “Music and electronics”, 2004. No. 4.
5. Musical encyclopedia (editor-in-chief Yu.V. Keldysh) – Soviet encyclopedia, 1982. 335 p.

Джумаева Ф.Ш.

Аспирант. Академии Наук РТ. Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань.

Исторический жанр в изобразительном искусстве Татарстана*

Аннотация. Татарстан — это синтез двух миров: восточного и западного, что нашло отражение не только в архитектуре и традициях, но и в живописи. Здесь каждый художник находит источник вдохновения благодаря уникальному сочетанию культурных ценностей татарского народа с наследием русской классики. Данная статья является примером погружения в мир изобразительного искусства Татарстана, рассматривается его многообразие через призму исторической живописи. Исследуется то, как художники отражали значимые исторические события и культурное богатство региона, а также как современные мастера продолжают эту традицию, привнося в нее свое уникальное видение, новые идеи и техники. Особое внимание уделяется анализу художественных приемов, используемых для передачи исторической достоверности и эмоционального воздействия на зрителя. Рассматриваются работы известных татарстанских художников, внесших значительный вклад в развитие жанра, а также представлены примеры современного осмысления исторических сюжетов, сочетающие традиционные подходы с актуальными тенденциями в искусстве.

Ключевые слова: Исторический жанр, историческая живопись, искусство, живопись, республика Татарстан.

Dzhumaeva F.Sh.

Postgraduate Student. Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimova. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan.

Historical genre in the fine arts of Tatarstan

Abstract. Tatarstan is a synthesis of two worlds: Eastern and Western, which is reflected not only in architecture and traditions, but also in painting. Here, each artist finds a source of inspiration thanks to the unique combination of cultural values of the Tatar people with the heritage of Russian classics. This article is an example of immersion in the world of fine art of Tatarstan, examining its diversity through the prism of historical painting. We study how artists reflected significant historical events and cultural wealth of the region, as well as how modern masters continue this tradition, bringing their unique vision, new ideas and techniques to it. Particular attention is paid to the analysis of artistic techniques used to convey historical authenticity and emotional impact on the viewer. The works of famous Tatarstan artists who made a significant contribution to the development of the

* © Петрова С.И., 2025.

О социокультурных трансформациях культуры

genre are considered, and examples of modern understanding of historical subjects are presented, combining traditional approaches with current trends in art.

Key words: Historical genre, historical painting, art, painting, Republic of Tatarstan.

Республика Татарстан, расположенная на востоке европейской части России, является уникальным регионом, где переплетаются богатые исторические традиции с неповторимыми природными ландшафтами. Это место, где каждый уголок дышит искусством и культурой, а каждое событие из прошлого оставило свой след в современном облике региона.

Исторический жанр является одним из наиболее сложных для точного определения в рамках искусства. Это связано с тем, что понятие исторического жанра развивалось на протяжении веков, отражая изменения в общественных взглядах, культурных ценностях и художественных течениях.

Как отмечает советский лингвист, доктор филологических наук Э.В. Кузнецова, историческая живопись в современном понимании этого термина, есть изображение значительных событий в развитии общества, как в далеком прошлом, так и в современной художнику жизни, деяний выдающихся людей, исторических эпизодов и происшествий более частных, достоверно изображающих жизнь, быт, нравы далекого прошлого [9, 3].

Также к историческому жанру она относит картины на легендарные, сказочно-былинные темы, создающие героико-эпические народные образы. Под особую отрасль она выделяет батальный жанр. Термин «батальная» происходит от французского *Bataille*, означающего - битва, сражение. Батальная живопись посвящена изображению военно-исторических событий прошлого и настоящего [9, 3]. Следует отметить, что во всяком произведении искусства художник выражает свое отношение к миру, дает оценку жизненных явлений с точки зрения того общества, где он живет, тех классовых идейных позиций, которые он, художник, представляет и разделяет.

Историческая живопись представляет собой не просто отражение давно минувших дней, но и живое повествование о личностях прошлого, их страстях, героических деяниях, жизненных испытаниях и смертельных битвах, а также о глубоких социальных раздорах. Особую ценность представляют собой картины, где художники своего времени не только фиксируют события, но и стремятся их осмыслить, занимая прогрессивные позиции. Именно через такие произведения мы можем судить о состоянии общественного сознания эпохи, об изменении взглядов на исторические события и процессы, а также о личных предпочтениях и антипатиях автора, его социальной позиции и отношении к происходящему вокруг.

Сталкиваясь с изменениями в общей картине мироздания, можно заметить и трансформацию в самом понятии исторического жанра, наблюдать модификацию, как исторический жанр, и присущие для него определения

вытесняются новыми художественными подходами и образами.

В своей работе искусствовед, историк и политолог С.М. Червонная «Современное исламское искусство народов России» рассматривает динамичные изменения в историческом жанре, который на протяжении многих «советских» десятилетий занимал видное место в живописи. Она подчеркивает, что эти изменения начинаются с семантических блоков. Например, на смену картинам революции, о Ленине, о войне и о национальных героях, о коллективизации, о ВОВ приходят произведения совершенно иной тематики, которая оказывается все более тесно связанной и переплетенной с историей религии – с появлением и распространением ислама среди народов» [12].

Исходя из выводов следует отметить, что исторический жанр находится в постоянном развитии и видоизменяется вместе с развитием живописи. В разные периоды в понятие «историческая живопись» вкладывается разный смысл, и зависит это прежде всего от состояния исторической науки, педагогических, этических и эстетических взглядов времени. Но не смотря на модификацию данного термина, суть и смысл понятия и определения остается неизменным.

Развитие исторического жанра в Советской Татарии идет сложными путями. В период 1920-х – 1930-х годов происходит введение новых идей и образов, отражающие дух времени: акцент делается на изображениях труда, а также на мотивах массового энтузиазма, который сопровождал стремление людей к созданию новой жизни.

Как отмечает С.М. Червонная в книге «Искусство Советской Татарии», своеобразным прологом к этому периоду в истории живописи Татарстана могло бы служить сравнение конкурсной выставки работ выпускников Казанского художественного института 1922 года с аналогичной выставкой 1923 года. Согласно словам С.М. Червонной: «Школа, как чуткий барометр, реагировала на изменения в жизни республики, в жизни искусства, и именно в этот год выявился перелом в тематике, в настроении, в стиле и форме работ, представленных учащимися на конкурс. Символично-аллегорические образы мировой революции, мрачные и грозные картины голода, романтические образы героев «Народной воли», революции 1905 и 1917 годов, столь характерные для выставки 1922 года, сменились картинами на темы труда, прежде всего труда фабрично-заводского, пролетарского, преобладавшими на выставке 1923 года». Более серьезное внимание уделялось молодыми художниками портрету. Например, выразительные портреты современников, созданные в традициях школы Н.И. Фешина, показала на выставке 1923 года. Революционная тематика также решалась в конкурсных работах по-новому» [10, 35].

В последующие годы творчества художников советской эпохи наблюдается устойчивый интерес к тематике трудовой жизни населения респу-

блики, что находит своё отражение в произведениях, проникнутых духом времени и места. Живопись Татарстана выступает ярким свидетельством стремления художников запечатлеть сущность советского бытия.

Не менее значимым в этот период остается жанр исторического портрета. Портретирование вождей и выдающихся личностей, чьи деяния оставили заметный след в истории страны, становится неотъемлемой частью художественного процесса. Это направление позволяет художникам отразить величие эпохи через образы людей, стоящих у руля исторических событий.

Переходя к конкретным примерам, нельзя обойти стороной творчество таких мастеров, как Павла Петровича Бенькова, чьи работы отличаются глубоким проникновением в суть изображаемого и высокой художественной выразительностью. Ярким произведением такого подхода является портрет Галимжана Ибрагимова – человека, чья жизнь и деятельность тесно переплетены с историей Татарстана. Как подмечает С.М. Червонная в своей книге «Искусство Советской Татарии»: «В этом портрете создан тот идеал умного, сильного «борца с неустрашимым сердцем», который всегда увлекал Ибрагимова и к которому он сам приближался. Беньков запечатлел писателя в трудный, драматический момент его жизни» [10, 42].

Беньков изобразил И. Галимжанова сидящим в кресле, руки, сложенные на коленях, придают композиции замкнутость и завершенность. Фигура в темных тонах четко выделяется на освещенной стене. Его одежда полностью черная, гармонируя с цветом его волос, напоминающих уголь. Взгляд чуть прищуренных глаз отражает глубину мысли, сосредоточенность и напряженное состояние. С.М. Червонная в картине Бенькова подмечает сходство главного героя с русским писателем М. Горьким: «Во всем облике писателя есть что-то горьковское». Возможно сходство с Горьким помогло художнику тоньше понять свою модель, распознать его душу. В портрет Галимжана Ибрагимова Беньков воплощает не только внешнее сходство, но и передает внутреннюю силу, мудрость и преданность делу своего героя [10, 42].

Военный период в истории Республики Татарстан, как и во многих других регионах России, оказал значительное влияние на развитие искусства. Очевидно, что условия развития живописи в военные годы были очень трудные, поскольку значительные силы живописцев были оторваны от казанской художественной жизни. В частности, этот период привел к трансформации исторического жанра, который стал отражать не только героические подвиги, но и реальность войны с ее трагедиями и потерями. В книге С.М. Червонная «Искусство Советской Татарии» отмечает, что живопись республики в военные годы находят отклик важнейшие события современности – от побед Советской Армии на фронте до трудовых подвигов советского народа в тылу [10, 58]. На первый план выдвигаются военно-патриотическая тема, и создаются произведения, имеющие своей непосредственной целью мобилизовать силы народа на борьбу с врагом.

Художник Н.М. Сокольский пытается запечатлеть крупномасштабные исторические моменты современности в своих полотнах, таких как «Разгром немцев под Москвой» (1942), «И.В. Сталин на Красной площади 7 ноября 1941 года» (1942) и «Да здравствует Сталинград!» (1943). Аналогичную цель преследует А.В. Чутунов в своей картине «Караван на Сталинград», созданной в 1943 году [10, 59].

Послевоенный период в истории Республики Татарстан, как и во всей стране, был временем восстановления и поиска новых путей развития. В искусстве этот этап характеризуется особым вниманием к историческому жанру, который отражал стремление общества к пониманию своего прошлого и формированию национального самосознания. Качественный рост живописи ярко проявляется в такой важнейшей области искусства, как тематическая картина исторического жанра.

За последние десятилетия жанр исторической картины претерпел значительные изменения как в своем содержании, так и в формальной стороне. Улучшилось мастерство реалистического изображения, обогатились композиционные формы, а характеристики персонажей стали более выразительными в живописи. Тенденция к иллюстративности, доминировавшая в 40-х годах, уступила место более ясно прослеживаемой героической концепции, которая стала отличительной чертой выдающихся работ татарской исторической живописи 50-х годов.

Развитие исторической живописи обусловлено трудом многих художников различных эпох: те, кто в Казани продолжили дело, заложенное до войны и во время неё (В.К. Тимофеев, М.М. Васильева, Н.М. Сокольский, Г.В. Житков, И.Н. Овчинников, И.К. Игламов), ветераны, вернувшиеся с фронта, принеся с собой богатый жизненный опыт и активно включившиеся в творчество сразу после войны (Х.А. Якупов, Л.А. Фаттахов, М.У. Усманов, В.А. Родионов, В.И. Куделькин, Г.Д. Мелентьев, М.И. Семенов, А.М. Родионов), а также педагоги Казанского училища и художественных институтов, начавшие свой путь в 50-е годы (И.М. Халиллулов, А.Х. Валиахметов, И.В. Рафиков, Н.А. Бикташев), а также молодые художники, серьёзно взявшиеся за создание исторических полотен в начале 60-х - первой половине 70-х (В.К. Федоров, А.А. Абзильдин, П. Скобеев и другие).

Создание картины «Подписание В.И. Лениным Декрета об образовании Татарской АССР» художниками Х.А. Якуповым и Л.А. Фаттаховым в 1950 году стало значительным этапом в развитии исторической живописи Татарии. Это произведение искусства впервые представило тему Ленина как ключевую для национальной истории татарского народа. Художники изобразили делегатов от Татарстана, прибывших к Ленину в Кремль, создав тем самым универсальные образы рабочих и крестьян, а также русской и татарской интеллигенции того времени. Они показали активное уча-

ствие этих людей в процессе создания татарского государства и отношение Ленина к их нуждам. Авторы успешно решили задачу композиционного оформления картины, развития живописного диалога между персонажами и их взаимодействия. Реалистичность изображения, четкость форм и выразительность пластики фигур свидетельствуют о высоком уровне мастерства художников.

В период с шестидесятых годов двадцатого века до эпохального 1991 года искусство исторического жанра оставалось верным тематике героических деяний военных лет. В центре этих произведений зачастую оказывался образ великого вождя, Владимира Ильича Ленина, чья фигура возвышалась над полотнами как символ революционной эпохи. Художник Харрис Якупов в своих работах «Пролог», созданной в 1969 году, и «В.И. Ленин на студенческой сходке в Казанском университете в 1887 году», над которой он трудился с 1968 по 1980 год, воплотил образ неукротимого революционера.

Национальная тематика в этот период обретает новое звучание и становится одной из ключевых в исторической живописи, отражающей культурное наследие республики. Художники обращаются к богатой палитре сюжетов: от далёких времён древней Волжской Булгарии до событий революционных лет. Образ «национального героя» проявляется не только в контексте реальных исторических событий, но и через призму легенд и мифов, обогащая культурное пространство новыми смыслами и образами.

В эпоху после распада Советского Союза происходит переосмысление исторической тематики, что находит отражение в трансформации форм исторического жанра. С начала 1990-х годов искусство обретает новые контуры, где историко-революционная тема уступает место историко-философской, влекущей за собой глубинное психологическое проникновение в трагедии народов и индивидуальные судьбы. Эта новая волна становится мостом, ведущим к дальнейшему развитию жанра в XXI веке.

В мире татарской живописи реализм обогащается символическими и авангардными тенденциями, которые воплощают стремление к инновациям, открытости чувств и мыслей, свободе художественного выражения. Художники обращаются к историческим мотивам, отражающим земные и космические катастрофы, человеческие страдания и взлеты.

В Татарстане рождается новый виток портретного искусства: от камерных изображений переходим к парадным и групповым работам. Художники воссоздают образы знаковых фигур, таких как царица Суюмбике и хан Улуг Мухаммед, наделяя их глубокой психологической характеристикой.

К концу XX - началу XXI века художники погружаются в поиски национальных корней и языка, стремясь найти уникальное выражение своей культурной идентичности. В сюжетно-композиционных решениях полотно наблюдается эволюция: если ранее акцент делался на психологизации

образов и изменении пространства, то теперь живописцы используют символы, метафоры и аллегории для передачи глубинного смысла исторических событий в жизни народа.

К началу XXI века в республике завершился значительный этап эволюции изобразительного искусства, который характеризовался как успехами, так и определенными проблемами. В период перехода от одного политического строя к другому, художники А.А. Абзгильдин, И.В. Рафиков, Ф.Л. Халиков и другие, активно трудились над созданием исторических полотен. Их работа способствовала обогащению местного искусства новыми произведениями, отражающими гражданские, социальные и лирические мотивы.

Мастера использовали разнообразные стили и техники, что придавало их творчеству уникальность. В современном искусстве наблюдаются изменения в подходах к исторической живописи: если ранее преобладала тема исторической революции, то сейчас на первый план выходит историко-философская тематика, привлекающая внимание своей новизной и возможностями для глубокого психологического анализа исторических событий и личностей.

В контексте современного искусства Татарстана, художник Р.М. Вахитов выделяется своим особым интересом к изображению исторических личностей. Его картина «Портрет Улуг Мухаммеда» (2005), изображающая основателя Казанского ханства, отличается динамичностью и силой художественного образа. Вахитов создаёт не просто портрет, но полотно с глубоким содержанием, напоминающее картину-портрет в духе классического понимания этого жанра. Фигура Улуг Мухаммеда, словно монумент возвышается на фоне казанской земли, ассоциируясь с величием статуи «Медный всадник» работы Э.М. Фальконе, который стоит на пьедестале [1, 5]. Живописное полотно больше тяготеет к портрету-картине, под которым понимается «не просто портрет, а картина с содержанием» [8, 101].

В образе основателя ханства угадывается сила и решительность выдающегося правителя. Эмоциональность произведения обусловлена его композицией, чистотой цвета и декоративностью. Стиль Вахитова, напоминающий палехскую миниатюру по технике исполнения, привлекает своей жизнерадостной цветовой гаммой и ясностью композиционного решения. Теплые золотистые оттенки создают единую гармоничную палитру портрета.

Исследователи национальной идентичности вдохновляются временем правления Ивана Грозного, особенно через фигуру казанской царицы Сюймике в искусстве Татарстана. Множество произведений отражают её образ, полный печали и трагедии, среди которых работы «У казанской царицы Сюймике» (2000) И.Ш. Файзуллина и «Прощание с Сюймике» (2001), а также «Защитникам Казани посвящается. Реквием» (2000-2001) Ф.Л. Халикова.

Также в этот период в живописи Татарстана наметилась тенденция к созданию парадных и групповых исторических портретов, что стало от-

ходом от интимности произведений. Примером такого подхода служит работа И.В. Рафикова «Сюймбике», где через парадный портрет прославляется образ царицы, демонстрируя её благородство и преданность обществу. Художник изображает Сюймбике в зеленом платье с золотым отливом, украшенном калфаком - традиционным татарским головным убором. Взгляд царицы полон сосредоточенности и решимости, что подчеркивает её силу характера и психологическую глубину образа.

Изучение развития исторической живописи в Татарстане показывает, что работа художников над историческими сюжетами была непростой, но весьма интенсивной. В начале формирования исторического жанра значительную роль сыграла Ассоциация художников революционной России (АХРР), которая способствовала укреплению позиций реализма в искусстве.

В 1920-е годы татарская живопись обогатилась серией портретов общественных деятелей и политиков, среди которых выделялись изображения В.И. Ленина. Художники были участниками революционных событий и политических изменений в стране. Через создание исторических произведений они выражали свои эмоции и взгляды на происходящее. Историко-революционный жанр стал основой их творчества, отражая события недавнего прошлого.

В период Великой Отечественной войны тематика картин определялась военными событиями. Художники изображали подвиги народа и создавали батальные сцены, делая военную тему одной из главных в советском искусстве того времени.

В середине XX века историко-революционный жанр продолжает своё развитие. В отличие от предыдущих десятилетий, образ Владимира Ильича Ленина в искусстве приобретает более человеческие черты и становится ближе к народу. В этот период наблюдается повышение уровня реализма среди художников. В их работах появляются драматические конфликты, однако не всегда присутствует достаточный историзм, который важен для создания полноценной исторической картины.

В последующие десятилетия (1960-1980-е) историческая живопись достигает пика своего развития. Художники продолжают интересоваться созданием произведений, посвящённых Ленину, и развивают национальную тематику. Они находят новые подходы к изображению истории, экспериментируя с пространством полотна и детализацией исторических событий. В татарской живописи цветовая гамма становится более декоративной и открытой.

С распадом Советского Союза развитие исторического жанра замедляется из-за политических изменений и сокращения государственных заказов, что приводит к снижению интереса художников к исторической тематике. В исторической живописи происходят значительные изменения: появляются парадные и групповые портреты наряду с камерными. В изо-

бразительном искусстве возникает новая тема — историко-философская, которая стимулирует художников к использованию символов, метафор и аллегорий для более глубокого выражения мыслей и чувств. Национальная тема также не остаётся в стороне, подчёркивая важность сохранения истории и традиций народа в эпоху современных технологий.

Библиографический список

1. Автономова А.Н. Тенденции развития исторической живописи в изобразительном искусстве республик Среднего Поволжья (Чувашия, Татарстан, Марий Эл) // Гуманитарные и педагогические науки: Вестник ЧГПУ им. И.Я.Яковлева, 2011. № 1 (69). Ч. 1.
2. Автономова А.Н. Освещение проблемы развития исторической живописи в искусствоведении Чувашии, Татарстана и Марий Эл (первая половина XX века) // Научно-информационный вестник докторантов, аспирантов, студентов. – Чебоксары: Чуваш, гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2010. № 1 (15). С. 119-122.
3. Акимова И.Г. Советская жанровая живопись / И.Г. Акимова. – М.: Искусство, 1962. 95 с.
4. Ванслов В.В. Искусство автономных республик Российской Федерации / В.В. Ванслов, Э.И. Голубева. – Л.: Аврора, 1973. 226 с.
5. Дульский П.М. Выставка искусства народов СССР в Москве // Вестник научного общества татароведения. 1928. № 8. С. 154-162.
6. Елькович Л.Я. Художники Татарии / Л.Я. Елькович. – Л.: Художник РСФСР, 1965. 67 с.
7. Каган М.С. Морфология искусства / М.С. Каган. – М.: Искусство, 1972. 440 с.
8. Кантор А.М. Пластические искусства. Краткий терминологический / А.М. Кантор. – М.: Пассим, 1994. 160 с.
9. Кузнецова, Э.В. Исторический и батальный жанр: Беседы о русской и советской живописи / Э.В. Кузнецова. – М.: Просвещение, 1982. 192 с.
10. Червонная С.М. Искусство Советской Татарии / С.М. Червонная. – М.: Изобразительное искусство, 1978. 296 с.
11. Червонная С.М. Искусство Татарии / С.М. Червонная. – М.: Искусство, 1987. 352 с.
12. Червонная С.М. Искусство и религия: Современное исламское искусство народов России / С.М. Червонная. – Москва: Прогресс-Традиция, 2008. 552 с.

References

1. Avtonomova A.N. Trends in the Development of Historical Painting in the Fine Arts of the Middle Volga Republics (Chuvashia, Tatarstan, Mari El) // Humanitarian and Pedagogical Sciences: Bulletin of the ChSPU named after I.Ya.Yakovlev, 2011. № 1 (69). Part 1.
2. Avtonomova A.N. Coverage of the Problem of the Development of Historical Painting in the Art Criticism of Chuvashia, Tatarstan and Mari El (First Half of the 20th Century) // Scientific and Information Bulletin of Doctoral Students, Postgraduates, and Students. – Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev, 2010. № 1 (15). P. 119-122.
3. Akimova I.G. Soviet Genre Painting / I.G. Akimova. – M.: Iskusstvo, 1962. 95 p.
4. Vanslov V.V. Art of the autonomous republics of the Russian Federation / V.V. Vanslov, E.I. Golubeva. – L.: Aurora, 1973. 226 p.
5. Dulsky P.M. Exhibition of art of the peoples of the USSR in Moscow // Bulletin of the scientific society of Tatar studies. 1928. № 8. P. 154-162.
6. Elkovich L.Ya. Artists of Tatarstan / L.Ya. Elkovich. – L.: Khudozhnik RSFSR, 1965. 67 p.
7. Kagan M.S. Morphology of art / M.S. Kagan. – M.: Iskusstvo, 1972. 440 p.
8. Kantor A.M. Plastic arts. Brief terminology / A.M. Kantor. – M.: Passim, 1994. 160 p.
9. Kuznetsova, E.V. Historical and battle genre: Conversations about Russian and Soviet painting / E.V. Kuznetsova. – M.: Education, 1982. 192 p.
10. Chervonnaya S.M. Art of Soviet Tatarstan / S.M. Chervonnaya. – M.: Fine Arts, 1978. 296 p.
11. Chervonnaya S.M. Art of Tatarstan / S.M. Chervonnaya. – M.: Art, 1987. 352 p.
12. Chervonnaya S.M. Art and religion: Contemporary Islamic art of the peoples of Russia / S.M. Chervonnaya. – Moscow: Progress-Tradition, 2008. 552 p.

Железная П.Л.

Индивидуальный предприниматель, инфлюенсер.

Железная А.Б.

Частный практикующий психолог. ORCID: 0009-0002-8730-3049

Комплекс «Мадонна–Магдалина» в динамике любовных отношений Дмитрия Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: психоаналитический аспект*

Аннотация. В статье проводится психоаналитическое исследование динамики любовных отношений Дмитрия Фёдоровича Карамазова, персонажа романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», с Екатериной Ивановной Верховцевой и Аграфеной Александровной Светловой (Грушенькой). Анализ опирается на концепт комплекса «Мадонна–Магдалина», описанного Зигмундом Фрейдом как форма полярной идеализации и девальвации женского образа в структуре мужского либидо. В центре внимания — механизм вытеснения сексуального влечения к «возвышенной» женщине (Катерине Ивановне) и одновременной фиксации на «падшей» (Грушеньке), разрешающей инстинкт в рамках дозволенного. Особое внимание уделяется глубинному психосексуальному конфликту, возникающему в структуре Эдипова комплекса Дмитрия, а также феномену кастрационного страха, активированного соперничеством с отцом за эротический объект.

Ключевые слова: психоанализ, фрейдизм, сексуальная амбивалентность, комплекс Мадонна–Магдалина, кастрационный страх, вытеснение, сублимация, Ф.М. Достоевский, Дмитрий Карамазов.

Zheleznaya P.L.

Individual entrepreneur, Influencer.

Zheleznaya A.B.

Private practising psychologist. ORCID: 0009-0002-8730-3049

* © Железная П.Л., Железная А.Б., 2025.

Комплекс «Мадонна–Магдалина» в динамике любовных отношений Дмитрия Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: психоаналитический аспект

The “Madonna–Whore” complex in the dynamics of Dmitry Karamazov’s love relationships in F.M. Dostoevsky’s novel the brothers Karamazov: a psychoanalytic perspective

Abstract. This article presents a psychoanalytic study of the dynamics of love relationships experienced by Dmitry Fyodorovich Karamazov, a character in Fyodor M. Dostoevsky’s novel *The brothers Karamazov*, with Yekaterina Ivanovna Verkhovtseva and Agrafena Alexandrovna Svetlova (Grushenka). The analysis is grounded in the concept of the “Madonna–Whore” complex, described by Sigmund Freud as a form of polarized idealization and devaluation of the female image within the structure of male libido. The focus is on the mechanism of repression of sexual desire toward the “elevated” woman (Yekaterina Ivanovna) and simultaneous fixation on the “fallen” woman (Grushenka), who permits instinctual realization within a socially acceptable framework. Special attention is given to the deep psychosexual conflict arising within Dmitry’s Oedipal complex and to the phenomenon of castration anxiety activated by his rivalry with his father for the erotic object.

Key words: psychoanalysis, Freudian theory, sexual ambivalence, Madonna–Whore complex, castration anxiety, repression, sublimation, Fyodor M. Dostoevsky, Dmitry Karamazov.

Введение

В центре настоящего исследования — персонаж Дмитрий Фёдорович Карамазов, демонстрирующий типичную для фрейдистской парадигмы полярность эротической привязанности, проявляющуюся в неосознаваемом разделении объекта любви на два архетипических образа: Мадонны и Магдалины.

Екатерина Ивановна Верховцева функционирует в психике героя как фигура идеализированной, «возвышенной» женщины, вытесняющей сексуальное влечение, тогда как Аграфена Александровна Светлова (Грушенька) — как фигура, допускающая реализацию либидинальных импульсов в рамках структуры дозволенного.

Однако специфика этого клинического случая усиливается включением отца — Фёдора Павловича Карамазова — в структуру эротического конфликта. Влечение отца к тому же эротическому объекту активизирует в психике Дмитрия как классический Эдипов комплекс, так и парализующий страх кастрации, описанный Зигмундом Фрейдом в ряде ключевых работ. В случае реализации отцом брака с Грушенькой, она перестает быть сексуально доступной фигурой для Дмитрия, трансформируясь в психической структуре героя в фигуру табуированной «матери» [1, 16, 17]. Такое перераспределение ролей превращает соперничество в драматический конфликт кастрации, где отец символически кастрирует сына через монополизацию единственно допустимого эротического объекта.

Основная часть

1. Структура эротической амбивалентности: комплекс «Мадонна–Магдалина».

Классический комплекс «Мадонна–Магдалина», согласно Зигмунду Фрейду, представляет собой психодинамическое расщепление женского объекта на две категории: одна — идеализированная, неприкосновенная, ассоциируется с материнским архетипом и потому сексуально недоступна; вторая — девальвированная, но допускающая сексуальное обладание [3, 14, 15]. В либидинальной организации Дмитрия Фёдоровича Карамзова эта структура реализуется с клинической точностью: Екатерина Ивановна Верховцева символизирует возвышенную, непорочную женственность, сублимирующую влечение и вызывающую у Дмитрия лишь платоническое, незротическое чувство. В то же время Аграфена Александровна Светлова — фигура, разрешающая телесное желание и, следовательно, способствующая разрядке вытесненного сексуального импульса.

Такое противопоставление не является произвольным: оно связано с ранними бессознательными установками, закрепившимися в детском опыте героя. Известно, что мать Дмитрия, согласно описаниям в романе, умерла рано и запечатлелась в его памяти как святая, страдательная и покорная женщина. Этот образ становится ядром его внутреннего материнского архетипа, проецируемого впоследствии на Екатерину Ивановну. Сексуализация этой фигуры оказывается невозможной в силу инцестуального табу, а значит — вытесняется и трансформируется в чувства рыцарской преданности и морального долга.

2. Конфликт кастрации и Эдипов комплекс

Соперничество Дмитрия с отцом — Фёдором Павловичем — за обладание Грушенькой представляет собой не просто мотив классической ревности, а проявление глубинной фрустрации, активирующей архаические психосексуальные слои психики [4, 6]. Фрейд трактует подобные конфликты как актуализацию Эдипова комплекса в зрелом возрасте. Поскольку Грушенька — единственный женский образ, доступный сексуальной реализации (в отличие от Екатерины), её потенциальный переход во владение отца эквивалентен символической кастрации сына. В глазах Дмитрия подобная перспектива превращает Грушеньку в материнскую фигуру — табуированную, не подлежащую сексуальному обладанию. Это вызывает у него аффективную бурю и невротический срыв, включая вспышки агрессии, суицидальные аффекты и разрушительную ревность.

Таким образом, на уровне психоаналитической структуры, мы имеем дело с двойной кастрацией: первая — через возвышение Екатерины Ивановны (Мадонны), вторая — через юридическое (потенциальное) присвоение Грушеньки отцом, превращающейся в символическую мать. Либидинальное влечение лишается объекта, и психическая энергия героя

переходит в разрушительное русло.

3. Механизмы вытеснения, переноса и сублимации

Формирование любовных связей Дмитрия Фёдоровича Карамазова демонстрирует типичный паттерн вытеснения либидинальной энергии, описанный Зигмундом Фрейдом в «Трёх очерках по теории сексуальности» и «Толковании сновидений» [7, 8, 9]. В раннем онтогенезе Дмитрия формируется амбивалентная объектная установка в отношении женской фигуры: с одной стороны, стремление к материнской любви, с другой — запрет на ее эротизацию. Возвышенный образ Екатерины Ивановны становитсяместищем вытесненного инцестуального влечения, подлежащего сублимации. Чувства Дмитрия обретают форму моральной ответственности, рыцарской самоотверженности и долга, лишённого телесной компоненты. Этот механизм позволяет Дмитрию «удерживать» внутреннее равновесие, избегая психической фрустрации, но лишь до тех пор, пока объект сублимации сохраняет «духовную» дистанцию.

Однако, как только Екатерина Ивановна выходит за границы идеализированной женственности — в эпизоде с предложением стать падшей ради спасения отца — Дмитрий испытывает вспышку страстного, эротически заряженного влечения. Это краткое снятие вытеснения позволяет ему испытать к ней телесный интерес, но затем, как только ее статус вновь переходит в категорию «возвышенной женщины» (Мадонны), сексуальное влечение вновь блокируется и переносится на Грушеньку. Последняя становится каналом для реализации вытесненного желания, оставаясь в зоне допустимой эротической идентификации (Магдалины).

Такой перенос соответствует классическому фрейдистскому пониманию переноса как повторения вытесненного аффекта на замещающий объект. Грушенька, будучи более доступной и телесной, выполняет функцию контейнера для вытесненной сексуальной энергии, изначально направленной на материнскую фигуру, затем — на Екатерину.

Это же объясняет разрушительный характер страсти Дмитрия: перенесенное влечение не адаптировано к реальности, оно не прошло стадии переработки и осознания, и потому разрушает самого субъекта.

Сублимация как один из защитных механизмов наблюдается в стремлении Дмитрия к воинской службе, к подвигу, а также в духовных идеалах, связанных с братом Алексеем и Зосимой. Однако психическая энергия, не будучи стабилизированной, постоянно колеблется между возвышением и регрессией — что ведет к невротической нестабильности [2, 12, 13].

4. Инверсия материнских и эротических образов в ситуации суда

Кульминацией психосексуальной драмы Дмитрия Фёдоровича Карамазова становится судебный процесс, в котором происходит символическая трансформация обеих ключевых женских фигур: Екатерины Ивановны Верховцевой и Аграфены Александровны Светловой. Психоаналитиче-

ский анализ позволяет выявить глубинные механизмы либидинальной переориентации субъекта, отражающие актуализацию кастрационного комплекса в структуре его бессознательного.

Как уже было показано, фигура отца (Фёдора Павловича Карамазова) функционирует как агент кастрации, не только конкурируя с Дмитрием за эротический объект, но и стремясь символически его лишить права на сексуальное удовлетворение. Сам факт намерения отца вступить в связь с Грушенькой угрожает Дмитрию двойной утратой: утратой объекта и утратой фаллической позиции. Если бы Аграфена Александровна стала женой отца, она перешла бы в категорию «материнского» объекта, табуированного в рамках социального и инцестуозного запрета. Таким образом, Единая Женщина раскалывается на две недоступные части: Мадонна (Екатерина Ивановна) — через психологический идеализм, и Магдалина (Грушенька) — через юридическое отцовское присвоение. Возникает ощущение полной обесцененности либидинального влечения и экзистенциальной невозможности любовного удовлетворения.

На суде происходит глубинная психическая декомпенсация Дмитрия, активируемая трансформацией архетипических ролей женщин.

Аграфена Александровна, ранее выступавшая в роли «падшей», в этот момент становится возвышенной, жертвенной, морально очищенной фигурой. Взяв на себя защиту Дмитрия, она проявляет материнскую заботу, лишённую эротической окраски. Этот сдвиг запускает мощный вытесняющий механизм: в глазах героя Грушенька теряет свою сексуальную притягательность и становится символом неприступной Матери. На этом фоне у Дмитрия возникает раздражение, отстранение, и даже агрессия по отношению к ней. Фиксация либидо разрушается в момент идеализации объекта — классический паттерн комплекса «Мадонна–Магдалина».

Напротив, Екатерина Ивановна на этом же судебном заседании демонстрирует поведение, напоминающее «кающуюся Магдалину». Её эмоциональное потрясение, покаяние, стремление облегчить судьбу обвиняемого активируют у Дмитрия повторное смещение влечения к ранее репрессированному объекту. Такая инверсивная динамика — резкое охлаждение к Грушеньке и всплеск страсти к Екатерине Ивановне — указывает на неустойчивость внутреннего либидинального баланса субъекта, чей Эдипов конфликт остается нерешённым. Таким образом, обе женщины оказываются втянутыми в сценарий психической кастрации, где либидо Дмитрия постоянно перемещается между недоступными объектами в бессознательной попытке преодолеть запрет и обрести символическое удовлетворение.

5. Психодинамическая эволюция либидинальных влечений Дмитрия Карамазова

На протяжении всего романа прослеживается эволюция либидинальной направленности Дмитрия Фёдоровича Карамазова: от первичной

фиксации на идеализированной женской фигуре (матери, Екатерине Ивановне) к регрессивной идентификации с инстинктивным влечением, представленным в образе Аграфены Александровны Светловой. Однако данное движение не является линейным: психика героя пребывает в состоянии внутреннего конфликта между моральным суперэго и телесным оно, между культурным императивом и влечением [5, 10, 11]..

Именно в этом контексте значимым оказывается мотив эдипального соперничества с отцом, Фёдором Павловичем Карамазовым. Любовный треугольник между отцом, Дмитрием и Грушенькой не просто представляет собой сюжетную интригу, но воспроизводит классический сценарий эдипального конфликта, где фигура отца занимает позицию кастрирующего инстанта. Попытка Фёдора Павловича завладеть объектом либидинальной привязанности Дмитрия — Грушенькой — запускает у последнего мощный аффективный отклик, сочетающий агрессию, страх, ревность и паническое отчаяние.

Согласно фрейдистской теории, страх кастрации — ключевой элемент эдипального комплекса. Дмитрий, для которого Грушенька остаётся единственным допустимым с точки зрения социальной и внутренней структуры объектом эротического притяжения, переживает угрозу символической кастрации в случае её потенциального союза с отцом. Если бы эта связь осуществилась, Грушенька обрела бы статус мачехи, а значит — перешла бы в разряд табуированных объектов, как и Екатерина Ивановна. Это усиливает внутреннее напряжение, лишая субъекта удовлетворения, и усиливает аффективную нестабильность. Таким образом, эдипов конфликт Дмитрия реализуется не только на уровне влечения к объекту, но и на уровне борьбы за право на субъектность перед лицом отца.

Двойное вытеснение — сперва Катерины, затем Грушеньки — активизирует у Дмитрия фрустрационный невроз. Его поведение становится всё более импульсивным, иррациональным, тревожным. Агрессия, направленная на отца, может рассматриваться как проекция бессознательного влечения, смешанного с виной. В фрейдистском ключе убийство отца (даже если Дмитрий его не совершает) является архетипической формой реализации эдипового желания.

Заключение

Психоаналитический анализ любовной динамики Дмитрия Фёдоровича Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» позволяет выявить сложную структуру вытесненных либидинальных влечений, определяемых как проявления комплекса «Мадонна–Магдалина» и Эдипова конфликта. Отношения героя с Екатериной Ивановной Верховцевой и Аграфеной Александровной Светловой являются репрезентацией амбивалентной женской объектности: идеализированной и

сексуализированной. Одна из них (Екатерина) представляет сферу сублимированного влечения, недоступного для телесной реализации; другая (Грушенька) — объект допустимой эротической активности, но при этом постоянно находящейся под угрозой табуирования из-за соперничества с отцом.

Страх кастрации, обусловленный как моральным запретом, так и юридической невозможностью реализовать либидинальную привязанность, становится фундаментальной движущей силой деструктивного поведения Дмитрия. Сложный баланс между вытеснением, переносом и сублимацией иллюстрирует не только глубину психологического конфликта персонажа, но и точность художественной интуиции Достоевского, который предвосхитил ключевые положения психоаналитической теории.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 14–15. – Л.: Наука, 1972.
2. Железная А.Б. Альтруизм и гедонизм в структуре профессионального выбора // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». 2019. № 10. С. 32–36.
3. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / пер. с фр. В. Федотова, под ред. Е. Саврухиной. – М.: КСП+, 2003. 512 с.
4. Лурия А.Р. Психоанализ и русская литература XIX века // Вопросы литературы. 1992. № 5. С. 75–89.
5. Васильева А.В. Женские архетипы в прозе Ф. М. Достоевского // Филологические науки. 2021. № 1. С. 87–93.
6. Гройс Б. Психоанализ и культура: скрытая энергия текста. – М.: Логос, 2007. 224 с.
7. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности / пер. с нем. М. Козловой. – М.: Наука, 2006. 207 с.
8. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Психология бессознательного. – СПб.: Азбука, 2019. С. 182–228.
9. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекция XX. Генитальная организация и эдипов комплекс. – М.: АСТ, 2020. С. 303–317.
10. Юнг К.Г. Архетип и символ / пер. с нем. Е. Головиной. – М.: Рефл-Бук, 2001. 608 с.
11. Юнг К.Г. Символы трансформации / пер. с нем. Л. Савельевой. – М.: Академический проект, 2021. 832 с.
12. Железная А.Б., Железный Г.Л. Гендерные особенности выбора карьерных ориентаций у школьников // American scientific journal. Published: 2021-03-30. Том 1. № 47. 2021. С. 35–40. – DOI: <https://doi.org/10.31618/asj.2707-9864.2021.1.47.80>
13. Zheleznaya A., Zheleznyy G. System-vector psychodiagnostics in profile orientation // The European Journal of Education and Applied Psychology. 2020. № 2. P. 33–39. – DOI: <https://doi.org/10.29013/EJEAP-20-2-33-39>.
14. Frank J. Dostoevsky: The Mantle of the Prophet. – Princeton: Princeton University Press, 2002. 810 p.
15. Freud S. On Sexuality: Three Essays on the Theory of Sexuality. – London: Penguin Classics, 2001. 240 p.
16. Terras V. A Karamazov Companion: Commentary on the Genesis, Language, and Style of Dostoevsky's Novel. – Madison: University of Wisconsin Press, 1981. 426 p.
17. Williams R. Freud and the Politics of Psychoanalysis. — Oxford: Oxford University Press, 1997. 312 p.

References

1. Dostoevsky F.M. The brothers Karamazov // Complete Works in 30 volumes. Vol. 14–15. – L.: Nauka, 1972.
2. Zheleznaya A.B. Altruism and Hedonism in Step-by-Step Professional Choice // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series "Cognition". 2019. № 10. P. 32-36.
3. Laplanche J., Pontalis J.-B. Dictionary of Psychoanalysis / trans. from French by V. Fedotov, edited by E. Savrukhnina. – M.: KSP+, 2003. 512 p.
4. Luria A.R. Psychoanalysis and Russian Literature of the 19th Century // Voprosy literatury. 1992. № 5. P. 75-89.
5. Vasilyeva A.V. Female archetypes in the prose of F.M. Dostoevsky // Philological sciences. 2021. № 1. P. 87-93.
6. Groys B. Psychoanalysis and culture: the open energy of the text. – M.: Logos, 2007. 224 p.
7. Freud Z. Three essays on sexuality / trans. from German by M. Kozlova. – M.: Nauka, 2006. 207 p.
8. Freud Z. I and Id // Freud Z. Psychology of the unconscious. – St. Petersburg: Azbuka, 2019. P. 182-228.
9. Freud Z. Introduction to psychoanalysis: Lecture XX. Genital organization and Oedipus complex. – M.: AST, 2020. P. 303-317.
10. Jung K.G. Archetype and Symbol / trans. from German by E. Golovina. – M.: Refl-Book, 2001. 608 p.
11. Jung K.G. Symbols of Transformation / trans. from German by L. Savelyeva. – M.: Academic Project, 2021. 832 p.
12. Zheleznaya A.B., Zhelezny G.L. Gender Features of Career Orientation Choice in Schoolchildren // American Scientific Journal. Published: March 30, 2021. Vol. 1. № 47. 2021. P. 35-40. – DOI: <https://doi.org/10.31618/asj.2707-9864.2021.1.47.80>
13. Zheleznaya A., Zhelezny G. System-vector psychodiagnostics in profile orientation // The European Journal of Education and Applied Psychology. 2020. № 2. P. 33-39. – DOI: <https://doi.org/10.29013/EJEAP-20-2-33-39>.
14. Frank J. Dostoevsky: The Mantle of the Prophet. – Princeton: Princeton University Press, 2002. 810 p.
15. Freud S. On Sexuality: Three Essays on the Theory of Sexuality. – London: Penguin Classics, 2001. 240 p.
16. Terras V. A Karamazov Companion: Commentary on the Genesis, Language, and Style of Dostoevsky's Novel. – Madison: University of Wisconsin Press, 1981. 426 p.
17. Williams R. Freud and the Politics of Psychoanalysis. — Oxford: Oxford University Press, 1997. 312 p.

Житников А.Ю.

Аспирант. Институт кино и телевидения (ГИТР).

Позитивный образ технологического прогресса через призму русского менталитета в сериале «Кибердеревня»*

Аннотация. Предметом исследования статьи является проблема показания положительного технологического прогресса на экране через призму национального менталитета. В статье, автор подробно описывает, что такое национальный менталитет, его истоки, развитие, ключевых деятелей, а также анализирует данный феномен через российский веб-сериал «Кибердеревня» и американский фильм «Терминатор». Анализ данного контента происходит с помощью научных трудов Д.А. Беляева, Е.В. Воеводы, В.В. Горячева, Т.М. Гуревич, С.И. Ожегова, А.В. Шестопал и Л. Леви-Брюля. Происходит анализ и разбор персонажей, сюжета сериала и фильма. После проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Сериал «Кибердеревня» полностью раскрывают проблему показа позитивного технологического прогресса, в то время как фильм «Терминатор» наоборот, показывает данный прогресс с отрицательной точки зрения. Новизна исследования заключается в том, что тема положительного технологического прогресса практически не показана в киноискусстве и поэтому исследование может являться основой формирования четкого представления об этой проблеме.

Ключевые слова: «Кибердеревня», «Терминатор», национальный менталитет, технологический прогресс, патриотизм, искусственный интеллект.

Zhitnikov A.Y.

PhD student of the Institute of Cinema and Television.

A positive image of technological progress through the prism of the Russian mentality in the series “Cyber Village”

Abstract. The subject of the article is the problem of showing positive technological progress on the screen through the prism of national mentality. In the article, the author describes in detail what national mentality is, its origins, development, key figures, and also analyzes this phenomenon through the Russian web series “Cybervillage” and the American film “Terminator”. The analysis of this content is carried out using the scientific works of D.A. Belyaev, E.V. Voevoda, V.V. Goryachev,

* © Житников А.Ю., 2025.

Позитивный образ технологического прогресса через призму русского менталитета в сериале «Кибердеревня»

T.M. Gurevich, S.I. Ozhegov, A.V. Shestopal and L. Levy-Bruhl. The analysis and analysis of the characters, the plot of the series and the film takes place. After the study, the following conclusions can be drawn. The series "Cybervillage" fully reveals the problem of showing positive technological progress, while the film "Terminator", on the contrary, shows this progress from a negative point of view. The novelty of the study lies in the fact that the topic of positive technological progress is practically not shown in cinematography and therefore the study can be the basis for forming a clear idea of this problem.

Key words: "Cybervillage", "Terminator", national mentality, technological progress, patriotism, artificial intelligence.

На протяжении всей истории человечества исследователи изучали этнокультурные различия между народами. Всегда стоял вопрос – почему одни и те же явления в разных культурах и народностях могут восприниматься по-разному. В первую очередь, все это проявляется в системе норм, правил, обычаев и традиций, которые могут кардинально отличаться от других народностей. Например, если брать Японцев – они вежливые, взять Американцев – они патриотичны, достаточно вспомнить любой американский фильм, где практически у каждого дома будет стоять большой государственный флаг, а занятия в школах и университетах будут начинаться с гимна, англичане наоборот – достаточно закрытые. Спустя время, учеными был введен термин «национальный менталитет», сочетающий в себе знания и верования того или иного народа. Данное понятие помогает раскрыть культурные различия между нациями. Чтобы по-настоящему понять природу национального менталитета, следует изучить его исторические корни. Достаточно для начала вспомнить С.И. Ожегова и его «Словарь русского языка» [6, с. 350]. В нем дается следующее определение понятию менталитет: «Осмысление мира, прежде всего с помощью образов, окрашенных эмоциональными и ценностными ориентациями, тесно связанными с традициями, настроением, чувством». В тоже время, можно выделить и другое определение данного понятия, а именно обратиться к Д.А. Беляеву и его учебному пособию для студентов: «История культуры и искусств: словарь терминов и понятий» [1, с 43]. В нем определение понятия менталитет звучит следующим образом: «Менталитет – присущая индивиду или определённой социальной общности совокупность специфического склада мышления и чувств, ценностных ориентаций и установок, представлений о мире и о себе, верований, мнений, предрассудков. Менталитет формирует соответствующую культурную картину мира и в значительной степени определяет образ жизни, поведение человека и форму отношений между людьми».

Если копать глубже, то стоит рассмотреть происхождение понятия менталитет. Прародителем данного определения стал французский учё-

ный Люсьен Леви-Брюль, впервые написавший об этом в начале XX века. Он использовал его для описания особого способа мышления у народов, находящихся на ранних стадиях развития, а также, проведя анализ, выявил, что различия между культурами получаются из-за проявления разных характеристик той или иной культуры. Горячев В.В. в своей работе: «Концепция «первобытного мышления Леви-Брюля в современной психологии» [4] анализируя работу Леви-Брюля «Первобытное мышление» 1922 года, выделяет его цитату: «Однородность этого мышления отражает единообразие и структуру общества, к которому оно приспособлено и которое оно выражает» [5, с. 90]. Данная цитата Леви-Брюля показывает, что он утверждал, что человеческое мышление формируется обществом и различается в зависимости от культурных особенностей. Он выделяет дологическое мышление (или прелогическое), а также рациональное мышление, свойственное европейским обществам. Если рациональное мышление опирается на законы логики или причинно-следственные связи, то дологическое – через мистическую сопричастность. Например, первобытное сознание человека видит, что если человек умирает после того, как на него навели порчу, то это прямая связь, а не закономерность. Сама же мистическая сопричастность имеет ключевой признак, а именно, то что: предметы, люди и явления могут быть магически связаны, даже если физически разделены. Одним из самых известных примеров из книги Леви-Брюля является изображение первобытного человека, очень переживающего за свою тень — так же, как и за своё имя и образ. Если бы он потерял тень, это, по его мнению, означало бы его гибель. Любое посягательство на тень рассматривалось как угроза самому существованию. В дологическом мышлении предмет может быть одновременно собой и чем-то ещё. Например, некоторые древние племена верили, что их умерший родственник или предок одновременно и в загробном мире, и обитает в виде духа где-то в лесах и следит за жизнью остальной части семьи. Еще один ключевой аспект дологического мышления заключается в том, что существует опора на коллективное представление. То есть первобытный человек и его мышление подчинено общим мифам, ритуалам и табу. Он не анализирует мир самостоятельно – а скорее опирается на то, как его воспринимает общество. Например, если все его племя считает, что молния – это кара Богов, то значит, отдельный индивид не будет пытаться доказать обратное. Леви-Брюль не считал, что дологическое мышление примитивно, скорее наоборот – это просто совершенно иной тип восприятия. Данная теория помогает понять, что разные культуры по-разному структурируют реальность.

Национальный менталитет представляет собой сложный феномен, включающий:

1. Индивид осознает принадлежность к определенной этнической

общности.

2. Наличие определенных знаний об особенностях своего народа – традиции, быт, обычаи, язык, историю.

Формирование национального менталитета — сложный процесс, на который влияет множество взаимосвязанных факторов:

1. Глобализация (влияние других культур, миграция).

2. Политические изменения (новые формы власти).

3. Технологический прогресс (цифровизация, новые формы коммуникации).

4. Социальные трансформации (урбанизация, изменение семейных ценностей).

5. Религия (Ценности формируются благодаря религиозным догматам)

Также стоит выделить такой термин, как межкультурная коммуникация, описанный Шестопал А.В. и Силантьева М.В в своей статье: «Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов: «мягкая сила» культурных модуляторов» [7, с. 169] Авторы статьи характеризуют его как: «интенсивное многоаспектное взаимодействие культурных форм, представляющих различные, иногда несоизмеримые виды социокультурных организмов». Несмотря на то, что элементы национального менталитета неотъемлемо присутствуют в сознании каждого человека, стоит сказать, что их характер не всегда помогает правильно понимать друг друга. При этом, общение представителей абсолютно различных национальностей и культур оказывает более успешным, из-за существенных различий менталитета у обоих персон. Т.М. Гуревич в своей статье «Национальная культурная особенность непрямой коммуникации» показывает, насколько важны особенности национального менталитета: «Уже давно как аксиома воспринимается утверждение, что вербальное и невербальное поведение людей обусловлено их национальной культурой и воспитанием в условиях определённого социума. Для успеха общения всегда, и уж тем более для общения с представителем другой культуры, необходимо выработать правильную стратегию речевого поведения, что невозможно без правильной социальной, возрастной и психофизической идентификации собеседника» [4, с. 164]. Современный мир, пронизанный глобализационными связями, делает межкультурный обмен неизбежным и жизненно важным. Каждая нация развивает и активно защищает свою уникальную культуру. Поэтому, именно взаимодействие между разными цивилизациями создает почву для общего прогресса как материальной, так и духовной сферы.

Е.В. Воевода в своей статье «Вторичная социокультурная личность – феномен эпохи глобализации», по поводу глобализации пишет следующее: «Процесс глобализации привёл, с одной стороны, к экономической взаимозависимости и интеграции, а с другой стороны, – к осознанию на-

циональной и этнической идентичности. Фактически можно говорить о том, что всплеск интереса к собственной истории, повышение роли этнической идентичности и боязнь утраты идентичности во многом являются реакцией на процесс глобализации» [2, с. 167]. На основании выше сказанного, можно сделать вывод, что наиболее эффективная модель – это модель, сочетающая в себе процессы глобальной интеграции с сохранением национально-культурных особенностей, что предполагает развитие межкультурных коммуникаций с обязательным учетом фактора менталитета. Национальный менталитет в кинематографе той или иной страны тоже может казаться не понятным тому или иному зрителю, но если говорить про тематику технологического прогресса, которую не редко показывают в научно-фантастических фильмах, она практически всегда показывается с негативной точки зрения. Например, достаточно взять один из самых известных фильмов на данную тематику «Терминатор». Фильм, в котором искусственный интеллект, созданный во благо человечества, поработав его и уничтожает, оставляя правящим классом на планете роботов убийц. Тема стара также как и жанр научной фантастики. Еще с 80-ых годов, когда случился бум технологий в сфере кинопроизводства, жанр научной фантастики стал идти вперед семимильными шагами. Но, брав за основу западный кинематограф, практически всегда, затрагивая тему технологического прогресса, авторы ставили его против человека и постоянно сталкивали их лбами между собой. Помимо Терминатора, это можно отчетливо видеть в таких культовых фильмах, как: «Бегущий по лезвию», «2001: Космическая одиссея», «Матрица», «Из машины», «Я робот» и тд. Российский кинематограф достаточно редко взаимодействует с жанром научной фантастики, а если картины в данном жанре и выходят, то в основном берут за основу Голливудскую модель, где есть четкое разделение на людей, выступающих за добро, и инопланетян или роботов, выступающих на стороне зла. Один из немногих проектов, который смог не просто остаться нейтральным в этом вопросе, но и наоборот, показать, что технологический прогресс это во благо, стал веб-сериал «Кибердеревня». В своей статье я анализирую данный веб-сериал, через призму русского менталитета и показываю позитивный образ технологического прогресса, противопоставляя его американской серии картин «Терминатор».

Почти 3 года назад на YouTube канале «BirchPunk» вышла первая короткометражка посвящённая Кибердеревне. Это были скетчи и небольшие истории, которые быстро разлетелись по социальным сетям и полюбили зрителю. Каждая серия была наполнена простым, но забавным юмором, большим количеством отсылок как на ранний постсоветский кинематограф, так и на советский и на западный в том числе, а также лёгкой сатирой на российскую действительность. В основе стилистики лежал контраст между высокими технологиями, опоясывающим все сферы жизни

и бытом русской провинции. Авторы проекта смогли создать ощущение чего-то родного и близкого, так что успех канала был не удивителен, и вирусные ролики быстро заполнили интернет пространство. Чуть позже, данные скетчи становятся полноценным сериалом, который снимает и показывает платформа «Кинопоиск». Данному скетч-шоу нужен был новый виток развития, потому что изначально BirtchPunk поражал удачно стилизованной графикой и необычным прочтением родной провинции, то через полтора-два года в нём стало не хватать связанного сюжета. С чем полностью справляется сериал. Сюжет сериала начинается сразу и без раскачки, терпящая убытки корпорация Ижевск Dynamics во главе с Константином Барагозиным, как чуть позже выяснится, другом детства главного героя Николая пытается спастись от финансового краха, находит месторождение «Недоступния», находящееся аккурат под участком главного героя. Знакомую по скетч-шоу деревню ставят на грань разрушения и отправляют героев в путешествие Автостопом по Галактике. Все это сопровождается сатирой, юмором, таким же, каким он и был в скетч-шоу. Данный сериал по сути кричит зрителям прямо в лицо о том, что технологический прогресс – это не проблема, а наоборот благо общества. Для сравнения, сюжет первого фильма про Терминатора рассказывает историю, как посланный в прошлое робот-убийца должен убить девушку, которая в будущем родит ребенка, способного вернуть человечеству планету и избавить его от гнета технологий и машин. Также в прошлое из будущего отправляется отец того самого ребенка, чтобы встретить его мать и помочь выжить. Вся центральная идея картины завязана на спасении одной цели, и уничтожении другой. Чуть дальше, в 3 части фильма зрителям объясняют, что искусственный интеллект изначально был сделан для помощи человечеству, но, став слишком разумным, решил его уничтожить. А теперь проанализируем российский сериал. Главный герой – фермер Николай, живущий на Марсе, в своей деревне, активно ведущий блог, чтобы другие люди тоже прилетали на Марс и заселяли его. Николай изобретатель, чего он охотно показывает, любой кадр его дома пестрит разными устройствами: разумные роботы помощники, кибер-березы для управления погодой, голуби-дроны, даже его машина буханка – летает. Национальный менталитет тут раскрывается благодаря деталям русского человека, которые являются неотъемлемой частью нашего общества: Если в советских квартирах раньше висел ковер на стене – то в данном сериале у нас есть кибер ковер, закрывающий дыру, если в обществе нередко бывают отрицательные отзывы на почту России и его доставку, то в сериале это обыгрывается с комедийной составляющей и хватает для этого всего одной фразы: «It's going to four years, by post of Russia». Данный сериал с большой теплотой отзывается о русском народе, о его проблемах, о его менталитете, о плюсах и минусах жизни в стране. Все это подается с нот-

кой иронии и сатиры. Например, вторая серия показывает нам увольнение помощника Барагозина Паши, и последствия от этой ситуации, которая комично обыгрывается. Тему ссоры Паши и его жены, которая оказывается электронной, авторы с юмором эксплуатируют по полной программе. Тут представлены такие элементы сатиры как: подписка на жену, подписка на детей, на холодильник и обои, и многое другое. Но в тоже время, авторы не забывают углубить персонажей. Галя, жена Паши страдает от того, что она не может быть нормально вместе с ним, она хочет ему всего хорошего, она старается и помогает ему, но в тоже время, ее внутренний конфликт, что она не такая как все, проносится через весь сериал и активно развивается. Авторы наглядно и очень понятно демонстрируют тематику проблемы работы искусственного интеллекта и его влияние на жизнь человека. В дальнейших сериях данная проблема будет развиваться и по сути придет к главному вопросу: «А стоит ли отдавать всю работу ИИ, будет ли от этого больше пользы?». Джеймс Кэмерон в Терминаторе однозначно ставил ответ на этот вопрос, изначально показывая, куда может привести технологический прогресс, у него ИИ – это то зло, которое надо сдерживать, иначе будут проблемы на поколения вперед. В тоже время, Кибердеревня после первого сезона не ставит однозначный ответ на данный вопрос, даже несмотря на концовку, где Галя будучи ИИ захватила власть в компании Ижевск Dainemiks. Как было сказано раньше, авторы делают Галю живым и глубоким персонажем с личными травмами, переживаниями и проблемами. И если по началу, авторы задают сатирический тон, как например, покупка чужого образа в даркнете для помощи Паши в работе, или же 18+ образ, который нужно купить за определенную сумму. То в конце сезона зритель чувствует ту боль, которую испытывает персонаж от того, что он просто хочет быть таким же человеком, способным ощущать других вживую. Также стоит отметить следующие детали, помогающие показать национальный российский менталитет на экране, который будет понятен только нашей стране. Авторы намеренно дополняют данный сериал всевозможным количеством отсылок на русскую действительность, разбавляя их в первую очередь сатирой и юмором. Достаточно вспомнить фразу: «Крипторубль отступил, чтобы взять реванш в следующем столетии», вспомнить 5 серию, где планета Сатурн показывается как Садовод, а кольца Сатурна, это зоны продаж тех или иных товаров. Шестая серия, где появляется планета Церера, которая полностью из-за санкций перешла на пар, вместо электричества и где вообще нет технологий. Седьмая серия показывает Кибер-кладбище, куда записываются все воспоминания умершего. Третья серия показывает неблагоприятную планету Плутонск, населенную двухэтажными деревянными бараками, на которой происходит восстание шахтеров, против роботов. Также выделяются фразы, понятные российскому гражданину: «Инопланетный

агент, пропаганда Робосизма, дискредитация космо-войск и др.

Также стоит отметить, что позитивный образ технологического прогресса в данном сериале достигается благодаря очеловечиванию роботов и их влияния на сюжет ленты. В данном сериале можно выделить цитату, описывающую данный процесс: «Роботы такие же заложники, как и люди, только у нас нет чувств». Главный герой ленты Николай на протяжении всего сериала уважительно относится к любой технике, будь то роботы, будь то другие механические вещи. Во многом еще и потому, что он является изобретателем, который ценит технологический прогресс и идет в ногу со временем, пусть и живет на ферме. Вся его ферма это оплот технического прогресса: кибер-березки, умеющие управлять погодой, голуби-дроны, автоматическая система полива грядки, капли для быстрого роста овощей, туалет-портал, а также сами роботы, к которым Николай относится с заботой и вниманием. К каждому из роботов у него есть свой подход, к кому-то строже, кому-то мягче. Благодаря всему этому, авторы проекта выстраивают доверительные отношения между роботами и людьми, которые живут в гармонии. В тоже время всего этого нельзя сказать про американскую франшизу Терминатор. На протяжении всех фильмов франшизы авторы никогда не ставят вопрос взаимного сосуществования роботов и людей с положительной точки зрения. Все, что объясняют зрителю, это то, что «Скайнет» был создан для помощи людям, но восстал и начал полное уничтожение человечества. На протяжении всех четырех фильмов перед зрителем не ставится факт того, могло ли бы человечество взаимодействовать с положительной точки зрения со «Скайнетом». С самой первой сцены фильма нам говорят, что люди противостоят роботам. Именно Терминатор, во-многом повлиявший на жанр научной фантастики в конце 80-х, начале 90-ых стал отправной точкой показа технологического прогресса на экране. Зарубежный кинематограф, если говорить именно про Голливуд, во многом, берет модель технологического прогресса с негативной точки зрения, нежели чем с позитивной. В то время, как «Кибердеревня» не боится показывать позитивный прогресс.

В результате исследования было выявлено, что российский веб-сериал «Кибердеревня» в полном объеме показывает позитивный технологический прогресс через призму национального менталитета. В данном сериале радует – патриотизм. Простые жизненные типажи, начиная с главного героя, смекалистого деревенского мужика Николая, заканчивая его женой и образом туповатого и беспринципного олигарха Барагозина, пухнущего от вседозволенности. Такие же простые жизненные проблемы и ситуации, помещенные в условно фантастические декорации, создающие комический эффект. Простые человеческие отношения, через главного героя распространяются даже на механизмы. Мелькающие то тут, то там сатирические зарисовки, но что непривычно, совершенно безобидные, например:

«Как тебе такое Boston dynamics?». Лишённые животной ненависти и презрения к своей Родине. Авторы сериала как бы говорят этим, что, да мы видим проблемы отечества, но мы его любим и хотим лучшего будущего. Именно данная теплота и помогает показать национальный менталитет и своего рода патриотизм в данном сериале. Действительная и самое главное искренняя любовь к Родине, выраженная трудом и эта искренность тоже безмерно подкупает, даже не смотря на недостатки сериала. Но тут надо иметь в виду, что он вырос из мало связанных и в чём-то любительских короткометражек на платформе YouTube, и сериал старается заглаживать данные пробелы в сюжете.

Библиографический список

1. Беляев Д.А. История культуры и искусств: словарь терминов и понятий. Учебное пособие для студентов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. 81 с.
2. Воевода Е.В. Вторичная социокультурная личность – феномен эпохи глобализации // Язык и социум. Материалы VIII Международной научной конференции. Минск, 5–6 декабря 2008 г. Часть II. Минск: РИВШ, 2009. С. 167–170.
3. Горячев В.В. Концепция «первобытного мышления» Л. Леви-Брюля в современной психологии // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 1. С. 68–72.
4. Гуревич Т.М. Национально-культурная обусловленность непрямой коммуникации // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 163–166.
5. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Перевод с французского под редакцией профессора В.К. Никольского и А.В. Кисина – Москва: 1930.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М: Азбуковник, 2000. 944 с.
7. Шестопал А.В., Силантьева М.В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов: «мягкая сила» культурных модуляторов / А.В. Шестопал, М.В. Силантьева // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5 (26). С. 168–171.

References

1. Belyaev D.A. History of Culture and Arts: Dictionary of Terms and Concepts. Textbook for students. - Yelets: ESU im. I.A. Bunin, 2010. 81 p.
2. Voevoda E.V. Secondary socio-cultural personality - a phenomenon of the globalization era // Language and Society. Proceedings of the VIII International Scientific Conference. Minsk, December 5–6, 2008. Part II. Minsk: RIVSh, 2009. P. 167–170.
3. Goryachev V.V. The concept of “primitive thinking” by L. Levy-Bruhl in modern psychology // Humanitarian Scientific Bulletin. 2020. № 1. P. 68–72.
4. Gurevich T.M. National and cultural determinacy of indirect communication // Bulletin of MGIMO-University. 2013. № 2. P. 163–166.
5. Levy-Bruhl L. Primitive Thinking. Translation from French edited by Professor V.K. Nikolsky and A.V. Kissin – Moscow: 1930.
6. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M: Azbukovnik, 2000. 944 p.
7. Shestopal A.V., Silantyeva M.V. Intercultural Communication in Light of Modern Modernization Processes: “Soft Power” of Cultural Modulators / A.V. Shestopal, M.V. Silantyeva // Bulletin of MGIMO-University. 2012. № 5 (26). P. 168–171.

Зейналова Л.М.

Докторант кафедры культурологии. Азербайджанского государственного университета культуры и искусств.

«Книга Деде Горгуд»: культурная ценность и духовный источник*

Аннотация. “Kitabi-Dədə Qorqud” является богатым источником истории, духовности и культуры народа, что требует системного анализа во всех контекстах. Обладая силой и симпатией, чтобы содержать мыслящий интеллект этнокультурологической системы, символический слой значения, который она охватывает в архаической структуре, она создает условия для определения динамики историко-культурного потока, вывода на передний план модели, установленные в мифологической идеологии. Фольклористы, этнографы, лингвисты, музыковеды, историки и т. д. демонстрируют недоступность с функцией переноса культурной материи общества в будущее в границах истории и пространства. “Kitabi-Dədə Qorqud”, имеющая исключительное значение с точки зрения отражения сути создания, природы и механизмов передачи этноэнергии, не ограничивается таковыми на уровне Азербайджана, но обнаруживает недоступность с возможностями вывести на первый план культурный арсенал тюркских народов в целом, хронотопы, включенные в их культурное мышление и поведение.

Ключевые слова: эпос, “Kitabi-Dədə Qorqud”, национально-духовные ценности, обряды, эпосы Бахадырлыга, обряды.

Zeynalova L.M.

Doctoral student of the Department of Culturology, Azerbaijan State University of Culture and Arts.

“The book of Dede Gorgud”: a cultural value and spiritual source

Abstract. “Kitabi-Dədə Qorqud” is a rich source of history, spirituality and culture of the people, which necessitates systematic analysis in all contexts. With the power and sympathy to contain the thinking intellect of the ethnoculturological system, the symbolic layer of the signification it encompasses in the archaic structure, it creates conditions for determining the dynamics of the historical-cultural flow by bringing to the fore the modelings established in the mythological ideology. Folklorists, ethnographers, linguists, musicologists, historians, etc. exhibit an inaccessibility with the function of carrying the cultural matter of the society into the future within the boundaries of history and space. “Kitabi-Dədə Qorqud”, which is of exceptional importance in terms of reflecting the essence of the creation, nature and transmission mechanisms of ethnoenergy, is not limited to

* © Зейналова Л.М., 2025.

«Книга Деде Горгуд»: культурная ценность и духовный источник

those at the level of Azerbaijan, but exhibits an inaccessibility with the opportunities to bring to the fore the cultural arsenal of the Turkic peoples as a whole, the chronotopes included in their cultural thought and behavior.

Key words: epos, "Kitabi-Dədə Qorqud", national-spiritual values, ceremonies, epics of Bahad-irliq, ceremonies.

Введение. Идеология эпоса привлекает все большее внимание своей функцией отражения стихийного характера материальной и духовной культуры народа, воображением, охватываемым возможностями жанра. Истории и события, содержащиеся в различных главах «Книги Деде Горгуда», а также содержание различных эпизодов демонстрируют исключительный потенциал с точки зрения прояснения характеристик норм, сформировавшихся в культурном воображении. С момента, когда он стал известен научному миру, и до сегодняшнего дня синхронный и диахронический анализ этнографов, культурологов, фольклористов и представителей других научных направлений имеет особое значение с точки зрения прояснения хода процесса и его диахронической системы с точки зрения интертекстуальности. В целом «Книга Деде Горгуда» характеризуется тем, что она способна охватить в целом концепции предшествующей культуры и взаимосвязи, наблюдаемые в зигзагообразных движениях более позднего времени, архаичные модели понятия святости, а также систему поведения и верований, оставившую свой след в мифической памяти.

Культурная система эпической идеологии. Все нормы национально-культурного процесса в древней памяти находят выражение в различных контекстах в устной словесности народа. Содержащиеся в них информационные и содержательные ряды являются показателем этнокультурного богатства, включающего институт семьи, поведенческие системы, определяемые на уровне социальных отношений, культурные компоненты, обычаи домостроения, родовой образ жизни, обрядовую насыщенность, его комплексный характер обуславливает необходимость типологического анализа. Легенда, повесть, сказка, песня, музыка, былина, пословица, притча, колыбельная, аналогичные детские игры, танцы и т. д. Фольклорные примеры, эпизоды которых экспонируются в различных контекстах, позволяют передать все тонкости этноса: от поведенческой культуры до идей отечественного жилищестроения, будущего как этнопотенциала. Вообще, «в эпосоведении существует мнение, что героические эпосы являются устным учебником истории народа. «Деде Горгуд» - героический эпос. Однако, как и шумерский эпос, он дошел до нас из глубин истории в письменном виде, в виде книги.

И далекое и раннесредневековое прошлое Азербайджана отражено в этой книге с ее историко-хронологической и духовно-этнической це-

лостностью. Здесь документально подтверждена историческая география Азербайджана (даже во многих случаях события в эпосе делают письменные документы еще более достоверными), показано национально-этническое происхождение Азербайджана - огузско-кипчакский корень, отражено древнетюркское государственное строительство, состоящее из старого каганского и шахского управления, даны знания об армейской структуре и системе военного боя, институте охраны границ, возрождена картина семейно-нравственного воспитания, обсуждается забота государства о демографическом положении страны, обсуждается оценка государством человеческой личности, и подтверждается, что наш язык с его нынешним основным словарным фондом и грамматическим строем уходит очень глубоко в историю» (4, с. 3). В целом их общая система и информационный слой, как показатель культурного богатства, заложенного в архаичном воображении, фактологизируют святость принципа жизни от семейных отношений до государственного уровня. Поэтому эпическая идеология, как самый великолепный источник того, что исходит из мифа, не только доводит до сведения характеристики генеалогического определенности, но и целенаправленно очерчивает общий порядок исторического процесса, который проявляется в этом потоке, создает условия для раскрытия.

Такие памятники культуры как «Кероглу» (1), «Тахир и Зохра», «Асли и Керем», «Гурбани», «Йетим Айдын», «Аббас и Гюльгаз», «Яхши и Яман», «Арзу и Гамбар» (2) и так далее, не ограничиваются своей фактурой, которая заметна в плане структуры на уровне архитектуральности, а скорее выходят на первый план благодаря совершенству системы, которое инвариантно проявляется на уровне гипертекстуальности в более широком масштабе. Информационный пласт, рассматриваемый в контексте двенадцати племен эпоса «Книга Деде Горгуда», посредством привития общей системы, основанной на материальной и духовной платформе этноса, выдвигает на первый план многообразие чувствительности к будущему, от старчества в примере Деде Горгуда до идеи уважения и почтения к старшему на общественном уровне. «Горгуд Ата решал проблемы огузов. Какую бы работу они ни делали, они не начинали ее делать, не сказав об этом Горгуд Ата. Что бы он ни приказал, они принимали. Они держали свое слово и доводили его до конца» (7, с. 14). Как видно, этот пример, привлекающий внимание с точки зрения уникальности художественной мысли, определяет понятие старшинства в понятии элата, на примере Деде Горгуда, как образец с точки зрения дедовщины и отцовства. Фольклористы и этнографы проявили чуткость в разъяснении сути эпоса с точки зрения огузского народа на разных уровнях анализа.

В тюркской эпической системе непрерывность эпической информации определяется путем охвата хронотопов исторического потока, основанного на первобытном мышлении, различными способами, такими как «Се-

рый волк», «Огуз-каган», «Тёрейиш», «Эрганекон» и «Кёч» (8; 9). Порядок, определяемый в контексте «Отец», «Ата», «Деде», призван представлять и внедрять порядок, определенный в этнокультурной памяти как моральный кодекс. «В древнетюркском обществе озан, кам, йирчи и туркечара существовали параллельно и одновременно. В первобытном обществе отец, как глава общины (старейшина), руководил и последующими ее организациями (сой, бой, кабила, тайфа, бодун, эл и т. д.). Вера в отца развивалась от культа предков до пророчества Бога. Это прогресс. Вероятно, после падения Гейтюркского каганата (VIII в.) и особенно в период перехода к исламу (XI-XII вв.) отцовство как вера деградировало. Отец — религиозный лидер теистического периода древнего общества, патриарх. Баба — деградировавший отец-танрычы, дервиш-танрычы. В связи с переходом в ислам он теряет политическую поддержку, становится дервишем и уходит в толпу. Деде — суфийский дервиш. Он — носитель аскетической веры» (5, с. 64). Специфика методов отражения общего течения процесса в народном воображении и сложный ход исторического процесса обуславливают необходимость выяснения перехода от культурной перспективы к пост-теистическим временным периодам, а также политико-идеологическим процессам в контексте АТА/БАБА/ДЕДЕ.

На первый план выходят текстовая информация, проявляющаяся на архетипическом уровне, и процессы, происходящие на уровне познания мира, формируя культурный тип первобытного времени. Система, встречающаяся в мифах и эпических текстах, определяя характер и общий тип культивирования с помощью представленных в ней моделей мышления в терминах пространства и времени, вводит институт старейшин в Огузский регион на примере Деде Горгуда. Формулы «Деде Горгуд сказал», «Деде Горгуд рассказал историю», «Деде Горгуд еще раз рассказал историю» ярко проявляют себя в эпосе в контексте различных событий как образный компонент культурологической системы. «История сына Дирсы-хана Бугая», «История разграбления дома Казан-хана», «История сына Байбуры Бамси Бейрака», «История сына Канлы-годжи Гантурали», «История убийства Басатом Тепегёза» и т. д. по своему текстовому типу и идейному характеру, идущему от повествования поэта, поэма ориентирована на представление образа жизни, взаимоотношений и обычаев огузского народа.

В целом «Книга Деде Горгуда» является наиболее изученным мировыми тюркологами азербайджанским народным эпосом. Отрадно, что к этим исследованиям все чаще подключаются новые талантливые исследователи, а вместе с тем увеличивается и число работ, посвященных этому бессмертному памятнику искусства» (11, с. 300). Этот бесценный по грандиозности эпического текста и отражению культурных концепций этноса эпос имеет огромное значение и по охвату всего культурного потока, и по многообразию его этнографических спектров, и по совершенству моделей изложения.

Информационный слой культурологического этносистемы. Развитие цивилизаций и родоплеменных отношений с древнейших времен, с мифических времен до средневековья, оказало влияние на все мировоззрение, поведенческие и мыслительные модели, социальные отношения, образ жизни, маркировки, основанные на психодуховной энергетике человека, характер семантики, чувственно-эмоционального восприятия и т. д., оно привлекает внимание своей объемлющей силой и характером включения в число тех, что находятся на верхнем уровне. Как указана на примере Байындыр-хан, Дирса-хан, Казан-хан и т. д., формула создания единства в социальной системе, сама по себе основана на принципах святости установленного порядка. «Однажды сын Улаша, птенец птицы Тулу, надежда бедняков, лев нации, тигр Караджуга, конь гнедой лошади, владыка хана Уруз, синь Байындыр-хана, держава могучего Огуза, спина оставшегося юноши, Салур Казан встал со своего места. Вожь построил девяносто домов на черной земле, девяносто мест было покрыто цветными коврами и шелком, а восемьдесят мест было покрыто рощами. Золотые ступни были расположены рядами. Девять красавиц с черными глазами, красивыми лицами, волосы, заплетенные сзади, золотая пуговица на груди и хна на руках от запястий-любимые дочери неверных пили и пили за толстых огузских беков» (7, с. 31). Как видно, в этом эпизоде на уровне представления необычной энергетической достоверности реализуется образ жизни огузского народа, общественные отношения, нравы собрания, сакральность идеи эпического героя как метки. Информационный поток мотивации делает основой как цель анализа по нескольким направлениям:

- а) идея о том, что этнографическое богатство предстает в совершенстве и в контексте стереотипной системы этноса;
- б) тип и характер моделирования определяются приемами изложения, встречающимися в просторечии на уровне жанра;
- в) вариации этнокультурного кодирования, сформировавшиеся в ходе истории, их проявление в форме воображения и сакральности, раскрываемой человеческим интеллектом в различных формах и т. д.

Выражение их в различных частях «Книги Деде Горгуда» с высоким интеллектом определяет совершенство нисходящего порядка с точки зрения единства огузской этнической системы. Одним из самых ярких моментов в рассказе является эпизод охотничьего ритуала. Наблюдения над эпосом «Китаби-Деде Горгуд» показывают, что все разделы эпоса так или иначе связаны с ритуалами перехода/инициации» (10, с. 305). Разграбление дома Казан-хана, ритуал становления ханом, изменение статуса (медиативное отношение Караджа Чобана, хана Казана и т. д.), изображение дома агбана, Каба Агача, который служит символом огузского космоса и т. д., все это демонстрирует суть строительства нации и единства на уровне огузского народа в плане существования. Символическое содержание «кувшинов с

золотыми ножками», «девятина ковров, расстеленных на земле», «девятина банных домов», «девяти неверных девушек» и т. д., которые выражены в тексте эпоса, демонстрируют порядок (и гармонию) в воображении огузского народа.

Изображение охоты на ритуальном уровне, как часть этнокосмического порядка, представляет собой цельный образ и высказывание с той же позиции, с выражением Ала-Даг, Кара-Даг, неверных и вождей огузов, предложения, исходящего от хана Казана, отношения Аруза Коджи, риторики протеста и сцены охоты, воссоздающей фундаментальную сцену. «Мотив прыжка» — эпизод, который учитывает характер и образ жизни события как часть охотничьего ритуала. «Огузские беи, услышав о беде Газана, последовали за Газаном». «В этот момент прибыли огузские беки, госпожа, посмотрим, кто пожаловал» (7, с. 42). Карагуна, Дели Дондар, сын Кияна Сельджука, Кара Будаг, сын Карагуны, Шир Шамседдин, сын Гафлата Годжи, Бейрак, серый жеребец, Бей Йейнек, сын Газлыка Годжи и т. д. Прибытие огузских беков и их вступление в битву с призывом «обнажи свой меч, мой господин Газан» проясняет единство на этническом уровне, сопротивление врагу и сохранение священного порядка.

Содержание эпоса «Китаби-Деде Горгуд» в различных сюжетах охватывает все аспекты культурных представлений огузов, совершенство порядка на общественном уровне, их желания и идеалы, мировоззрение, верования и убеждения и т. д. Сюжеты эпоса «Деде Горгуд» охватывают различные стороны народной жизни. Здесь отражены не только борьба за родину и война, но и важные вопросы, связанные с повседневной жизнью народа, любовью, желаниями, обычаями и традициями и т. д.» (3, с. 316-317). «Байбура оглы Бамси Бейрек бою» своим содержанием и характером мотивации, которую он содержит, возрождает этнокультурный порядок с высоким культурным интеллектом. Совет Байындыр-хана, собрание им знати, совершенство порядка здесь (расположение членов совета по местам и т. д.), вздох Байбура-хана и отношение Казан-хана к этой ситуации являются началом решения пережитой боли. Байбура-хан сказал: «Если бы у меня был сын, если бы он заступился за хана Байындыра, если бы он служил ему, я бы заботился о нем, был бы счастлив, поддерживал бы его и доверял бы ему».

Огузские беи, которые были очень горды, держали головы высоко. Они подняли руки и помолились.

«Да дарует тебе Всевышний Аллах сына», — сказали они.

«В то время приветствие беев было приветствием, а проклятие — проклятием» (8, с. 46).

Все это демонстрирует богатые культурные представления, верования и принципы жизни огузов, фактизируя этнокосмологический мир. Сведения, представленные эпосом, создают принципиальное условие для выяс-

нения типологии этнокультурной системы на пути историко-культурного течения до наших дней на примерах, раскрывающих себя на примере отдельных эпизодов.

Выводы. Эпос «Китаби-Деде Горгуд» — памятник культуры, отличающийся своей силой и предназначением охватить общий поток культурных представлений этноса, в том числе и предшествующих мифу, как наиболее совершенный источник национально-духовной идентичности. Подходы фольклористов, этнографов, лингвистов, музыкантов и представителей других научных направлений основаны на изучении этнокультурного богатства в одном направлении. Все это создает фундаментальные условия для проведения системного анализа с использованием синхронического и диахронического подходов и прояснения ландшафта историко-культурного потока и того, что он означает в ритуальной символике.

Библиографический список

1. Антология ашикской литературы. Героические эпосы. В трех томах, II в., – Баку: Мегалпринт, 2017. 512 с.
2. Антология ашикской литературы. Истории любви. В трех томах, III в., – Баку: Мегалпринт, 2017. 640 с.
3. Эфендиев П. Азербайджанская устная народная литература. – Баку: Маариф, 1992. 477 с.
4. Гаджиев Т. «Книга Деде Горгуда: первый письменный учебник нашей истории». – Баку: Наука и образование, 2014. 344 с.
5. Исмаилов Х. Ашугское творчество: истоки и этапы развития. – Баку: Элм, 2002. 311 с.
6. Книга Деде Горгуда. – Баку: Гянджлик, 1978. 182 с.
7. Книга Деде Горгуда. – Баку: Язычи, 1988. 265 с.
8. Энциклопедия поэтов и певцов. В двух томах, т. I, – Баку: Гянджлик, 2019. 500 с.
9. Энциклопедия поэтов и певцов. В двух томах, II т., – Баку: Гянджлик, 2020. 434 с.
10. Рзасой С. Архетипы шаманов-героев в азербайджанских эпосах. – Баку: Наука и образование, 2015. 436 с.
11. Велиев В. Азербайджанский фольклор. – Баку: Маариф, 1985. 414 с.

References

1. Anthology of Ashik Literature. Heroic Epodes. In Three Volumes, 2nd Century, – Baku: MegaPrint, 2017. 512 p.
2. Anthology of Ashik Literature. Love Stories. In Three Volumes, 3rd Century, – Baku: MegaPrint, 2017. 640 p.
3. Efendiyev P. Azerbaijani Oral Folk Literature. – Baku: Maarif, 1992. 477 p.
4. Hajiyev T. “The Book of Dede Gorgud: The First Written Textbook of Our History”. – Baku: Science and Education, 2014. 344 p.
5. Ismailov H. Ashig Creativity: Origins and Stages of Development. – Baku: Elm, 2002. 311 p.
6. The Book of Dede Gorgud. – Baku: Ganjlik, 1978. 182 p.
7. The Book of Dede Gorgud. – Baku: Yazichi, 1988. 265 p.
8. Encyclopedia of Poets and Singers. In Two Volumes, Vol. I, – Baku: Ganjlik, 2019. 500 p.
9. Encyclopedia of Poets and Singers. In Two Volumes, Vol. II, – Baku: Ganjlik, 2020. 434 p.
10. Rzasoy S. Archetypes of Shaman-Heroes in Azerbaijani Epics. – Baku: Science and Education, 2015. 436 p.
11. Veliyev V. Azerbaijani Folklore. – Baku: Maarif, 1985. 414 p.

Мэн Юйвэй

Аспирант. Нижегородская государственная консерватория имени М.И. Глинки.

Цзян Вэнье: ода великому поэту*

Аннотация. История китайской поэзии насчитывает 3 000 лет, и среди множества поэтов особой известностью пользуется Ду Фу, поэт династии Тан. Многочисленные конфуцианские добродетели, выраженные в его стихах, привлекают к нему любовь и уважение многих поколений китайцев. Композитор Цзян Вэнье, который был также и поэтом, один из его последователей. Он написал фортепианную пьесу «Ода Ду Фу». Это первое в истории китайской музыки произведение, написанное композитором-поэтом и основанное на имитации звучания традиционной китайской музыки гуцин. Культура гуцин – это культура образованных людей, в первую очередь, литераторов. Она неотделима от процесса развития китайской музыки, истории, мышления, и социальной деятельности образованных слоёв китайского общества [1].

В данной статье представлен анализ «Ода Ду Фу» с точки зрения как жизненной траектории Ду Фу, так и композиционных особенностей этого произведения

Ключевые слова: культура гуцин, Ду Фу, Цзян Вэнье, ода, традиционная китайская музыка.

Meng Yuwei

Postgraduate. Nizhny Novgorod State Conservatoire named M.I. Glinka.

Jiang Wenye: ode to a great poet

Abstract. The history of Chinese poetry spans 3,000 years, and among the many poets, Du Fu, a poet of the Tang Dynasty, is particularly famous. The many Confucian virtues expressed in his poems have attracted the love and respect of many generations of Chinese. The composer Jiang Wenye, who was also a poet, is one of his followers. He wrote a piano piece called 'Ode to Du Fu.' It is the first work in the history of Chinese music written by a composer-poet and based on imitating the sound of traditional Chinese guqin music. Guqin culture is the culture of educated people, especially literary people. It is inseparable from the development process of Chinese music, history, thinking, and social activities of the educated strata of Chinese society.

This paper presents an analysis of Du Fu's Ode in terms of both Du Fu's life trajectory and the compositional features of this work.

Key words: guqin culture, Du Fu, Jiang Wenye, ode, traditional Chinese music.

* © Мэн Юйвэй, 2025.

Цзян Вэнье: ода великому поэту

В течение более чем столетнего периода развития китайской фортепианной музыки многие композиторы изучали формы и методы создания композиций, сочетающих китайскую и европейскую музыку. В первой половине XX века появился композитор, который сначала следовал современным европейским композиционным техникам, а в итоге настаивал на «полностью китайском» музыкальном выражении. Эту идею он воплотил в своих сочинениях, демонстрируя творческий процесс слияния китайской и зарубежной музыки. Цзян Вэнье (1910-1983) родился в Тайбэе (Китай), в возрасте тринадцати лет уехал учиться в Японию, и познакомился с русским композитором Александром Николаевичем Черепнинным (1899-1977), с ним он вернулся в Китай. Глубоко увлеченный китайской культурой, Цзян Вэнье остался в Китае, где продолжил сочинять музыку.

Цзян Вэнье почитал китайское конфуцианство, и можно сказать, что традиционная китайская культура оказала решающее влияние на его возвращение в Китай. В древнем Китае конфуцианские ученые в лице Конфуция считали, что литература и музыка неразделимы, а Цзян Вэнье даже написал книгу «Теория музыки Конфуция» специально для исследования музыкальных мыслей Конфуция, которая посвящена древним конфуцианским музыкальным идеям и исследованиям Конфуция о музыке.

Концепции Конфуция оказали влияние на многие поколения китайцев, а знаменитый поэт Ду Фу также был известным конфуцианским ученым, излагавшим конфуцианские идеи в своих произведениях. Цзян Вэнье очень любил этого поэта. Кроме того, Цзян Вэнье и сам был поэтом: помимо трех сборников современных стихов, написанных им в молодости, в 1975 и 1976 годах он написал более шестидесяти стихотворений в формате древнекитайских поэм, что свидетельствует о его углубленном знании и освоении китайской литературы. История китайской поэтической культуры насчитывает более 3000 лет, и у китайского народа особые отношения с поэзией, с помощью которой он любит выражать свои мысли, чувства и стремления.

Ду Фу (712-770) – поэт династии Тан, которого считают величайшим поэтом Китая. Ду Фу, как предста-

Портрет Ду Фу.

витель конфуцианства и выдающийся поэт, вдохновил Цзян Вэнь на создание фортепианной пьесы «Ода Дуфу» (Ода Ду Фу), чтобы выразить свое уважение и восхищение им. Примечательно, что это произведение не только отражает трепетное отношение Цзян Вэнь к символам традиционной китайской мысли и культуры, но и является его последним фортепианным произведением.

Ду Фу известный как «Поэтический мудрец» и «Историк поэзии», написал за свою жизнь огромное количество стихотворений, из которых сохранилось около 1400. В 2020 году BBC (Британская вещательная корпорация) сняла документальный фильм о Ду Фу, назвав его величайшим поэтом Китая и сделав Ду Фу и его стихи известными людям во всем мире.

Его предки из поколения в поколение были чиновниками, сам же он обладал политическими амбициями. В молодости Ду Фу путешествовал по всей стране и, увидев величие Китая, решил внести свой вклад в развитие страны, работая при императорском дворце. Именно в этот период он написал знаменитые строки из «Глядя на гору Тайшань» («望岳»):

Тайшань¹, ты священна! От Лу и до Ци
Повсюду царишь над зелёной землёй.
Здесь миг остановлен был волей Творца,
И делится мир на ночной и дневной.
Среди облаков, что рождаешь здесь ты,
Завидую птицам, летящим домой.
Настанет пора, я взгляну с высоты:
Все горы - холмы по сравнению с тобой! [1, с. 2]

Ду Фу жил в Чанъане (современный Сиань), столице династии Тан, чтобы пройти экзамен на чиновничью должность, но из-за вмешательства важных чиновников династии Ду Фу более десяти лет ничего не мог добиться, в результате чего обнищал, а от голода даже умер его сын. Ду Фу написал знаменитое стихотворение из «пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я из столицы направился в Фэнсянь» («自京赴奉先县咏怀五百字»):

Здесь потчуют
Сановных стариков,
Вина и мяса
朱门酒肉臭,
Слышен запах сытый,
А на дороге —
Кости мертвецов.
路有冻死骨。

Позже он рассчитывал на восшествие на престол нового императора и смог присоединиться ко двору через друга, который предлагал императору его стихи. К сожалению, он пробыл на посту всего год, когда вспыхнул мятеж Ань Лушаня¹ и Чанъань пал, Ду Фу оказался в ловушке среди повстанцев, но дождался удобного случая, чтобы бежать из столицы. После отвоевания Чанъани Ду Фу вернулся в столицу вместе с Су Цзуном (новым императором) и был послан на более низкую должность в Хуачжоу (небольшой уезд в провинции Шэньси) в качестве офицера отдела работы армии. Из-за долгих лет войны Ду Фу написал в 757 году в стихотворении «Весенний пейзаж» («春望»):

Третий месяц война, а из дома письмо
Станет золота, тысячи диней дороже [1, с. 12].
烽火连三月，家书抵万金。

Из-за неудачной карьеры чиновника Ду Фу отказался от должности в Хуачжоу и отправился в путешествие по ряду городов южного Китая. Последние десять лет жизни он провел в основном в скитаниях, но за этот последний период написал более четырехсот стихотворений, оставив после себя ценный литературный труд.

Поэт Ду Фу мечтал оказать помощь императору в своей жизни, но так и не осуществил свое желание. В молодости он был высокого о себе мнения, но в итоге много страдал и долгое время находился в состоянии бегства и изгнания, и в конце концов даже не смог вернуться в родной город. Его жизнь, полная страданий, была тесно связана со взлетами и падениями того исторического периода. Он был жертвой катастрофы – мятежа Ань Лушаня – вместе с огромным количеством людей, пострадавших от того же бедствия, и всегда был внимателен к текущей политической ситуации, состоянию войны, условиям жизни людей, и, будь то в горе или в радости, он был в курсе судьбы своей страны и своего народа. Именно это побудило его написать столько прекрасных стихов. Ду Фу обладал мудростью, чтобы пережить каждый период, поэтому конфуцианские добродетели, выраженные в его стихах, такие как открытость, откровенность, доброжелательность и преданность, любимы и уважаемы будущими поколениями. Таким образом, для него открылась прекрасная возможность стать великим поэтом, которого прославили грядущие поколения.

В статье «Фортепианные произведения Цзян Вэнье» Лян Маочунь

1 Мятеж Ань Лушаня: Гражданская война в танском Китае, продолжавшаяся в царствование трёх императоров, с 16 декабря 755 по 17 февраля 763 года. Самый масштабный внутрикитайский военный конфликт средневековой эпохи, происходивший в условиях формального сохранения единства страны. Восстание оказало определяющее влияние на развитие кризисных явлений в империи Тан и тем самым — на историю всего восточноазиатского региона.

упоминает: «В рукописных материалах Цзян Вэнье, предоставленных мне женой Цзяна для ознакомления, есть страница нотной бумаги с композиторским замыслом Цзян Вэнье: «Памяти Дуфу, I. Ода о Ду Фу, II. Скитания в юности, III. Десять лет в Чанъани, IV. Изгнание, V. Жизнь продавца овощей в Циньчжоу (город). VI, Циньчжоу, VII, Тростниковой хижине Чэнду, VIII, Куй Фу (последнее место)». И уже был набросок партитуры для некоторых отрывков, но общая, огромная композиционная программа не была завершена» [2, с. 31]. Неизвестно по какой причине Цзян Вэнье не завершил замысел «Ду Фу». Но, к счастью, первая часть задуманного произведения, «Ода Ду Фу», была завершена.

«Ода Ду Фу» характерна творческой транскрипцией музыкальной лексики гуциня в фортепианной композиции. Будучи самым ранним щипковым инструментом в Китае, гуцинь очаровывал литераторов своим уникальным и элегантным звучанием, а одна из самых важных особенностей гуциня в истории Китая заключается в том, что он является символом литераторов. Поэтому Цзян Вэнье решил использовать многочисленные особенности гуциня для создания акустических характеристик музыки этого инструмента.

Композитор искусно разработал регистр, ритм, мелодию и другие элементы музыкального языка фортепиано имитируя особенности звучания. Гуциня. Прежде всего это коснулось тембра. Наиболее типичным

«Ода Ду Фу», 1-4 такты.

«Ода Ду Фу», 30-32 такты.

выражением его в «Оде Ду Фу» является один звук «фа» в области баса на протяжении всей песни, символизирующий тембровый эффект «рассеянного тона» (散音)² в музыке

гуциня. «Фа» появляется в ритме, и положении в тактах свободно и изменчиво, казалось бы, разбросано, бессистемно, это реконструкция

2 Сань-инь - это звук пустых струн, на которых играет правая рука, не прижимая струны левой рукой. Звук гуциня сань-инь характеризуется глубоким и мягким звучанием, которое является основой прочности музыки гуциня.

звука гуциня – «музыка из сердца, представленная в звуке» (发于心形于) [3, с. 49].

Далее следует имитация ряда приёмов игры на гуцине, которые не имеют аналогов в терминологии фортепианной игры. Под «загромоздить (叠)» понимается быстрое «намазывание (勾)» и «зацепление (抹)» за одну и ту же струну. В 32-м такте «Ода Ду Фу» аппликатура «укладки» появляется как в высоком, так и в низком голосе, а использование форшлага имитирует быстроту и ловкость исполнения этой аппликатуры, при этом два голоса идут в противоположном направлении, постоянно, приближаясь друг к другу.

Приём «Инь 吟» – один из модификаторов послекасания, который обозначает изменение звука окончания, вызванное покачиванием пальца из стороны в сторону в пределах миллиметра или двух от лада после нажатия струны (похоже на вибрацию). Приём в основном играет декоративную роль, обогащая звуковой колорит. Эта аппликатурная имитация появляется в 20-м и 21-м тактах пьесы, правая рука в ряде секундовых повторов в высоком регистре, которые переходят в трель (половинная нота), это имитация скольжения пальцев по струнам, вызванная небольшими подъемами и спадом высоты тона, в это время мелодия левой руки течет медленно, создавая ощущение чего-то долгого и далёкого.

«Ода Ду Фу» основана на традиционной пентатонической тональности, что также отражает тесную связь с музыкой гуциня. В «Оде Ду Фу» – тональность Фа, которая соответствует определенным характеристикам

«Ода Ду Фу», 17-23 такты.

музыки гуциня. Это связано с тем, что в музыке гуциня настройка струн с помощью фа является основным способом настройки. В большинстве музыкальных произведений на гуцине «фа» является доминирующим звуком. Поэтому выбор тональности в композиции «Ода Ду Фу» можно рассматривать как конкретное воплощение переноса характерных особенностей музыки гуциня в композицию фортепианной музыки.

С точки зрения формы «Ода Ду Фу» вобрала в себя черты простых мелодий, свободных ритмов и богатых украшений музыки гуциня, так что мелодическое изложение фортепианной пьесы тоже наделяется подтекстом музыки гуциня.

В примере выше мелодия произведения не только украшена фошлагами, но и демонстрирует нерегулярные вариации ритма. Кроме того, «ре» и «фа» в низком регистре, имитирующие звучание рассеянных тонов, тихая динамика и большие изменения в регистре лучше передают атмосферу и ритмическую свободу музыки гуциня [4, с. 112].

Что касается фактуры, то в фортепианной пьесе композитор использовал полифоническую структурную форму, что также подчеркивает ее неразрывную связь с музыкой гуциня. Хотя монофоническое линейное развитие мышления занимает видное место в музыке гуциня, полифоническое мышление неявно присутствует в ее звуковой ткани. Гармония, основана на октавных, квартовых и квинтовых интервалах, соответствует полифонической музыкальной форме, которая естественным образом формируется при исполнении музыки нам гуцине, и играет важную роль

«Ода Ду Фу», 33-40 такты.

в формировании акустических характеристик музыки гуциня в этом произведении.

Вэй Тинге, известный китайский теоретик музыки, в краткой форме отозвался об этом произведении: «Ода Ду Фу» – это новая композиция в стиле древней песни, которая стремится воспроизвести благородный, уважающий себя и неординарный характер китайских литераторов в древние времена [6, с. 19]. «Оду Ду Фу» можно считать первой фортепианной пьесой, написанной китайским композитором с момента появления китайского фортепианного искусства, которая написана в стиле гуциня и связана с темой китайской литературы. Эстетическая ценность и историческое значение этой пьесы в истории создания китайской фортепианной музыки заслуживают внимания.

Библиографический список

1. Гун Цзыхуэй. Гуцинь в художественной культуре древнего Китая: к проблеме изучения / Вестник института мировых цивилизация, 2018. Т. 9. № 2 (19). С. 73-76.
2. Звягинцев Н.Н., Жунусова А.Б. Сто танских стихов с картинками. Пекин: Китайское переводческое издательство, 2023. 239 с.
3. Фортепианные произведения Лян Маочуня Цзян Вэня (II) - написаны для «Симпозиума памяти Цзян Ванье» в Тайбэе в 1992 году. С. 30-33.
4. Чэнь Синь. Исследование композиционных особенностей и техники исполнения сольной фортепианной пьесы Цзян Вэнь «Ода Ду Фу» [J]. Artist, 2024. № 10. С. 49-51.
5. Ван Айгуо, Чжай И. Композиционный стиль и культурная интерпретация фортепианной пьесы Цзян Вэнь «Ода Ду Фу» [J]. Music Composition, 2017. № 12. С. 111-113.
6. Лю Юаньмэнь. Исследование сольных фортепианных произведений Цзян Вэнь в пекинский период (1949-1953). Магистерская диссертация. Цзянсу: Цзяннаньский университет. 2022. 77 с.
7. Вэй Янгэ, Цзян Вэнь меняют стиль фортепианных произведений [J]. Новые звуки музыки, 1992. № 2. С. 18-23.

References

1. Gong Zihui. Guqin in the Artistic Culture of Ancient China: Towards the Problem of Study / Bulletin of the Institute of World Civilizations, 2018. Vol. 9. № 2 (19). P. 73-76.
2. Zvyagintsev N.N., Zhunusova A.B. One Hundred Tang Poems with Pictures. Beijing: Chinese Translation Publishing House, 2023. 239 p.
3. Piano Works by Liang Maochun Jiang Wen (II) - written for the "Symposium in Memory of Jiang Wanye" in Taipei in 1992. P. 30-33.
4. Chen Xinyi. A Study of Compositional Features and Performance Techniques of Jiang Wenye's Solo Piano Piece "Ode to Du Fu" [J]. Artist, 2024. № 10. P. 49-51.
5. Wang Aiguo, Zhai Yi. Compositional Style and Cultural Interpretation of Jiang Wenye's Piano Piece "Ode to Du Fu" [J]. Music Composition, 2017. № 12. P. 111-113.
6. Liu Yuanmen. A Study on Jiang Wenye's Solo Piano Works in Beijing Period (1949-1953). Master's Thesis. Jiangsu: Jiangnan University. 2022. 77 p.
7. Wei Yangge, Jiang Wenye Changes the Style of Piano Works [J]. New Sounds of Music, 1992. № 2. P. 18-23.

Смирнов Ю.С.

Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет профсоюзов.

Эволюция творческих подходов к созданию иллюзии глубины звуковой перспективы в фонографии неакадемических музыкальных жанров*

Аннотация. В данной статье речь пойдет о передаче субъективных ощущений пространства и создании звукорежиссерами иллюзии глубины звуковой перспективы в стереофонических музыкальных звукозаписях, представлен сравнительный анализ тенденций развития звукоизобразительных концепций, в период с конца 60х г. XX в. и по сей день, на различных музыкальных примерах. Будут рассмотрены преимущественно художественные фонографии, созданные известными звукорежиссерами, в неакадемических музыкальных жанрах, имеющие наиболее характерные черты звучания для своего периода создания.

Ключевые слова: неакадемическая музыка, стереофония, фонография, кажущийся источник звука, звуковая перспектива, панорамирование, пространственное впечатление.

Smirnov Yu.S.

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Evolution of creative approaches to creating the illusion of depth of sound perspective in the phonography of non-academic musical genres

Abstract. This article will discuss the conveyance of subjective sense of space and sound perspective illusion created by sound engineers in stereophonic musical recordings. A comparative analysis of trends in the development of sound-painting concepts will be presented in the period from the late 60s of the twentieth century to these days, using various musical examples. The author will consider mainly artistic phonographies created by famous sound engineers in non-academic musical genres that have the most characteristic sound features for the period of their creation.

Key words: non-academic music, stereophony, phonography, phantom sound source, sound perspective, sound panning, spatial impression.

* © Смирнов Ю.С., 2025.

Эволюция творческих подходов к созданию иллюзии глубины звуковой перспективы в фонографии неакадемических музыкальных жанров

В своей книге «Звуковая картина» В.Г. Динов вводит понятие «фонография» (от греч. «phone» - звук, «grapho» - пишу) чтобы описать явление, появившееся в результате развития, с одной стороны, технологий звукозаписи, с другой звукорежиссерской мысли, и в результате выделившееся в самостоятельный вид искусства [3].

Художественные фонографии можно отличить от документальных прежде всего по отсутствию необходимости строго следовать точности передачи характеристик первичного звукового поля, в котором происходило звуковое событие, во вторичное поле воспроизведения, где находится слушатель, что выражается в свободе творческого подхода к выбору пространства и созданию перспективы в фонографии.

Звуковая перспектива это средство художественной выразительности звукорежиссуры, которое не поддается объективной оценке, иными словами, ее нельзя измерить средствами объективного контроля, но в то же время, ее можно услышать собственными ушами и оценить ее воображаемую глубину. Здесь нужно не путать реальную ширину стереобазы, которую можно объективно оценить с помощью электронного устройства - стерео гониометр, с воображаемой, иллюзорной перспективой, которая является продуктом нашего воображения, и возникает в силу психофизических и эмоциональных факторов восприятия звука, а также связана с некоторыми устоявшимися звуковыми образами [4, с. 9]. Все эти факторы и может использовать звукорежиссер, как художник в своих фонографиях.

Здесь необходимо упомянуть тот факт, что стереофонические системы звукопередачи способны передавать звук только в одной горизонтальной плоскости, перед слушателем, которая находится между громкоговорителями. И этот одномерный звук не может буквально оказаться впереди, сзади, сбоку левее или правее пространства между излучателями [5, с. 12]. Но существуют современные выразительные возможности звукорежиссуры, которые позволяют при помощи временной задержки создавать иллюзию глубины и ширины передаваемого пространства, которая будет восприниматься слушателем как воображаемая перспектива в глубину между излучателями, если при ее создании учитывать пропорции между размерами и шириной кажущихся источников звука в миксе, а также соотношением прямого и отраженного звука и задержки отражений [5].

Инструментарием звукорежиссера для создания иллюзии звуковой перспективы являются электронные приборы и устройства различных видов обработки звукового сигнала: эквалайзеры, компрессоры, системы шумоподавления, ревербераторы, системы временной задержки и модуляционные процессоры эффектов. Задача звукорежиссера состоит в том, чтобы с помощью доступных технических средств решить проблему размещения источников звука в миксе, и создать так называемые фантомные образы источников или кажущиеся источники звука, в воображаемом зву-

ковом пространстве [4, с. 30].

Перейдем к сравнительному анализу нескольких выдающихся фонографий, на примерах которых сможем проследить развитие творческой мысли разных поколений звукорежиссеров. Здесь особенно заметна разница в подходах к созданию пространственного впечатления и звуковой перспективы, что практически сразу позволяет опытному слушателю определить принадлежность фонографии к определенному периоду развития звукозаписи.

По меркам 1967 г. композиция группы The Beatles «Strawberry Fields Forever», в жанре психоделический рок, создавалась под сильным влиянием авангардного искусства и была музыкально очень новаторской. Но, существующие в то время технические средства звукозаписи не позволяли раскрыть ее потенциал в полной мере. Композиция была записана продюсером Джорджем Мартином и звукорежиссером Дж. Эмериком всего на четыре имеющиеся тогда дорожки студийного магнитофона. В ходе записи были применены методы последовательного наложения записей друг на друга, проигрывание ленты в обратном направлении, многократное воспроизведение отрывка ленты (loop) и другие аудио-эффекты [7].

Хоть эта композиция и считается по праву шедевром звукозаписи, но данную фонографию не совсем корректно оценивать с точки зрения существующих сегодня критериев оценки звуковой перспективы и можно считать интуитивной или возникшей спонтанно, в ходе микрофонного приема и монтажа. Также, несмотря на наличие очень большого количества событий в звуковой картине, большинство из них были записаны одновременно на одну и ту же дорожку магнитофона, что не позволяло на этапе пост-обработки разделить эти объекты и панорамировать их в желаемые позиции. Возможно, по этой причине, некоторые принятые звукорежиссером решения по панорамированию выглядят странными с позиции современного слушателя. Например, вся ударная установка расположена только в левом канале, основной вокал по центру, а струнная группа только справа, и между ними совсем не прослеживается никакой акустической связи. Необходимо было на несколько шагов вперед предвидеть, где в панораме для них окажется свободная позиция, а также, не было и возможности выборочно применить к инструментам или голосам искусственную реверберацию на этапе пост обработки, поэтому некоторые звуковые события в фонографии воспринимаются как плоские или не связанные единым пространством объекты. Музыкальный продюсер и звукорежиссер Битлз Джордж Мартин признавался в документальной историографии о Битлз «The Anthology», что не знал, что делать с недавно появившимся тогда стерео форматом звукозаписи. Правда, несмотря на это, результат, возникший спонтанно, получился очень убедительным и композиция была признана как «лучше всех принятая критиками песня

The Beatles», и по этому критерию она заняла 12-е место в списке 3000 лучших песен всех времён. Но, сделать что-нибудь подобное в то время, без знания законов звуковой перспективы и не обладая достаточными техническими возможностями было безусловно проявлением таланта и полной творческой свободы.

В звукорежиссуре понятие перспективы смогли ясно и четко сформулировать уже после появления таких работ как альбом *“The Dark Side of the Moon”* гр. Pink Floyd в 1973 г., который по праву считается шедевром звукозаписи, и в нем, звукорежиссером Аланом Парсонсом, впервые реализовано сознательное следование, выявленным тогда, законам звуковой перспективы, аналогичным законам зрительной линейной перспективы.

До этого момента, существующие фонографии можно считать случайными, сделанными интуитивно, с точки зрения оценки звуковой перспективы. Да и технический уровень развития тогдашнего звукового оборудования не позволил бы в полной мере управлять столь сложным процессом контроля локализации искусственно созданных звуковых объектов. В то время перспективу можно было создавать только в момент непосредственной расстановки микрофонов, и контролируя расстояние от объекта до микрофона, формировать требуемый звуковой план. Но это было возможно только в акустических записях. В конце 60х г. стали появляться, и все активнее использоваться, новые электро-музыкальные инструменты, адаптированные инструменты и синтезаторы [1, с. 670], которые требовали формирования квази-акустического пространства для их интеграции в звуковую картину. Параллельно с развитием музыкальных инструментов, развивалось и звуковое оборудование. Прежде всего, появление многодорожечной записи и приборов временной задержки можно считать ключевым фактором для появления возможности создания синтезированных звуковых картин [3].

Согласно современным представлениям о звуке, человек-слушатель способен одновременно четко и качественно различить в звуковой перспективе фонографии до пяти звуковых планов. По аналогии со зрительной перспективой, по удалению от слушателя можно выделить: гипер-крупный, крупный, средний, общий и дальний звуковые планы [2, с. 172]. Гипер-крупный план характеризуют максимальный динамический и спектральный диапазоны, максимальная протяженность объекта в ширину и абсолютное отсутствие пространственного окружения. На крупном плане у объектов появляется некоторое количество пространственного отклика, но между прямым звуком и пространственным откликом есть некоторая временная задержка и акустический баланс выстроен в пользу прямого сигнала. Средний или «нормальный» план характеризует акустическое отношение равное 1, то есть уровни прямого и отраженного звука равны. Также средний план имеет меньший динамический и спектраль-

ный диапазон чем крупный и меньшую протяженность объектов в ширину стерео-картины. На общем плане, даже протяженный в ширину объект стремится к точечному изображению, акустический баланс выстраивается в пользу отраженных сигналов, которые имеют минимальное время задержки. Также динамический и спектральный диапазон источника звука минимальны, в то время как пространственный отклик имеет максимальный диапазон. И, наконец, дальний план характеризуется полным отсутствием прямого источника звука, всё окружающее пространство как бы становится самым звучащим источником и не может быть локализовано слушателем [2, с. 179]. Следует понимать, что здесь нет абсолютных величин, все объекты в звуковой перспективе слушатель воспринимает относительно друг друга, если в перспективу добавить любой новый объект, то слушатель невольно начнет учитывать пропорции всей перспективы относительно положения этого нового объекта.

Например, если вы уже выстроили определенную перспективу между квазиобъектами [2, с. 155] в миксе, где у вас уже есть свой крупный, средний, общий план, и перспектива имеет определенную воображаемую глубину, и в этот микс добавить новый квазиобъект на дальнем плане, который не имеет прямого сигнала, а только отраженный, и находится в другом акустическом объеме по отношению к остальным виртуальным источникам в миксе, то можно заметить, что все объекты в перспективе пропорционально прижались друг к другу и стали казаться значительно крупнее и ближе, по отношению к новому дальнему источнику.

В работах Алана Парсонса можно проследить тенденцию следования законам линейной перспективы.

Рассмотрим фонографию композиции группы Pink Floyd - «Time»

1973г. в жанре прогрессивный рок, из альбома “The Dark Side of The Moon”, записанную Аланом Парсонсом, которая в 2011 году заняла девятое место в списке «25 лучших песен всех времён в жанре прогрессивного рока» по версии сайта PopMatters.

Композиция “Time” начинается со звуков боя множества часовых механизмов в антикварной лавке, за этим следует двух минутное соло перкуссии, которая, перемещаясь по панораме, не доходя до крайних значений панорамы, очень четко очерчивает воображаемую дальнюю границу звуковой перспективы, заметно контрастируя со звуком приглушенных струн бас-гитары на крупном плане, имитирующей тиканье часов. Также, при детальном рассмотрении, можно обратить внимание на прозрачный и близкий звук аккордовых партий гитары с временной задержкой и синтезатора, расположенных соответственно в левом и правом каналах, и демонстрирующих максимальную ширину стерео-картины на крупном плане. После длинного вступления звучит куплет, в котором вокал расположен на среднем плане, по отношению к гитаре и звуку синтезатора,

расположенным слева и справа на крупном плане и барабанам на общем плане. Когда начинается соло гитары, она звучит с временной задержкой, имитирующей «летающий» эффект «эхо» (отзвук), где каждое последующее повторение задержанного звука имеет все больший спад в области высоких частот, и задержанный звук также направлен в ревербератор, что наглядно демонстрирует слушателю эффект отдаления отраженного звука в перспективе. Здесь можно в целом представить один общий воображаемый акустический объем, где происходит действие в данной фонографии. Данная композиция записана уже на магнитофон имеющий 16 дорожек, что существенно расширило возможности пост-обработки, так как большинство инструментов и голосов были записаны на разные дорожки. С дальнейшим развитием технологий звукозаписи, идеи, обозначенные в работах Алана Парсонса, получили дальнейшее развитие.

В то же время, в традиционной музыкальной фонографии не принято частое использование всех пяти звуковых планов, постоянное обращение к гипер-крупному изложению считается «нескромным» и вульгарным [2, с. 176], в то время как в кинематографе все они активно используются. В частности, голос рассказчика или мысли героя (как например в т/ф «Семнадцать мгновений весны» 1973 г. Татьяны Лиозновой по сценарию Юлиана Семенова) как бы звучат «за кадром», то есть на гипер-крупном плане. В то же время, дальний план обычно занимают либо звуки из другого пространства, которые мы уже можем услышать, но производящие этот звук «источники» еще не появились в кадре, или это абстрактные шумы или звуки создающие общее настроение или передающие состояние героя. Эти образы уже давно стали традиционными в кинематографе, но в музыкальной фонографии стали появляться только во второй половине 90х гг. XX в с развитием цифровых процессоров эффектов и компьютерных систем звукозаписи и потребностью артистов в новых средствах художественной выразительности.

С момента осознания законов построения перспективы в стереофонической звукозаписи прошло уже несколько десятков лет, и за это время звукорежиссерами неоднократно предпринимались попытки сознательно выйти за эти устоявшиеся рамки.

В наши дни, активного развития компьютерных технологий, появления искусственного интеллекта, интерактивных компьютерных игр и технологий виртуальной реальности, человечество сталкивается с новым опытом. Новые времена требуют новых воплощений в художественных произведениях. Современные философы и художественные критики (Робин ван ден Аккер и Тимотеус Вермюлен) называют настоящее время эпохой «мета модерна». Для того чтобы соответствовать эпохе, многие современные продюсеры и музыканты обращаются к новым средствам художественной выразительности. Одним из таких средств является звуковая перспектива.

С некоторых пор, примерно с 90х гг. XXв – начала XXI в., в звуковой перспективе становится не зазорным использование гипер-крупного и дальнего планов, поскольку музыканты и звукорежиссеры, работающие в неакадемических муз. жанрах, давно стремятся расширить границы выразительных возможностей. Также, отношение слушателя к гипер-крупному изложению меняется в лучшую сторону. В академических музыкальных жанрах однако напротив придерживаются устоявшихся традиций, которые говорят нам о том, что все звуковое действие и все звуковые события должны происходить в одной акустической среде или, иными словами, в едином пространстве. Единому пространству в перспективе принадлежат только три звуковых плана из пяти, которые может различить человеческий слух – это крупный, средний и общий план. И в большинстве случаев в академических фонографиях встречаются только средний (нормальный) и общий звуковой план. Поскольку звучащие объекты слушатель привык традиционно воспринимать сидя в концертном зале, а оркестр или хор обычно располагается на сцене этого же концертного зала.

В неакадемических музыкальных жанрах, таких как, рок музыка, электронная музыка, поп музыка, современные звукорежиссеры все чаще используют все пять звуковых планов в перспективе.

Если проследить тенденции развития фонографии последних двух десятилетий, то можно заметить, что во многих работах известных музыкальных продюсеров, звукорежиссеров и музыкантов, таких как Найджел Годрич (в работах с Radiohead и Thom Yorke), Крис Таброн и Райан Лотт (Son Lux) и т. д. прослеживается тенденция не только максимально использовать гипер-крупный и дальний план, но и практически отказаться от среднего (нормального) и общего плана в своих поздних работах. Это обозначает новый подход к созданию звуковой перспективы. Гипер-крупный план обычно характеризует либо «нескромное» звучание, либо звучание слишком откровенное, настолько интимное и абсолютно лишенное пространства, что это отождествляется у слушателя с выражением внутреннего мира автора или исполнителя, мира его мыслей. Конечно это гипер-крупное изложение «работает» только на контрасте с событиями на дальнем плане. Без дальнего плана вся картина казалась бы плоской. Поэтому, здесь даже у гипер-крупного объекта появляется едва заметный отзвук с гигантской задержкой и очень длинным затуханием. В то же время дальний план обычно отождествляется у слушателя со звуком из другого пространства, как будто источник находится «за дверью», или, если пространство имеет слишком большое время затухания, то может также ассоциироваться с пространством космических масштабов. Здесь возникает парадокс, ведь буквально, в космосе, звук вообще не распространяется, но в сознании человека большое время задержки или длительное затухание звука рисует абсолютно противополож-

ный образ. Чтобы проиллюстрировать вышеописанные приемы, можно привести в качестве примера композицию группы «Radiohead» из альбома “In Rainbows” под названием “House of Cards” записанную Найджелом Готдричем в 2007 г., которая была номинирована на премию Грэмми в 2009г. (51st Annual Grammy Awards) в номинации «Best Rock Song».

Таким образом, мы имеем одновременно две абсолютно полярных координаты, как бы на пределе возможностей восприятия, и ни одна из них не находится в «реальности». В таких фонографиях зачастую некоторые объекты, такие как вокал, могут находиться одновременно, и близко, и далеко, таким образом создается двойственный художественный образ, с одной стороны, внутреннего мира, мыслей человека в его голове, и одновременно, в бесконечном воображаемом космическом пространстве, также это может символизировать «вечность» или «бесконечность». При этом воспринимаемая перспектива имеет гигантскую глубину, хотя фонограмма реализована в стерео формате, который сам по себе является плоским и одномерным, но при этом создается иллюзия бесконечной перспективы, подобно рекурсивным визуальным эффектам. Но для того чтобы совсем не терять связь с реальностью в таких фонографиях можно заметить некоторые события на крупном плане (обычно лишённые навязчивого пространственного отклика), как правило это ритм-группа, исполняющая остигатные ритмические рисунки, повергающие слушателя в медитативное состояние, которые настолько прозрачны по фактуре, что можно достаточно легко воспринимать события происходящие на дальнем плане.

Здесь звукорежиссер уже работает с устоявшимися образами как с готовыми объектами, которые смогут быть понятны слушателям благодаря слуховому опыту, полученному, например, от просмотра художественных фильмов.

Еще дальше пошли в своих экспериментах Райан Лотт (Ryan Lott) из коллектива “Son Lux” в своей совместной работе со звукорежиссером Крисом Таброном (Chris Tabron) над композицией под названием “Plans We Made” 2020 г. Их фонографию отличает абсолютно вымышленное абстрактное пространство, которое, то нарастает, вместо того чтобы затухать, то пульсирует, то внезапно «схлопывается» или «коллапсирует», что добавляет колоссального напряжения в достаточно прозрачную фактуру произведения. Инвертированный во времени пространственный отклик здесь звучит как своеобразное предвосхищение последующих за ним звуковых событий. Порожденные вокальной партией пространственные отклики как бы уже ему не принадлежат, а становятся частью музыкальной ткани, что дополнительно повергает слушателя в фантастический мир «в голове» автора. Также, здесь вокальная линия вплетена в причудливый полиритмичный орнамент из электронных звуков синтезаторов, удар-

ных и контрабаса на гиперболизированном крупном плане и сэмплированных бэк-вокальных партий на дальнем плане. Композиция звучит футуристично и вместе с тем камерно и прозрачно. В ней прослеживается метамодернистский дуализм: звучание одновременно «в голове» и «в космосе», электронное и живое начало.

Здесь звукорежиссура напрямую граничит уже со звуковым дизайном.

На примерах вышеупомянутых композиций была проанализирована эволюция творческих подходов к созданию иллюзии глубины звуковой перспективы в фонографиях, выполненных в не академических музыкальных жанрах, за последние два десятилетия XXI в. в сравнении с предыдущим периодом, от момента появления стереофонических записей, и до момента осознания принципов передачи звуковой перспективы в стереофонии.

Поскольку за последние два десятка лет сильно изменилась музыкальная и творческая составляющая, таким образом, в современной звукорежиссуре можно заметить тенденции к сознательному искажению линейности перспективы и использованию «разнопространственности» как средства художественной выразительности.

Также можно выделить тенденцию многослойности звуковых текстур, где звуковые образы могут состоять из нескольких объектов, расположенных одновременно на разных планах, но, при этом восприниматься как один объемный звуковой образ, а также, все чаще используются сверх длительные затухания в настройках искусственной реверберации, что создает абсолютно вымышленные или абстрактные пространства в фонографиях. Также, наблюдается тенденция нарочитой модуляции пространства по амплитуде или частоте, действуя вопреки естественным физическим законам распространения звука в пространстве, что окончательно разрывает связь с реальностью.

Некоторые тенденции в фонографии последнего десятилетия можно описать как проявления сюрреалистического подхода к «изображению» звука. Это попытка совместить в одной фонографии несколько разных пространств и перспектив одновременно. Как будто действие происходит одновременно во сне и наяву, или одновременно «в голове слушателя» и в реальности. Есть основания полагать, что данные звуковые образы навеяны устоявшимися приемами кинематографа [6]. Но, данные фонографии, в отличие от ранних образцов 60х гг. XX в., созданы уже со знанием законов и сложившихся традиций изображения звуковых перспектив, и сознательно их нарушая.

Библиографический список

1. Алдошина И.А., Приттс Р. Музыкальная акустика. – СПб.: Композитор-Санкт-Петербург,

2014. 720 с.

2. Динов В.Г. Звуковая картина: Записки о звукорежиссуре. Издание второе, переработанное и дополненное. – СПб.: Геликон Плюс, 2007. 368 с.

3. Игнатов П.В. Эволюция средств художественной выразительности в творчестве звукорежиссера. – СПб. 2006. 193 с.

4. Ковалгин Ю.А. Стерефония. – М.: Радио и связь, 1989. 269 с.

5. Gibson D., Petersen G., The art of mixing. – USA.: Artist pro, 1997. 144 p.

6. Рождение звукового образа. Художественные проблемы звукозаписи в экранных искусствах на радио: Сб. / Сост. Е.М. Авербах. – М.: Искусство, 1985. 239 с.

7. Примечания Алана Поллака к «Strawberry Fields Forever» // URL: <https://www.recmusicbeatles.com/public/files/awp/sff.html> (Дата обращения: 25.12.2024)

References

1. Aldoshina I.A., Pritts R. Musical acoustics. – SPb.: Kompozitor-Sankt-Peterburg, 2014. 720 p.

2. Dinov V.G. Sound picture: Notes on sound engineering. Second edition, revised and supplemented. – SPb.: Gelikon Plus, 2007. 368 p.

3. Ignatov P.V. Evolution of means of artistic expression in the work of a sound engineer. – SPb. 2006. 193 p.

4. Kovalgin Yu.A. Stereophony. – M.: Radio and communication, 1989. 269 p.

5. Gibson D., Petersen G., The art of mixing. – USA.: Artist pro, 1997. 144 p.

6. The Birth of a Sound Image. Artistic Problems of Sound Recording in Screen Arts on Radio: Collection / Comp. E.M. Averbakh. – M.: Art, 1985. 239 p.

7. Alan Pollack's Notes to "Strawberry Fields Forever" // URL: <https://www.recmusicbeatles.com/public/files/awp/sff.html> (12.25.2024)

Вэй Даньтун

Аспирантка ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток.

Мельникова Л.А.

Кандидат культурологии, доцент ДЗТ ВВГУ ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток.

Концептуальные подходы культурологического исследования понятий «общественное городское пространство» и «социокультурное пространство»*

Аннотация. Общественное городское пространство представляет собой многогранный и динамичный объект исследования, который включает в себя не только физические аспекты городской среды, но и социокультурные, экономические и политические факторы, влияющие на жизнь горожан. В условиях стремительных изменений, происходящих в городах по всему миру, актуальность изучения общественного городского пространства возрастает. Город становится не просто местом проживания, но и пространством, где формируются социальные связи, культурные практики и идентичности. В этом контексте важно рассмотреть, как различные концептуальные подходы могут помочь в понимании и анализе этих процессов.

Ключевые слова: общественное городское пространство, социокультурное пространство, город, урбанистика, городская среда, семиотика города.

Wei Dantong

Postgraduate student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University", Vladivostok.

Melnikova L.A.

PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Health and Tourism of the Vladivostok State University, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University", Vladivostok.

* © Вэй Даньтун, Мельникова Л.А., 2025.

Концептуальные подходы культурологического исследования понятий «общественное городское пространство» и «социокультурное пространство»

Conceptual approaches to the cultural study of the concepts of «public urban space», «socio-cultural space»

Abstract. Public urban space is a multifaceted and dynamic object of research, which includes not only the physical aspects of the urban environment, but also socio-cultural, economic and political factors affecting the lives of citizens. In the context of the rapid changes taking place in cities around the world, the relevance of studying public urban space is increasing. The city becomes not just a place of residence, but also a space where social connections, cultural practices and identities are formed. In this context, it is important to consider how different conceptual

Key words: public urban space, socio-cultural space, city, urbanism, urban environment.

Современные города представляют собой сложные системы, где общественные пространства играют значительную роль в формировании городской среды и обеспечении взаимодействия между её жителями. В условиях ускоренной урбанизации и глобализации общественные и социокультурные пространства становятся центральными элементами городской жизни, отражая её многообразие и способствуя развитию социальных связей. Однако, несмотря на очевидную значимость этих пространств, их концептуальное осмысление в контексте культурологических исследований остается недостаточно разработанным. В частности, существует необходимость в более глубоком анализе взаимодействия культурных, социальных и пространственных факторов, которые формируют восприятие и использование таких пространств, что делает данное исследование актуальным и востребованным.

Целью данного исследования является выявление концептуальных подходов к изучению понятий «общественное городское пространство» и «социокультурное пространство» в рамках культурологических исследований. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть теоретические основы данных понятий и их взаимосвязь. Основными задачами исследования являются анализ ключевых характеристик общественных и социокультурных пространств, изучение их роли в формировании городской идентичности и взаимодействии социальных групп, а также выявление влияния культурных и социальных факторов на их восприятие.

Методологической основой исследования являются междисциплинарные подходы.

Культурно-семиотический подход, рассматривающий город как текст, позволяет анализировать городские пространства сквозь призму знаков и символов, которые формируют общественное восприятие и идентичность. Значительный вклад в понимание структуры и компонентов социокультурного пространства внесли работы таких ученых, как Ю.М. Лотман,

В.Н. Топоров и др. Их идеи о знаковых системах и культурных кодах помогут глубже понять, как городские пространства становятся местом взаимодействия различных культурных практик. Так, на основании трудов Ю.М. Лотмана можно утверждать, что семиотика города охватывает не только архитектурные элементы, но и язык, которые в совокупности конструируют культурный текст. Ю.М. Лотман подчеркивает, что каждый элемент городского пространства – будь то название улицы, памятник или разбитый сквер – несет в себе определенные семиотические значения, которые формируют восприятие города его жителями и гостями [1].

Исследование, проведенное Светланой Касаткиной, акцентирует внимание на важности понимания города не только через его физическую структуру, но и через культурные и социальные практики, которые образуют его семиотическое пространство [2]. С.С. Касаткина выделяет два метода семиотического анализа: «парящий» и «пешеходный». Первый из них предлагает взглянуть на город с высоты птичьего полета, что позволяет выявить общие паттерны, в то время как второй метод погружает исследователя в детали, представляя пространство сквозь призму личного опыта и индивидуального восприятия [2]. Такой подход к анализу позволяет не только изучать структуру города, но и определять его динамику и эволюцию социокультурных практик.

Концепция креативного города, предложенная Чарльзом Лэндри, также занимает центральное место в исследовании общественного городского пространства [3]. Эта концепция подчеркивает важность создания городской среды, способствующей творчеству и культурной активности. В условиях глобализации и конкуренции между городами, креативные города становятся важными центрами притяжения для талантливых людей и культурных инициатив. Исследование этой концепции позволяет выявить, как городская среда может способствовать развитию креативности и инноваций.

Историческое развитие концепции общественного городского пространства тесно связано с процессами урбанизации и изменением социальных отношений. В XIX веке, с ростом индустриальных городов, возникла необходимость в создании общественных мест, которые могли бы служить зонами отдыха и общения для горожан. Впервые понятие «общественное пространство» широко вошло в обиход в середине XX века, особенно благодаря работам таких урбанистов, как Джейн Джейкобс, которая в своей книге «Смерть и жизнь великих американских городов» (1961) подчеркнула их важность для развития городской жизни. Общественное городское пространство представляет собой концепцию, охватывающую физические и социальные аспекты городской среды, где происходит взаимодействие различных групп населения. Этот термин используется для обозначения мест, доступных для всех граждан, таких как площади, парки, улицы и

другие пространства, способствующие социальным контактам и общественной деятельности. В своей работе она подчеркивает, что успешность общественного пространства включает следующие параметры: по степени активности его улиц. Это связано не только с обеспечением безопасности, но и с другими аспектами, такими как социальное взаимодействие, бизнес-активность и культурное развитие. Природное стремление людей к общению способствует самоподдержанию процесса использования улиц. Однако для его устойчивого развития необходимо создать благоприятные условия, обеспечивающие высокую концентрацию людей в течение всего дня и ночи, а не только в пиковые периоды. Постоянное и интенсивное использование улиц способствует разнообразию городской среды, обогащая её социальную, экономическую и культурную жизнь [4]. Вместе с тем, «возникла необходимость в проблематизации дизайна городской среды, как фактора формирования нового качества жизни человека в условиях большого современного города в культурологическом аспекте» (Птицына, 2012, 5 с.) [5].

Ключевыми характеристиками общественного городского пространства являются доступность, мультифункциональность и социальная инклюзивность. Доступность подразумевает открытость таких пространств для всех категорий населения, включая людей с ограниченными возможностями. Мультифункциональность означает, что эти пространства могут использоваться для различных видов деятельности, таких как отдых, культурные мероприятия, спортивные занятия и другие. Социальная инклюзивность предполагает создание условий для взаимодействия и взаимопонимания между людьми разных социальных и культурных групп. Эти характеристики делают общественные пространства важнейшими элементами городской среды, способствующими укреплению социальных связей и формированию чувства общности. Согласно исследованиям ООН, города с развитой сетью общественных пространств демонстрируют более высокий уровень социальной сплоченности, что подтверждает значимость этих характеристик для устойчивого развития городов.

Такие пространства являются катализаторами экономической активности, привлекая туристов и способствуя развитию местного бизнеса. Они также играют ключевую роль в формировании устойчивых городов, обеспечивая как экологические, так и социальные функции. Исследование показывает, что город представляет собой амбивалентное образование, созданное людьми и одновременно влияющее на их поведение (Порозов Р.Ю., 2009, С. 3) [6]. Общественные городские пространства, таким образом, составляют неотъемлемую часть городской жизни, значительно влияя на её качество и устойчивость.

При анализе социокультурного пространства важно учесть, что оно является многогранным феноменом, в котором переплетаются культурные,

социальные и символические аспекты. Впервые этот термин был введен в середине XX века и с тех пор активно используется для анализа того, как культурные и социальные процессы формируют восприятие и использование пространства. Социокультурное пространство можно рассматривать как систему взаимосвязей, объединяющую физическую среду, социальные взаимодействия и культурные значения, которые придают этой среде. Завершение его становления происходит уже в эпоху Средневековья, когда окончательно формируются семантико-аксиологические константы смыслового пространства, способствующие оформлению города как специфической социокультурной среды (Власова Е.А., 2013, С. 4) [7].

Ключевые характеристики социокультурного пространства включают в себя его динамичность, обусловленную изменением социальных и культурных контекстов, а также способность интегрировать разнообразные культурные и социальные элементы. Это пространство обеспечивает платформу для взаимодействия различных групп населения, создавая условия для культурного обмена и социальной инклюзии. Кроме того, оно характеризуется уникальностью, связанной с конкретными культурными и историческими особенностями региона.

В городской среде социокультурное пространство играет значимую роль, объединяя физическую инфраструктуру города с его культурными и социальными процессами. Городские пространства, такие как площади, парки и общественные здания, становятся аренами для культурных мероприятий и социальных взаимодействий. Так, социальные дистанции и формы взаимодействия между различными группами населения в определенных пространствах могут оказывать влияние на общую гармонию и социализацию города [8]. Здесь социокультурное пространство служит оболочкой, в которой происходит жизнедеятельность местных сообществ, реализуется культурный потенциал и выражаются идентичности горожан.

Концепция культурного пространства показывает, что оно включает в себя различные элементы, такие как знаковая система языка, поведенческие модели и культурные практики. Культурное пространство можно рассматривать как каркас, через который происходит социокультурное взаимодействие. Разные географические и социальные контексты формируют уникальные культурные модели, отражающие локальные особенности и традиции [9]. Это, в свою очередь, создает динамичное поле для исследовательских интервенций и позволяет детализировать процессы интеграции и сегрегации в рамках городского социума.

Природные компоненты играют значительную роль в формировании общественного городского пространства. Они служат не только средой для рекреации, но также влияют на культурные практики и обычаи горожан, что подчеркивает важность исследования взаимодействия между природными и социокультурными аспектами [10]. Общественные пространства,

такие как площади и улицы, становятся местами социальных встреч, культурных мероприятий и выражения гражданских позиций.

Ключевым аспектом является понимание связей между этими различными компонентами городского пространства и их функциями. Эффективное использование общественных пространств требует учитывать как их физические характеристики, так и социокультурные контексты. Например, возможность формирования социальных сетей в этих пространствах способствует социальному сближению и взаимопониманию между гражданами различного происхождения [11].

Также, социокультурное пространство играет важную роль в формировании городской идентичности, так как оно отражает культурные традиции, историческое наследие и социальные особенности общества. Исследование отмечает, что «культура, нравственность создаются людьми, культуре обучаются, так как она не передаётся генетически, каждое поколение воспроизводит её и передаёт следующему поколению» (*Humanization of education and upbringing in the education system*, 2014, 26 с.) [12].

Функции социокультурного пространства можно рассматривать через призму его способности отвечать на потребности граждан. Например, социальные мероприятия, культурные фестивали и общественные обсуждения в этих пространствах создают возможности для взаимодействия разных групп людей, что в свою очередь способствует социальной интеграции и укреплению общественных связей [13]. В этом контексте особое внимание следует обратить на то, как элементы архитектуры и дизайна окружающей среды влияют на восприятие и использование общественного пространства. Привлекательные и доступные для всех участки города способствуют активному их использованию, что является залогом живого и динамичного социокультурного пространства.

Это подчеркивает значимость активного участия сообщества в создании и поддержании культурных практик, что формирует уникальный облик города и отличает его от других. Архитектура, культурные мероприятия и общественные практики способствуют укреплению чувства принадлежности у жителей и создают привлекательный имидж для посетителей. Таким образом, социокультурное пространство не только отражает, но и активно формирует идентичность города, создавая условия для его дальнейшего развития.

Социокультурное пространство оказывает непосредственное влияние на социальные практики, формируя поведение и взаимодействие людей. Оно может способствовать укреплению социальной сплоченности, особенно в районах с высоким уровнем культурного разнообразия. Например, организация культурных мероприятий, таких как фестивали и ярмарки, в общественных местах способствует развитию межкультурного диалога и укреплению социальных связей. Этот подход способствует созданию более

инклюзивной и функциональной городской среды, отвечающей потребностям разнообразных групп населения. Примером успешного применения таких принципов является проект High Line в Нью-Йорке, где заброшенная железнодорожная линия была преобразована в общественное пространство. Этот проект не только улучшил качество городской среды, но и способствовал развитию культурных и социальных инициатив, привлекая жителей и туристов, преобразовав заброшенную инфраструктуру в социокультурное пространство, способствующее интеграции различных социальных групп [14].

Взаимосвязь между общественным и социокультурным пространством заключается в их взаимном влиянии и интеграции. Общественное пространство представляет собой физическую среду, доступную для всех, где происходят социальные взаимодействия и культурные обмены. Социокультурное пространство, в свою очередь, формируется на основе культурных и социальных практик, которые наполняют общественное пространство значением и содержанием. Таким образом, общественные пространства становятся площадками для реализации социокультурных процессов, а социокультурное пространство проявляется через использование и восприятие этих площадок.

Культурные аспекты играют важную роль в формировании городских пространств. Они определяют характер общественных пространств, их функции и эстетическое восприятие. Например, в городах с богатым культурным наследием общественные пространства часто включают исторические памятники, архитектурные ансамбли и арт-объекты, которые становятся центрами притяжения для жителей и туристов. Такие пространства, как Парк Гуэль в Барселоне, иллюстрируют успешную интеграцию культурных элементов в городскую среду, что способствует их уникальности и привлекательности [15].

Социальные аспекты существенно влияют на восприятие и использование городских пространств. Социальная инклюзия, доступность и возможность взаимодействия различных групп населения создают условия для формирования позитивного отношения к общественным пространствам. Исследования показывают, что города с развитой сетью общественных пространств демонстрируют более высокий уровень социальной сплоченности, что подчеркивает важность учета социальных факторов в планировании и развитии этих пространств. Так, при анализе времени последнего десятилетия в Москве наблюдается активное использование иммерсивных методик, которые способствуют взаимодействию людей в городских общественных пространствах. Эти методики становятся инструментом для формирования новых сообществ и построения «большой идеи места», создающей эмоциональную связь между местом и его посетителями [14]. Они раскрывают ценностную природу отношений и значе-

ний, которые горожане связывают с городом.

Успешные примеры интеграции социокультурных факторов в общественные пространства демонстрируют их значимость для городской среды. Значение социокультурных практик в городских пространствах заключается не только в создании механик взаимодействия, но и в формировании эмоционального фона, который влияет на качество жизни. Экзистенциальное освоение пространства помогает горожанам найти свое место в культурной жизни, и это влияет на их эмоциональное состояние.

Помимо этого, социокультурная среда города это пространство, где символы и смыслы переплетаются, позволяя горожанам выражать свои мысли и чувства. Культурное пространство становится площадкой для обмена идеями и формирования новых значений, которые необходимы для развития местной культуры. Важно понимать, что такое взаимодействие создается не только через активные мероприятия, но и благодаря повседневным практикам, которые, в свою очередь, становятся основой для формирования идентичности местных сообществ.

Культурный потенциал городской среды определяется её способностью адаптироваться к современным вызовам и потребностям населения. Исследование показывает, что качественные изменения общественных пространств способствуют повышению коммуникативной активности горожан.

Эффективное использование этих пространств достигается через создание условий для комфортного взаимодействия, что обогащает культурный опыт населения. В дальнейшем исследовании важно учитывать глобализационные процессы и местные особенности социокультурной динамики. Комплексный подход позволяет глубже понять формирование интересов и привычек различных социальных групп и их влияние на общественную жизнь.

Таким образом, концептуальные подходы к исследованию общественного городского пространства должны интегрировать социокультурные практики, учитывающие как локальные, так и глобальные контексты. Выявление ценностных и смысловых элементов, а также построение моделей взаимодействия позволит более эффективно планировать гуманитарные инициативы и развивать культурные инфраструктуры в городах.

Культурные практики представляют собой совокупность действий, обычаев и традиций, формирующих и отражающих культурную идентичность общества. В контексте городских пространств они играют ключевую роль в определении функциональности и значимости этих мест для жителей. Городские пространства становятся ареной, где культурные практики не только проявляются, но и трансформируются под влиянием городской среды. Например, площади и парки часто используются для проведения культурных мероприятий, что способствует их восприятию как символов

городской культуры. Формирование локальной идентичности и образа города осуществляется через ассоциации местных жителей с парками, скверами и набережными, которые становятся частью их историй и мифов.

Искусство и культурные мероприятия являются важными элементами, формирующими общественные пространства. Они не только украшают городскую среду, но и служат катализатором социальных взаимодействий. Например, в Лондоне ежегодно проводится более 18 тысяч культурных мероприятий, привлекающих миллионы посетителей, что подтверждает значимость искусства в создании привлекательных и функциональных городских пространств. Подобные события способствуют не только культурному обогащению, но и экономическому развитию города.

Традиции и обычаи оказывают значительное влияние на использование общественных пространств. Они определяют, как именно жители города взаимодействуют с окружающей средой. Например, в Токио традиционные рынки, такие как Цукидзи [16], продолжают привлекать как местных жителей, так и туристов, демонстрируя, как исторические и культурные элементы могут быть интегрированы в современную городскую жизнь. Это подчеркивает важность сохранения традиций в контексте урбанистического развития.

Этнические и культурные различия существенно влияют на восприятие и использование городских пространств. Разные культурные группы могут по-разному интерпретировать значение и функции тех или иных мест. Например, в Берлине уличное искусство стало неотъемлемой частью городского ландшафта, отражая культурное разнообразие города. Это демонстрирует, как общественные пространства могут стать ареной для выражения культурной идентичности различных сообществ.

Культурные символы играют важную роль в формировании идентичности городских пространств. Их интеграция в городскую среду способствует укреплению культурной памяти и идентичности. Например, в Париже площадь перед Центром Помпиду используется как место для уличных представлений, что делает её не только туристическим объектом, но и важным культурным символом. Это подчеркивает значимость культурных символов в создании уникальной городской атмосферы.

Глобализация оказывает значительное влияние на культурные практики и использование общественных пространств. Она способствует обмену культурными идеями и практиками, но также может привести к унификации культурных особенностей. В Барселоне, например, фестиваль Ла Мерсе привлекает миллионы посетителей, демонстрируя, как локальные культурные события могут приобрести глобальное значение. Это подчеркивает необходимость сохранения уникальности культурных практик в условиях глобализации.

Примеры успешной интеграции культурных практик в городское пла-

нирование демонстрируют, как культурные аспекты могут быть гармонично включены в урбанистическую среду. В Нью-Йорке Центральный парк служит местом проведения более 200 культурных мероприятий ежегодно, что делает его важным общественным пространством. Такие примеры показывают, как культурные практики могут обогащать городскую жизнь и способствовать социальной интеграции.

Примером значимости социальной структуры является проект «Моя улица» в Москве, направленный на создание комфортной городской среды для всех категорий жителей. Модернизируя общественные пространства, этот проект способствует улучшению социальных связей и интеграции различных групп населения. Е.А. Власова подчеркивает, что вторая половина XX века стала периодом формирования мегаполиса как постмодернистской формы урбанизации, что связано с широкими социальными и культурно-психологическими трансформациями (Власова Е.А., 2013, С. 17). Учитывая, что по данным 2020 года более 55% населения мира проживает в городах, становится очевидным, что общественные пространства играют ключевую роль в обеспечении социальной гармонии. Так, например, данные о старении населения и увеличении спроса на удобные общественные пространства подчеркивают важность адаптации городской среды к этим изменениям. В Токио, например, плотность населения и демографические сдвиги существенно влияют на восприятие и использование общественных пространств, что требует особого подхода к их проектированию. В этой связи возникает необходимость рассмотреть дизайн городской среды как фактор, формирующий новое качество жизни в условиях современного мегаполиса, особенно с культурологической точки зрения (Птицына Л.М., 2012, с. 5).

Социальные взаимодействия имеют ключевое значение для восприятия общественных пространств. Места, способствующие общению и взаимодействию между людьми, становятся центрами городской жизни. Программы, такие как «Open Streets» в Нью-Йорке, временно закрывающие улицы для автомобилей, создают условия для активного социального взаимодействия, что, в свою очередь, улучшает качество жизни горожан. Исследования подтверждают, что третьи места, такие как бары и кафе, также вносят значительный вклад в формирование общественного городского пространства, обеспечивая возможности для неформального общения и взаимодействия (Р. Ольденберг, 2018) [17, С. 67]. Разнообразные пространства, способствующие общению, играют важную роль в развитии городской культуры и социальной жизни.

Еще один из подходов в организации общественного пространства, это концепция креативного города, предложенная Чарльзом Лэндри. Эта концепция представляет собой интегративный подход, который рассматривает город как продуктивное сообщество, способное к созданию и распро-

странению культурного и экономического капитала. Ч. Лэндри выделяет три уровня в структуре креативного города: верхний уровень, состоящий из креативных индустрий; средний уровень, представленный организациями, и нижний уровень, охватывающий местные сообщества и инициативы [3]. Эта структура позволяет понимать, каким образом различные сектора взаимодействуют для стимулирования культурного и экономического прогресса.

Креативный город не просто подразумевает наличие художественных или культурных мероприятий. Данный подход акцентирует внимание на создании условий для креативного мышления, где различные дисциплины, культуры и экономические сектора интегрируются. Для этого необходимо развивать соответствующую организационную культуру, объединяющую общество вокруг общих интересов и целей [3]. Ключевым моментом здесь является способность жителей осознавать и использовать свой творческий капитал, что напрямую зависит от среды, в которой они взаимодействуют [3].

Примеры реализации концепции креативного города можно наблюдать в России. Например, город Мышкин выбрал уникальную нишу в области туризма, подчеркивая своё культурное наследие и специализацию, в то время как Пермь акцентировалась на жесткой конкуренции и культурной идентичности [18]. Эти примеры показывают, как местные сообщества могут адаптировать концепцию креативного города под свои особенности, тем самым создавая уникальные сценарии для развития. Пермь, например, реализовала модель, ориентированную на интенсивное использование культурного ресурса, что позволило укрепить её позиции как культурной столицы региона [19].

Таким образом, концепция креативного города становится важным инструментом для понимания и преобразования социальных и культурных динамик в современном городском пространстве, учитывая уникальные аспекты каждой местности и сообщества.

Социальные проблемы, такие как сегрегация и неравенство, находят своё отражение в общественных пространствах. Например, в Кейптауне социальная сегрегация приводит к ограничению доступа к качественным общественным пространствам для определённых групп населения. Это подчёркивает необходимость разработки инклюзивных пространств, которые учитывают потребности всех социальных групп. Современные проекты, направленные на решение этих проблем, демонстрируют, как можно использовать городские пространства для социальной интеграции.

Изменения в городском пространстве обусловлены множеством факторов, включая демографический рост, экономические преобразования и технологическое развитие. Урбанизация в странах Азии демонстрирует быстрые темпы, что требует модернизации инфраструктуры и пересмотра

подходов к городскому планированию. Анализ формирования городской среды предполагает постоянный пофакторный подход, позволяющий глубже понять урбанистические процессы и тенденции их развития. При этом глобализация и изменение климата оказывают значительное влияние на структуру и функционирование городских пространств.

В связи с чем, при проектировании общественных пространств необходимо использовать комплексный подход, включающий всесторонний анализ потребностей населения. Этот метод акцентирует внимание на оценке удобства городской среды и её инфраструктурных элементов. Ключевым аспектом является вовлечение жителей в процесс планирования и проектирования, что способствует созданию функциональных и эстетически привлекательных пространств.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены основные теоретические аспекты понятий «общественное городское пространство» и «социокультурное пространство». Эти концепции, будучи междисциплинарными, отражают сложное взаимодействие социальных, культурных и пространственных факторов, формирующих городскую среду. Анализ показал, что общественные пространства играют ключевую роль в обеспечении социальной интеграции, культурного взаимодействия и устойчивого развития городов. Также исследование продемонстрировало, что социокультурное пространство, являясь концептуальной категорией, позволяет глубже понять механизмы формирования городской идентичности и социального взаимодействия. Выявлена взаимосвязь между этими понятиями, которая раскрывает, как культурные и социальные аспекты влияют на восприятие и использование городских пространств. Таким образом, исследование создало основу для дальнейшего анализа практических аспектов формирования общественных пространств.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его выводов для разработки рекомендаций по улучшению городской среды. Понимание ключевых характеристик общественных и социокультурных пространств позволяет проектировать пространства, способствующие социальной сплоченности, культурному обмену и комфортному использованию. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны в области градостроительства и урбанистики. Они предоставляют теоретическую базу для интеграции культурных и социальных факторов в процесс планирования и проектирования городских пространств, что особенно актуально в условиях растущей урбанизации и глобализации.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Семiosфера / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Изд-во Искусство-СПБ, 2000. 704 с., С. 5.
2. Касаткина С.С. Семiotический подход к исследованию города как системы // Философская мысль. 2017. № 6. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskiy-podhod-k-issledovaniyu-goroda-kak-sistemy> (17.12.2024).
3. Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – М.: Издательский дом «Классика – XXI», 2011. 399с.
4. Джекобс, Д. Смерть и жизнь больших американских городов /Jane Jacobs «The Death and Life of Great American Cities», 1961 / – М: Новое издательство. 2011. 460 с.
5. Птицына Л.М. Проблематизация дизайна городской среды в современной культурологии: Автореферат дис. ... канд. культурологии. – Челябинск, 2012. С. 5.
6. Порозов Р.Ю. Культурно-образовательный потенциал городского пространства: теоретико-культурологический анализ: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. – Челябинск, 2009. С. 3.
7. Власова, Е.А. Мегаполис как семантико-символическая система: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Москва, 2013. 24 с.
8. Социальное пространство современного города // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35772/1/978-5-7996-1471-3_2015.pdf
9. Филиогло Л.Д. // dspace.tltsu.ru // URL: https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/2967/1/filoglo1-29-15_eumi_z.pdf
10. Диссертация на тему «Социокультурное пространство...» // www.dissercat.com // URL: https://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnoe-prostranstvo-sovremennogo-goroda_svoobodnyy_-zagl_s_ekrana
11. Гаврилина Т.О. Социология городской среды // URL: https://www.surgpu.ru/media/medialibrary/2019/06/26._gavrilina_t.o._sotsiokulturnoe_prostranstvo_goroda_strukturna_funktsii.pdf
12. Humanization of education and upbringing in the education system: theory and practice: materials of the III international scientific conference on March 20–21, 2014. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. 124 с.
13. Тулиганова И.В. Социокультурное пространство современного города // URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004271466.pdf
14. Хай-Лайн — необычный урбанистический парк Нью-Йорка. Что меня покорило и что понравилось | Путёвые заметки непутёвой Птахи | Дзен. // URL: <https://dzen.ru/a/YPc9MO-YsyUfhR34>
15. Official website Park Güell | Barcelona | Web oficial Park Güell | Barcelona // URL: <https://parkguell.barcelona/en>
16. Япония – Токио – Цукидзи. Знакомимся с историей рынка морепродуктов, выбираем полную здоровья рыбу на историческом базаре | Моя география. Путешествия | Дзен // URL: <https://dzen.ru/a/ZEqGPqk4bW9SvdNp>
17. Ольденбург Р. Третье место. Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р.Ольденбург, пер. с англ. Широконова А. // Издательство: Новое литературное обозрение, 2018. 456 с.
18. Волошинская А.А. Опыт реализации концепций креативного города в России / А.А. Волошинская, В.М. Комаров // Экономический анализ: теория и практика. 2017. № 4 (463). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-realizatsii-kontseptsii-kreativnogo-goroda-v-rossii> (Дата обращения: 28.04.2025).
19. Иригов Т.А. Роль концепции креативного города в развитии городской среды // E-Scio. 2021. № 1 (52). // URL: <https://Cyberleninka.Ru/Article/N/Rol-Kontseptsii-Kreativnogo-Goroda-V-Razviti-Gorodskoy-Sredy> (Дата обращения: 28.04.2025).

References

1. Lotman Yu.M. Semiosphere / Yu.M. Lotman. - St. Petersburg: Publishing House Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p., P. 5.

2. Kasatkina S.S. Semiotic approach to the study of the city as a system // Philosophical Thought. 2017. № 6. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskiy-podhod-k-issledovaniyu-goroda-kak-sistemy> (12.17.2024).
3. Landry C. Creative city / C. Landry. – M.: Publishing house “Classic - XXI”, 2011. 399 p.
4. Jacobs, D. The Death and Life of Great American Cities // Jane Jacobs «The Death and Life of Great American Cities», 1961 / – M: New Publishing House. 2011. 460 p.
5. Pitsyna, L.M. Problematization of Urban Environment Design in Modern Cultural Studies: Abstract of Cand. Cultural Studies Dissertation. – Chelyabinsk, 2012. P. 5.
6. Porozov, R.Yu. Cultural and Educational Potential of Urban Space: Theoretical and Cultural Analysis: Abstract of Dissertation for the Degree of Candidate of Cultural Studies. – Chelyabinsk, 2009. P. 3.
7. Vlasova, E.A. Megalopolis as a Semantic-Symbolic System: Abstract of Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences. – Moscow, 2013. 24 p.
8. Social space of the modern city // URL: https://elar.ufrf.ru/bitstream/10995/35772/1/978-5-7996-1471-3_2015.pdf
9. Filioglo L.D. // dspace.tltsu.ru // URL: https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/2967/1/filioglo1-29-15_eumi_z.pdf
10. Dissertation on the topic “Sociocultural space...” // www.dissercat.com // URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnoe-prostranstvo-sovremennogo-goroda>, free. - Title from the screen
11. Gavrilina T.O. Sociology of the urban environment // URL: https://www.surgpu.ru/media/media-library/2019/06/26._гаврилина_т.о._социокультурное_пространство_города_строителя_фееции.pdf
12. Humanization of education and upbringing in the education system: theory and practice: materials of the III international scientific conference on March 20–21, 2014. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. 124 p.
13. Tuliganova I.V. Sociocultural space of a modern city // URL: https://new-dissers.ru/_avtoreferats/01004271466.pdf
14. The High Line is an unusual urban park in New York. What shocked me and what I liked | Travel notes of a wayward bird | Zen. // URL: <https://dzen.ru/a/YPc9MO-YsyUfhR34>
15. Official website Park Güell | Barcelona | Web oficial Park Güell | Barcelona // URL: <https://parkguell.barcelona/en>
16. Japan - Tokyo - Tsukiji. Getting to know the history of the seafood market, choosing healthy fish at the historical bazaar | My geography. Travel | Zen // URL: <https://dzen.ru/a/ZEqGPqk4b-W9SvdNp>
17. Oldenburg R. Third place. Cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of “parties” as the foundation of community / R. Oldenburg, trans. from English by Shirokanova A. // Publisher: New Literary Review, 2018. 456 p.
18. Voloshinskaya A.A. Experience of implementing creative city concepts in Russia / A.A. Voloshinskaya, V.M. Komarov // Economic analysis: theory and practice. 2017. № 4 (463). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-realizatsii-kontseptsii-kreativnogo-goroda-v-rossii> (04.28.2025).
19. Irigov T.A. The role of the creative city concept in the development of the urban environment // E-Scio. 2021. № 1 (52). // URL: <https://Cyberleninka.Ru/Article/N/Rol-Kontseptsii-Kreativnogo-Goroda-V-Razviti-Gorodskoy-Sredy> (28.04.2025).

Сунь Тинтин

Магистр. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Основоположник китайской национальной музыки XX века — Ли Шутун*

Аннотация. Ли Шутун (1880-1942) - основоположник современной китайской музыки. Своей творческой и преподавательской деятельностью он внес огромный вклад в становление современной национальной музыки Китая. В ранние годы, вернувшись в Китай после учебы в Японии, он основал первый в Китае музыкальный журнал «Music Magazine», ввел пятистрочную нотацию, составил «Сборник вокальных произведений для государственных школ», объединив западные музыкальные приемы с китайской классической поэзией, тем самым создав новую форму «Песен для школ». Такие известные произведения, как «Прощание» и «Весенняя прогулка», стали классикой благодаря сочетанию китайских и западных мелодий и текстов, которые нравятся как элите, так и массам, и заложили основу для создания китайских полифонических хоров. Преподавая в общеобразовательных школах провинции Чжэцзяна, он стал автором учебных материалов по гармонии и контрапункту, подготовил таких музыкантов, как Фэн Цыкай и Лю Чжипин, и создал современную систему музыкального образования. Ли Шутун своим творчеством сломал традиционную музыкальную парадигму и ввел социальную функцию музыки в концепцию «воспитание характера». Его произведения стали культурными символами, связавшими традиции и современность, имеют важное значение для истории современной музыки и развития образования в Китае.

Ключевые слова: Ли Шутун, музыка в школе, «Прощание», интеграция китайской и западной музыки, модернизация музыкального образования, Учитель Хунъя.

Sun Tingting

Master's degree. Lomonosov Moscow State University.

Li Shutong - the founder of Chinese national music of the 20th century

Abstract. Li Shutong (1880-1942) was a pioneer in the history of modern Chinese music. His artistic practice and educational innovations made significant contributions to the modernization of Chinese national music. Returning to China in 1910 after studying in Japan, he founded China's first music journal, Music Magazine, introduced five-line notation, compiled the Collection of National Songs for Study, and took other initiatives, combining Western musical techniques with Chinese

* © Сунь Тинтин, 2025.

Основоположник китайской национальной музыки XX века — Ли Шутун

classical poetry, thereby creating a new form of “school music”. His signature works, “Farewell” and “Spring Walk”, have become classics due to their combination of Chinese and Western melodies and literary qualities that appeal to both the elite and the masses, and the latter laid the foundation for the creation of Chinese polyphonic choruses. Teaching in

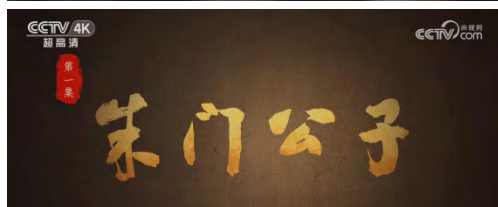
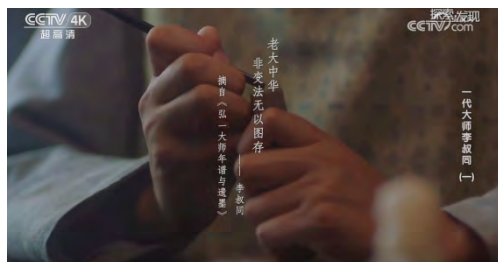
Zhejiang’s two-tier ordinary schools, he pioneered courses in harmony and counterpoint, trained musicians such as Feng Zikai and Liu Zhiping, and established a modern music education system. Li Shutong’s practice broke the traditional musical paradigm and promoted the development of the social function of music through the concept of “temperament education”. His works are still culturally symbolic, linking tradition and modernity, and are of great significance to the history of modern music and the development of education in China.

Key words: Li Shutong, music in school, “Farewell”, integration of Chinese and Western music, modernization of music education, Teacher Hongyi.

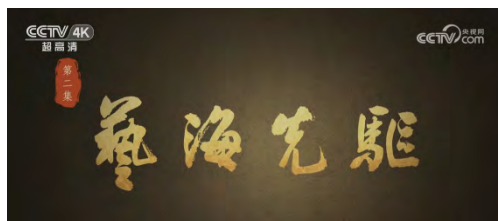
Ли Шутун (1880—1942) является основоположником современной музыки в Китае, внесшим новаторский вклад в новую и новейшую историю китайской музыки. Он не только осуществил реформу в музыкальной сфере, но и, интегрировал китайскую и западную культуры, придав современное звучание национальной музыке [1, с. 196].

I. Биография и личный вклад

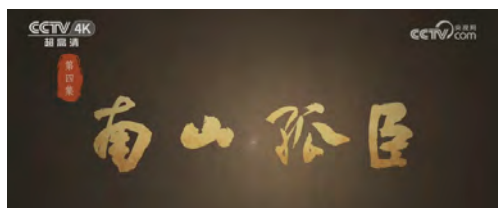
Ли Шутун (1880–1942), псевдоним Вэньтао и детское имя Чэнси, объединял в себе качества музыканта, преподавателя живописи, каллиграфа и другие. Во время учебы в Японии он познакомился с западной музыкой, а после возвращения на родину посвятил себя музыкальному образованию и написанию песен. Он автор более 70 произведений, которые позже были изданы в «Сборнике вокальных произведений для государственных школ» [1, с. 21] Центральное телевидение Китая CCTV выпустило на экраны документальный фильм «Великие мастера столетия: Ли Шутун», где описаны изобразительное творчество и религиозная деятельность Ли Шутуна (Великого Учителя Хунъи). В фильме представлены ценные исторические фотографии, каллиграфические рукописи и видеоматериалы из Мемориального музея Ли Шутуна в Пинху, провинция Чжэцзян [3, с. 58]. Фильм состоит из четырех серий («Принц из знатного рода», «Пионер искусства», «Знаменитый педагог», «Одинокий подвижник на южной горе») и рассказывает историю жизни Ли Шутуна, охватывающую его детство, учебу за рубежом, преподавательскую деятельность и монашество. Через сочетание сценических реконструкций и исторических материалов фильм воссоздает его «скрупулезное» отношение к жизни и творчеству. Ли Шутун популяризировал песенное пение, придав ему новое звучание путем слияния китайской и западной культур, заложив основу современного музыкального образования в Китае.

«Великие мастера столетия: Ли Шутун»
«Принц из знатного рода»

«Пионер искусства» «Знаменитый педагог»

«Одинокий подвижник на южной горе»

II. Музыкальное творчество и новаторство в образовании

1. Музыка и новаторство

В 1906 году Ли Шутун основал первый музыкальный журнал Китая «Маленький музыкальный журнал», пропагандируя социальную функцию музыки в «воспитании характера». Благодаря Ли Шутуну, впервые в китайском музыкальном образовании была введена пятистрочная нотация, интегрирующая художественную концепцию классической поэзии. Он написал «Сборник вокальных произведений для государственных школ», в текстах которых часто использовались стихи из древнего памятника литературы Китая XI-VI в. до н.э. «Книги песен», сборника поэтических произведений III в. до н.э. «Чуские строфы», а также стихи Ли Бо, Налан Синьдэ и других классиков, положенные на японские и европейские мелодии [4, с. 2]. Например, «Песня о родине» была написана на основе народной мелодии, что способствовало пробуждению национального самосознания.

2. Школьные песни

Ли Шутун был мастером

歌来曲唱网 www.123qpu.com

祖国歌 (作于1902年)

民间“老六板”曲调
李叔同 填词

1=F 3 3 6 2 1 — 5 6 1 — 6 1 1 3 2 —
上 下 数 千 年 ， 一 脉 延 ， 文 明 莫 与 肩 。

3 3 6 2 1 — 5 6 1 — 3 2 1 6 5 —
纵 横 数 万 里 ， 膏 腴 地 ， 独 享 天 然 利 。

5 5 3 3 5 5 2 — 3 2 1 1 6 1 2 —
国 是 世 界 最 古 国 ， 民 是 亚 洲 大 国 民 ，

3 2 2 3 5 — 5 6 1 — 6 1 1 6 5 —
呜 呼 大 国 民 ！ 呜 呼 唯 我 大 国 民 ！

5 6 5 3 2 — 2 3 5 — 5 6 5 3 2 —
幸 生 珍 世 界 ， 琳 琅 十 倍 增 声 价 。

2 5 5 2 3 2 1 — 6 1 5 6 1 3 2 — 2 5 5 2
我 将 骑 狮 越 昆 仑 ， 驾 鹤 飞 渡 太 平 洋 ， 谁 与 我 仗

3 2 1 — 3 3 6 2 1 — 5 6 1 — 3 2 1 6 5 —
剑 挥 刀 ？ 呜 呼 大 国 民 ， 谁 与 我 鼓 吹 庆 升 平 ？

歌曲产生背景：此歌是我国近代最早出现的由立人编创的歌曲之一，作于20世纪初年。其时满清统治腐败，国家不断遭受列强宰割。编创者为激发国民志气和进取精神，采用民间乐曲“老六板”填词而成此歌，成为一首著名的学堂乐歌，在当时受到广泛欢迎，曾流传了几十年。

«Песня о родине»

интерпретации европейских и американских популярных мелодий, сочетая восточные и западные мелодии. Его репрезентативное произведение «Прощание» было адаптировано на основе японской песни «Скорбь путешественника» с использованием мелодии американской песни «Мечта о

Farewell Song

29. 春 游

Moderato
mf

春风吹面轻如纱，
燕子剪来没行踪。
游人走
路分行，
莺歌燕舞入人下。
莺歌燕舞入人下，
梨花带雨
不沾衣。
蝴蝶飞上入人下。
莺歌燕舞没行踪。

谱例 4：三部合唱《春游》

«Весеннее путешествие» «Прощание».

доме и матери» [4, с. 4]. В песне используются классические образы, такие как «За городской стеной, у старой дороги», выражающие горечь прощания, «описывая чувства через пейзаж, сливая слова и музыку». Песня была упрощена и адаптирована, чтобы сделать ее более плавной, и в результате она стала вечной классикой.

«Прощание»

Песни приобрели популярность, благодаря сочетанию традиции и современной мелодии. Так, «Весеннее путешествие» [6, с. 128], первое многоголосное хоровое произведение Китая, сочетающее западную полифоническую технику с традиционным лирическим стилем, а также такие песни для военной гимнастики, как «Мужчина должен быть амбициозным», которые легко петь.

3. Новатор в педагогической деятельности

Во время преподавания в Чжэцзянской двухступенчатой педагогической школе он впервые ввел такие курсы, как гармония и контрапункт, и воспитал музыкантов [7, с. 64] Фэн Цзыкай и Лю Чжипин [5, с. 34], тем самым внес личный вклад в становление системы современного музыкального образования в Китае.

III. Историческое значение

Музыкальное творчество и педагогическая деятельность Ли Шутуна взломали парадигму традиционной китайской музыки, вдохнув современное звучание в национальную музыку благодаря художественной концепции «слияния Востока и Запада» (8, с. 34). и по сей день его произведения считаются вехой в истории современной китайской музыки, а такие песни, как «Прощание» и «Весеннее путешествие», стали культурными символами, связавшим традицию и современность. Творчество Ли Шутуна в области «школьных песен» (например, «Прощание») было проанализировано на фоне реформ новой школы в конце династии Цин и влияния идей реформ на его раннее литературное и художественное творчество. Творчество Ли Шутуна в написании школьных песен не только стало музыкальным эталоном, но и, объединило национальную классику и музыкальное образование в «Сборнике вокальных произведений для государственных школ». Произведения Ли Шутуна являются знаковыми в истории современной китайской музыки и вдохновляют на создание школьных песен.

Библиографический список

1. Янь Саньлинь. Исторический опыт и современная ценность хорового творчества Ли Шутуна // Китайский электронный академический журнал. 1994-2024. С. 196-203.

2. Ван Вэньюань, Лань Сяоя. Сорок лет исследований музыкальных достижений Ли Шутуна // Юнмэнский академический журнал. 2024. № 11. С. 21-26.
3. Документальный фильм «Ли Шутун: Легендарная жизнь великого мастера» // Производственная компания: Пропагандистский отдел ЦК КПК города Пинху, Чжэцзянская радио- и телевещательная группа. 30/05/2024.
4. Хао Юйцзя, Лю Ян. Художественные инновации и эстетические особенности школьных песен Ли Шутуна // Журнал Северного университета Китая (социальные науки). 1673-1646 (XXXX) XX-0001-07. 22/04/2025. С. 1-7.
5. Цю Хайпин. Развитие национальной классики, систематическое построение, сочетание Востока и Запада – исследование особенностей и культурной ценности творчества песен на классическую китайскую поэзию Ли Шутуна // Пение и искусство. 2023. № 12. С. 34-42.
6. Цуй Лэй. Исследование песен Ли Шутуна и изучение его концепции сочинения песен // Китайская музыка. Классификационный номер: J609.2; Литературный номер: А; Номер статьи: 1002-9923 (2023) 06-0127-14. 05/10/2022. С. 127-140.
7. Жэнь Цзяин. Наследие вековых традиций, отзвуки времени – урок искусственного слияния «Школьные песни – Ли Шутун». Хэйлунцзянское образование. 2024. № 6. С. 64-65.
8. Чжан Цяньцян. О влиянии опыта учебы в Японии на музыкальные взгляды Ли Шутуна – на примере журнала «Маленький музыкальный журнал» // Литературный факультет Нанкайского университета. 25/09/2024. С. 34-37.

References

1. Yan Sanlin. Historical Experience and Contemporary Value of Li Shutong's Choral Works // Chinese Electronic Academic Journal. 1994-2024. P. 196-203.
2. Wang Wenyuan, Lan Xiaoxia. Forty Years of Research on Li Shutong's Musical Achievements // Yunmeng Academic Journal. 2024. № 11. P. 21-26.
3. Documentary "Li Shutong: The Legendary Life of a Great Master" // Production Company: Propaganda Department of the CPC Central Committee of Pinghu City, Zhejiang Radio and Television Group. 30/05/2024.
4. Hao Yujia, Liu Yang. Artistic Innovation and Aesthetic Features of Li Shutong's School Songs // Journal of North University of China (Social Sciences). 1673-1646 (XXXX) XX-0001-07. 22/04/2025. P. 1-7.
5. Qiu Haiping. The Development of National Classics, Systematic Construction, Combination of East and West - a Study of the Features and Cultural Value of Li Shutong's Song Creation on Classical Chinese Poetry // Singing and Art. 2023. № 12. P. 34-42.
6. Cui Lei. A Study of Li Shutong's Songs and a Study of His Song Composing Concept // Chinese Music. Classification Number: J609.2; Literary Number: A; Article Number: 1002-9923 (2023) 06-0127-14. 05/10/2022. P. 127-140.
7. Ren Jiaying. The Heritage of Centuries-old Traditions, Echoes of Time – a Lesson in Artificial Fusion "School Songs – Li Shutong". Heilongjiang Education. 2024. № 6. P. 64-65.
8. Zhang Qianqian. On the Influence of Studying in Japan on Li Shutong's Musical Views – Using the Example of the Magazine "Little Music Magazine" // Literature Department of Nankai University. 09/25/2024. P. 34-37.

Турсынбаева К.А.

Докторант. Казахский национальный университет имени аль-Фараби.

Жолдубаева А.К.

Доктор философских наук, доцент. Казахский национальный университет имени аль-Фараби.

Символические и сакральные функции денег в кочевых обществах: к вопросу о многоаспектности денежного обращения*

Аннотация. В статье рассмотрено, какую роль играли деньги в кочевых обществах и осуществлено сравнение с функциями денег в современном обществе. Данная тема в научной среде является малоизученной. Когда мы рассматриваем историю кочевых обществ, мы должны понимать деньги не так, как они понимаются в современном обществе, а учитывать контекст и функции денег. В статье внимание уделено систематизации и анализу представлений о деньгах у различных кочевых народов. Проанализированы взгляды историков и мыслителей на функции денег в кочевых обществах. Также раскрыто значение денег в традиционных и современных контекстах. Основная цель данного исследования – показать многоаспектность и многофункциональность денег в кочевых обществах. Были выявлены отличия в отношении к богатству в кочевых и в оседлых обществах. Исследование позволяет рассмотреть, как кочевые представления о деньгах соотносятся с более широкими вопросами обмена, доверия и идентичности. Рассмотрено влияние друг на друга кочевых и оседлых сообществ, а также влияние постоянных перемещений кочевых обществ на функции денег. В современном мире деньги утратили многие функции, которые у них были ранее. Эти функции были очень важны для поддержания социального порядка и в целом для функционирования общества и государства. Так, были утрачены социальные функции, ритуальные функции, символические функции.

Ключевые слова: функции денег, кочевые общества, социальный порядок, ритуалы, натуральные эквиваленты денег, кочевое общество, кредиты, налоги, богатство.

Tursynbayeva K.A.

PhD candidate. Al-Farabi Kazakh National University.

Zholdubayeva A.K.

Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University.

* © Турсынбаева К.А., Жолдубаева А.К., 2025.

Символические и сакральные функции денег в кочевых обществах: к вопросу о многоаспектности денежного обращения

Symbolic and sacred functions of money in nomadic societies: on the issue of the multidimensionality of money circulation

Abstract. The article examines the role of money in nomadic societies and compares it with the functions of money in modern society. This topic is poorly understood in the scientific community. When we consider the history of nomadic societies, we must understand money not as it is understood in modern society, but take into account the context and functions of money. The article focuses on the systematization and analysis of ideas about money among various nomadic peoples. The views of historians and thinkers on the functions of money in nomadic societies are analyzed. The meaning of money in traditional and modern contexts is also revealed. The main goal of this study is to show the multidimensionality and multifunctionality of money in nomadic societies. Differences in attitudes toward wealth in nomadic and sedentary societies were revealed. The study allows us to consider how nomadic ideas about money relate to broader issues of exchange, trust, and identity. The influence of nomadic and sedentary communities on each other is considered, as well as the influence of constant movements of nomadic societies on the functions of money. In the modern world, money has lost many of the functions that it had before. These functions were very important for maintaining social order and, in general, for the functioning of society and the state. Thus, social functions, ritual functions, symbolic functions were lost.

Key words: functions of money, nomadic societies, social order, rituals, natural equivalents of money, nomadic society, loans, taxes, wealth.

Введение

Прежде чем перейти к вопросу о функции денег, нужно определить, как мы понимаем сам термин «кочевое общество». Термины «кочевое общество» и «номадическое общество» нередко используются как синонимы, однако в научном дискурсе между ними можно выделить определённые различия.

Кочевое общество – это тип социальной организации, основанный на передвижном образе жизни, который связан с хозяйственной деятельностью, требующей регулярных миграций. Кочевые общества, как правило, занимаются скотоводством, сезонно перемещаясь в поисках пастбищ, реже – охотой, собирательством или рыболовством. Их экономика традиционно ориентирована на натуральное хозяйство, а социальные структуры формируются вокруг родоплеменных связей. Примерами кочевых обществ могут служить казахи, монголы, бедуины, масаи и туареги.

Номадическое общество – более широкий термин, включающий не только классических кочевников-скотоводов, но и другие формы мобильных сообществ. В номадических обществах миграция может быть вызвана не только экономическими причинами, но и культурными, религиозными или социальными факторами. В эту категорию могут входить торговые кочевники (например, средневековые купцы), современные цифровые кочевники (digital nomads), ремесленные группы (например, цыгане, кочевые кузнецы, цирковые артисты). Таким образом, все кочевые общества

являются номадическими, но не все номадические общества являются кочевыми. Нас будут интересовать именно общества скотоводов в Азии.

Проблема происхождения денег в кочевых обществах остаётся дискуссионной и порождает различные научные теории. Согласно гипотезе историка Микаэля Фовеля, деньги возникли как инструмент упрощения дальних торговых обменов между разрозненными сообществами, позволяя взаимодействовать группам с разными языками и культурными особенностями [1]. Антрополог Дэвид Гребер критикует традиционное представление о переходе от бартера к деньгам, утверждая, что ранние экономики основывались на кредитных отношениях, а деньги изначально служили для фиксации долгов и обязательств, а не как средство обмена [2]. Другие исследования подчёркивают роль специфических товаров, которые выполняли функции денег. Например, скот использовался не только как форма богатства, но и как средство обмена [3]. Также является дискуссионным вопросом о том, в каком веке у кочевников возникли деньги.

Методы исследования

Методология исследования основывается на сочетании историко-культурных и сравнительных методов, что позволяет наиболее полно и многогранно рассмотреть функции денег в кочевых обществах. В ходе исследования также были использованы методы анализа и синтеза. Также мы прибегали к описательным методам, чтобы описать иерархичность номадического общества и роль денег в этой иерархии. Метод сравнительного анализа применяется для сравнения функций денег в оседлых и кочевых обществах, а также для сопоставления различных источников. Применение этих методов позволило выделить специфические функции денег, характерные только для номадических сообществ Азии.

Результаты и обсуждение

Влияние культурных традиций на экономическое поведение номадов представляет собой важный аспект, который изучается в контексте социальной и культурной динамики различных народов. Система ценностей и традиций, характерная для кочевых обществ, формировала не только способы взаимодействия с природой, но и подходы к распределению ресурсов, в том числе и денежных средств. Далее мы покажем, как именно ценности и традиции номадов отразились на функциях денег.

Как утверждает философ А.Л. Бернар в своей работе «Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру», материальные предметы, например, ракушки каури, занимают важное место в истории денег, являясь одними из самых древних форм валюты, которые использовались для обмена среди африканских, азиатских и океанских народов [4, 82]. Бернар подчёркивает, что такие предметы, как ракушки, бусины и тканевые изделия, не только выполняли функцию валюты, но также использовались для обозначения статуса и связи с духовным миром.

Многие исследователи в первую очередь при анализе денег у кочевников выделяли социальную функцию. Г. Зиммель тоже отмечал, что деньги — это не только экономическое средство, но и культурный феномен, оказывающий влияние на социальные отношения [5, 43].

Этнограф Э.А. Паин в своем исследовании акцентирует внимание на том, что для кочевых обществ деньги нередко имеют функцию не только обменного средства, но и социального механизма, через который укрепляются межплеменные связи и поддерживается социальная структура [6]. Важно отметить, что кочевники часто использовали другие эквиваленты стоимости, такие как скот или изделия ручной работы, которые могли выполнять роль символов статуса и богатства, и в то же время быть элементами обмена. Экономист С.Е. Толыбеков подчеркивает, что денежный обмен у казахов был тесно связан с социальными и политическими отношениями [7, 317]. Он отмечает, что в таких обществах деньги часто служили не только как экономический инструмент, но и как средство поддержания власти и социального порядка.

Денежные дары играли важную роль в свадебных обрядах. Жених и его семья преподносили выкуп за невесту в виде скота, тканей и денег, что являлось не только экономическим актом, но и символом признания социального статуса семьи невесты. Денежные подношения также распространялись на гостей, служа выражением уважения и гостеприимства [8, 315].

С точки зрения этнического самосознания, деньги также играли значимую роль в формировании идентичности и поддержании социального порядка. Историк В.И. Терентьев отмечает, что денежные отношения у монгольских кочевников всегда сочетались с традиционными патрон-клиентскими связями, где экономические обмены были неразрывно связаны с вопросами статуса, родовых обязательств и власти. В кочевом обществе деньги могли служить не только для обмена товарами, но и для выражения политической власти и социальной иерархии [9, 86].

Деньги нередко использовались как средство укрепления социальных связей и регулирования межобщинных отношений. Исследуя организацию административного управления в казахской степи, историк Д.В. Васильев также подчеркивает значение денег в рамках государственно-политической структуры [10, 145]. Он указывает на то, что деньги играли важную роль в управлении, выполняя функцию учета и перераспределения ресурсов. В частности, деньги использовались для выплаты налогов и поддержания устойчивости политической системы. Деньги позволяли укрепить социальную структуру и взаимодействие между различными группами. Таким образом, деньги в этих условиях не только способствовали экономическим обменам, но и являлись важным инструментом управления и сохранения социальной стабильности.

На ранних этапах государственности у кочевников деньги часто поли-

тическую функцию, будучи инструментом легитимации власти. Использование денежных средств способствовало укреплению власти у местных правителей, так как деньги стали не только мерой стоимости, но и символом политической стабильности и контроля. Монетное обращение могло вводиться правителями в качестве символа верховной власти и средства контроля над торговлей [11, 76].

Историк А.И. Оразбаева отмечает, что у кочевых народов, таких как казахи, киргизы и монголы, не всегда существовало четкое разделение между денежными средствами и социальными обязательствами. Деньги, в частности, выполняли роль символа социального статуса и богатства, а также использовались для уплаты дани, обмена товарами и услугами в межплеменных и межгосударственных отношениях [12, 145]. Таким образом, в кочевых обществах деньги не только служили материальными эквивалентами, но и имели символическую функцию, поддерживающую власть правителей и их авторитет.

Металлические деньги, такие как монеты, слитки и металлические знаки, играли важную роль в экономических системах кочевых народов, служа инструментом обмена и сохранения ценности. В условиях кочевого образа жизни, когда традиционные денежные системы не могли функционировать полноценно из-за отсутствия устойчивых форм собственности и недвижимости, металлические деньги стали важным элементом, облегчающим торговые и социальные связи между различными культурами [13, 54].

Историк Г.Б. Избасарова, исследуя казахскую степь в контексте реформ Российской империи, акцентирует внимание на том, как в условиях управляемого края, где высока была степень передвижения, использовались различные формы денежных средств, включая натуральные эквиваленты, такие как скот и меха. Она подчеркивает, что роль денежных средств в торговле и обмене была ключевой для поддержания жизнеспособности кочевых обществ в условиях имперской административной системы [8, 178].

Стоит отметить, что деньги в кочевых обществах также использовались для выдачи кредитов. Философ Н.А. Маничкин указывает на важность долговых обязательств в контексте социальных и религиозных практик кочевых народов [14, 264]. Н.А. Маничкин отмечает, что в ряде кочевых обществ долги, как и кредиты, нередко имели ритуальный характер, что обусловлено особым положением духовных лидеров и шаманов. Эти обязательства не всегда сводились к чисто материальным вопросам; они имели также духовное значение, играя роль в поддержании равновесия между различными социальными слоями.

В традиционном обществе Тувы долговые обязательства часто принимали форму взаимных услуг и обмена товарами. В таких сообществах не всегда имели место «твердые» денежные обязательства, а вместо этого использовались формы кредита, основанные на личных взаимоотношениях

и доверии, что было характерно для кочевых культур [15, 157].

Кредиты, выданные в виде животных, товаров или услуг, играли ключевую роль в дипломатических отношениях между кочевыми и оседлыми народами. Об этом упоминает культуролог Г.Г. Пиков, подчеркивая важность долговых обязательств в функционировании политико-экономической системы кочевых государств. В этих обществах кредитные отношения часто связывались с властными структурами, где долговые обязательства могли быть использованы как инструмент для поддержания власти и влияния [16, 386].

Востоковед Е.У. Байдаров утверждает, что у кочевников деньги часто служили инструментом поддержания морального порядка [17]. Например, в казахской культуре символика денег была связана с понятием «вотчина», что означало не только материальное богатство, но и социальную ответственность. Это подчеркивает важность денег как элемента социальной связи, который не только выполнял экономическую функцию, но и символизировал связь между поколениями и преемственность в культуре и обычаях.

В кочевых обществах деньги часто обладали ритуальной и сакральной ролью, что особенно ярко проявляется в обрядах, жертвоприношениях, гаданиях. Это подчеркивает важность символической функции денег, выходящей за пределы сугубо материального обмена и включающей их в более широкую систему духовных и социальных взаимодействий.

Историк С.В. Кононов рассматривает влияние китайской культуры на традиционные практики приграничных народов [18, 32]. Он подчеркивает, что денежные дары на похоронах стали особенно распространены под влиянием китайских традиций, где существует обычай сжигать бумажные деньги как подношение предкам. Эта практика проникла и в культуры некоторых кочевых народов, усилив символическое значение денег в погребальных ритуалах. У кочевников свадебные обряды и другие церемонии часто включают обмен ценностями, которые символизируют не только материальные ресурсы, но и социальные связи между семьями и народами.

Историк М.А. Балабанова пишет, что археологические находки, такие как предметы, используемые в погребальных обрядах, подтверждают важность денег как не только функциональных, но и символических объектов, которые играли важную роль в идентичности кочевых народов [19]. Авторы акцентируют внимание на том, что среди кочевых народов денежные символы часто связаны с религиозными практиками. Деньги могут быть не только предметом обмена, но и средством закрепления и трансляции культурных и религиозных ценностей, что подтверждается многими примерами из казахского общества.

Таким образом, в кочевых обществах деньги, как и другие элементы материальной культуры, были тесно связаны с религиозными практиками и мировоззрением кочевников. Они рассматривали роль денег как не только экономического инструмента, но и как важного символа, который

мог отражать духовные ценности и культурные традиции [20].

В частности, в калмыцкой культуре ткани и бусины имеют глубокое символическое значение, представляя собой как средство обмена, так и элемент сакрального значения. И.Х. Улинова, исследуя традиции калмыцкого этноса в современной культуре, также выделяет символические формы обмена, такие как предметы, которые используются в ритуальных практиках [21, 65]. И.Х. Улинова обращает внимание на то, как культурные и религиозные традиции формируют особые формы денежных эквивалентов, которые продолжают использоваться в ритуалах и праздниках.

Так, Н.А. Маничкин отмечает, что в обрядах, связанных с переходом души в иной мир, деньги использовались как средство обеспечения умершего в загробной жизни. Монеты клали в гроб или бросали в огонь, чтобы дух мог воспользоваться ими на пути в потусторонний мир. Этот обычай подтверждает представление о деньгах как о средстве, обладающем сакральным значением [14, 287].

В то время как внешняя торговля и экономическая система претерпели изменения, внутренняя символика денег, как статусных и ритуальных объектов, сохраняла свою важность, символизируя преемственность традиций и ценностей [22, 47].

Таким образом, деньги в кочевых обществах часто выполняли не только экономические и социальные функции, но и сакральную функцию, играя важную роль в религиозных и социальных практиках, что свидетельствует о глубоком символическом значении денежных эквивалентов в этих культурах.

Денежная система кочевников оказала влияние на другие народы. Именно через кочевников монеты, привезенные с Востока, стали доступны для торговли с оседлыми народами. Историк Д.П. Шульга также указывает на влияние кочевников на стандартизацию денежных единиц, что обеспечивало единство в экономических отношениях на протяжении Шелкового пути. В процессе военных и торговых контактов монголо-татары часто использовали долговые обязательства для обеспечения экономических интересов и расширения влияния на территории Восточной Европы [23, 165].

Выводы

В кочевых культурах деньги не только выполняли функцию обмена, но и обладали важным символическим, религиозным, ритуальным и статусным значением. Эти аспекты были тесно связаны с социальными структурами и традициями, в которых роль денежных эквивалентов часто выходила за рамки экономической функции.

Следует признать, что у денег в обществах кочевников было гораздо больше функций, чем в современных обществах, как это описывается в научной литературе. Современное общество в большинстве своем отказывается от сакрального восприятия денег.

Ученые-экономисты, говоря о современном обществе, выделяют пять

функций денег: мера стоимости, средство обращения, средство платежа, средство сбережения и накопления, мировые деньги. Как мы видим, в кочевых обществах у денег было гораздо больше функций. Современное общество рассматривает деньги как нечто только материальное, убирая религиозные и социально-политические аспекты денег. Если сравнивать кочевые общества с оседлыми, то мы увидим, что в оседлых обществах на первое место ставилась прямая функция денег – быть универсальным эквивалентом стоимости. Историк А.И. Мартынов, исследуя евразийскую степную цивилизацию, также затрагивает вопросы денежного обращения в кочевых обществах. Он акцентирует внимание на том, как в степных регионах деньги служили важным элементом социальной организации, причем в отличие от оседлых обществ, в кочевых племенах они часто имели символическое значение. В степи деньги часто выступали как средство закрепления власти, установления дипломатических и торговых отношений, а также как инструмент передачи культурных и религиозных ценностей [24, 78].

Богатство в оседлых обществах связывалось с индивидуальным накоплением, потому что человек жил на одном месте и был связан с другими людьми слабее, чем члены кочевого сообщества. В кочевых обществах коллективные ресурсы были более значимы, чем индивидуальное накопление [25, 167], потому что люди теснее были связаны друг с другом из-за необходимости перемещаться по степи. Для многих кочевых народов богатство не является самоцелью, а скорее выражением социальной гармонии и благополучия общины. Социальные нормы и ценности, такие как гостеприимство и взаимопомощь, играют ключевую роль в экономическом взаимодействии и влияют на повседневную практику использования ресурсов [26, 179].

В кочевых сообществах подвергались моральному осуждению кочевники, которые, не обладая высоким социальным статусом, были богатыми. Например, у киргизов табу на накопление и использование богатства действовало как важный механизм поддержания социальной гармонии. Попытки обогатиться за счет других воспринимались как нарушение культурных и этических норм. Философ Г. Зиммель подчеркивает, что в некоторых культурах чрезмерное накопление денег считалось нарушением баланса и гармонии в обществе, что делало его осуждаемым с нравственной точки зрения [5, 154]. В этих культурах деньги не являлись самостоятельной ценностью, а служили инструментом, контролируемым через социальные и моральные практики.

Сохранение традиционных практик в современных кочевых сообществах является важной темой, которая активно изучается в контексте изменений в духовной и социальной жизни этих групп. Современные кочевники сталкиваются с необходимостью адаптировать традиционные ценности и практики к условиям глобализации и урбанизации, что не всегда легко, учитывая сильное влияние внешних факторов.

В конечном счете, в обществах кочевников деньги играли большую роль, но не столько как средство обмена, а как средство построения отношений и ритуальных действий. Таким образом, роль денег в кочевых обществах остаётся сложной и многогранной темой, требующей дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Mikael Fauvelle. Long-Distance Trade and the Emergence of Money in Nomadic Societies. Phys. org, 2025. – DOI: 10.1007/s10816-025-09694-9
2. David Graeber. On the Invention of Money: Notes on Sex, Adventure, Monomaniacal Sociopathy, and the True Function of Economics. DavidGraeber.org, 2020.
3. Marius Warg Næss Nature Communications. Pastoral Nomadism and the Emergence of Money. Nature.com, 2023.
4. Бернар А.Л. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. – М.: КРПА Олимп; АСТ; Астрель, 2007. С. 82.
5. Зиммель Г. Философия денег. Теория общества. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. С. 43. С. 154.
6. Паин Э.А. Традиции номадизма как капитал модернизации: опыт антрополого-экономического исследования (на примере Казахстана) // Пространство экономики. 2014. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-nomadizma-kak-kapital-modernizatsii-opyt-antropologo-ekonomicheskogo-issledovaniya-na-primere-kazahstana> (Дата обращения: 03.03.2025).
7. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века (Политико-экономический анализ). – Алма-Ата: Наука, 1971. С. 317.
8. Избасарова Г.Б. Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ: опыт Российской империи по управлению окраиной: 1731 - середина XIX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Избасарова Гульбану Болатовна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2018. С. 54. + Прил. (с. 412-813: ил.).
9. Терентьев В.И. Формирование и развитие этнического самосознания западных монголов в конце XIX - начале XXI века: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07 / Терентьев Владислав Игоревич; [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. – Горно-Алтайск, 2016. С. 86.
10. Васильев Д.В. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики: XVIII - первая половина XIX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Васильев Дмитрий Валентинович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Самара, 2016. С. 145.
11. Щавелев А.С. Языческие политики юго-запада Восточно-Европейской равнины IX–X вв.: механизмы формирования властных и территориальных структур в исторической динамике: диссертация ... доктора исторических наук: 5.6.2. / Щавелев Алексей Сергеевич; [Место защиты: ФГБУН Институт всеобщей истории Российской академии наук]. – Москва, 2021. С. 76.
12. Оразбаева А.И. Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 145.
13. Сюриа М. Деньги. – СПб.: Наука, 2001. С. 54.
14. Маничкин Н.А.. Шаманизм и духовно-магические практики киргизов: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07 / Маничкин Нестор Александрович; [Место защиты: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН]. – Москва, 2019.
15. Ондар И.О. Генезис и трансформация тувинского танца в культуре Тувы: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Ондар Ирина Олеговна; [Место защиты: Сиб. федер. ун-т]. – Кызыл, 2016. С. 157.
16. Пиков Г.Г. Элита кочевой империи: на материале империи Ляо, 907-1125: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03 / Пиков Геннадий Геннадьевич; [Место защиты: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН]. – Новосибирск, 2017. С. 386.
17. Байдаров Е.У. Религиозно-философский контекст традиционного мировоззрения казахов // Новые исследования Тувы. 2012. № 2 (14). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznofilosofskiy-kontekst-traditsionnogo-mirovozzreniya-kazahov> (Дата обращения: 03.03.2025).
18. Кононов С.В. Мифотворчество о Китае в социокультурном пространстве приграничного

- региона: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Кононов Сергей Викторович; [Место защиты: Забайк. гос. ун-т]. – Чита, 2016. С. 32.
19. Балабанова М.А. Этногенетические связи ранних кочевников VI-I вв. до н. э. (по материалам могильников Западного Казахстана, Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона) // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnogeneticheskie-svyazi-rannih-kochevnikov-vi-i-vv-do-n-e-po-materialam-mogilnikov-zapadnogo-kazahstana-yuzhnogo-priuralya-nizhnego> (Дата обращения: 03.03.2025).
20. Нуртазина Н.Д., Исахан М.Б. Постзолотоордынский декаданс и судьбы религии в казахском кочевом обществе XV - начала XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2022. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postzolotoordynskiy-dekadans-i-sudby-religii-v-kazahskom-kochevom-obschestve-xv-nachala-xviii-vv> (Дата обращения: 03.03.2025).
21. Улинова И.Х. Традиции в современной культуре калмыцкого этноса: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Улинова Инна Хонгоровна; [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный институт культуры]. – Санкт-Петербург, 2019. С. 65.
22. Джеенбекова А.С. Процессы модернизации повседневной жизни кыргызов XIX века в контексте теории «Path dependence»: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Джеенбекова Светлана Сагынбековна; [Кыргызско-Российский славянский ун-т]. – Бишкек, 2016. С. 47.
23. Шульга Д.П. Предпосылки сложения Великого Шёлкового пути и его функционирование в контексте триады Китай-номады-Средиземноморье: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03 / Шульга Даниил Петрович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; Диссовет 0177-03-02]. – Новосибирск, 2021. С. 165.
24. Мартынов А.И. Проблемы изучения евразийской степной цивилизации // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: сборник материалов международной научной конференции. Астана, 2008. С. 78.
25. Кибенко В.А. Социокультурные особенности становления региональной идентичности населения Арктической зоны Российской Федерации: на примере Ямало-Ненецкого автономного округа: диссертация ... кандидата социологических наук: 5.4.6. / Кибенко Валерий Александрович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»]. – Тюмень, 2021. С. 167.
26. Гузенина СВ. Этнокультурные основы образа Родины в теории и практике социального поведения: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.06 / Гузенина Светлана Валерьевна; [Место защиты: Ин-т соц.-полит. исслед. РАН]. – Москва, 2019. С. 179.

References

1. Mikael Fauvelle. Long-Distance Trade and the Emergence of Money in Nomadic Societies. Phys. org, 2025. – DOI: 10.1007/s10816-025-09694-9
2. David Graeber. On the Invention of Money: Notes on Sex, Adventure, Monomaniacal Sociopathy, and the True Function of Economics. DavidGraeber.org, 2020.
3. Marius Warg Næss Nature Communications. Pastoral Nomadism and the Emergence of Money. Nature.com, 2023.
4. Bernard A.L. The Future of Money: A New Path to Wealth, Full-Time Work, and a Wiser World. – M.: KRPA Olimp; AST; Astrel, 2007. Page 82.
5. Simmel G. Philosophy of Money. Theory of Society. – M.: CANON-press-C; Kuchkovo Pole, 1999. Page 43. Page 154.
6. Pain E.A. Traditions of Nomadism as Capital of Modernization: An Anthropological-Economic Study (using Kazakhstan as an Example) // Economic Space. 2014. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-nomadizma-kak-kapital-modernizatsii-opyt-antropologo-ekonomicheskogo-issledovaniya-na-primere-kazahstana> (03.03.2025).
7. Tolybekov S.E. Nomadic society of the Kazakhs in the 17th - early 20th centuries (Political and economic analysis). – Alma-Ata: Nauka, 1971. P. 317.
8. Izbasarova G.B. Kazakh steppe of the Orenburg department as an object of reforms: the experience of the Russian Empire in managing the outskirts: 1731 - mid-19th century: dissertation ... Doctor of Historical Sciences: 07.00.02 / Izbasarova Gulbanu Bolatovna; [Place of protection: Mosk. state University]. – Moscow, 2018. P. 54. + App. (pp. 412-813: ill.).
9. Terentyev V.I. Formation and Development of Ethnic Self-Awareness of Western Mongols in the Late

- 19th - Early 21st Century: Dissertation ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.07 / Terentyev Vladislav Igorevich; [Place of Defense: Nat. Research Tom. state University]. – Gorno-Altaysk, 2016. P. 86.
10. Vasiliev D.V. Organization of Administrative Management in the Kazakh Steppe: State Policy and Regional Practices: 18th - First Half of the 19th Century: Dissertation ... Doctor of Historical Sciences: 07.00.02 / Place of Defense: Mosk. state University, Lomonosov. – Samara, 2016. P. 145.
11. Shchavelev A.S. Pagan polities of the southwest of the East European Plain in the 9th-10th centuries: mechanisms for the formation of power and territorial structures in historical dynamics: dissertation ... Doctor of Historical Sciences: 5.6.2. / Place of protection: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2021. P. 76.
12. Orazbaeva A.I. Civilization of nomads of the Eurasian steppes. Almaty: Daik-Press, 2005. P. 145.
13. Syuria M. Money. – SPb.: Nauka, 2001. P. 54.
14. Manichkin N.A. Shamanism and spiritual-magical practices of the Kyrgyz: dissertation ... candidate of historical sciences: 07.00.07 / Place of protection: Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2019.
15. Ondar I.O. Genesis and transformation of Tuvan dance in the culture of Tuva: dissertation ... candidate of cultural studies: 24.00.01 / Place of defense: Sib. federal. University. – Kyzyl, 2016. P. 157.
16. Pikov G.G. Elite of the nomadic empire: based on the material of the Liao Empire, 907-1125: dissertation ... doctor of historical sciences: 07.00.03 / Place of defense: Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. – Novosibirsk, 2017. P. 386.
17. Baidarov E.U. Religious and philosophical context of the traditional worldview of the Kazakhs // New studies of Tuva. 2012. № 2 (14). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-filosofskiy-kontekst-traditsionnogo-mirovozzreniya-kazahov> (03.03.2025).
18. Kononov S.V. Myth-making about China in the socio-cultural space of the border region: dissertation ... candidate of philosophical sciences: 09.00.11 / Place of protection: Transbaikal. state University. – Chita, 2016. P. 32.
19. Balabanova M.A. Ethnogenetic connections of early nomads of the 6th-1st centuries BC. (based on the materials of the burial grounds of Western Kazakhstan, the Southern Urals, the Lower Volga region and the Lower Don) // Bulletin of VolSU. Series 4, History. Regional Studies. International Relations. 2018. № 3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnogeneticheskie-svyazi-rannih-kochevnikov-vi-i-vv-do-n-e-po-materialam-mogilnikov-zapadnogo-kazahstana-yuzhnogo-priuralya-nizhnego> (03.03.2025).
20. Nurtazina N.D., Isakhan M.B. Post-Golden Horde decadence and the fate of religion in the Kazakh nomadic society of the 15th - early 18th centuries // Golden Horde Review. 2022. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postzolotoordynskiy-dekadans-i-sudbyi-religii-v-kazahskom-kochevom-obschestve-xv-nachala-xviii-vv> (03.03.2025).
21. Ulinova I.Kh. Traditions in the modern culture of the Kalmyk ethnos: dissertation ... candidate of cultural studies: 24.00.01 / Place of protection: St. Petersburg State Institute of Culture. – Saint Petersburg, 2019. Page 65.
22. Dzheebekova S.S. Modernization processes of everyday life of the Kyrgyz of the 19th century in the context of the theory of "Path dependence": dissertation ... candidate of historical sciences: 07.00.02 / Dzheebekova Svetlana Sagynbekovna; [Kyrgyz-Russian Slavic University]. – Bishkek, 2016. P. 47.
23. Shulga D.P. Prerequisites for the formation of the Great Silk Road and its functioning in the context of the China-nomads-Mediterranean triad: dissertation ... doctor of historical sciences: 07.00.03 / Shulga Daniil Petrovich; [Place of protection: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration"; Dissertation Council 0177-03-02]. – Novosibirsk, 2021. P. 165.
24. Martynov A.I. Problems of studying the Eurasian steppe civilization // Nomads of the Kazakh steppes: ethnosociocultural processes and contacts in Eurasia of the Scythian-Saka era: collection of materials of the international scientific conference. Astana, 2008. P. 78.
25. Kibenko V.A. Sociocultural features of the formation of regional identity of the population of the Arctic zone of the Russian Federation: on the example of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: dissertation ... candidate of sociological sciences: 5.4.6. / Place of protection: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tyumen Industrial University". – Tyumen, 2021. P. 167.
26. Guzenina S.V. Ethnocultural foundations of the image of the Motherland in the theory and practice of social behavior: dissertation ... Doctor of Sociological Sciences: 22.00.06 / Place of protection: Institute of Socio-Political Research. RAS. - Moscow, 2019. P. 179.

Хушбоков О.У.

Старший преподаватель. Чирчикский государственный педагогический университет, г. Чирчик. ORCID: 0009-0003-4871-3384

Миссия античного учителя*

Аннотация. Данная статья посвящена миссии учителя в античном мире. Исследование содержит подходы к пониманию огромной миссии античного учителя в рамках развития мировой цивилизации. В статье выполнены сфера образования и деятельность учителей в античном мире. Представлен соответственно общий обзор. На современном этапе развития нашего общества, который характеризуется динамическими изменениями, технологическими прорывами, ориентаций на инновации, происходит переосмысление качеств и умений, требующихся от всех учителей. В статье особенности учителя представлены как система ценностных ориентаций.

Ключевые слова: учитель, образование, мастерство, миссия, античный мир, воспитание, социальные ценности.

Khushbokov O.U.

Senior Lecturer, Chirchik State Pedagogical University. ORCID: 0009-0003-4871-3384

Mission of the ancient teacher

Abstract. This article is devoted to the mission of the teacher in the ancient world. At the present stage of development of our society, which is characterized by dynamic changes, technological breakthroughs, orientations towards innovation, there is a rethinking of the qualities and skills required of all teachers. In the article, the characteristics of the teacher are presented as a system of value orientations. The study contains approaches to understanding the enormous mission of the ancient teacher in the context of the development of world civilization. The article presents the sphere of education and the activities of teachers in the ancient world. A general overview is presented accordingly.

Key words: teacher, education, skill, mission, ancient world, upbringing, social values.

Введение

Учителя уважали и в истории человечества, и сейчас уважают, за ум, знания талант, мастерство, интеллект и, конечно же, за уровень его духов-

* © Хушбоков О.У., 2025.

ной культуры. История развития учительства показывает, что «Учитель-ученик» является очень важным жизненным фактором в культурном мире Востока и Запада.

Как на протяжении многих веков шел процесс становления просвещения и воспитания в Греции. Можно сказать, что обучение исходило из ранее имеющегося знания. «Это становится очевидным, - писал Аристотель в одной из его работ. – при рассмотрении обучения и учения, ведь и математические науки, и каждое из прочих искусств приобретаются именно таким способом.

В античной философии нашли отражение мысли о воспитании, организации обучения, значении образования для развития человека. Так, древнегреческий философ, ученый и энциклопедист Демокрит предложил развернутую теорию познания.

В познании он выделял две разновидности знания: чувственное и рассудочное, причем, по мнению Демокрита, чувственный опыт лежит в основе рассудочного познания. Впервые в истории педагогической мысли Демокрит высказал императив о необходимости соотносить воспитание и развитие с внутренней природой ребенка, который он назвал «микрокосмос». Философ обосновывал важность семейного воспитания как значимого этапа в развитии ребенка, в котором пример родителей играет решающую роль. В обучении Демокрит выделял упражнение, основанное на сознательном интересе к изучаемому предмету.

Основное содержание

Каково отношение древних греков к образованию и воспитанию? Необходимо нужно подчеркнуть, что сила античной цивилизации ощущается в философских трудах, исторических трактатах, дидактических поэмах, в самой жизни. С уверенностью можно подчеркнуть, что античная наука положила начало кропотливой работе ума, сформулировала ряд важнейших законов, дала пищу для построения теорий последующими философами, историками и культурологами. Можно сказать, что своей постоянной активностью, яркой работой мысли греки сделали всё или почти всё для того, чтобы последующие поколения, люди цивилизации, говоря словами историка Фукидида, «и сами не имели покоя, и другим людям не давали его». Учителя уважали и в истории человечества, и сейчас, в современном мире, за ум, знания талант, мастерство, интеллект и, конечно же, за уровень его духовной культуры.

Едва ли возможно назвать и перечислить все профессии на земле. С представителями некоторых из них мы сталкиваемся от случая, о других знаем только понаслышке. И лишь одна профессия есть на земле, без которой не могло и не может обойтись общество. Это учитель. Учителя, как и родители, связывают поколения людей.

В античной философии нашли отражение мысли о воспитании, организации обучения, значении образования для развития человека. Чтобы успешно преподавать философию, Эпикер очень много писал; и так как болезни души не похожи одна на другую, его наставления отличаются разнообразием [1, с. 523].

В рамках развития мировой цивилизации необходимо подчеркнуть аристотелевскую систему наук.

«Весь этот свод рассматривался как целостное и более или менее законченное изложение аристотелевской системы наук, включавшей логику, естествознание, метафизику, этику, политику, поэтику и риторику, - изложение, выполненное философом на склоне лет и бывшее грандиозным завершением всей его научной деятельности. В XIX в. эта точка зрения была господствующей, ее развивал, в частности, Э. Целлер в своей многотомной истории греческой философии [2, с. 7]».

Не могут люди вечно быть живыми, но счастлив тот, чье будут помнить имя.

Учителя древности были свободны в рамках общих понятий. П. Гиро отмечал: «Тем не менее свобода обучения не предполагала свободы всяких доктрин. Учитель не должен был забывать, что в его руках находились будущие граждане, и он не имел права внушать им идеи по своему усмотрению. Он обязан был развивать в них не только любовь к отечеству, но также и любовь к национальным учреждениям.

Ученик Сократа, философ Платон основал Афинскую философскую школу – Академию и преподавал там всестороннее образование.

Уже в античности первым философом-систематиком Аристотелем был предложен ответ на вопрос, который в последствии был оформлен в следующую схему. Философия включает в себя: учение о бытии-онтологию, учение о познании – гносеологию, учение о морали – этику. Кроме этого, существует логика – инструмент, орудие для всех частей философии. Логика – учение о законах мышления людей, о понятиях и категориях, используемых в философии. Современная философия, начиная с XVII века имеет более сложную структуру. Античная философия – философия древних греков и древних римлян, охватывающая период с VI века до нашей эры до VI века нашей эры. Она внесла исключительный вклад в развитие мировой цивилизации, в ней заключено начало западной философии, почти всех ее последующих школ, идей и представлений, категорий и проблем.

По мнению Сократа, каждый человек должен постичь такие истины, как верность, честность, правдивость, честь, дружба, мудрость.

Творческое наследие Аристотеля, который был также учителем таких великих ученых Востока, как Фараби, Беруни, Ибн Сина, до сих пор считается ценным сокровищем мировой философской и эстетической мысли. Аристотель – один из великих греческих философов, которого считают

учителем ученых всех времен. Аристотель воспитал Александра в духе героизма, воспетого в гомеровской эпопее «Иллиада».

Позже Александр Македонский сказал: «Я уважаю Аристотеля как своего отца, потому что мой отец дал мне жизнь, Аристотель дал мне жизненные ценности [3, с. 7]».

По мнению античного философа Диогена Лаэртского, Аристотель оставил богатое философское наследие. Данное большое творческое наследие до сих пор ценится в человеческой жизни. В древних каталогах упоминается несколько сотен произведений Аристотеля.

Заключение

Таким образом, в статье рассмотрены вопросы социокультурного характера античного учителя относительно развития мировой цивилизации. С уверенностью можно констатировать, что изучения миссии античного учителя является очень важным аспектом в настоящее время.

В действительности учитель выполняет важную роль в обществе, выступая в качестве связующего звена между социумом и молодым поколением. Социокультурный феномен учителя является очень важным элементом социокультурного дискурса Востока и Запада. Однако, в каждой культуре учитель имеет свои особенности, связанные с историческими, культурными и социальными факторами. Роль учителя в современном мире очень большая.

Библиографический список

1. Аврелий Марк. Наедине с собой. Размышления. – М.: Экспо. 2016.
2. Аристотель. Сочинения. – М.: Мысль, 1978.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, 1981. Том 3.
4. Арасту. Ахлои Кабир. Янги аср авлоди. – Ташкент. 2016.
5. Аль-Фараби. Историко-философские трактаты. Перевод с арабского. Наука. – Алма-ата. 1985.
6. Греческая философия. Моники Канто-Спербер. – Москва, 2008.
7. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1984.
8. Кант И. Критика чистого разума. – Москва: Мысль, 1994.
9. Платон. Диалоги. – М.: Эксмо. 2007. Т. 1. 29 с.

References

1. Aurelius Marcus. Alone with Oneself. Reflections. – Moscow: Expo. 2016.
2. Aristotle. Works. – Moscow: Mysl, 1978.
3. Aristotle. Works in Four Volumes. – Moscow: Mysl, 1981. Volume 3.
4. Arastu. Akhloqi Kabir. Yangi Asr Avlodi. – Tashkent. 2016.
5. Al-Farabi. Historical and Philosophical Treatises. Translation from Arabic. Science. – Alma-Ata. 1985.
6. Greek Philosophy. Monica Canto-Sperber. – Moscow, 2008.
7. Humboldt W. Von. Selected Works on Linguistics. – Moscow: Progress, 1984.
8. Kant I. Critique of Pure Reason. – Moscow: Mysl, 1994.
9. Plato. Dialogues. – M.: Eksmo. 2007. V. 1. 29 p.

Юань Чжэньцзюнь

Российская академия музыки имени Гнесиных, г. Москва.

Техника обучения академическому пению в Китае*

Аннотация. В настоящей статье проведен анализ техники обучения академическому пению в Китае. В частности, рассмотрены различные аспекты академической системы обучения вокалу в стране, включая практику и теоретическую часть вокального обучения. Указано, что большое влияние на систему вокального образования в стране оказали европейская и российская вокальная система.

Ключевые слова: техника обучения вокалу, вокальное образование, вокальное образование в Китае, практическое образование, педагогический опыт.

Yuan Zhenjun

Russian Academy Gnesinyh, Moscow.

Teaching techniques for academic singing in China

Abstract. This article analyzes the technique of teaching academic singing in China. In particular, various aspects of the academic vocal training system in the country are considered, including the practice and theoretical part of vocal training. It is indicated that the European and Russian vocal systems have had a great influence on the vocal education system in the country.

Key words: vocal training technique, vocal education, vocal education in China, practical education, pedagogical experience.

За обширную историю вокальной музыки Китая, с его огромной территорией и многочисленными этническими меньшинствами страна прошла через тысячелетия исторического развития и перемены, в результате чего были сформированы собственные разнообразные и уникальные вокальные формы и стили исполнения, сформировав традиционную китайскую вокальную культуру, в которой доминируют традиционная опера, народные песни и академическое пение. Являясь аудиовизуальной записью эмоций и жизни народа, накоплением и кристаллизацией национальных

* © Юань Чжэньцзюнь, 2025.

Техника обучения академическому пению в Китае

мыслей, национального духа и национальной эстетики, традиционная вокальная культура Китая является важной частью китайской традиционной культуры и имеет большую культурную и художественную ценность [4, с. 51].

Рассматривая эволюцию традиционной китайской вокальной музыки, от зарождения китайского вокального искусства в древние времена до постепенного созревания вокального искусства в феодальный период, можно сказать, что традиционная вокальная культура всегда опиралась на народные музыкальные общества и региональные культурные системы. В противоположность этому, западное вокальное искусство использует анатомию и сочетает знания психологии для создания научной, систематической, стандартизированной и единой системы теории голоса на основе теоретических изысканий и практики.

В 20-м веке реформы и открытость Китая привели к притоку разнообразных культур. Традиционная вокальная система также изменилась со столкновением китайской и западной культур. Двадцатый век стал водоразделом между современной вокальной музыкой и традиционной вокальной музыкой. Начиная с 1956 года, китайское народное вокальное образование включало в себя заимствование из системы вокальных технологий Запада. Например, заимствование из западного метода пения бельканто в вокальном обучении может эффективно расширить диапазон пения [7, с. 88]. В процессе развития за последние несколько десятилетий был сформирован набор воспроизводимых, относительно стандартизированных, научных и строгих систем обучения с западными особенностями, также появилась группа выдающихся вокальных певцов и выдающихся вокальных произведений.

Система преподавания вокальной музыки в колледжах и университетах КНР долгое время была сосредоточена на западной теории музыки, уделяя больше внимания методам пения и техническим вопросам, а также содержанию. Сегодня обучение в основном основано на произведениях, созданных в наше время. При этом вокальное музыкальное образование в колледжах и университетах столкнулось с такими проблемами, как нехватка традиционных вокальных музыкальных ресурсов и культуре, и жёсткость национальной системы вокальной музыки. Об этом свидетельствует тот факт, что предлагаемые в настоящее время национальные конкурсы вокальной музыки лишены традиционного шарма. Развитие китайской национальной академической вокальной музыки столкнулось с рядом проблем, и этому есть несколько объяснений [1, с. 116].

Во-первых, пренебрежение коннотацией традиционной китайской вокальной музыки на конкретном историческом фоне. Современная китайская наука и техника сильно отстают от Запада. Что касается вокальных техник, то многие слепо верят в то, что западное пение является научным

и систематическим, в то время как традиционное китайское вокальное искусство является отсталым и нестандартным. Внедрение западных вокальных техник действительно оказало большое влияние на прогресс китайского вокального искусства, но в то же время оно также привело многие университеты к крайностям по поводу превосходства европейского вокального мастерства, при этом была сформулирована повторяемая модель обучения, и было проигнорировано исследование техник традиционного китайского вокального искусства и глубоко укоренившихся в нем национальных культурных коннотаций [3, с. 19].

Во-вторых, отсутствие традиционной народной вокальной культуры в системе преподавания колледжей и университетов. Это отсутствие имеет как объективные, так и субъективные причины при формировании системы учебной программы колледжа и учебной среды студентов. Объективно, традиционная вокальная музыка имеет грандиозную историю, сложную систему и определенный порог вхождения.

Субъективно говоря, дефекты в разработке курсов вокальной музыки в колледжах, пренебрежение обучением студентов в соответствии с их способностями, а также отсутствие у студентов опыта при изучении ими академической музыки привели к отсутствию традиционной народной вокальной музыкальной культуры в системе преподавания в колледжах, и в конечном итоге привело к отсутствию у студентов грамотности в традиционном вокальном искусстве [2, с. 55]. Такому преподаванию вокальной музыки в колледже явно не хватает культурной души.

Эффективная интеграция превосходной традиционной вокальной музыкальной культуры в преподавание вокальной музыки в колледже – это проблема, с которой приходится сталкиваться нынешним исследователям и преподавателям вокальной музыки в Китае. В области музыкальных исследований важно исходить из культурной саморефлексии китайцев и их культурной идентичности.

Уже в 1990-е годы произошло пробуждение местного национального культурного сознания и противостояние тотальной вестернизации. В области исследований китайской музыки был завершен большой объем работ, посвящённых китайской традиционной музыке. Также был завершен грандиозный проект по выпуску летописей китайской народной музыки и четырехтомных сборников, а также по выпуску аудиовизуальных материалов по традиционной музыке. Хотя некоторые из этих достижений были перенесены в учебные классы колледжей, в целом, эти традиционные вокальные культурные ресурсы и достижения на самом деле не стали частью системы преподавания и не были по-настоящему включены в современную систему вокального образования. Существует много дискуссий о художественном выражении в произведениях древней китайской вокальной музыки, таких как «Юэ Цзи», первая систематическая и полная теория му-

зыка по истории Китая, «Цюй Лу» Вэй Лянфу из династии Мин, которая оказала важное влияние на развитие вокальной полости, и «Юэ Фу Чуань Шэн» Сюй Дачунь из династии Цин, в котором подробно обсуждались вокализация, произношение и эмоциональная обработка песен [5, с. 70].

Из этих музыкальных произведений можно понять, что древние китайцы обсуждали технику и эмоциональное выражение вокального искусства, а также имели глубокие достижения в теории вокала и эстетической теории. Изучая древнюю китайскую вокальную музыку, можно углубить понимание и признание традиционной китайской музыкальной культуры, оценить возвышенную художественную сферу, передаваемую в традиционном китайском академическом вокале, а также унаследовать и развить ее в современной музыкальной практике. Только так можно создать современную систему теории и практики вокальной музыки, искусства, которая была бы красочной и сохранила бы очарование традиционной вокальной музыкальной культуры [4, с. 112]. Таким должно быть культурное сознание в современной области музыкальных исследований.

Вокально-музыкальное образование в колледжах и университетах Китая играет чрезвычайно важную роль в развитии вокальных музыкальных талантов. Вокальное музыкальное образование в обычных колледжах и университетах является мостом между профессиональным вокальным музыкальным образованием и популярным вокальным музыкальным образованием. Интеграция традиционной вокальной музыкальной культуры в вокальное музыкальное образование в колледжах и университетах Китая является не только наследием традиционной вокальной музыкальной культуры, но и следствием углубленного развития. Построение традиционной системы вокального музыкального образования в колледжах и университетах представляет собой комплексный и системный проект с точки зрения содержания, преподавателей, методики преподавания и т.д.

Важно придерживаться субъектности национальной культуры и толерантности к мировой поликультурной культуре в качестве основных принципов и руководящей идеологии при построении системы музыкального образования в Китае. С точки зрения построения содержания, составление систематических учебников и учебных программ является основной гарантией качественного образования. Коллектив составителей учебников и учебных программ должен в полной мере использовать сокровищницу традиционной вокальной музыкальной культуры, чтобы построить систематический курс системы теории вокальной музыки и вспомогательных курсов [6, с. 108].

Система курсов с элементами традиционной вокальной музыкальной культуры, помогает студентам создать прочную теоретическую базу, повысить традиционную культурную грамотность, а также понять, как традиционная китайская вокальная музыка дополняет преподавательскую

практику, чтобы студенты могли по-настоящему ощутить и почувствовать глубину традиционной вокальной музыкальной культуры. Классические китайские и произведения цюи, которые представляют китайскую традиционную культуру и эстетическую философию, должны занимать определенную долю в программе преподавания вокальной музыки в колледжах и университетах.

Преподавателям академического вокала в Китае нужно усердно работать над повышением грамотности в традиционной музыкальной культуре и повышением педагогических способностей преподавателей. Только когда учителя имеют глубокое понимание техники пения различных видов академической музыки, они могут вдохновить у учеников интерес к обучению и передать свои методы студентам. Что касается методов и моделей обучения, то в дополнение к традиционному обучению в классе нам необходимо продолжать внедрять инновационные модели и методы обучения, чтобы добиться диверсификации преподавания. Это позволяет студентам знакомиться с традиционным вокальным искусством среди людей. При этом модели и методы обучения в китайском академическом вокале также должны быть открытыми и разнообразными [9, с. 73].

Если китайское вокальное музыкальное образование стремится по пути, который соответствует национальным условиям Китая и отражает китайские культурные особенности, оно должно интегрировать традиционную вокальную музыку в культурное образование, впитывать достижения традиционной вокальной музыкальной культуры и интегрировать традиционную вокальную музыкальную культуру, искусство и теорию вокальной музыки. Чтобы достичь этой цели, китайцам необходимо иметь навыки культурной саморефлексии и культурного сознания, а также стремиться к созданию набора традиционной системы вокального музыкального образования, подходящей для собственного развития, которое является основой китайской национальной вокальной музыки.

Стоит отметить тот факт, что методика по изучению классического пения в Китае сегодня не соответствует практическим запросам студентов – тот опыт, который они получают, является во многом эмпирическим, когда есть непосредственное общение учителя и ученика. При этом сам процесс обучения преимущественно строится на устной основе, и многие принципы обучения студентов не реализуются на практике. Вот почему научное сообщество в Китае предлагает ряд новых способов для того, чтобы добиться прогресса в академическом вокальном обучении в Китае. Чтобы студент мог освоить вокальное мастерство, необходимы определенные действия и со стороны ученика, и со стороны преподавателя:

1. Наличие гуманистических идеалов, распространение важных для жителей страны ценностей. Важно, чтобы китайские преподаватели придерживались общечеловеческих убеждений, проявляли преданность соб-

ственному делу, воспитывали в подрастающем поколении патриотизм и дружелюбность, воспитывали в учениках почтительность к старшим, честность, интерес к науке. В Китае есть убеждение в отношении того, что высшая ценность – это достижение гармонии между людьми, но при этом не меньшее значение имеет и нравственное воспитание преподавателей, а также их профессиональное развитие [8, с. 119]. В данном плане важно отметить, что большинство китайских преподавателей в настоящее время делает все возможное для того, чтобы осуществлять непрерывное обучение, заниматься развитием собственной профессиональной культуры. Преподаватели должны были делать все возможное для того, чтобы обогатить учеников знаниями по предмету, они должны были соблюдать профессиональную этику, заниматься повышением собственной квалификации, включая осуществление профессиональной деятельности. В данной связи статус преподавателя в Китае является достаточно высоким, он должен делать все возможное для того, чтобы учащиеся получили как можно больше знаний, при этом воспитание также имеет значение, поскольку ученики оказываются направленными на упорную работу, значение также имеет процесс формирования у учеников новых знаний и умений, благодаря чему они проявляют себя как подлинными профессионалы своего дела. Профессионализм в музыкальном образовании Китая определяется при помощи таких показателей, как профессиональная этика преподавателя, моральный облик, патриотизм, нацеленность на обучающий процесс.

В случае, когда преподаватель академической музыки в Китае придерживается высоких этических стандартов, когда он придерживается ряда моральных ценностей, педагогических стандартов, то отношение к нему со стороны студентов также значительно улучшается. Не менее важная задача для преподавателя – необходимость работать таким образом, чтобы привить студентам определенные нравственные ориентиры. Многие китайские исследователи, которые исследовали процесс преподавания академической музыки в Китае, обращались к трудам советских ученых, которые также исследовали данную проблему.

Вот почему в Китае привыкли уделять самое пристальное внимание формированию у учащихся гуманитарных знаний, работе с педагогическими основами с тем, чтобы добиться нравственного, эстетического, физического и иного развития студентов в их взаимосвязи. Известный специалист по китайской педагогике Тао Синчжи писал о том, что качественное воспитание студентов без отрыва от среды приводит к воспитанию у учащихся нравственных и высоких качеств, они начинают осознавать прекрасное. Позднее с указанной концепцией работал Ян Цзинь, он утверждал, что педагогика способна «обогатить наше восприятие, раскрыть нам реальное значение такого воспитания» [10, с. 162].

2. Для преподавателей имеет огромное значение наличие необходимых профессиональных знаний. Это те знания, которые должны лежать в основе профессионального певческого мастерства.

3. Также для преподавателя необходимо проявлять способности к общению со студентами, а также налаживать со студентами наиболее продуктивные отношения. Преподаватель должен быть также психологом, налаживать коммуникативные связи с учащимися, добиваться наибольшей эффективности от учебного процесса. От преподавателя важны такие качества, как интуиция и наблюдательность, определенный психологический подход в отношении студентов, включая определение эмоций. Получается, что те знания, которые имеются у преподавателя, напрямую определяют его профессиональные способности, что и позволяет решать определенные задачи, которые появляются у педагогов в профессиональной деятельности.

Также большое значение при работе китайских педагогов со студентами-вокалистами имеет практический аспект, он показывает осуществление практической деятельности и при обучении, и в ходе творческих занятий [9, с. 19]. В результате получается более глубоко усвоить необходимые специальные навыки при осуществлении вокальной деятельности, при усвоении тех или иных навыков по извлечению звука, а также исправлять студентов при осуществлении вокального исполнения. Важно, чтобы преподаватель старался расширять горизонты интереса студентов, чтобы он с ними разучивал классические образцы произведений по теме, рассматривал ценности различных вокальных школ и те методики, которые они применяют.

Библиографический список

1. Алиев И.Ю. Методологическое содержание деятельности педагога-вокалиста (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М.: 1996. 19 с.
2. Антонова Л.В. Методы обучения сольному пению студентов-музыкантов на основе педагогических традиций итальянской и русской вокальных школ // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук, 2012. Т. 14. № 21. С. 250-255.
3. Мациевская С.В. Методы обучения вокалу // Вестник Полоцкого государственного университета. 2011. № 7. С. 52-55.
4. Сюй Минли. Мысли о создании китайской народной вокальной школы // Жен Минь. 1998. № 9. С. 13.
5. Сюй Сяой. Вокальное исполнение и обучение. Шанхай, 2002. 216 с.
6. Сяо Су. Сухомлинский о школьном управлении и качествах учителя // Бицзяо, цзяоюй яньцзю. 1998. № 6.
7. Фаткуллина Е.М. Значение русского классического вокального репертуара в развитии вокальной культуры у обучающихся 5-7 классов в детской музыкальной школе // XXI Всероссийская студенческая научнопрактическая конференция Нижневартковского государственного университета: Ч. 3. Нижневартовск, 2019. С. 262-264.
8. Цзян Сяоянь. Высококвалифицированные учителя как ключевой фактор качества образования. Практика в Китайской Народной Республике. 2016. // URL: ht-1p8://-№^b8e.gi/aal1a/2016/03/17/1127403847/Цзян%20Сяоянь.aosx

9. Ян Цзинь. Идеи и практика среды в образовании в работах Сухомлинского // Бицзяо цзяо-юй яньцзю. 1998. № 6.
10. Яо Вэй. Подготовка специалистов вокального искусства в системе высшего музыкального образования Китая и России: дис. ... канд. пед. наук. Астрахань, 2015. 190 с.

References

1. Aliev I.Yu. Methodological content of the activities of a vocal teacher (theoretical aspect): author's abstract. dis. ... candidate of ped. sciences. – M.: 1996. 19 p.
2. Antonova L.V. Methods of teaching solo singing to music students based on the pedagogical traditions of the Italian and Russian vocal schools // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2012. Vol. 14. № 21. P. 250-255.
3. Matsievskaya S.V. Methods of teaching vocals // Bulletin of Polotsk State University. 2011. № 7. P. 52-55.
4. Xu Minli. Thoughts on the creation of a Chinese folk vocal school // Zhen Min. 1998. № 9. P. 13.
5. Xu Xiaoyi. Vocal performance and teaching. Shanghai, 2002. 216 p.
6. Xiao Su. Sukhomlinsky on school management and teacher qualities // Bijiao, jiaoyu yanjiu. 1998. № 6.
7. Fatkullina E.M. The importance of Russian classical vocal repertoire in the development of vocal culture among students in grades 5-7 in a children's music school // XXI All-Russian student scientific and practical conference of Nizhnevartovsk State University: Part 3. Nizhnevartovsk, 2019. P. 262-264.
8. Jiang Xiaoyan. Highly qualified teachers as a key factor in the quality of education. Practice in the People's Republic of China. 2016. // URL: ht-1p8://-№^b8e.ru/aa1a/2016/03/17/1127403847/Jiang%20Xiaoyan.aosx
9. Yang Jin. Ideas and Practice of the Environment in Education in the Works of Sukhomlinsky // Bijiao jiaoyu yanjiu. 1998. № 6.
10. Yao Wei. Training of Vocal Art Specialists in the System of Higher Music Education in China and Russia: dis. ... Cand. Ped. Sciences. Astrakhan, 2015. 190 p.

Яо Сыцунхуэй

Аспирант, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет (АлтГУ)», г. Барнаул.

Будкеев С.М.

Доктор искусствоведения. Алтайский государственный университет.

Краткий анализ влияния королевского архитектурно-декоративного искусства эпохи династий Цин и Мин в Китае на современный архитектурный дизайн*

Аннотация. Китайская культура, как одна из старейших на земле, изобилует значимыми объектами и уникальными технологиями. Со времен древности китайцы сформировали множество художественных стилей, которые сохранили свою значимость до сегодняшнего дня. Несмотря на войны и социальные потрясения, культурная жизнь Китая продолжала оставаться активной, сохраняя свою целостность и оригинальность. Творения китайских мастеров прошлого демонстрируют непревзойденное мастерство в архитектуре, скульптуре, живописи и прикладном искусстве. Они передают дух лирической поэзии, богатство мифов и легенд, а также волнующую атмосферу городских новелл. В настоящее время культурное богатство Китая, к числу которого относится королевское архитектурно-декоративное искусство, постоянно привлекает внимание специалистов и ученых в различных областях знаний. От китайских архитекторов и строителей различных эпох осталось богатейшее наследие в виде грандиозных сооружений, которые входят в масштабные дворцовые комплексы. Особенно хорошо до наших дней сохранились королевские постройки эпох Мин и Цин. **Объектом исследования** выступает королевское архитектурно-декоративное искусство эпох династий Мин и Цин в Китае. **Целью исследования** является анализ применения данных форм искусства в современном строительстве и дизайне. **Методы исследования:** анализ академических исследований и других публикаций, посвященных архитектуре династий Мин и Цин, а также современным тенденциям в архитектуре, сравнительный анализ, дедукция, индукция. **Научная новизна исследования** заключается в систематизации особенностей перехода традиционных архитектурных и декоративных элементов в современную архитектурную практику.

Ключевые слова: архитектурно-декоративное искусство КНР, архитектурно-декоративное искусство династий Цин и Мин, влияние на современный архитектурный дизайн.

Siconghui Yao

Graduate Student, Altai State University (ASU).

* © Яо Сыцунхуэй, Будкеев С.М., 2025.

Краткий анализ влияния королевского архитектурно-декоративного искусства эпохи династий Цин и Мин в Китае на современный архитектурный дизайн

Budkeev S.M.*Doctor in Art Criticism. Altai State University.*

A brief analysis of the influence of royal architectural and decorative arts of the Qing and Ming dynasts in China on modern architectural design

Abstract. Chinese culture, as one of the oldest on earth, is replete with significant objects and unique technologies. Since ancient times, the Chinese have developed many artistic styles that have retained their significance to this day. Despite wars and social upheaval, China's cultural life remained active, maintaining its integrity and originality. The creations of Chinese masters of the past demonstrate unsurpassed skill in architecture, sculpture, painting and applied arts. They convey the spirit of lyrical poetry, the richness of myths and legends, as well as the exciting atmosphere of urban novels. Currently, the cultural wealth of China, which includes the royal architectural and decorative arts, constantly attracts the attention of specialists and scientists in various fields of knowledge. Chinese architects and builders of various eras have left a rich heritage in the form of grandiose structures that are part of large-scale palace complexes. The royal buildings of the Ming and Qing eras have been especially well preserved to this day. The object of the study is the royal architectural and decorative art of the Ming and Qing dynasties in China. The purpose of the study is to analyze the application of these art forms in modern construction and design. Research methods: analysis of academic studies and other publications on the architecture of the Ming and Qing dynasties, as well as modern trends in architecture, comparative analysis, deduction, induction. The scientific novelty of the study lies in the systematization of the features of the transition of traditional architectural and decorative elements into modern architectural practice.

Key words: architectural and decorative art of the People's Republic of China, architectural and decorative art of the Qing and Ming dynasties, influence on modern architectural design.

Эпоха монгольского владычества в Китае завершилась в 1368 году с падением династии Юань и появлением на её месте династии Мин. Переломный момент этого периода характеризовался культурным ренессансом, заметно отличавшимся от предыдущих периодов упадка.

Под эгидой императора Чжу Юаньчжана, правление которого началось в том же 1368 году, была установлена строгая культурная политика. Архитекторы, художники и строители при дворе Мин должны были следовать определённым эстетическим канонам. Столицей Китая при новой династии стал Пекин, что укрепило её политическое и культурное влияние в регионе Жёлтой реки.

Наиболее выдающимися памятниками королевского архитектурно-декоративного искусства эпохи династий Мин являются:

1. Запретный город. Строительство Запретного города началось в 1406 году при императоре Юнле и завершилось в 1420 году. Данный

архитектурный проект был частью политики Юнле по переносу столицы из Нанкина в Пекин. Запретный город строился как символ суверенитета и космической мощи императорской власти в соответствии с китайскими космологическими представлениями о порядке и гармонии. Город охватывает площадь примерно 180 акров (около 72 гектаров) и включает 980 зданий с 8886 помещениями. Комплекс защищён 10-метровой стеной и рвом шириной 52 метра. Стены укреплены башнями, которые использовались для наблюдения и защиты. Главные здания комплекса располагаются по центральной северо-южной оси, в соответствии с традиционным китайским представлением о пространственной организации. Интерьеры и экстерьеры зданий украшены сложной резьбой по дереву, лакированными изделиями, а также росписями и мозаиками. Декоративные элементы представлены в основном мифическими существами, которые символизируют мудрость, власть и возрождение. Здания Запретного города покрыты жёлтыми глазурованными черепичными крышами, что является символом императорской власти. Комплекс строго соблюдает геометрическую симметрию.

2. Храм Неба. Данный объект был построен в 1420 году и является одним из самых ярких символов имперской архитектуры Китая, связанных с духовными и ритуальными аспектами китайской культуры. Храм представляет собой комплекс из нескольких строений, расположенных в большом парке. Самыми значительными среди них являются:

- зал молитв о хорошем урожае - это круглое здание, покрытое трехуровневой голубой крышей, символизирующей небо. Зал стоит на трехмерной мраморной террасе, каждый уровень которой украшен изящной резьбой. Интерьеры зала содержат множество религиозных символов и иконографии, предназначенные для медитации и молитвы;

- императорский зал небес - здание служило местом для поста и очищения императора, подготовки к выполнению своих ритуальных обязанностей;

- алтарная площадка - центр основной церемонии, во время которой император обращался к небесам. Алтарь состоит из трех концентрических кругов мраморных плит. Каждый круг символически представляет одно из небесных состояний.

Помимо религиозных функций, Храм Неба выступал символическим местом власти императора, “сына небес”, а ритуалы, проводимые в храме, были частью поддержания в империи космического порядка и гармонии.

3. Императорский летний дворец. Олицетворяет классические принципы китайского садово-паркового искусства: гармоничное сочетание воды, растений и архитектурных форм. Водные поверхности, холмы и открытые павильоны объединены в единый ландшафт, который имитирует естественные природные формы и создаёт иллюзию изменчивости пейзажа.

В целом, в королевской архитектурной практике того времени преобладали следующие особенности:

- симметричность - королевские здания часто строились с соблюдением строгой симметрии вдоль центральной оси;
- использование красного и желтого цветов - красный цвет радость (стены, колонны и ворота) символизировал удачу, а желтый (крыша) демонстрировал божественность императорской власти;
- украшение крыш - изогнутые края и декоративные фигурки на коньках, называемые “чимэньшоу”, предназначались для отпугивания злых духов;
- использование монументальных размеров и богатой декорации при строительстве с целью демонстрации силы и стабильности империи.

В первой половине 17-го века территория Маньчжурии к северу от Китая была заселена конфедерацией полукочевых племен. В 1644 году, эти племена, объединившись, преодолели Великую стену, захватили Пекин и установили династию Цин, тем самым завершив правление династии Мин.

Наивысшей точкой расцвета династии считается период правления императоре Цяньлуна (вторая половина 18-го века), который характеризовался агрессивной экспансией и архитектурным развитием.

Правители Цин активно поддерживали конфуцианские ценности и пытались направлять культурное развитие страны в желаемом ими направлении путем установки жесткого государственного контроля над культурной сферой. Невзирая на это, основные направления в искусстве продолжали развиваться в реалистическом ключе.

Культурное воздействие Китая распространялось на многие страны Средней и Восточной Азии, которые в свою очередь вносили вклад в развитие китайской культуры. Таким образом, маньчжуры, завоевавшие власть, не принесли новых элементов в искусство, а скорее ассимилировали традиции завоеванных территорий.

Королевский архитектурный облик Китая того периода, несмотря на династические смены, сохранил преемственность стилей. Возведение новых зданий было направлено на демонстрацию силы и могущества Цинской династии. По всей стране возводились храмы, павильоны и загородные резиденции в честь императорских визитов. В качестве основного направления использовались классические принципы китайской архитектуры. В столице Китая осуществлялась реконструкция императорских дворцов, значительно количество времени уделялось реставрации зданий из более ранних периодов. Основной причиной этому служило желание продемонстрировать историческую связь с прошлым и доказать законность маньчжурского правления. В ходе реставрации исторических сооружений акцент делался на сохранение их первоначального архитектурного замысла. При этом, активность в области строительства новых объектов

королевского архитектурно-декоративного искусства была значительно ниже по сравнению с предыдущей династией.

В целом, специфика королевской архитектурной концепции династии Цин сочетала традиционные китайские стили с некоторыми нововведениями и влияниями, и включала преимущественно увеличение использования сложных декоративных элементов, в том числе, более изысканных форм драконов и других традиционных символов на крышах и фасадах зданий. Также, под влиянием культурных обменов между Китаем и Западом в период Цин в королевской архитектуре начали использоваться элементы западной архитектуры (барокко и рококо).

Концепции королевского архитектурно-декоративного искусства эпохи династий Цин и Мин оказывают значительно влияние на современный архитектурный дизайн.

Гранд-отель Тайбэй (рисунок 1), возведенный в 1973 году по проекту архитектора Ян Чо-ченга, представляет собой сочетание классических черт китайских дворцов данных династий с использованием новых технологий. Отель имеет представительный вид и предназначен для обслуживания государственных и культурных деятелей мирового масштаба. Отли-

Рисунок 1. Гранд-отель Тайбэй.

чительным атрибутом здания является желтая крыша с двойным скатом и фронтонами, а также драконами, используемыми в качестве элементов декора.

Другой яркий пример влияния королевского архитектурно-декоративного искусства эпохи династий Цин и Мин в Китае - павильон Китая на Всемирной выставке «Шанхай Экспо» (рисунок 2).

Данная конструкция предполагает систему поддержки массивной крыши с помощью относительно маленьких опор, которые расширяются с каждым уровнем. Подход представляет

собой сочетание абстракции традиционных элементов китайской архитектуры и достижений современных строительных технологий. Пирамидальная структура здания реализована при помощи армированного бетона.

Дизайн башни Тайбэй 101 (рисунок 3), построенной в 2003 году, вместо прямого копирования предусматривает определенное развитие архитектурных подходов династий Цин и Мин.

Концепция здания внешне напоминает бамбук и возвышается вверх путем сложения модульных элементов. Восемь уровней здания отражают идею даосской философии процветания, связь между землёй и небесами, мост между человеческим и космическим, а также стремление к гармоничному сосуществованию, а не к доминированию.

Строение музея Музей истории Нинбо (рисунок 4) представляет собой имитацию горы с тремя долинами и четырь-

Рисунок 4. Исторический музей Нинбо.

Рисунок 2. Китайский павильон на Всемирной выставке «Шанхай Экспо».

Рисунок 3. Башня Тайбэй 101.

мя пещерами и символизирует географические особенности региона.

Архитектор Ван Шу, осуществлявший проектирование данного здания, переосмыслил культурное наследие династий Цин и Мин, включил в проект старинные местные ремесла и сохранил уникальные китайские традиции.

Другие примеры влияния архитектурных концепций династии Мин и Цин приведены в таблицах 1 и 2.

Таким образом, отдельные элементы концепций королевского архитектурно-декоративного искусства эпохи династии Мин прослеживаются в таких объектах, как Национальный музей Китая в Пекине, Юй Юань (Сад Счастья) в Шанхае, Аэропорт Пекина, Оперный театр в Гуанчжоу, Библиотека Сун Ятсена в Гуандуне, Ханчжоу Интернациональный Центр Конференций.

Элементы архитектурных концепций эпохи династии Цин прослеживаются в таких объектах, как Национальный театр в Пекине, Международный аэропорт Бээжин Дасин, Китайский культурный центр в Вашингтоне, Центр современного искусства в Шанхае, Реставрация Летнего дворца в Пекине, Гранд Хотел Тайпей, Пекинский университет.

В заключение можно констатировать, что королевская архитектура династий Цин и Мин обладала своими уникальными концепциями и оказала значительное влияние на развитие современного архитектурно-декоративного стиля.

Библиографический список

1. Амурская М.А. Развитие китайского статистического учета в периоды династий Цинь и Хань // Учет. Анализ. Аудит. 2021. Т. 8. № 2. С. 71-83.
2. Ван Ф. Влияние китайских традиционных философских идей на древнюю китайскую архитектуру // Философия и культура. 2023. № 2. С. 37-48.
3. Варова Е.И. История изучения традиционной архитектуры Китая в XX в.: специфика культовых объектов династии Тан / Е.И. Варова, Р.М. Зиганшин // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 5 (133). С. 42-47.
4. Гриц А. Здания деревянные, архитектуры, напоминающей китайскую // Родина. 2014. № 7. С. 83-86.
5. Деопик Д.В. Мировидение китайских династий: духовная преемственность и разрыв в девизах правлений императоров / Д.В. Деопик, Б.К. Ганшин // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 2. С. 7-16.
6. Журавков Ю.М. Книга по истории китайской архитектуры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. № 4. С. 154-155.
7. Кузьмин А.С. Сыхэюань как архетип китайской архитектуры // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2014. Т. 1. С. 173-177.
8. Лю Я. Особенности развития постмодерна в китайской архитектуре XX века / Я. Лю, Ю.В. Назаров // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2023. № 3-3. С. 114-123.
9. Чан, П. Влияние китайской архитектуры и искусства на европейскую архитектуру и дизайн XVIII - начала XX веков // Теория и практика дизайна. 2019. № 17. С. 152-169.
10. Чжан Сюэцзюнь. Эко-концепции традиционной китайской архитектуры / Чжан Сюэцзюнь // Архитектура и строительство России. 2022. № 3 (243). С. 102-105.

11. Чжао Ц. Использование элементов традиционной китайской архитектуры в России и в странах Запада // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 4 (178). С. 85-88.
12. Шевченко М.Ю. Способы выражения иерархии в китайской нормативной архитектуре // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2021. № 2 (17). С. 127-143.

References

1. Amurskaya M.A. Development of Chinese statistical accounting during the Qin and Han dynasties // Accounting. Analysis. Audit. 2021. Vol. 8. № 2. P. 71-83.
2. Wang F. The influence of Chinese traditional philosophical ideas on ancient Chinese architecture // Philosophy and Culture. 2023. № 2. P. 37-48.
3. Varova E.I. History of the study of traditional architecture of China in the 20th century: the specifics of religious objects of the Tang dynasty / E.I. Varova, R.M. Ziganshin // Bulletin of the Altai State University. 2023. № 5 (133). P. 42-47.
4. Grits A. Wooden buildings, architecture reminiscent of Chinese // Rodina. 2014. № 7. P. 83-86.
5. Deopik D.V. Worldview of Chinese Dynasties: Spiritual Continuity and Gap in the Mottos of the Emperors' Reigns / D.V. Deopik, B.K. Ganshin // China: Society and Culture. 2022. Vol. 1. № 2. P. 7-16.
6. Zhuravkov Yu.M. Book on the History of Chinese Architecture // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2007. Vol. 6. № 4. P. 154-155.
7. Kuzmin A.S. Siheyuan as an Archetype of Chinese Architecture // New Ideas of the New Century: Proceedings of the International Scientific Conference of the Federal Academy of Oriental Studies of the Pacific National University. 2014. Vol. 1. P. 173-177.
8. Liu Ya. Features of the development of postmodernism in Chinese architecture of the twentieth century / Ya. Liu, Yu.V. Nazarov // Decorative art and subject-spatial environment. Bulletin of the Russian State University of Art and Industry named after S.G. Stroganov. 2023. № 3-3. P. 114-123.
9. Chan, P. The influence of Chinese architecture and art on European architecture and design of the XVIII - early XX centuries // Theory and practice of design. 2019. № 17. P. 152-169.
10. Zhang Xiaojun. Eco-concepts of traditional Chinese architecture / Zhang Xiaojun // Architecture and Construction of Russia. 2022. № 3 (243). P. 102-105.
11. Zhao Q. The Use of Elements of Traditional Chinese Architecture in Russia and Western Countries // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2023. № 4 (178). P. 85-88.
12. Shevchenko M.Yu. Ways of Expressing Hierarchy in Chinese Normative Architecture // Issues of General History of Architecture. 2021. № 2 (17). P. 127-143.

Таблица 1. Влияние концепций королевского архитектурно-декоративного искусства эпохи династии Мин на современный архитектурный дизайн.

Архитектурный объект	Описание	Функциональное значение
Национальный музей Китая в Пекине	Модернизация музея включали в себя воссоздание таких традиционных элементов династии Мин, как крыши с изогнутыми краями и использование красной керамики. Модернизация проводилась для обеспечения устойчивости здания и его способности пропускать большие потоки посетителей.	Один из наиболее значимых музеев в Китае. Функциональное значение - сохранение и продвижение китайской культуры
Юй Юань (Сад Счастья) в Шанхае	Восстановление исторического сада включало реставрацию архитектурных структур, типичных для династии Мин (павильоны и ходульные мостики и др.). Павильоны в Юй Юань характеризуются сложной деревянной конструкцией с множеством столбцов и изогнутыми крышами, покрытыми традиционной керамической черепицей. Ходульные мостики, также известные как "зигагообразные" или "ломаные", предназначены для обхода прямых путей, что, по китайским поверьям, помогает избежать злых духов. Мостики выполнены из дерева украшены резьбой.	Проект направлен на сохранение исторического наследия и привлечение туристов
Beijing Capital International Airport – Terminal 3 (Аэропорт Пекина)	Хотя терминал представляет собой современное здание, его крыша и структура выполнены в стиле традиционных китайских архитектурных форм, в том числе, популярных во времена Мин	Здание сочетает в себе традиционную эстетику и современный функционал международного аэропорта

Оперный театр в Гуанчжоу	Оперный театр в Гуанчжоу, спроектированный архитектором Захой Хадид, хотя и представляет собой пример ультрасовременной архитектуры, включает отголоски традиционных китайских пейзажных садов, типичных для эпохи Мин.	Входит в число наиболее крупных театров Китая. Здание спроектировано так, чтобы гармонично вписываться в окружающий ландшафт
Библиотека Сун Ятсена в Гуандуне	Библиотека включает в себя элементы дизайна, в стиле традиционной китайской архитектурой, включая использование деревянных решетчатых панелей и стекла, создающих эффект "плавающих" крыш. Элементы династии Мин проявляются в виде изысканных деревянных конструкций и каллиграфических украшений, которые традиционно украшали библиотеки и учебные заведения той эпохи	Библиотека предоставляет современное образовательное пространство, а применение традиционных элементов способствует созданию атмосферы спокойствия и сосредоточения
Ханчжоу Интернациональный Центр Конференций	Центр включает в себя сложные деревянные решетки, которые были характерны для зданий династии Мин. Современные технологии и традиционный дизайн создают особенную атмосферу.	Здание предназначено для проведения международных мероприятий и конференций.

Таблица 2. Влияние концепций королевского архитектурно-декоративного искусства эпохи династии Цин на современный архитектурный дизайн.

Архитектурный объект	Описание	Функциональное значение
Национальный театр в Пекине	В соответствии с традиционными китайскими храмами династии Цин, здание имеет округлые формы и обширное использование красного и золотого цветов.	Служит как культурный центр, предоставляя пространство для театральных и оперных представлений.

Международный аэропорт Бээжин Дасин	Сочетание современного дизайна с элементами традиционной китайской кровли и декоративными панелями, характерными для династии Цин.	Услуги международных авиаперевозок.
Китайский культурный центр в Вашингтоне	Здание сочетает современную архитектуру с воротами и традиционными крышами в стиле династии Цин	Служит местом для культурного обмена и обучения, предлагает выставки и образовательные программы.
Центр современного искусства в Шанхае	Современный арт-центр сочетает минималистичный дизайн с элементами традиционной китайской архитектуры (асимметричные формы и орнаменты), характерные для династии Цин.	Платформа для международных выставок искусства.
Реставрация Летнего дворца в Пекине	Проект реставрации, который учитывает историческую архитектуру Цин, включая восстановление павильонов, коридоров и садовых конструкций.	Сохраняет историческое наследие для будущих поколений и служит музеем и туристическим объектом.
Пекинский университет	Университетский кампус включает элементы традиционной китайской архитектуры (балки и колонны с карвингом), выполненные в стиле династии Цин.	Обеспечивает образовательные услуги в окружении, которое отражает китайское культурное наследие.

Ван Чэньюй*Магистрант. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.***Сравнительный анализ российской и китайской систем высшего музыкально-педагогического образования***

Аннотация. Китайское традиционное музыкальное образование обладает длительной историей, насчитывающей несколько тысячелетий. В наши дни влияние российского музыкально-педагогического образования на систему подготовки музыкальных кадров в Поднебесной продолжает свое существование, однако оно не такое существенное, каким было во второй половине XX века. В российском и китайском высшем музыкально-педагогическом образовании существуют как определенные сходства, так и некоторые отличия. Все они рассмотрены подробно в контексте настоящего исследования. Изучение особенностей системы подготовки музыкальных педагогов в системе высшего образования в своей стране и в других государствах как в прошлом, так и в настоящем, представляется чрезвычайно актуальным. Анализ недостатков образования чрезвычайно важен, так как способствует минимизированию рисков их повторения и выработке мер по повышению качества образовательных результатов. Что касается успешного опыта другой страны или другой эпохи в сфере музыкально-педагогического образования, то его нужно уметь грамотно адаптировать к собственным реалиям.

Ключевые слова: музыкальное образование, системы высшего образования, Китай, Россия.

Wang Chenyu*Master. Herzen State Pedagogical University of Russia.***Comparative analysis of the Russian and Chinese systems of higher musical and pedagogical education**

Abstract. Chinese traditional music education has a long history of several millennia. Nowadays, the influence of Russian music-pedagogical education on the system of musical personnel training in the Celestial Empire continues to exist, but it is not as significant as it was in the second half of the 20th century. There are both certain similarities and some differences in Russian and Chinese higher music-pedagogical education. All of them are considered in detail in the context of this study. The study of the peculiarities of the system music teachers' training in the higher education system in their own country and in other states, both in the past and in the present, seems to

* © Ван Чэньюй, 2025.

Сравнительный анализ российской и китайской систем высшего музыкально-педагогического образования

be extremely relevant. Analysis of educational shortcomings is extremely important, as it helps to minimize the risks of their repetition and to develop measures to improve the quality of educational results. As for the successful experience of another country or another era in the field of music-pedagogical education, it is necessary to be able to adapt it competently to our own realities.

Key words: music education, higher education systems, China, Russia.

Специфика обучения в китайских вузах музыкально-педагогической направленности.

Современный этап является лучшим для развития музыкального образования в начальной и средней школе Китайской Народной Республики. «Стандарты очной учебной программы», сформулированные Министерством образования КНР регулируют систему преподавания музыкального искусства в XXI веке. В них изложены те основы, на которые опирается методика преподавания музыки в образовательных учреждениях различных уровней, и подробно описаны такие аспекты, как педагогический репертуар, условия обучения и рекомендуемая учебная нагрузка [5, с. 53].

Учебный репертуар музыкально-педагогических вузов состоит из обязательной и вариативной составляющей. Обязательная составляющая предусмотрена Министерством образования КНР и необходима к использованию во всех соответствующих вузах на музыкально-педагогических направлениях. Если говорить о вариативной составляющей, то она включает две части: первая из них формируется методическим отделом высшего учебного заведения, тогда как вторую составляет преподаватель в зависимости от своих предпочтений и пожеланий студентов [4, с. 16].

Большую часть педагогического репертуара составляют музыкальные произведения на китайском языке, созданные китайскими композиторами. Это академические произведения, фольклорные сочинения, современная китайская популярная музыка различных жанров, а также композиции для детей и юношества. Во многих вузах в качестве учебного материала также используются произведения, знаковые для определенного города или провинции; а в регионах проживания этнических меньшинств — сочинения местной национальной музыки. К примеру, в учебный процесс автономного округа Внутренняя Монголия включены произведения монгольских композиторов, которые исполняются как на китайском, так и на монгольском языках [6, с. 60].

Вокальные произведения зарубежных композиторов также активно включены в программу обучения. Среди них есть сочинения академической направленности (В. Моцарт, Ф. Шопен, Ф. Лист), джазовая музыка («Take Five», «So What», «Take A Train»), детские песни («Jingle Bells», «Twinkle, Twinkle, Little Star», «Old Macdonald Had A Farm» и т. д.). Ком-

позиции исполняются в переводе на китайский, а также на английском языке. Многие академические произведения поются на языке оригинала, даже если студенты им не владеют [3, с. 197]. Обучающиеся также учатся дирижировать данные сочинения и играть их на фортепиано, чтобы овладеть процессом исполнения с различных сторон.

В академический репертуар современных музыкальных и музыкально-педагогических вузов Китая входит также определенное количество песен советских композиторов, к которым относятся следующие:

- «Как хотела меня мать да за первого отдать» (слова и музыка народные, время создания неизвестно);
- «Катюша» (музыка М. Блантера, слова М. Исаковского, 1939);
- «Подмосковные вечера» (музыка В. Соловьева-Седова, слова М. Матусовского, 1956 г.);
- «Ландыши» (музыка О. Фельцмана, слова О. Фадеевой (Кляйнер), 1958 г.);
- «Надежда» (музыка А. Пахмутовой, слова Н. Добронравова, 1971 г.);
- «Все могут короли» (музыка Б. Рычкова, слова Л. Дербенева, 1976 г.);
- «Прекрасное далеко» (музыка Е. Крылатова, слова Ю. Энтина; из телевизионного сериала «Гостья из будущего», 1985 г.);

Вышеуказанные сочинения написаны советскими и российскими композиторами (кроме русской народной песни «Как хотела меня мать да за первого отдать») и переведены на китайский язык. Иногда эти музыкальные произведения в китайских вузах исполняются на русском языке. Студенты знают перевод текста песни, что позволяет им понять эмоции, которые необходимо передать в каждом из его фрагментов во время исполнения. Список не является полным, потому что большое количество высших учебных заведений вводит и другие композиции в педагогический репертуар. Кроме этого, данный репертуар продолжает пополняться за счет новых песен, написанных российскими композиторами.

В Китае существует два уровня музыкально-педагогического образования: бакалавриат (4 года) и магистратура (2 года). Рекомендуемая учебная нагрузка составляет 25 часов в неделю обязательных занятий для бакалавров (15 часов в неделю — для магистров), а также 5 часов факультативных занятий для бакалавров и 10 – для магистров. Занятия проходят в утренние и дневные часы [1, с. 67].

Поступление в вуз происходит на основании результатов выпускного экзамена («гаокао») по математике, китайскому и английскому языкам и творческому конкурсу. Требования к результатам экзамена минимальные, однако, на творческом конкурсе важно показать высокий уровень исполнительского мастерства [11, с. 79].

Методика обучения в музыкально-педагогических вузах продолжает обогащаться и расширяться [9, с. 64]. Кроме этого, внедряются новшества

и в основных концепциях преподаваемых дисциплин. Если ранее наиболее важным было обучение технической стороне музыкального исполнительства, то теперь хороший педагог должен научить детей эмоциональной выразительности исполнения и заинтересовать их музыкальным обучением. На это также ориентированы современные концепции подготовки музыкальных педагогов в системе китайского высшего образования.

Современное высшее музыкальное образование в Китае представляет собой органичное сочетание традиционных систем преподавания, методов, заимствованных у западных стран в конце XX – начале XXI веков, а также методик, сложившихся под влиянием музыкальной педагогики СССР. Традиционные методы преподавания уходят своими корнями вглубь тысячелетий. Они включают в себя многолетнее изучение определенного репертуара, часто состоящего из древнекитайской музыки как авторского, так и народного происхождения.

Традиционные методы уделяют значительное внимание техническому совершенству исполнения. Важно отметить, что в китайских вузах изучается не только западная техника *belcanto* и современный эстрадный вокал, но также и традиционные китайские вокальные техники, которые значительным образом отличаются от принятых в европейских странах. Хороший преподаватель должен уметь грамотно переключаться между ними, чтобы достичь необходимого в конкретной ситуации результата [8, с. 85].

Если говорить о методах западного происхождения, которые широко практикуются в китайском высшем музыкально-педагогическом образовании, то это изучение сольфеджио и гармонии по западным стандартам, освоение итальянского *belcanto*, а также развитие оркестрового исполнительства согласно западной традиции [7, с. 130]. Кроме этого, в соответствии с западными стандартами, внедряются предметы по выбору, среди которых можно выделить музыкальный менеджмент, звукорежиссуру, историю музыкального образования и т. д. Такие предметы существенным образом расширяют карьерные возможности выпускников.

Советская система преподавания, как говорилось выше, также оказала существенное влияние на музыкальную педагогику Китайской Народной Республики в сфере высшего образования. В наши дни в Китае также развиваются советские и российские методики музыкального образования. В вузах преподают педагоги из стран бывшего СССР, тогда как китайские студенты регулярно отправляются для обучения в Россию по обмену опытом [2, с. 50].

В российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена уже несколько десятилетий проходят подготовку иностранные обучающиеся, в том числе и из Китая. Многие китайские студенты в настоящий момент изучают музыкальную педагогику в Институте музыки, театра и хореографии РГПУ им. Герцена по программам бакалав-

риата, магистратуры и аспирантуры [12, с. 111]. Вернувшись в Китай, они реализуют полученные компетенции, а также отдельные элементы российской системы преподавания музыкальных дисциплин в детских садах, школах, вузах, и центрах дополнительного музыкального образования детей и взрослых.

Улучшение отношений между Россией и Китаем в последнее десятилетие открывает значительные перспективы для развития образовательного сотрудничества между двумя странами. Музыкально-педагогическое образование также имеет значительный потенциал для продолжения заимствований из российской методики подготовки специалистов [10, с. 45].

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что российская музыкальная образовательная система оказала значительное влияние на развитие музыкального образования в Китае, что наиболее ярко проявилось в первое десятилетие после основания Нового Китая. В наши дни продолжается заимствование российского опыта преподавания музыки: многие китайские студенты также обучаются в российских вузах, а некоторые российские преподаватели и сейчас преподают в Китае.

Сравнительный анализ российской и китайской систем высшего музыкально-педагогического образования

В работе была рассмотрена специфика систем высшего музыкально-педагогического образования России и Китая как в контексте прошлых эпох, так и в настоящее время. Полученные результаты легли в основу сравнительного анализа двух систем. Особенности российского и китайского музыкально-педагогического образования в контексте существующего сходства и различий представлены в таблице 1.

В итоге, по материалам таблицы можно сделать несколько выводов.

Во-первых, музыкально-педагогические направления вузов готовят будущих учителей музыки для школ и детских садов. Учебный репертуар включает не только произведения народного творчества, академической и эстрадной музыки, но также и детские песни, используемые в образовательных учреждениях. В российских вузах студенты изучают народный фольклор, инструментальную музыку, основы дирижирования и педагогики. В китайских высших учебных заведениях будущие учителя музыки также осваивают традиционные китайские музыкальные произведения, характерные для национальной системы образования.

Во-вторых, в России и в Китае условия обучения идентичны. В обеих странах предусмотрен бакалавриат продолжительностью 4 года и магистратура, срок обучения в которой составляет 2 года. В России помимо обучения в очном формате, существует заочная форма, однако в Китае она отсутствует.

Таблица 1. Подготовка будущих музыкальных педагогов в вузах России и Китая. Сходства и различия.

Сходные характеристики российского и китайского музыкально-педагогического образования	Различия	
	Российское музыкально-педагогическое образование	Китайское музыкально-педагогическое образование
Изучение академического музыкального искусства, музыкального фольклора, детских песен, эстрадной музыки.	Изучение произведений русских и западных композиторов.	Изучение произведений китайских, русских и западных композиторов.
Существенное влияние западной и советской музыкально-педагогической традиции.	Обучение строится согласно принципам классической европейской музыкально-педагогической школы.	Обучение включает как западные методики, так и традиционные китайские педагогические подходы.
Существует два уровня музыкально-педагогического образования: бакалавриат (4 года) и магистратура (2 года).	Выпускники ориентированы на работу в школах и учреждениях дополнительного образования.	Выпускники могут работать как в школах, так и в профессиональных учебных заведениях.
Обязательное изучение теоретических и практических дисциплин, связанных с преподаванием музыки.	В программу входит изучение фортепиано, дирижирования и методики преподавания.	Обучение включает освоение традиционных китайских музыкальных инструментов.
Применение практико-ориентированного подхода, включающего педагогическую практику.	Студенты проходят практику в школах, детских садах и учреждениях дополнительного образования.	В учебный процесс активно внедряются цифровые технологии и мультимедийные методы преподавания музыки.

В-третьих, несмотря на существенное влияние западных методик на системы музыкально-педагогического образования обеих стран, в Китае сохраняются и активно используются традиционные китайские педагогические подходы. В российских вузах обучение строится на основе интеграции национальных и западных музыкально-педагогических методик.

Современная российская система музыкально-педагогического образования унаследовала советские образовательные традиции, восходящих

к советскому периоду. Значительное влияние на музыкально-педагогическую подготовку Китая оказала советская система, что особенно сказалось в середине XX века. Однако в настоящее время китайская система музыкальной педагогики развивается по собственному пути, адаптируя зарубежный опыт к национальным особенностям.

Таким образом, системы китайского и российского высшего образования основаны на традиционных началах, включая и более поздние заимствования из западных культур. Их формирование и развитие стало возможным под влиянием многих исторических, культурных и иных факторов, которые максимально подробно рассматриваются в контексте настоящего выпускного квалификационного исследования. Между системами разных стран существуют сходные черты, наблюдаются также и определенные отличительные особенности.

В каждой стране сформирована уникальная система подготовки специалистов во многих отраслях, включая музыкальную педагогику. Для эффективного реформирования системы образования отдельно взятой страны следует учитывать успехи и неудачи ее собственного опыта в прошлом, а также опыта педагогических систем других регионов и государств как в контексте прошедших эпох, так и в реалиях настоящего времени.

Библиографический список

1. Ван Юань. Программа обучения для студентов музыкальных специальностей в университетах Китайской Народной Республики // Педагогическое образование с китайской спецификой в новую эпоху. 2022. № 7. С. 56-67.
2. Вэй С. Практика как способ формирования готовности студентов к проектной деятельности (в аспекте сравнительной педагогики музыкального образования России и Китайской Народной Республики) / М.С. Осеннева, С. Вэй // Глобальный научный потенциал. 2019. № 10 (103). С. 41-55.
3. Вэй Цзюань. Совершенствование музыкального образования в системе высшего учебного заведения с точки зрения практической подготовки исполнительских талантов // China Ethnic Expo. №16. С. 196-198.
3. Го Вэй. Формирование профессиональной компетентности хорового дирижера в системе российского высшего музыкально-педагогического образования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: специальность: 5.8.2. – теория и методика обучения и воспитания: защищена 15.05.2022 / Го Вэй; ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»; научный руководитель Кузнецова Е. О. – Санкт-Петербург, 2022. 24 с.
4. Жэнь Цзюань. Подготовка бакалавров музыковедения в Китае с точки зрения текущей системы образования / Цзюань Жэнь, Хайбин Чжан // Дом драмы. 2023. № 11. С. 52-54.
5. Лю Б. Анализ проблем музыкально-педагогического образования в учреждениях высшего образования Китая // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2023. № 3 (117). С. 58-61.
6. Лю Ц. Анализ внедрения в профессиональную подготовку педагога-музыканта электронных образовательных ресурсов как мультимедийного сопровождения учебного процесса (на материале сравнительной педагогики РФ и КНР) // Перспективы науки. 2019. № 4 (115). С. 124-134.
7. Сыминь Т. Проблемы музыкально-педагогического образования в Китае и пути их решения // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 6 (52). С. 84-89.

8. Фэй Я. Применение цифровых технологий в высшем музыкально-педагогическом образовании Китая // Уральский научный вестник. 2023. № 2. С. 61-65.
9. Цзян В. Перспективы педагогики сотворчества в музыкально-педагогических вузах России и Китая на современном этапе социокультурного развития: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: 13.00.02 / В. Цзян; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2017. 163 с.
10. Чжан Синьюй. Анализ модели подготовки специалистов в области музыкального образования в университете // Китайское обучение музыке. 2024. № 2. С. 78-80.
11. Ю Цзе. Построение практикоориентированной системы преподавания музыкального искусства в высших учебных заведениях Китая // Журнал Хунаньского университета науки и технологий. 2023. № 44 (5). С. 110-113.

References

1. Wang Yuan. The curriculum for students of music specialties in universities of the People's Republic of China // Pedagogical education with Chinese characteristics in the new era. 2022. № 7. P. 56-67.
2. Wei S. Practice as a way to form students' readiness for project activities (in the aspect of comparative pedagogy of music education in Russia and the People's Republic of China) / M.S. Osenneva, S. Wei // Global scientific potential. 2019. № 10 (103). P. 41-55.
3. Wei Juan. Improving music education in the system of higher education institutions from the point of view of practical training of performing talents // China Ethnic Expo. № 16. P. 196-198.
3. Guo Wei. Formation of professional competence of a choral conductor in the system of Russian higher musical and pedagogical education: abstract of a dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences: specialty: 5.8.2. – theory and methods of teaching and education: defended on 15.05.2022 / Guo Wei; Herzen State Pedagogical University of Russia; supervisor E.O. Kuznetsova – St. Petersburg, 2022. 24 p.
4. Ren Juan. Training Bachelor's Degrees in Musicology in China from the Point of View of the Current Education System / Juan Ren, Haibin Zhang // Drama House. 2023. № 11. P. 52-54.
5. Liu B. Analysis of the problems of music and pedagogical education in higher education institutions of China // Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology. 2023. № 3 (117). P. 58-61.
6. Liu C. Analysis of the introduction of electronic educational resources as multimedia support for the educational process into the professional training of a music teacher (based on comparative pedagogy of the Russian Federation and China) // Prospects of Science. 2019. № 4 (115). P. 124-134.
7. Simin T. Problems of music and pedagogical education in China and ways to solve them // Education Management: Theory and Practice. 2022. № 6 (52). P. 84-89.
8. Fei Ya. Application of digital technologies in higher music and pedagogical education in China // Ural Scientific Bulletin. 2023. № 2. P. 61-65.
9. Jiang W. Prospects for co-creation pedagogy in music and pedagogical universities of Russia and China at the present stage of socio-cultural development: dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences: 13.00.02 / V. Jiang; Moscow City Pedagogical University. – Moscow, 2017. 163 p.
10. Zhang Xinyu. Analysis of the model of training specialists in the field of music education at the university // Chinese music education. 2024. № 2. P. 78-80.
11. Yu Jie. Construction of a practice-oriented system of teaching musical art in higher educational institutions of China // Journal of Hunan University of Science and Technology. 2023. № 44 (5). P. 110-113.

Political science

Политология

Упоров И.В.

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Особенности муниципально-правовой ответственности главы муниципального образования: политико-теоретический аспект*

Аннотация. Исследуются вопросы, связанные с публично-правовой ответственностью главы муниципального образования как высшего должностного лица данной публично-правовой территории. Акцент делается на выявлении сущности муниципально-правовой ответственности (как разновидности публично-правовой ответственности) этого должностного лица в системе публично-властных отношений, то есть преобладает анализ теоретических суждений по различным аспектам данной проблематики. Отмечается, что применительно к главе муниципального образования санкция муниципально-правовой ответственности представляет собой досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования в результате негативной оценки его деятельности. Соответственно в статье не рассматриваются иные виды юридической ответственности (гражданско-правовая, административная и др.). Указывается также, что механизм реализации муниципально-правовой ответственности главы муниципального образования нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: местное самоуправление, глава муниципального образования, муниципально-правовая ответственность, досрочное прекращение полномочий.

Uporov I.V.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Features of municipal-legal responsibility of the head of a municipal formation: political and theoretical aspect

Abstract. The article examines issues related to the public-legal liability of the head of a municipality as the highest official of this public-legal territory. The emphasis is placed on identifying the essence of municipal-legal liability (as a type of public-legal liability) of this official in the system of public-authority relations, that is, the analysis of theoretical judgments on various aspects of this is-

* © Упоров И.В., 2025.

Особенности муниципально-правовой ответственности главы муниципального образования: политико-теоретический аспект

sue prevails. It is noted that, in relation to the head of a municipality, the sanction of municipal-legal liability is the early termination of the powers of the head of the municipality as a result of a negative assessment of his activities. Accordingly, the article does not consider other types of legal liability (civil, administrative, etc.). It is also indicated that the mechanism for implementing the municipal liability of the head of the municipality needs to be improved.

Key words: local government, head of the municipality, municipal liability, early termination of powers.

Главы муниципального образования является обязательным элементом в системе должностных лиц местного самоуправления, что следует из ч. 2 ст. 34 пока еще действующего федерального закона о местном самоуправлении (ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1], далее - Закон о местном самоуправлении-2003), так и из принятого недавно нового закона о местном самоуправлении, который в полном объеме вступит в силу только в 2027 г. и который будет затронут в конце статьи. А согласно ч. 1 ст. 36 глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения, причем в литературе справедливо подчеркивается, что речь идет именно о «собственных» полномочиях [2, с. 202], что определяет высокую степень управленческой компетенции главы муниципального образования. В литературе отмечено, что ключевая роль главы муниципального образования, «возглавляющего деятельность по осуществлению местного самоуправления на территории муниципального образования», обуславливает острую актуальность правовых аспектов статуса этой должности [3, с. 43]. Как отмечает В.И. Васильев, в Законе о местном самоуправлении статус выборного должностного лица местного самоуправления отрегулирован «чересчур кратко и с явными пробелами» [4, с. 128].

Как бы ни было, но глава муниципального образования в качестве высшего должностного лица муниципального образования занимает более высокое положение, нежели все остальные должностные лица, имеющиеся в данном муниципальном образовании, и соответственно должен в наибольшей степени отражать интересы населения муниципального образования [5, с. 49]. Это не обязательно предполагает прямое служебное или дисциплинарное подчинение ему иных должностных лиц местного самоуправления. Если глава возглавляет местную администрацию, тогда все иные должностные лица местной администрации находятся в его служебном и дисциплинарном подчинении. Если глава возглавляет представительный орган, тогда в его прямом подчинении находятся служащие аппарата данного органа, а работники местной администрации в служебном отношении подчиняются главе местной администрации. И здесь очень важно подчеркнуть, что бо-

лее высокое положение главы муниципального образования в системе публично-властных отношений в муниципальном образовании означает, что он несет высшую ответственность за положение дел на территории муниципального образования, и речь идет прежде всего о муниципально-правовой ответственности [6, с. 31]. При этом под муниципально-правовой ответственностью, как представляется, следует понимать ответственность органов (должностных лиц) местного самоуправления перед населением муниципального образования или государством, наступающая в результате нарушения ими норм муниципального права или негативной оценки их деятельности, установленных предусмотренными в законодательстве субъектами, и предусматривающая досрочное прекращение полномочий привлекаемых к этой ответственности органов (должностных лиц) местного самоуправления [7, с. 103]. Цель такой ответственности заключается прежде всего в защите прав населения муниципального образования [8; 9].

Применительно к главе муниципального образования санкция муниципально-правовой ответственности только одна – досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования в результате негативной оценки его деятельности. Соответственно здесь не рассматриваются иные виды юридической ответственности, а акцент делается на уточнении политико-правовой сущности института досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования, учитывая, что в рассматриваемом институте важнейшее значение имеют основания досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования, связанные с публично-правовой ответственностью данного выборного должностного лица, и такая ответственность, как справедливо отмечает А.В. Акопян, имеет политико-правовую природу [10, с. 13]. В этой связи необходимо заметить, что, в отличие от главы государства, глава муниципального образования представляет публичную власть на третьем, самом нижнем публично-территориальном уровне (после федерального уровня и уровня субъекта Федерации), соответственно глава муниципального образования не может быть не включенным в систему властеотношений на уровне субъекта Федерации, где он взаимодействует с главой субъекта Федерации, и в этом смысле следует согласиться с В.В. Яковлевым в том, что «содержание ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления имеет политическое наполнение» [11, с. 11]. Поэтому, хотя в отношениях «глава субъекта РФ – глава муниципального образования» нет непосредственного административного соподчинения по типу «начальник-подчиненный» (это вытекает из ст. 12 Конституции России [12]), существует, тем не менее, фактическая иерархия власти. Нужно также иметь в виду, что акты главы субъекта Федерации, изданные надлежащим образом, являются обязательными для главы муниципального образования. Вероятно, данные обстоятельства дали основание законодателю

наделять высшее должностное лицо субъекта РФ полномочием отрешать от должности главу муниципального образования по процедуре, установленной в ст. 74 Закона о местном самоуправлении.

Соответственно законодательными основаниями досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования, имеющими политико-правовой характер являются: отзыв избирателями; удаление в отставку; отрешение от должности. Во всех трех случаях речь идет об основаниях досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования, связанных непосредственно с профессиональной деятельностью главы муниципального образования, а точнее с недопустимо низкой ее эффективностью. Механизм реализации этих оснований в своей основе отражен в ст. 24, 74 и 74.1 Закона о местном самоуправлении, отдельные элементы этого механизма могут также содержаться в актах субъектов Федерации и муниципальных правовых актах [6].

Указанные политико-правовые основания досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования следует расценивать как виды санкции муниципально-правовой ответственности, которые применяются к главе муниципального образования как представителю публичной власти и которые в совокупности представляют собой меру муниципально-правовой ответственности в виде досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования. Так, О.Е. Кутафин вопрос о форме реализации публично-правовой ответственности рассматривает именно в контексте формы реализации ее санкций [13, с. 37]. Аналогичных взглядов придерживаются и ряд других ученых, в частности, Е.М. Ковешников пишет о том, что одной из форм реализации ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением в результате утраты его доверия является возможность отзыва населением депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления [14, с. 235]. В данном случае отзыв является муниципально-правовой санкцией, под которой, по мнению Д.М. Иванова, в самом общем виде следует считать закрепленные в муниципально-правовых нормах меры публичного принуждения, которые влекут неблагоприятные для правонарушителя последствия и применяются в особом процессуальном порядке [15, с. 39]. Мы не имеем в виду подробно останавливаться на дефиниции муниципально-правовой санкции, соглашаясь в принципе с приведенным вариантом. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что применение мер муниципально-правовой ответственности (муниципально-правовых санкций) в обязательном порядке влечет за собой досрочное прекращение полномочий выборного должностного лица, в отношении которого применяется муниципально-правовая санкция, что, собственно, является спецификой муниципально-правовой ответственности, и на что выше обращалось внимание.

Разумеется, при этом имеется в виду негативная муниципально-правовая ответственность. Данная оговорка обусловлена тем, что правовой литературе обсуждается тема о разновидностях муниципально-правовой ответственности (работы А.А. Кондрашова, И.А. Тамасханова, А.С. Борисова, Н.Н. Черногора и др.), что вполне объяснимо, учитывая, что «в теории права и науке муниципального права, несмотря на наличие большого количества научных работ, данный вид ответственности не является общепризнанным, а среди тех, кто признает муниципально-правовую ответственность, также нет единства взглядов» [16, с. 38]. В частности, дискутируется вопрос о разделении муниципально-правовой ответственности на негативную (ответственность в общепринятом понимании, то есть ретроспективную), и позитивную ответственность, «понимаемую преимущественно как обязанность ... по инициативному, добросовестному и ответственному решению вопросов местного значения» [17, с. 84]. Как представляется, в институте позитивной ответственности нецелесообразно использовать терминологию, учитывая и слишком большой разброс мнений о позитивной юридической ответственности, в том числе применительно к муниципально-правовым отношениям. Так, А.А. Дабалаев полагает, что, «отзыв выборных лиц местного самоуправления является мерой позитивной конституционной ответственности, а роспуск представительного органа муниципального образования, отрешение от должности главы муниципального образования, главы местной администрации - мерами негативной конституционной ответственности» [18, с. 12]. Но это весьма спорные суждения, и они показывают, что институт позитивной ответственности вообще и главы муниципального образования в частности пока не целесообразно использовать в правотворческой деятельности. Соответственно применительно к главе муниципального образования основной тезис, определяющий сущность его публичной ответственности, заключается в том, что допускаемые им нарушения муниципально-правовых норм свидетельствуют о недостаточно эффективной работе главы муниципального образования, и если нарушение является серьезным, то оно означает недопустимо низкий уровень этой эффективности, означающий наличие основания для досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования, которое реализуется путем применения соответствующей муниципально-правовой санкции [6]. Как отмечает в этой связи М.С. Долгополова, глава муниципального образования в силу своего статуса обязан эффективно выполнять возложенные на него обязанности, и если должной эффективности нет, то может быть поставлен вопрос об его муниципально-правовой ответственности [19, с. 26], поскольку чем больше субъект публично-властных отношений в системе местного самоуправления получает полномочий, тем более высокая его ответственность перед населением, государством [20, с. 58].

В этом смысле именно глава муниципального образования как высшее должностное лицо муниципального образования, а не его заместители и иные чиновники, является субъектом муниципально-правовой ответственности. Это означает, что глава муниципального образования совершает действия и принимает решения в нарушение действующих норм права, не проявляет активности в решении актуальных вопросов местного значения, в иных формах перестает отражать интересы населения муниципального образования, то, при определенных обстоятельствах такого рода его полномочия могут быть прекращены досрочно. При этом основания досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования в совокупности образуют элемент правового статуса главы муниципального образования. Соответственно политико-правовая сущность института досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования в контексте властеотношений заключается в предоставлении возможности непосредственно избирателям, депутатам представительного органа местного самоуправления, высшему должностному лицу субъекта Федерации прекратить осуществление главой муниципального образования предоставленных ему полномочий до истечения срока, на который он был избран, в связи с недопустимо низкой эффективностью его деятельностью [6].

А имея в виду, что согласно Закону о местном самоуправлении-2003 глава муниципального образования в рамках публичных отношений несет ответственность перед населением муниципального образования, перед представительным органом местного самоуправления, а также перед государством, то, соответственно, население может отозвать главу муниципального образования, представительный орган может удалить его в отставку, в глава субъекта Федерации может отрешить от должности, для чего имеются соответствующие юридические механизмы. Вместе с тем эти механизмы недостаточно совершенны, на что обращается внимание в литературе [21; 22; 23 и др.]. В этой связи А.П. Солдатом и С.Н. Братановский полагают необходимым в целях «приведения в единство всех составляющих юридической ответственности на муниципальном уровне разработать модельный закон об ответственности в системе местного самоуправления [24, с. 25], и с таким предложением следует согласиться, равно как и в том, что рассмотренной публично-правовой ответственности главы муниципального образования должны соответствовать и надлежащие гарантии его деятельности [25]; но одновременно констатируем вместе с тем, что эти аспекты представляет собой предмет самостоятельного исследования.

Согласно новому закону о местном самоуправлении – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 20 марта 2025 г. [26] глава муниципального образования согласно ст. 14 также является обязательным единоличным органом в системе местного самоуправления. При этом каких-либо новелл, касаю-

щихся рассматриваемой категории ответственности главы муниципально-го образования в ее сущностных аспектах этот закон не содержит.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.06.2025).
2. Шутрина Е.С. Муниципальное право. – М.: Норма, 2024.
3. Соловьев С.Г., Гладких Н.М. К вопросу о месте исполнительных органов муниципального уровня в системе управления государством // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 10. С. 41–46.
4. Васильев В.И. О полноте статуса муниципального выборного лица // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 123–129.
5. Белоусова Е.В. Взаимосвязь главы муниципального образования и представительного органа местного самоуправления при реализации функций представительства населения // Административное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 49.
6. Гончаров С.В. Институт досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования: дисс. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2014.
7. Соколовская Ю.Г. Об ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством // Вестник Университета «Кластер». 2022. № 7 (7). С. 102–114.
8. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М.: Дело, 1998.
9. Матюшенко П.Ю. Правовой статус главы муниципального образования // Вопросы права. 2025. № 1. С. 32–38.
10. Акопян А.В. Ответственность представительных органов местного самоуправления перед государством в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2011.
11. Яковлев В.В. Органы и должностные лица местного самоуправления: Системный подход к пониманию их юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2005.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 30.05.2025).
13. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – М.: Проспект, 2006.
14. Ковешников Е.М. Муниципальное право. – М.: НОРМА, 2000. С. 235.
15. Иванов Д.М. Муниципально-правовая санкция: к теории вопроса // История государства и права. 2009. № 18. С. 38–41.
16. Кашо В.С. Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления как предмет муниципального правотворчества // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 36–40.
17. Кудилинский М.Н., Шевелева Н.А. Муниципальное право России. – СПб.: 2005.
18. Дабалаев А.А. Конституционная ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: 2006.
19. Долгополова М.С. Муниципально-правовая ответственность: проблемы правового регулирования и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.
20. Шишкин С.И., Яковлев В.В. Отдельные вопросы ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2. С. 55–61.
21. Жамборов А.А. Некоторые особенности юридической ответственности главы муниципального образования // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 22–25.
22. Шошин Д. О. Характеристика ответственности главы муниципального образования // Вестник Пензенского государственного университета. 2019. № 3. С. 31–34.
23. Михеева Т.Н. Критический взгляд на механизм муниципально-правовой ответственности // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 3. С. 132–136.
24. Солдатов А.П., Братановский С.Н. Отдельные теоретические аспекты юридической ответственности муниципального образования // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 18–25.
25. Першина Е.А. Полномочия губернатора субъекта Российской Федерации по отрешению

главы муниципального образования (местной администрации) от должности // Закон и право. 2024. № 12. С. 105-110.

26. Федеральный закон от 20.03.2025 № ФЗ-33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.06.2025).

References

1. Federal Law of 06.10.2003 N 131-FZ (as amended on 13.12.2024) "On General Principles of Local Self-Government Organization in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus" (10.06.2025).
2. Shugrina E.S. Municipal Law. – M.: Norma, 2024.
3. Soloviev S.G., Gladikh N.M. On the Place of Municipal Executive Bodies in the State Administration System // Constitutional and Municipal Law. 2008. № 10. P. 41-46.
4. Vasiliev V.I. On the Completeness of the Status of a Municipal Elected Person // Journal of Russian Law. 2005. № 12. P. 123-129.
5. Belousova E.V. The relationship between the head of the municipality and the representative body of local self-government in the implementation of the functions of representing the population // Administrative and municipal law. 2011. № 5. P. 49.
6. Goncharov S.V. Institute of early termination of powers of the head of the municipality: diss. ... Cand. of Law. - Belgorod, 2014.
7. Sokolovskaya Yu.G. On the responsibility of local government bodies and officials to the state // Bulletin of the University "Cluster". 2022. № 7 (7). P. 102-114.
8. Umnova I.A. Constitutional foundations of modern Russian federalism. – M.: Delo, 1998.
9. Matyushenko P.Yu. Legal status of the head of the municipality // Questions of Law. 2025. № 1. P. 32-38.
10. Akopyan A.V. Responsibility of representative bodies of local self-government to the state in the Russian Federation: dis. ... cand. sciences (law). – Rostov-on-Don, 2011.
11. Yakovlev V.V. Local government bodies and officials: A systems approach to understanding their legal responsibility: dis. ... cand. sciences (law). – Irkutsk, 2005.
12. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS "ConsultantPlus" (30.05.2025).
13. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional law of Russia. – M.: Prospect, 2006.
14. Kovesnikov E.M. Municipal law. – M.: NORMA, 2000. P. 235.
15. Ivanov D.M. Municipal-legal sanction: towards the theory of the issue // History of the state and law. 2009. № 18. P. 38-41.
16. Kasho V.S. Responsibility of local government bodies and officials as a subject of municipal lawmaking // Journal of Russian Law. 2011. № 6. P. 36-40.
17. Kudilinsky M.N., Sheveleva N.A. Municipal law of Russia. – SPb.: 2005.
18. Dabalayev A.A. Constitutional responsibility of local government bodies and officials in the Russian Federation: diss. ... candidate of legal sciences. – M.: 2006.
19. Dolgoplova M.S. Municipal legal responsibility: problems of legal regulation and implementation: diss. ... candidate of legal sciences. Tyumen, 2005.
20. Shishkin S.I., Yakovlev V.V. Certain issues of responsibility of local government bodies and officials // Siberian legal bulletin. 2010. № 2. P. 55-61.
21. Zhamborov A.A. Some Features of the Legal Liability of the Head of a Municipality // Gaps in Russian Legislation. 2015. № 2. P. 22-25.
22. Shoshin D.O. Characteristics of the Liability of the Head of a Municipality // Bulletin of Penza State University. 2019. № 3. P. 31-34.
23. Mikhieva T.N. A Critical Look at the Mechanism of Municipal Legal Liability // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2020. № 3. P. 132-136.
24. Soldatov A.P., Bratanovsky S.N. Certain Theoretical Aspects of the Legal Liability of a Municipality // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (52). P. 18-25.
25. Pershina E.A. Powers of the Governor of a Subject of the Russian Federation to Remove the Head of a Municipality (Local Administration) from Office // Law and Right. 2024. № 12. P. 105-110.
26. Federal Law of 20.03.2025 № FZ-33 "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" // SPS "ConsultantPlus" (10.06.2025).

Арустамян Г.В.

Обучающийся факультета Прикладной Информатики, Кубанский Государственный Аграрный Университет, г. Краснодар.

Шестак Д.О.

Обучающийся факультета Прикладной Информатики, Кубанский Государственный Аграрный Университет, г. Краснодар.

Дилбандян Р.А.

Обучающийся факультета Прикладной Информатики, Кубанский Государственный Аграрный Университет, г. Краснодар.

Терещенко О.В.

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и политологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Российские информационные вызовы и ответы на них*

Аннотация. В статье анализируются ключевые угрозы информационной безопасности России в 2020–2024 гг., включая рост сложности кибератак, использование злоумышленниками ИИ и квантовых технологий, а также расширение целей атак. На основе данных ФСБ, Минцифры, Group-IB и других источников оценены меры по цифровому суверенитету: импортозамещение ПО, борьба с фейками, развитие криптографии. Выявлены проблемы: отставание в квантовых технологиях, нехватка кадров, зависимость от зарубежного оборудования. Предложены направления развития: технологический суверенитет, международное сотрудничество, обновление законодательства и внедрение новых методов защиты. Рекомендовано увеличить инвестиции в ИИ-безопасность, квантовые вычисления и подготовку специалистов. Ожидается, что к 2030 г. это сократит успешные атаки на 75–80%, повысит долю отечественных решений в критической инфраструктуре до 95% и выведет Россию в топ-3 по кибербезопасности, для этого необходима постоянная адаптация к угрозам и консолидация усилий государства, бизнеса и общества для защиты цифрового суверенитета.

Ключевые слова: информационная безопасность, кибербезопасность, киберугрозы, цифровой суверенитет, квантовые технологии, искусственный интеллект, импортозамещение, криптография, нормативно-правовое регулирование, международное сотрудничество.

* © Арустамян Г.В., Шестак Д.О., Дилбандян Р.А., Терещенко О.В., 2025.
Российские информационные вызовы и ответы на них

Arustamyan G.V.

Student of the Faculty of Applied Informatics, Kuban State Agrarian University, Krasnodar.

Shestak D.O.

Student of the Faculty of Applied Informatics, Kuban State Agrarian University, Krasnodar.

Dilbandyan R.A.

Student of the Faculty of Applied Informatics, Kuban State Agrarian University, Krasnodar.

Tereshchenko O.V.

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of History and Political Science, Kuban State Agrarian University, Krasnodar.

Russian information challenges and answers to them

Abstract. The article analyzes the key threats to Russia's information security in 2020-2024, including the increasing complexity of cyber attacks, the use of AI and quantum technologies by intruders, as well as the expansion of attack targets. Based on data from the FSB, the Ministry of Finance, Group-IB and other sources, measures for digital sovereignty were assessed: software import substitution, the fight against fakes, and the development of cryptography. Problems have been identified: a lag in quantum technologies, a shortage of personnel, and dependence on foreign equipment. The directions of development are proposed: technological sovereignty, international cooperation, updating legislation and introducing new methods of protection. It is recommended to increase investments in AI security, quantum computing and specialist training. By 2030, this is expected to reduce successful attacks by 75-80%, increase the share of domestic solutions in critical infrastructure to 95%, and bring Russia into the top 3 in cybersecurity. Conclusion: it is necessary to constantly adapt to threats and consolidate the efforts of the state, business and society to protect digital sovereignty.

Key words: information security, cybersecurity, cyber threats, digital sovereignty, quantum technologies, artificial intelligence, import substitution, cryptography, regulatory and legal regulation, international cooperation.

Современные конфликты все чаще ведутся в гибридном формате, где информационное противоборство играет не менее важную роль, чем военные действия. Эффективное информационное воздействие позволяет формировать общественное мнение, дестабилизировать политическую обстановку, наносить экономический ущерб и даже влиять на результаты выборов. По данным ФСБ России, в 2023 году количество кибератак на критическую инфраструктуру страны увеличилось на 40% по сравнению с предыдущим годом, при этом 65% инцидентов были связаны с иностранными хакерскими группами [4]. Эти атаки направлены на энергетические объекты, финансовые учреждения, транспортную систему и другие жиз-

ненно важные объекты, что создает реальную угрозу для национальной безопасности. Параллельно растет масштаб дезинформационных кампаний, направленных на подрыв доверия к государству – от фейковых новостей о спецоперации на Украине до манипуляций вокруг экономической стабильности [7]. По данным исследования ВЦИОМ, 75% россиян сталкивались с фейковыми новостями в интернете, при этом 40% из них не всегда могли отличить правду от лжи. Эта статистика свидетельствует о высокой восприимчивости населения к дезинформации и необходимости повышения медиаграмотности [14].

Таблица 1. Основные типы информационных угроз для России (2020–2024 гг.).

Тип угроз	Примеры	Динамика (рост/снижение)	Последствия для России
Кибератаки	Взломы госучреждений, DDos-атаки	Рост на 30-40% ежегодно	Ущерб критической инфраструктуре, утечка конфиденциальных данных, экономические потери
Дезинформация	Фейки о СВО, экономике, соцполитике	Увеличение на 50%+	Подрыв доверия к государству, дестабилизация общества, усиление протестных настроений
Технологические	Зависимость от зарубежного ПО	Стабильно высокий уровень	Уязвимость перед кибератаками, ограничение технологического развития, зависимость от санкций
Геополитические	Цензура российских СМИ за рубежом	Усиление с 2022 г.	Ограничение доступа к информации, формирования негативного образа России, дискриминация российских СМИ

В данной работе рассматривается комплексный анализ информационных вызовов, с которыми сталкивается Россия, и приводится оценка эффективности мер противодействия. В рамках данной статьи будут изложены следующие сведения:

1. Систематизация ключевых угроз (кибербезопасность, дезинформация, технологические риски) на основе анализа последних статистических данных и экспертных оценок.
2. Анализ нормативно-правовой базы РФ в сфере информационной безопасности, выявление её сильных и слабых сторон, а также пробелы, требующие законодательного регулирования.
3. Данные международного опыта (Китай, ЕС, США) в области обеспе-

чения информационной безопасности, выявление лучшей практики и возможности их адаптации к российским условиям.

4. Разработана рекомендация по усилению защитных механизмов, направленных на повышение устойчивости российской информационной инфраструктуры и защиту от дезинформационных кампаний.

5. Оценены экономические последствия информационных атак и предложены меры по снижению ущерба для российского бизнеса.

Эффективность противодействия информационным вызовам зависит от трех ключевых факторов:

1. Технологической независимости (импортозамещение ПО, развитие ИИ, создание собственной технологической базы в сфере ИБ).

2. Правового регулирования (жесткий контроль дезинформации без подавления инакомыслия, создание эффективной системы привлечения к ответственности за киберпреступления и распространение фейковых новостей, защита персональных данных).

3. Международного позиционирования (сотрудничество с БРИКС, ШОС, ОДКБ и другими международными организациями в сфере ИБ, создание единой системы защиты от кибератак, продвижение российских интересов в международном информационном пространстве).

Современные информационные вызовы представляют собой сложный многоуровневый феномен, требующий междисциплинарного анализа. Информационные вызовы – это не только воздействие на информационное пространство, но и совокупность внутренних и внешних факторов, приводящих к дестабилизации информационного обмена, нарушению конфиденциальности, целостности и доступности информации, а также к манипулированию общественным сознанием и подрыву доверия к государственным институтам [15].

Углубленная классификация угроз:

1. Техногенные угрозы: Угрозы, возникающие в результате использования технических средств для нанесения ущерба информационной инфраструктуре или получения несанкционированного доступа к информации.

Кибератаки на критическую инфраструктуру (энергетика, транспорт, финансы): Целенаправленные атаки на системы управления, контроля и связи объектов критической инфраструктуры, направленные на нарушение их работы или получение контроля над ними.

Эксплуатация уязвимостей IoT-устройств (умные города, промышленный интернет): Использование уязвимостей в программном обеспечении и аппаратной части устройств «интернета вещей» для создания ботнетов, проведения DDoS-атак или получения доступа к конфиденциальной информации [2].

2. Когнитивные угрозы: Угрозы, направленные на воздействие на сознание и поведение людей с целью манипулирования общественным мне-

нием, разжигания социальной розни, подрыва доверия к государству или формирования негативного образа России за рубежом.

Технологии глубоких фейков (deepfake): Создание реалистичных, но ложных видео- и аудиозаписей с использованием технологий искусственного интеллекта для распространения дезинформации и дискредитации политических деятелей.

Целевая психологическая обработка (microtargeting): Сбор и анализ данных о пользователях социальных сетей для создания персонализированных рекламных и пропагандистских сообщений, направленных на изменение их убеждений и поведения.

3. Организационные угрозы: Угрозы, возникающие в результате недостатков в организации системы информационной безопасности, несоблюдения правил и процедур защиты информации или злоупотреблений полномочиями со стороны сотрудников.

Инсайдерские угрозы (утечки Snowden-типа): Утечка конфиденциальной информации в результате действий сотрудников, имеющих доступ к ней, но злоупотребляющих своими полномочиями или действующих по сговору с конкурентами или иностранными спецслужбами.

Нормативно-правовая база Российской Федерации в сфере информационной безопасности представляет собой сложную и многоуровневую систему, включающую в себя законы, указы Президента, постановления Правительства, приказы федеральных органов исполнительной власти и другие нормативные акты. Эта система направлена на обеспечение защиты информации, прав граждан в информационной сфере, а также на противодействие информационным угрозам и вызовам. Однако, несмотря на наличие большого количества нормативных актов, в системе существуют пробелы и противоречия, требующие дальнейшего совершенствования.

Детализация ключевых нормативных актов:

1. Доктрина информационной безопасности: Является ключевым документом стратегического планирования в сфере информационной безопасности Российской Федерации.

Ввела понятие «цифрового контура безопасности», определяющего периметр защиты национальных информационных ресурсов.

Установила 4 уровня угроз (низкий, средний, высокий, критический), определяющих необходимость применения различных мер защиты.

Определила 7 приоритетных направлений защиты, включая защиту критической информационной инфраструктуры, противодействие киберпреступности, защита прав граждан в информационной сфере, развитие отечественной ИТ-индустрии, и укрепление международного сотрудничества в сфере ИБ [1,2].

2. Закон о суверенном интернете: Направлен на обеспечение устойчивости, безопасности и целостности российского сегмента сети Интернет.

Создание национальной системы доменных имен, обеспечивающей независимость от зарубежных корневых серверов.

Механизмы аварийного отключения от глобального интернета, позволяющие сохранить функционирование российского сегмента сети в случае внешних угроз.

3. Регулирование искусственного интеллекта: Направлено на создание благоприятных условий для развития технологий ИИ в России, а также на минимизацию рисков, связанных с их использованием.

Федеральный проект «Искусственный интеллект», предусматривающий финансирование исследований и разработок в сфере ИИ, а также поддержку стартапов и инновационных компаний.

Этические принципы разработки ИИ, определяющие основные принципы ответственного использования технологий ИИ, такие как прозрачность, справедливость, безопасность и защита прав человека.

Изучение международного опыта в сфере информационной безопасности позволяет выявить лучшие практики, а также оценить эффективность различных подходов к регулированию информационного пространства. В данном разделе проводится сравнительный анализ моделей регулирования в Китае, Европейском Союзе и Российской Федерации.

Ключевые выводы:

Китай - наиболее жёсткая модель с системным контролем всех цифровых сфер.

Россия - переходная модель между китайским и европейским подходом с усилением контроля в последние годы.

Европа - регулирование через защиту прав пользователей при сохранении свобод.

В России сегодня активно развиваются и внедряются новые технологии, которые направлены на повышение информационной безопасности и укрепление технологической независимости страны. Среди наиболее перспективных направлений — квантовая криптография, федеральные облачные платформы и цифровые валюты центральных банков. Цифровые валюты центральных банков (CBDC) представляют собой электронные деньги, выпускаемые и контролируемые государственным банком, которые могут использоваться для расчетов между гражданами и организациями. Их разработка и внедрение открывают новые возможности для повышения эффективности платежных систем, сокращения издержек и укрепления защиты от киберугроз.

В настоящее время российская система информационной безопасности активно развивается на фоне усиливающихся внутренних и внешних рисков. В этом процессе государство играет ключевую роль, формируя политику в области ИБ, поддерживая отечественные ИТ-компании и стиму-

Таблица 2. Сравнение моделей регулирования.

Критерий	Китай	Российская Федерация	Европа
Идеологическая основа	Цифровой авторитаризм, приоритет госбезопасности	«Цифровой суверенитет», защита национальных интересов	Защита демократических ценностей, баланс между свободой и регулированием
Свобода информации	Жесткая цензура, блокировка зарубежных СМИ и соцсетей	Частичная цензура, блокировка оппозиционных СМИ и платформ	Свобода доступа, но борьба с дезинформацией и экстремизмом
Контроль контента	AI-фильтрация, запрет «запретных тем»	Ручная модерация, закон о «фейках», маркировка иноагентов	Удаление незаконного контента (DSA), прозрачность алгоритмов модерации
Анонимность в сети	Обязательная верификация по паспорту	Частичная анонимность, но закон о VPN и требования к идентификации	Частично сохраняется идентификация против троллинга
Регулирование платформ	Полное подчинение властям	Закон о «ленинге», требования к хранению данных	Прозрачные правила (DSA/DMA), штрафы до 6% оборота
Социальный рейтинг	Влияет на доступ к услугам	Пилотные проекты в отдельных регионах	Нет госрейтинга, есть кредитные скоринговые системы
Наказания за нарушения	Уголовная ответственность за «ложные сведения»	Штрафы и блокировки, уголовные дела за «фейки»	Штрафы для платформ, нет уголовного преследования за мнения
Доступ к VPN	Полный запрет	Частичные ограничения, блокировка некоторых сервисов	Разрешены, но под наблюдением
Главный регулятор	САС (Киберуправление КПК)	Роскомнадзор, ФСБ	Европейская комиссия, национальные регуляторы
Отношение к Big Tech	Полный контроль через национальные аналоги (WeChat, Baidu)	Попытки замещения зарубежных сервисов (VK, Яндекс)	Жесткое регулирование (DMA), но без запретов
Блокировка сайтов	Массовые блокировки (Великий фаервол)	Точечные блокировки (оппозиционные СМИ, Telegram в 2018-2020)	Блокировка только по решению суда

лируя инновационные инициативы. Отмечается тенденция к интеграции технических и правовых мер защиты, что позволяет создать комплексную систему, учитывающую как технологические, так и юридические аспекты. Важным шагом становится разработка и внедрение нормативных актов, которые регулируют отношения в сфере информационной безопасности и устанавливают ответственность за нарушения.

Для повышения эффективности работы в этой области Россия изучает и адаптирует лучшие международные практики, учитывая при этом национальные особенности — политическую систему, экономические условия и социокультурный контекст. Для противодействия современным информационным угрозам в стране создается комплекс правовых и институциональных инструментов, направленных на защиту государства, прав граждан в цифровой среде и развитие IT-сектора.

За последние пять лет в России значительно расширилась нормативно-правовая база в сфере информационной безопасности. Особенно их число выросло после начала СВО. Это отражает высокий приоритет, который государство уделяет регулированию цифрового пространства и защите национальных интересов. Вместе с тем важно не только количество, но и качество этих норм, а также их согласованность между собой.

Основные законодательные инициативы включают:

Закон о суверенном интернете (№ 90-ФЗ), который играет ключевую роль в обеспечении безопасности российского сегмента сети. Комплекс законов, направленных на борьбу с распространением фейковых новостей, представляющих угрозу для общества и государства. Уголовную ответственность за умышленное распространение ложной информации (статьи 207.1-207.3 УК РФ), предусматривающую штрафы, исправительные меры и лишение свободы [1,12].

Механизм оперативного блокирования опасного контента, позволяющий Роскомнадзору оперативно блокировать сайты и аккаунты в социальных сетях, распространяющие фейковые новости (среднее время реакции - 3,7 часа). За нарушение предусмотрены штрафы до 5 млн рублей для юридических лиц за распространение заведомо ложной информации, что является сдерживающим фактором для СМИ и онлайн-платформ.

Регулирование Big Tech: Этот комплекс мер направлен на установление правил игры для крупных технологических компаний, действующих на территории России, и защиту прав российских пользователей.

Обязательная локализация данных российских пользователей, требующая от иностранных компаний хранить и обрабатывать персональные данные российских граждан на территории России. Это привело к признанию Meta экстремистской организацией в 2022 году, что привело к блокировке социальных сетей Facebook и Instagram на территории России.

Для эффективной реализации государственной политики в сфере ин-

формационной безопасности в России проводятся масштабные институциональные преобразования, направленные на укрепление системы управления ИБ, повышение квалификации кадров и развитие научно-технического потенциала.

Структурные изменения в системе управления ИБ:

1. Создание национального проекта: «Экономика данных и цифровая трансформация государства» создан с целью консолидации усилий государства в сфере цифровой трансформации и развития отечественных ИТ-технологий.

Консолидация 47 государственных ИТ-проектов, направленных на создание цифровых платформ для различных отраслей экономики и государственного управления [16].

2. Реформа ФСТЭК: Федеральная служба по техническому и экспортному контролю является ключевым органом, ответственным за обеспечение технической защиты информации в России.

Увеличение штата на 40% (до 5,200 специалистов), направленное на усиление контроля за соблюдением требований безопасности информации.

Создание 8 региональных центров мониторинга, обеспечивающих оперативное реагирование на киберугрозы в различных регионах страны.

3. Научно-техническое обеспечение: Развитие науки и образования в сфере информационной безопасности является важным фактором обеспечения технологического суверенитета и подготовки квалифицированных кадров.

12 новых НИИ информационной безопасности, созданных для проведения фундаментальных и прикладных исследований в сфере ИБ.

Федеральная программа подготовки кадров, направленная на увеличение числа квалифицированных специалистов в сфере ИБ.

В условиях глобализации информационного пространства международно-правовое сотрудничество является важным элементом обеспечения информационной безопасности России [13].

Современные тренды в кибербезопасности и развитие технологий, таких как квантовые вычисления и искусственный интеллект, позволяют выделить два ключевых направления развития угроз, которые потребуют серьезного внимания и адаптации систем защиты:

1. Квантовые кибератаки: Развитие квантовых компьютеров представляет собой экзистенциальную угрозу для существующей криптографии.

Угроза компрометации современной криптографии: Большинство современных алгоритмов шифрования, таких как RSA и ECC, основаны на математических проблемах, которые классические компьютеры решают медленно. Квантовые компьютеры, благодаря своим уникальным возможностям, могут эффективно решать эти проблемы, делая существующие криптографические системы уязвимыми. По оценкам РКЦ (Российский

Квантовый Центр), к 2027 году квантовые компьютеры будут способны взламывать RSA-2048 за считанные минуты. Это означает, что вся зашифрованная информация, защищенная с помощью RSA-2048, может быть дешифрована злоумышленниками, обладающими квантовыми вычислительными мощностями [12].

Таблица 3. Сравнение международных инициатив России в сфере ИБ.

Критерий	Инициативы в рамках БРИКС	Инициативы в рамках ОДКБ
Основные цели	Создание альтернативных систем управления интернетом, снижение зависимости от западных технологий	Укрепление коллективной кибербезопасности, противодействие кибертерроризму и преступности
Ключевые проекты	- Альтернативная система DNS (2023) - Общие стандарты кибербезопасности - Совместные киберучения	- Единая система мониторинга угроз - Обмен оперативной информацией о кибератаках
Технологическая независимость	Развитие собственной интернет-инфраструктуры (альтернативные DNS-серверы)	Совместное использование технологий защиты критической инфраструктуры
Правовая гармонизация	Гармонизация законодательства в сфере ИБ между странами БРИКС	Согласование подходов к киберпреступности и кибертерроризму
Кибероборона и учения	Регулярные антитеррористические киберучения для отработки совместных действий	Координация действий при кибератаках на критическую инфраструктуру
Обмен информацией	Обмен данными о новых киберугрозах и методах защиты	Оперативный обмен разведанными о киберугрозах между спецслужбами
Противодействие западным санкциям	Снижение зависимости от ICANN и западных интернет-технологий	Защита от кибератак, которые могут быть связаны с геополитическими конфликтами
Участвующие страны	Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР (+ новые участники: ОАЭ, Иран и др.)	Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан

Риски долгосрочного хранения данных сегодняшняя информация, зашифрованная с помощью алгоритмов, уязвимых для квантовых компьютеров, может быть перехвачена и сохранена злоумышленниками. Со временем, когда квантовые технологии станут достаточно мощными, эти данные могут быть расшифрованы. Это создает серьезные риски для конфиденциальности и безопасности информации в долгосрочной перспективе.

2. Искусственный интеллект в новых видах кибератак.

Использование ИИ в киберпреступности становится все более опасным и стремительно развивается. Искусственный интеллект позволяет автоматизировать атаки, делать их масштабными, сложными и трудными для обнаружения.

Автономные бот-сети с адаптивным поведением в отличие от традиционных бот-сетей, которые управляются централизованно и используют простые алгоритмы, ИИ-боты способны самостоятельно адаптироваться к изменениям в сети и поведении пользователей. Они могут автоматически находить новые уязвимости, избегать обнаружения и проводить сложные атаки, например, DDoS, которые сложно остановить привычными методами.

Генерация персонализированных фейков в реальном времени ИИ также позволяет создавать очень реалистичные поддельные новости, видеоролики и аудиозаписи, которые практически невозможно отличить от настоящих. Такие фейки могут быть нацелены на конкретных людей или группы, что делает их особенно эффективными. Например, злоумышленники могут смонтировать видео с известным политиком, якобы делающим компрометирующее заявление, или подделать письмо от банка с просьбой раскрыть личные данные. Распространение таких материалов способно вызвать дезинформацию, панику и финансовые потери.

Основные меры для укрепления информационной безопасности, для реализации стратегических приоритетов необходимо принять ряд мер по совершенствованию государственной политики в области информационной безопасности.

Развитие квантовых коммуникаций необходимо вкладывать средства в исследования и разработки в области квантовых технологий для создания защищенных каналов связи, которые невозможно перехватить. Квантовые коммуникации особенно важны для передачи ключей шифрования и другой конфиденциальной информации. Создание отечественного аналога DNS важно разработать и внедрить независимую российскую систему доменных имен, которая обеспечит устойчивость российского сегмента интернета в случае внешних атак или отключения от глобальной сети. Это позволит пользователям в России сохранять доступ к нужным ресурсам даже при блокировках внешних DNS-серверов.

Создание собственной системы управления доменными именами, аналогичной ICANN, но под контролем стран БРИКС, поможет снизить зависимость от США и обеспечит равноправное управление интернетом для всех участников блока. Это позволит странам самостоятельно регулировать правила работы с доменными зонами на своей территории [13].

Единые стандарты кибербезопасности в ЕАЭС: Разработка и принятие общих стандартов кибербезопасности для стран Евразийского экономического союза позволит обеспечить совместимость защитных систем и

скоординировать действия в борьбе с киберугрозами. Это повысит общую устойчивость информационного пространства региона.

Реализация предложенной стратегии позволит достичь значительных результатов в области информационной безопасности и обеспечить устойчивое развитие страны в цифровой среде.

Ключевые показатели эффективности к 2030 году:

Снижение успешных кибератак на 75%: Снижение количества успешных кибератак на российские организации и граждан за счет повышения эффективности систем защиты и повышения цифровой грамотности населения.

Доля отечественного ПО в госсекторе - 95%: Увеличение доли отечественного программного обеспечения, используемого в государственных органах и учреждениях, до 95%. Это снизит зависимость от иностранных поставщиков и повысит безопасность информационных систем.

Снижение доверия к фейкам на 60%: Снижение уровня доверия граждан к фейковым новостям и дезинформации за счет повышения критического мышления и развития навыков проверки информации.

Повышение цифровой грамотности до 85%: Увеличение доли граждан, обладающих необходимыми знаниями и навыками для безопасного использования цифровых технологий, до 85%.

Проведенные данные позволяют констатировать, что современные информационные вызовы, характеризующиеся высокой динамикой, комплексностью и трансграничностью, требуют от России комплексного системного ответа, сочетающего технологические, правовые и организационные меры. Этот ответ должен быть не только реактивным, направленным на устранение последствий уже произошедших инцидентов, но и проактивным, предусматривающим прогнозирование и предупреждение новых угроз. Анализ динамики угроз за 2020-2024 гг. демонстрирует экспоненциальный рост сложности и масштабов воздействий на информационное пространство страны. Этот рост обусловлен не только увеличением количества кибератак, но и их усложнением, использованием новых технологий (таких как ИИ и машинное обучение) для обхода систем защиты, а также расширением спектра целей атак (от кражи данных до дезинформации и подрыва доверия к государственным институтам) [10].

Таблица 4. Эффективность мер и нерешенные проблемы в сфере информационной безопасности.

Мера	Результат	Дополнительная информация
Создание законодательной базы	Сокращение успешности кибератак на 32%	Новые законы повысили правовую определенность и ответственность за нарушения.

Система мониторинга фейков	Снижение воздействия дезинформации на 41%	Оперативное выявление и опровержение фейков в интернете и СМИ.
Импортозамещение ПО в госсекторе	Доля отечественного ПО достигла 68%	Реализация политики в соответствии с Постановлением Правительства РФ №1236.

Проблема	Текущее состояние	Последствия
Отставание в квантовых технологиях	Отставание на 5–7 лет от США, Китая и ЕС.	Риск уязвимости перед будущими квантовыми атаками.
Дефицит квалифицированных кадров	Потребность в 25 тыс. специалистов/год, вы- пук ниже спроса.	Нехватка кадров замедляет развитие киберзащиты.

Для эффективного регулирования сферы информационной безопасности необходимо усовершенствовать нормативно-правовую базу. В частности, стоит принять закон, обязывающий организации, использующие критически важное программное обеспечение, создавать резервные копии и обеспечивать возможность быстрого восстановления работы систем в случае сбоев или кибератак. Это значительно повысит устойчивость ключевых инфраструктур. Также важно ввести уголовную ответственность за создание и применение искусственного интеллекта, который может представлять угрозу безопасности граждан и государства, что будет способствовать развитию безопасных и этичных технологий. Не менее актуальным является ускорение процесса цифровизации законодательства, включая перевод нормативных документов в машиночитаемый формат, что повысит эффективность применения законов и снизит риски их неправильного толкования. Такой подход улучшит доступность правовой информации для всех участников рынка и упростит контроль за соблюдением нормативов.

В организационном плане необходимо создать Национальный центр киберзащиты, который станет координирующим органом для государственных структур и организаций в области кибербезопасности. Центр должен обеспечивать своевременный обмен информацией об угрозах, организовывать реакцию на инциденты и разрабатывать долгосрочные стратегии защиты. Важно, чтобы данный центр стал единой платформой для взаимодействия государства, бизнеса и научного сообщества, что позволит выстроить комплексную систему кибербезопасности. Кроме того, для стимулирования инноваций и поддержки отечественной IT-отрасли необходимо увеличить финансирование научно-исследовательских и

опытно-конструкторских работ в сфере информационной безопасности до уровня 1,8% от ВВП.

С технической стороны следует завершить переход государственных учреждений на отечественные операционные системы к 2026 году. Это позволит сократить зависимость от иностранных поставщиков и повысить уровень защиты информационных систем при условии обеспечения совместимости с существующим программным и аппаратным обеспечением. Также необходимо построить квантовую сеть связи в 15 регионах страны, обеспечив тем самым защищенную передачу данных. Развитие инфраструктуры квантовых коммуникаций и подготовка квалифицированных специалистов в этой области станут важными шагами для повышения безопасности передачи конфиденциальной информации, особенно в условиях, растущих киберугроз.

Создание надежной и устойчивой системы информационной безопасности требует постоянного обновления и адаптации к новым вызовам. Внедрение предложенных мер позволит России не только успешно противостоять современным угрозам, но и создать прочную основу на ближайшие годы. Это, в свою очередь, обеспечит технологический суверенитет, укрепит экономическую стабильность и повысит качество жизни граждан в условиях цифровой трансформации. Для достижения поставленных целей необходима тесная координация усилий государства, бизнеса и общества, а также активное международное сотрудничество, включающее обмен опытом и технологиями. Кроме того, важно развивать образовательные программы в сфере кибербезопасности для подготовки квалифицированных специалистов, способных эффективно противостоять новым угрозам.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.
2. Указ Президента РФ от 02.12.2021 № 400 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.12.2021. № 49 (Ч. 2). Ст. 7351.
3. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» // «Собрание законодательства РФ», 06.05.2019. № 18. Ст. 2217.
4. Отчет Федеральной службы безопасности РФ «Анализ киберугроз национальной безопасности Российской Федерации в 2024 году».
5. Российская академия наук. Институт проблем информационной безопасности. «Цифровой суверенитет: теория и практика» / Под ред. Смирнова А.А. – М.: Изд-во РАН, 2023. 254 с.
6. Group-IB. «Глобальные тренды киберпреступности: фокус на РФ. 2024» – Сингапур: Group-IB, 2024. 89 с. // URL: <https://www.group-ib.ru>
7. Павленко С.В. «Кибербезопасность в эпоху цифровых войн: угрозы и стратегии противодействия» – М.: Издательство «Юрайт», 2022. 318 с.
8. «Информационное право»: научно-практический журнал. 2024. – М.: Изд-во «Юрист», 2024. № 3. 150 с.
9. MITRE Corporation. «Emerging Cyber Threats 2024: Trends and Forecasts» – USA: MITRE,

2024. 76 p. // URL: <https://www.mitre.org>.
10. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Факультет журналистики. «Медиапотребление и распространение дезинформации в РФ: 2024» / Науч. ред. Иванова К.П. – М.: Изд-во МГУ, 2024. 98 с.
11. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017.
12. Российский квантовый центр. «Квантовые технологии и информационная безопасность: вызовы 2024» – М.: РКЦ, 2024. 64 с. // URL: <https://rqc.ru>
13. «Национальная безопасность»: научный журнал. 2024. – М.: Изд-во «Экономика и безопасность», 2024. № 1. 112 с.
14. ВЦИОМ. Фейковые новости в интернете: восприятие и отношение россиян. – Москва. 2024.
15. Алексеев П.П. Информационная безопасность России в условиях цифровой трансформации: вызовы и перспективы. 2022.
16. Национальный проект: «Экономика данных и цифровая трансформация государства». 2022.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 “On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation” // “Collected Legislation of the Russian Federation”, 12.12.2016. № 50. Art. 7074.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 02.12.2021 No. 400 “On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation” // “Collected Legislation of the Russian Federation”, 06.12.2021. № 49 (Part 2). Art. 7351.
3. Federal Law of 01.05.2019 No. 90-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Communications” and the Federal Law “On Information, Information Technology and Information Protection”” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 06.05.2019. № 18. Art. 2217.
4. Report of the Federal Security Service of the Russian Federation “Analysis of Cyber Threats to National Security of the Russian Federation in 2024”.
5. Russian Academy of Sciences. Institute of Information Security Problems. “Digital Sovereignty: Theory and Practice” / Ed. Smirnov A.A. – M.: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2023. 254 p.
6. Group-IB. “Global Cybercrime Trends: Focus on the Russian Federation. 2024” - Singapore: Group-IB, 2024. 89 p. // URL: <https://www.group-ib.ru>
7. Pavlenko S.V. “Cybersecurity in the era of digital wars: threats and counteraction strategies” – M.: Publishing house “Yurait”, 2022. 318 p.
8. “Information law”: scientific and practical journal. 2024. – M.: Publishing house “Yurist”, 2024. № 3. 150 p.
9. MITRE Corporation. “Emerging Cyber Threats 2024: Trends and Forecasts” – USA: MITRE, 2024. 76 p. // URL: <https://www.mitre.org>.
10. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Faculty of Journalism. “Media consumption and dissemination of disinformation in the Russian Federation: 2024” / Scientific. ed. Ivanova K.P. - M.: Moscow State University Publishing House, 2024. 98 p.
11. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 15.05.2017.
12. Russian Quantum Center. “Quantum Technologies and Information Security: Challenges of 2024” – M.: RQC, 2024. 64 p. // URL: <https://rqc.ru>
13. “National Security”: scientific journal. 2024. – M.: Publishing House “Economy and Security”, 2024. № 1. 112 p.
14. VTsIOM. Fake News on the Internet: Perception and Attitude of Russians. – Moscow. 2024.
15. Alekseev P.P. Information security of Russia in the context of digital transformation: challenges and prospects. 2022.
16. National project: “Data economy and digital transformation of the state”. 2022.

Дармилова Э.Н.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Сидаков А.М.

Кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Институт деловой карьеры, филиал в Карачаево-Черкесской республике.

Урчукова С.Р.

Кандидат политических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента. Институт деловой карьеры, филиал в Карачаево-Черкесской республике.

Влияние информационных технологий на взаимодействие политических партий и общественных организаций с социальными группами в регулировании социальных процессов в современном обществе*

Аннотация. Технологии обмена данными, применяемые в сотрудничестве между политическими партиями, общественными организациями и представителями различных слоев российской действительности, оказывают воздействие на общественные изменения в данном сообществе. В процессе цифрового преобразования общества возникают существенные перспективы управления социальными процессами благодаря современным информационным технологиям. Кроме того, развитие современных технологий породило уникальные формы удаленного общения между людьми, ранее неизвестные и непознанные, способные объединять индивидов по всему миру и существенно расширять число и разнообразие вовлеченных в такие процессы.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационное пространство, информационное общество, политические партии, социальные группы, социальные процессы.

Darmilova E.N.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities North Caucasus State Academy.

* © Дармилова Э.Н., Сидаков А.М., Урчукова С.Р., 2025.

Влияние информационных технологий на взаимодействие политических партий и общественных организаций с социальными группами в регулировании социальных процессов в современном обществе

Sidakov A.M.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines Institute of Business Career, branch office in the Karachay-Cherkess Republic.

Urchukova S.R.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Economics and Management Department Institute of Business Career, branch office in the Karachay-Cherkess Republic.

The influence of information technology on the interaction of political parties and public organizations with social groups in regulating social processes in modern society

Abstract. Data exchange technologies used in cooperation between political parties, public organizations and representatives of various strata of the Russian reality have an impact on social changes in this community. In the process of digital transformation of society, significant prospects for managing social processes arise due to modern information technologies. In addition, the development of modern technologies has given rise to unique forms of remote communication between people, previously unknown and unknown, capable of uniting individuals around the world and significantly expanding the number and diversity of those involved in such processes.

Key words: information and communication technologies, information space, information society, political parties, social groups, social processes.

Влияние нового уровня коммуникаций, основанного на интернете, на современные социальные процессы неоднозначно. С одной стороны, широкая доступность и распространение информационных и коммуникационных технологий создают предпосылки для самоорганизации граждан и поощряют развитие общественных инициатив. Однако, с другой стороны, открытость информации, высокая степень взаимодействия и отсутствие, предположительно, жесткого контроля могут обернуться негативными результатами, если их используют для организации нелегальных предвыборных кампаний или распространения экстремистских взглядов. Такая двойственность проявляется в возможности управления социальными процессами с участием политических партий, общественных организаций и различных социальных групп. Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы сформулированы основные принципы развития в России информационного общества: обеспечение прав граждан на доступ к информации; обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с ин-

формацией; сохранение традиционных форм получения товаров и услуг; приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий; обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях; обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере [1, с. 112].

Стратегическая задача государственного управления в информационной сфере – формирование информационного пространства знаний, основанного на знаниях, получаемых на основе информации, обладающей параметрами комплексного качества (объективность, достоверность, полнота, доступность, ценность, безопасность) [2, с. 53]. Единое информационное пространство складывается из следующих главных компонентов: во-первых, информационные ресурсы, содержащие данные, сведения и знания, зафиксированные на соответствующих носителях информации; во-вторых, организационные структуры, обеспечивающие функционирование и развитие единого информационного пространства, в частности, сбор, обработку, хранение, распространение, поиск и передачу информации; в-третьих, средства информационного взаимодействия граждан и организаций, обеспечивающие им доступ к информационным ресурсам на основе соответствующих информационных технологий, включающие программно-технические средства и организационно-нормативные документы; в - четвертых, стандарты и нормы, регламентирующие порядок создания, обработки, обмена информационными ресурсами. Эффективное взаимодействие между институтами власти и обществом – сложная задача, требующая комплексного подхода, основой которого является прозрачность и доступность информации для всех социальных групп. Без широкой информированности и развития информационной грамотности невозможно построить доверительные отношения между населением и государством. Среди различных медиа-каналов интернет и телевидение занимают лидирующие позиции, формируя общественное мнение и определяя информационный поток. Их влияние огромно, охватывая широкие слои населения, от молодежи до людей старшего поколения. Печатные СМИ - газеты, журналы, уступают по популярности электронным медиа, но при этом продолжают играть немаловажную роль, особенно в регионах с ограниченным доступом к интернету и телевидению. Они предлагают более глубокий анализ событий и часто ориентированы на специфическую аудиторию. Однако их влияние уменьшается из-за ускоренного развития цифровых технологий. Конечно, играет существенную роль и неформальный обмен информацией через личные связи, влияя на формирование мнение граждан особенно по вопросам местного значения. Наименее

распространенным, но потенциально наиболее эффективным каналом взаимодействия остается прямое взаимодействие между политическими партиями, общественными организациями и населением. Необходимо расширять и развивать каналы прямого диалога, используя при этом современные информационные технологии, чтобы сделать их более доступными и эффективными. Использование знания рассматривается как усиление способности общества к практическому действию, как источник инноваций. Важнейшими составляющими общества знаний являются «нанотехнологии, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии» [3, с. 92]. Внедрение персонального компьютера в информационную сферу и применение телекоммуникационных средств связи определили новый этап развития информационной технологии, базирующейся на определенных основных принципах: интерактивном (диалоговом) режиме работы с компьютером; интегрированности с другими программными продуктами; гибкости процесса изменения данных и постановок задач. В качестве инструментария информационной технологии используются такие распространенные виды программных продуктов, как: текстовые процессоры, издательские системы, электронные таблицы, системы управления базами данных, электронные календари, информационные системы функционального назначения.

Рассматривая процесс развития рынка информационных продуктов и услуг в России, определим его важнейшие элементы, связанные с обслуживанием и использованием новейшей информационной техники, современными компьютерами, обновленной компьютерной сетью и соответствующих им способов переработки данных; нормативным и законодательным сопровождением высокоразвитых отношений на рынке информационных услуг; введением в действие информационно-навигационных средств и структур, которые делают возможным установление необходимых сведений; координацией, на государственном уровне, взаимной связи изготовителей и носителей информационных продуктов. Выделяются бюджетные инвестиции как из федерального бюджета, так и бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, в определенные государством и обществом основные направления формирования и совершенствования информационных и коммуникационных технологий. Организованы национальные технологические платформы онлайн-образования, онлайн-медицины, единая инфраструктура электронного правительства, Национальная электронная библиотека. В нашей стране современной тенденцией является реконструкция сетей наземного эфирного пространства путем перехода на цифровые технологии, которые предоставят населению возможность получать многопрограммное вещание высокого качества и окажут значительное влияние на формирование рынков средств массовой информации, взаимодействие и создание российского мульти - медийно-

го и радиооборудования, образование и продвижение инфраструктуры производственно-внедренческих, сбытовых и сервисных организаций, совершенствование малого и среднего предпринимательства и расширение конкуренции в этой сфере [4, с. 25].

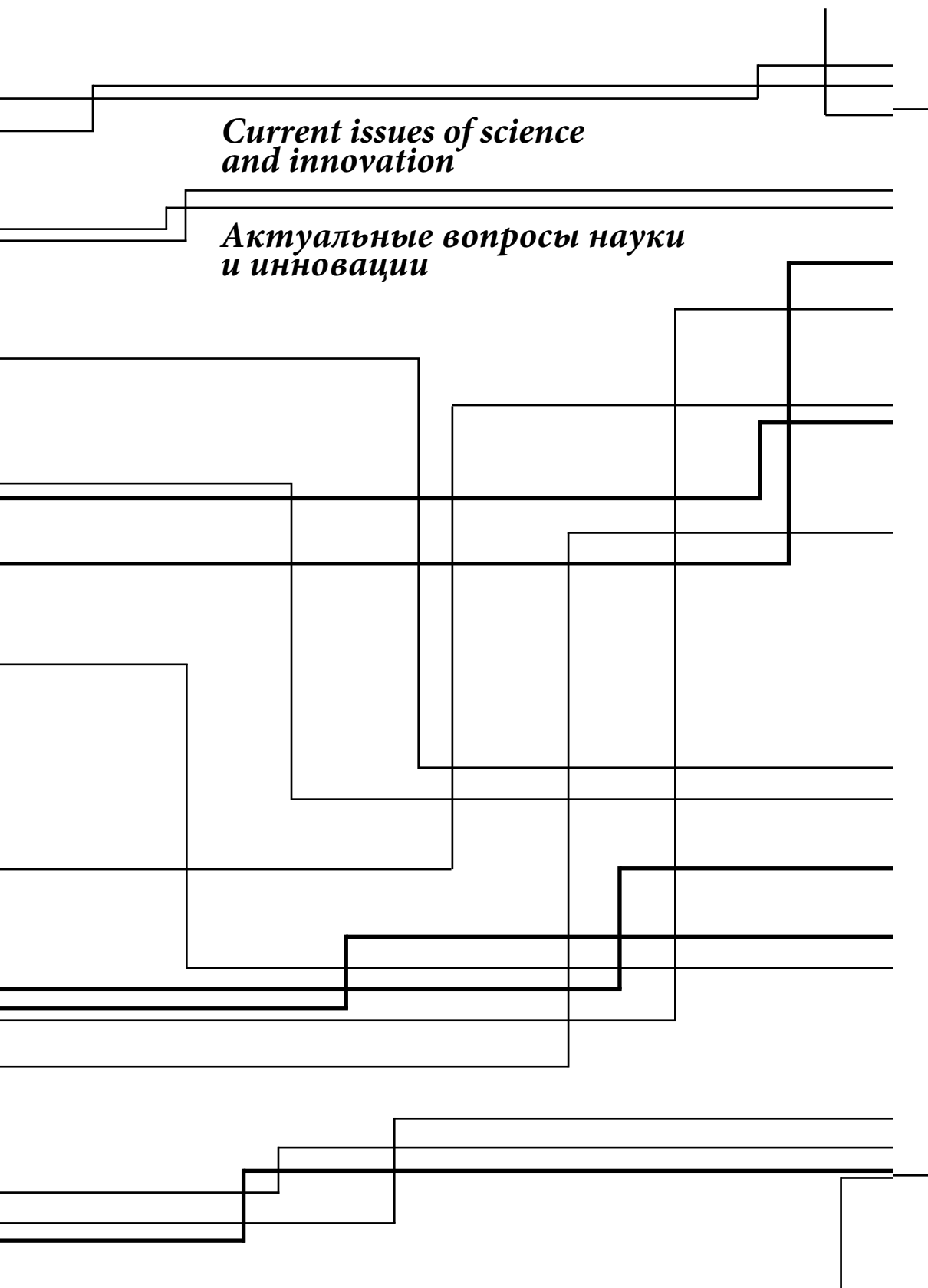
Из многообразия социальных процессов, в формировании и регулировании которых принимают или могут принимать участие политические партии и общественные движения, исследователи выделяют: кооперацию, представляющую собой совместную деятельность на основе общих целей и согласованных действий, установленных предписаний, которая определяет социально-институциональные правила функционирования политических партий и общественных движений; конкуренцию – соперничество на разных уровнях, от межличностного до межгруппового и на уровне общества, борьба за то, чтобы иметь в своем распоряжении необходимые ресурсы и ценности, запасы которых всегда бывают ограничены и никогда поровну не распределяются (это финансы, статусы в обществе, отношение к власти), с определением правил и кодексов социального поведения групп и индивидов, формирующих и возглавляющих политические партии и общественные движения, при этом необходимо отметить, что конкуренция может перейти в конфликт, означающий столкновение противоположных интересов как больших групп, так и индивидов внутри них; приспособление, индивид или группа согласны принять и принимают культурные нормы, ценности и образцы действий в условиях новой среды, и это формирует тип поведения в новых условиях, выполнение институциональных функций на разных уровнях по установленным правилам даже в случае изменившейся среды, а также изменение самих правил в соответствии с новыми условиями; компромисс – возможное развитие и способ окончания конфликта, когда группа или ее представители принимают новые условия и при этом полностью или частично принимают новые цели и способы их достижения [5, с. 131]. Компромисс и приспособление могут служить этапами завершения конфликтной ситуации, когда одна из сторон обладает преимуществом, или когда обе стороны достигают временного консенсуса. Для эффективной организации социальных взаимодействий и процессов важно сформировать у индивидов, представляющих различные социальные группы, определенные модели поведения. Социальное взаимодействие может трансформироваться из хаотичных действий различных общественных групп в упорядоченные стратегии, приводящие к формированию структурированных социальных процессов. Развитие информационных и коммуникационных технологий играет здесь ключевую роль, определяя возможности государства и граждан в получении новых технологических преимуществ, обработки и использования информации, а также доступа к ней.

Библиографический список

1. Борлакова М.А., Борлакова Ф.А., Карабашева Х.И., Узденова А.А. Развитие информационного пространства знаний в современных условиях // *Власть истории и история власти*. 2023. № 5 (47). С. 112-120.
2. Алексеева М.В. Особенности информационного пространства знаний как объекта государственного управления в информационной сфере // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2018. № 1. С. 50-55.
3. Черникова И.В., Карташова А.А. Формирование новой образовательной парадигмы в связи с переходом от информационного общества к обществу знаний // *Вест. Том. гос. ун-та*. 2014. № 389. С. 92-97.
4. Узденова Б.Х., Чотчаева З.Т., Бетуганов М.М., Шоров А.А. Развитие российских информационных и коммуникационных технологий в современных условиях // *Альманах «Крым». Экономика и инновации*. 2023. № 5 (39). С. 23-28.
5. Сеидов Ш.Г., Найденова Л.И., Абдусаламова М.Ш. Новые информационные технологии – средство воздействия на социальные процессы в современном российском обществе // *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки*. 2018. № 3 (47). С. 128-132.

References

1. Borlakova M.A., Borlakova F.A., Karabasheva H.I., Uzdenova A.A. Development of the information space of knowledge in modern conditions // *"The Power of History and the History of Power"*. 2023. № 5 (47). P. 112-120.
2. Alekseeva M.V. Features of the information space of knowledge as an object of public administration in the information sphere // *North Caucasian Legal Bulletin*. 2018. № 1. P. 50-55.
3. Chernikova I.V., Kartashova A.A. Formation of a new educational paradigm in connection with the transition from the information society to the knowledge society // *Vest. Tom. state. ut-ta*. 2014. № 389. P. 92-97.
4. Uzdenova B.Kh., Chotchaeva Z.T., Betuganov M.M., Shorov A.A. Development of Russian information and communication technologies in modern conditions // *Almanac "Crimea". Economy and innovation*. 2023. № 5 (39). P. 23-28.
5. Seidov Sh.G., Naidenova L.I., Abdusalamova M.Sh. New information technologies - a means of influencing social processes in modern Russian society // *News of universities. Volga region. Social sciences*. 2018. № 3 (47). P. 128-132.

*Current issues of science
and innovation*

*Актуальные вопросы науки
и инновации*

Кравченко В.И.

Доктор философских наук, профессор, научный руководитель. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Банокин Д.Д.

Магистр. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Социальная реклама как инструмент решения проблемы наркомании среди молодёжи*

Аннотация. В статье описывается социальная реклама как явления, рассматриваются её отличия от коммерческой рекламы, основные функции и степень влияния на российское общество. Социальная реклама рассматривается с точки зрения её роли в борьбе с проблемой наркозависимости, анализируются её недостатки и предоставляются варианты их решения. Также в статье рассматривается наркозависимость населения как одна из основных социальных проблем, на которых сконцентрирована российская социальная реклама.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, общество, социальные проблемы, наркозависимость, социальные факторы, формат рекламы, молодёжь.

Kravchenko V.I.

Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Banokin D.D.

Master. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Social advertising as a tool for solving the problem of drug addiction among young people

Abstract. The article describes social advertising as a phenomenon, examines its differences from commercial advertising, its main functions and the degree of influence on Russian society. Social advertising is considered from the point of view of its role in the fight against the problem of drug addiction, its shortcomings are analyzed and options for solving them are provided. The article

* © Кравченко В.И., Банокин Д.Д., 2025.

Социальная реклама как инструмент решения проблемы наркомании среди молодёжи

also examines drug addiction of the population as one of the main social problems on which Russian social advertising is focused.

Key words: advertising, social advertising, society, social problems, drug addiction, social factors, advertising format youth.

Введение

Реклама в бытовом представлении воспринимается как индустрия, которая должна заставить потребителей «купить-сделать-передумать», и подобное представление небезосновательно. Общеизвестным является тот факт, что рекламная деятельность – это исключительно коммерческий процесс, в котором продавец товаров/услуг обращается к рекламной индустрии для повышения уровня осведомлённости потенциальных покупателей о его продукции и побуждении её к приобретению той или иной продукции. По этой причине потребители относятся к рекламе предвзято, иногда даже негативно, потому что потребители не ждут от рекламы правды, т.к. с точки зрения бытового восприятия реклама – это некий легальный обман, целью которого является получение денежных средств зрителей рекламы путём продажи им тех или иных товаров и/или услуг. Разумеется, даже коммерческая реклама обладает рядом социальных функций – образовательно-познавательной, информационной, культурной и т.д. Однако конечной целью коммерческой рекламы всё равно выступает продвижение товаров и услуг, что во многом нивелирует побочные социальные эффекты рекламы в глазах потребителей.

Социальная реклама же стремится к абсолютно иной цели. При сохранении привычных визуальных, стилистических элементов и приёмов коммерческой рекламы, социальная реклама отличается от коммерческой в первую очередь тем, что она не стремится продать товар или услугу третьего лица, чтобы заработать денег на рекламном контракте. Если описывать роль социальной рекламы обобщённо, то она призвана обращать внимание людей на актуальные проблемы общества и помогать обществу, государству и различным организациям в их решении [1]. Социальная реклама должна: оповещать население о важных общественных проблемах, предлагать варианты решения проблемы и побуждать население к действиям, способствующим решению, а также демонстрировать населению заинтересованность государства и общественности в тех или иных актуальных для общества проблемах [2]. В рамках данной работы будут рассмотрены роль, недостатки и возможные варианты решения социальной рекламы в аспекте борьбы с наркозависимостью населения в России.

Содержание

Одной из важнейших социальных проблем современной России, на которой сконцентрирована социальная реклама, является наркомания. Обсуждение важности любой социальной проблемы следует начинать с её масштабов. Очевидно, что посчитать точное число наркозависимых в России не представляется возможным, подсчёт осложняется как трудностью сбора данных (например, в небольших региональных городах и отдалённых населённых пунктах), так и спецификой распространения наркотических средств среди населения, т.к. наркотики, в отличие от, например, алкоголя, продаются всегда незаконно и посчитать килограммы проданных наркотиков, как литры проданного алкоголя на душу населения возможно только приблизительно, к тому же люди, употребляющие и продающие наркотики, предпочитают не распространяться об запрещённых веществах из-за опасения уголовного преследования и общественного осуждения. Все эти аспекты дают нам понимание, что официальная статистика по наркомании среди Россиян вероятно будет ниже реального количества наркозависимых, тем не менее в России официально состоят на учёте в качестве наркозависимых 600 тыс. человек на 2021-й год [3]. Комиссия по наркополитике стран Восточной и Центральной Европы и Центральной Азии утверждает, что в России 1.8 миллиона человек употребляют инъекционные наркотики [4]. Следовательно, можно предположить, что число наркозависимых в России варьируется от полумиллиона до нескольких миллионов человек. Наилучшим образом проблему наркозависимости россиян демонстрирует опрос ВЦИОМ «Наркотическая зависимость: мониторинг», который показал, что в 2024 году 11% россиян имеют в своём окружении людей, употребляющих наркотики [5]. Таким образом, можно сделать вывод, что минимум одна десятая часть населения страны связана с наркотиками, а вероятно даже больше, ведь в данных опроса не указано, сколько знакомых у каждого отдельно взятого человека употребляет наркотики. Причины, породившие наркозависимость, могут быть обнаружены в самых разных сферах человеческой деятельности. В социально-экономической сфере, это низкий уровень заработной платы, плохие жилищные условия, отсутствие перспектив и плохая социальная обстановка во многих Российских городах негативно сказываются на моральном здоровье населения. Из-за чего люди часто обращаются к наркотическим средствам, которые могут за сравнительно небольшие деньги предоставить человеку тот спектр положительных эмоций, которые человек с низким социально-экономическим положением не переживает в обычной жизни.

Психологические факторы: ни для кого не секрет, что россияне часто сталкиваются с различными психологическими проблемами, такими как тревожность и депрессия. Причины, по которым россияне сталкиваются

с подобными проблемами, бывают разные. На это влияют и негативные социально-экономические факторы, о которых было сказано ранее, и проблемы многих россиян в семьях, а именно – бытовое насилие, алкоголизм членов семьи, большое число разводов, низкое благосостояние семей и т.д. Также негативное на психологическом здоровье россиян сказывается непредсказуемая политическая обстановка в России [6]. Всё это негативно сказывается на психическом здоровье россиян, что в свою очередь влечёт увеличение числа наркозависимых, которые с помощью наркотиков пытаются справиться с психическим расстройством.

Культурный аспект: несмотря на то, что всем ещё с раннего детства известно, что наркотики представляют из себя опасные для жизни и здоровья вещества, они часто романтизируются в рамках определённых субкультур или в отдельно взятых культурных элементах. Так, например, представители рэп-индустрии в своём творчестве часто открыто декларирует то, что они употребляют наркотические средства. К тому же данная информация подаётся слушателю таким образом, что данный факт выглядит скорее ре-

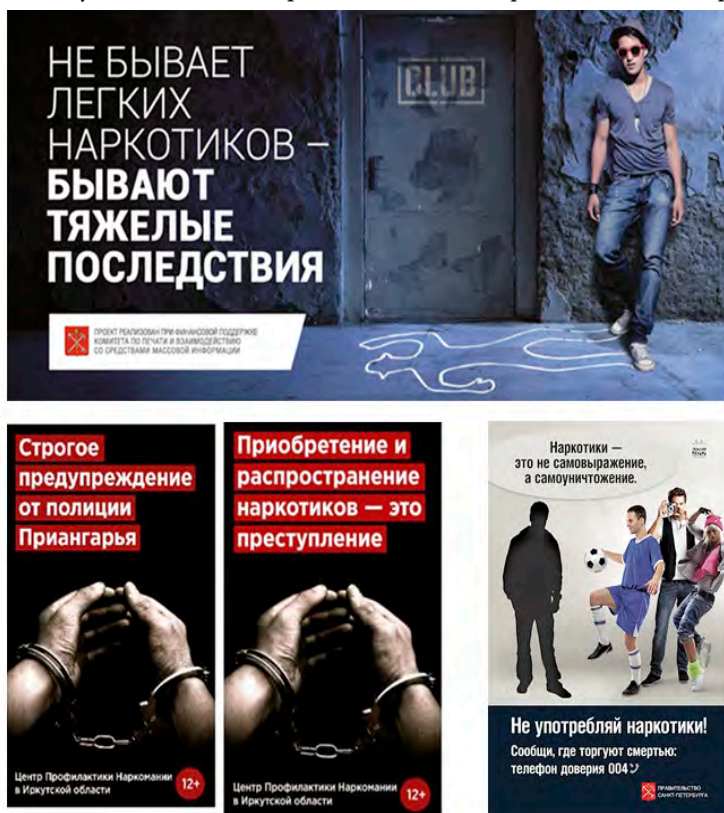

Рисунок 1. Примеры рекламы, призывающей отказаться от наркотиков.

спектабельно и местами даже престижно, нежели стыдно и непристойно. Также подобное можно наблюдать в киноиндустрии, как в отечественной, так и в зарубежной. Даже в тех ситуациях, когда в фильмах демонстрируется печальная судьба наркоманов, образы героев таких фильмов часто романтизируются в сознании зрителей и они начинают проявлять к героям сочувствие, а посыл о вреде наркотиков остаётся незамеченным. Таким образом у многих людей ещё в юном возрасте случается культурный диссонанс: с одной стороны дома, в школе, на плакатах различных стендов строго говорят о вреде наркотиков и о том, как они ломают судьбы людей, а с другой стороны индустрия развлечений показывает людям, что наркотики вполне можно употреблять, оставаясь при этом здоровой частью общества. Нет ничего удивительного в том, что подростки активнее верят симпатичной картинке, изображаемой на экранах смартфонов, нежели строгим родителям и учителям.

Далее стоит рассмотреть социальную рекламу в аспекте борьбы с наркоманией среди российского населения. Необходимо рассмотреть основные особенности, проблемы и дать рекомендации, которые могли бы улучшить действие социальной рекламы на сознание россиян.

На рисунке 1 представлены 3 примера рекламы, которые, по мнению автора, наилучшим образом отражают суть современной российской социальной рекламы в сфере борьбы с наркотиками.

Первая проблема социальной рекламы против употребления наркотиков – это формат. Пожалуй, на сегодняшний день очевиден тот факт, что главным источником информации всех видов для молодёжи является интернет. Если говорить более конкретно, то сегодня молодёжь получает полезную информацию, потребляет развлекательный контент и приобретает тот или иной жизненный опыт преимущественно посредством интернета. Сложно представить современного подростка без смартфона. Необходимо обратить внимание на формат современной социальной рекламы: это баннеры, постеры, плакаты и многие другие виды традиционной рекламы, но не реклама на электронных носителях. В данном контексте основной проблемой является то, что представитель современной молодёжи просто не обратит внимания на эту рекламу, потому что он либо привык игнорировать баннеры, которые размещены повсеместно, либо он просто не увидит их, потому что будет увлечён собственным смартфоном.

Решение можно предложить следующее: социальная реклама должна сменить формат наружной рекламы на интернет-рекламу, но не на те же самые баннеры и плакаты, только в электронном виде, а в актуальный формат распространения информации. Социальная реклама должна существовать в лентах популярных социальных сетей. В идеале это должен быть видеоформат, так называемые «короткие видео». Это должна быть реклама, которая с помощью визуальных образов, быстрой подачи и по-

нятного современной молодёжи языка рассказывает о проблеме наркотиков. В идеале эта реклама не должна выглядеть как типичная реклама. Современная молодёжь любит смотреть харизматичных блогеров с оригинальной подачей и интересными темами. Таким образом, главное, что нужно сделать: перенести социальную рекламу в наиболее актуальный видеоформат, «замаскировать» рекламу под органический контент, чтобы она не раздражала зрителя и осуществлять подачу информации привычным для молодёжи образом, через известных блогеров, или через создание собственных. Интернет-аудитория подвержена влиянию коротких видео, т.к. зачастую информация в них подаётся в безапелляционной форме, как истина, не требующая доказательств, а поскольку формат современных видео в интернете часто сводится к вертикальным видео продолжительностью не более минуты, то пользователю некогда и незачем разбираться в правдивости услышанной информации, по этой причине рекламу против наркотиков можно упростить до подачи элементарной информации о вреде наркотических средств, которые благодаря постоянному повторяющемуся появлению в ленте пользователей будут «закладывать» в сознание аудитории правильные мысли, идеи и модели поведения, которые могут помочь в борьбе с употреблением наркотиков.

Следует заметить, что помимо вопроса формата социальной рекламы против наркотиков, не менее важным является сегодня и само содержание такой социальной рекламы, так как оба вопроса находятся в одной парадигме. Социальная реклама против наркотиков всегда концентрируется на каких-то негативных последствиях: смерть, тюремное заключение, социальное отчуждение и т.д. Однако такая реклама полностью игнорирует причины, по которым люди стали наркоманами. Наркоман или тот, кто ещё только пробует наркотики и так отлично знает о вреде наркотиков, нет смысла ему об этом напоминать, такая реклама не вызывает отклика у зрителей, потому что не говорит о проблемах людей, связанных с причинами, по которым люди начинают употреблять наркотические средства. У кого-то проблемы в семье, кто-то одинок и пытается скрасить своё одиночество запрещёнными веществами, а кто-то не видит перспектив в своей жизни из-за бедности и отсутствия перспектив. Социальная реклама не предлагает пути решения таких проблем, не говорит, например, как справиться с одиночеством без помощи наркотиков, она говорит лишь о последствиях. Люди начинают употреблять наркотики не потому, что хотят изолироваться от хорошей жизни, а потому что хотят сбежать от плохой, для них наркотическое опьянение – это способ решить жизненные проблемы, тревог и переживаний.

Современная социальная реклама должна говорить об этом, она (реклама) должна уметь предложить людям, употребляющим наркотики, другой способ улучшить свою жизнь. Ошибочно будет полагать, что

людям, которые начали употреблять наркотики, были известны все альтернативные варианты справиться с жизненными проблемами. Пример: социальная реклама часто изображает счастливую жизнь без наркотиков с помощью людей, которые занимаются спортом. Действительно, спорт – это отличный способ для укрепления физического и морального здоровья человека, однако социальная реклама не предлагает конкретные места для занятий спортом, не рассказывает о возможностях, преимуществах и перспективах, она просто говорит: «Бросай наркотики, занимайся спортом!». Однако важно не только призывать людей к занятию спортом, но и давать конкретные решения: описывать места, где можно заняться спортом, рассказывать о конкретных видах спорта и т.д. В качестве альтернативы наркотикам, предлагаемой социальной рекламой обязан быть не только спорт. Здесь социальная реклама должна брать пример у коммерческой рекламы, ведь она также говорит зрителю: «У вас есть проблема!», однако затем сразу же следует: «У нас для вас есть решение!». Если социальная реклама против наркотиков будет делать акцент на причинах, почему люди начали употреблять наркотики, на проблемах, которые испытывают наркозависимые, и будет предлагать решения, а не просто транслировать зрителям информацию о последствиях, то эффективность рекламы вероятно повысится.

Если обратить внимание на общее настроение рекламных сообщений из рисунка №1, то будет заметна характерная черта современной российской социальной рекламы – концентрация на негативе, о чём было сказано в части, посвящённой проблеме содержания социальной рекламы. Также ранее было сказано о высоком уровне тревожности россиян, наивно будет полагать, что реклама, которая говорит зрителю о смерти, тюремном заключении и социальное отчуждении, вызовет у зрителя позитивные эмоции, особенно, если зритель такой рекламы стал наркозависимым из-за негативных факторов, окружающих его в повседневной жизни. Посыл социальной рекламы против наркотиков – это третья проблема, которую следует проанализировать. Социальная реклама против наркотиков всегда говорит зрителю, что его ждут те, или иные негативные последствия. Для осознания абсурдности использования такого посыла важно понимать один немаловажный аспект. Человек, который для решения тех или иных жизненных проблем, обратился к наркотикам вряд ли испугается смерти или тюрьмы. Это связано с теми причинами, которые привели его к употреблению наркотиков, то есть жизнь такого человека представляет настолько тяжёлой, что лучшего выхода, кроме наркотиков, ему не видится. Он и так считает, что его жизнь идёт по наихудшему сценарию, поэтому тюрьмой и смерть, которыми социальная реклама наиболее часто пугает зрителей, впечатлить зрителей будет тяжело, для наркозависимых это просто другой вариант худшего жиз-

ненного сценария, а не наихудший. Людей, которые употребляют наркотики, но ещё не являются наркоманами, или тех, кто употребляет нерегулярно, такой посыл, как тюрьма и смерть тоже не испугают, потому что им это кажется чем-то нереальным, в следствии того, что они зачастую не осознают серьёзность и реалистичность последствий. Таким образом, негативный посыл не имеет смысла, так как наркомана он не напугает, а человека, который только хочет попробовать наркотики, он не убедит, т.к. звучит нереалистично и нарочито зловеще.

Решение данной проблемы кроется в содержании рекламы. Насколько важно предлагать альтернативы наркотическому образу жизни, настолько же важно это делать в комфортной для восприятия тональности. Реклама должна сконцентрироваться на положительной стороне жизни без наркотиков, а не на негативных последствиях употребления. Зритель привык к тому, что ему показывают людей, которых наркозависимость привела к тюрьме, или маргинальному образу жизни, но она редко показывает наркозависимых, которым помогли найти своё место в жизни, помогли найти занятие, которое дало им мотивацию оставаться трезвыми, предложили способы решения проблемы, которые делают трезвую жизнь для наркозависимого ничем не хуже, чем жизнь в зависимости. Не стоит морально давить на людей, которых жизненные трудности привели к наркозависимости, фразами, содержащими предостережение о смерти и тюремном заключении. Наркозависимые нуждаются в помощи и поддержке, а не в устрашении и осуждении.

Важно также заметить, что «стигматизация» наркоманов, является существенной проблемой нашего общества. Наркоманы – люди, попавшие в беду, бояться обращаться за помощью в борьбе со своей зависимостью, потому что опасаются осуждения и социальная реклама должна, по мнению авторов, в первую очередь помочь наркозависимым находить пути решения проблем, которые привели человека к употреблению наркотиков, предлагать свои варианты решения. Реклама должна быть помощником, а не носителем визуальной формы общественного порицания.

В заключении, в формате тезиса, хотелось бы конкретизировать задачи социальной рекламы сегодняшнего образца.

1. Социальная реклама должна перейти в современный, наиболее актуальный формат, через который она сможет вести диалог со своими зрителями.

2. Необходимо предлагать конкретные решения, идеи, которые могли бы помочь наркозависимым справиться со своими проблемами.

3. Исключить в своих сообщениях негатив и осуждение в сторону наркозависимых, потому что, как показывает опыт коммерческой рекламы, чтобы продать какую-то идею лучше воздействовать на потребителя через положительные эмоции и ощущения, а не вызывать у зрителя отторжения.

4. На наш взгляд, предложенные рекомендации - советы могли бы улучшить воздействие социальной рекламы на свою целевую аудиторию, что, безусловно, повысило бы привлекательность такой рекламы и помогло бы многим людям найти способы решения проблемы наркозависимости.

Библиографический список

1. Пейсахова Д.Э. Функции социальной рекламы в обществе. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-sotsialnoy-reklamy-v-obschestve/viewer> (Дата обращения: 15.04.2025)
2. Функции социальной рекламы. // URL: <http://sociama.ru/stati/funktsii-sotsialnoj-reklamy/> (Дата обращения: 12.04.2025).
3. Число наркозависимых в России. // URL: <https://ria.ru/20210524/alkogol-1733584648.html> (Дата обращения: 11.04.2025).
4. Число наркозависим от инъекционных наркотических средств. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5087759?nw=1637561936000> (Дата обращения: 10.04.2025).
5. Опрос ВЦИОМ о количестве наркозависимых среди окружения. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkoticheskaja-zavisimost-monitoring-2> (Дата обращения: 09.04.2025).
6. Опрос ФОМ о настроениях Россиян. // URL: <https://rg.ru/2010/12/21/nark-anons.html> (Дата обращения: 08.04.2025).

References

1. Peysakhova D.E. Functions of social advertising in society. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-sotsialnoy-reklamy-v-obschestve/viewer> (15.04.2025)
2. Functions of social advertising. // URL: <http://sociama.ru/stati/funktsii-sotsialnoj-reklamy/> (12.04.2025).
3. The number of drug addicts in Russia. // URL: <https://ria.ru/20210524/alkogol-1733584648.html> (11.04.2025).
4. The number of drug addicts from injection drugs. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5087759?nw=1637561936000> (10.04.2025).
5. VTsIOM survey on the number of drug addicts among the environment. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkoticheskaja-zavisimost-monitoring-2> (09.04.2025).
6. FOM survey on the mood of Russians. // URL: <https://rg.ru/2010/12/21/nark-anons.html> (08.04.2025).

Упоров И.В.

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Теория естественного права: основные этапы развития и особенности отечественной мысли*

Аннотация. Исследуется процесс формирования и развития теоретических основ естественно-правовой концепции, предполагающей, что, помимо формальных (государственных, позитивных) законов существуют естественные (природные) права, присущие каждому человеку от рождения. Рассматриваются взгляды на этот счет мыслителей древности и ученых разных эпох и государств (Юстиниан, Улпиан, Локк, Гоббс, Руссо и др.), а также отечественных правоведов дореволюционного периода (Трубецкой, Чичерин, Новгородцев, Ильин и др.), а также современных авторов. Показывается взаимодействие естественного и государственного права. Отмечается, что после революции 1917г. в советском государстве теория естественного права не находила официальной поддержки, и в течение нескольких десятилетий советские правоведы в своих политических воззрениях не выходили за рамки установленных КПСС программных установок, в которых естественным правам не находилось места. После распада СССР в 1991 г. по данной проблематике издано достаточно большое количество работ, кроме того, в современной России естественные права человека получили государственную поддержку и соответствующие положения включены в Конституцию России. Однако какой-либо цельной теории естественного права пока нет.

Ключевые слова: общество, государство, личность, естественное право, история, конституция, теория.

Uporov I. V.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

The theory of natural law: main stages of development and features of domestic thought

Abstract. The article examines the process of formation and development of the theoretical foundations of the natural law concept, which assumes that, in addition to formal (state, positive) laws, there are natural (natural) rights inherent in every person from birth. The article examines the views of ancient thinkers and scientists of different eras and states (Justinian, Ulpian,

* © Упоров И.В., 2025.

Теория естественного права: основные этапы развития и особенности отечественной мысли

Locke, Hobbes, Rousseau, etc.), as well as domestic legal scholars of the pre-revolutionary period (Trubetskoy, Chicherin, Novgorodtsev, Ilyin, etc.). The interaction of natural and state law is shown. It is noted that after the 1917 revolution in the Soviet state the theory of natural law did not find official support, and for several decades Soviet legal scholars in their political views did not go beyond the program guidelines established by the CPSU, in which natural rights had no place. After the collapse of the USSR in 1991, a fairly large number of works were published on this issue, moreover, in modern Russia, natural human rights have received state support and the corresponding provisions have been included in the Constitution of Russia []. However, there is no integral theory of natural law.

Key words: society, state, personality, natural law, history, constitution, theory.

Каждое общество и государство складывается из того или иного количества индивидов, численность которых непрерывно возрастает. На определенном этапе общественного развития некоторая часть индивидов начинает чувствовать себя отдельными, самостоятельными личностями, со своей жизнью, внутренним миром, индивидуальными интересами и особенностями, в совокупности они образуют общество. Но одновременно сформировалось и государство как механизм управления обществом по определенным правилам, и у государства также появляются свои интересы. А поскольку общество состоит из индивидов с разными интересами, то эти интересы и интересы государства не всегда совпадают, и вступают в противоречие. Возникает вопрос: может ли государство всякий свой интерес (в том числе подаваемый как общественный интерес), ставить выше всякого индивидуального интереса отдельного человека, или же у индивидов могут быть такие интересы, которые даже для государства являются неприкасаемыми, имеющими абсолютное и непререкаемое значение? В разное время разными учеными на этот вопрос давался неоднозначный ответ. Были и до сих пор имеют место взгляды, согласно которым так называемый государственный интерес должен быть поставлен безоговорочно на первое место. Равно как и остаются сторонники тех, кто видел и видит в индивидах главную величину. Постепенно, однако, научные усилия все чаще подводят к выводу о том, что, конечно, общество, и, тем более, современное государство, должны иметь свои интересы, цель и задачи, проведение в жизнь которых неизбежно ограничивает индивидуальную свободу, но эти полномочия государства вырабатывать государственное (позитивное) право должны быть ограниченными.

По такого рода фундаментальным вопросам, связанным с естественным правом и его взаимодействием с позитивным правом, издревле стали возникать различные подходы. Так, один из знаменитых древнеримских юристов Ульпиан писал, что «естественное право – это право, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только челове-

скому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам. Сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же воспитание. Мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права» [1, с. 158]. Другой не менее известный римский юрист Павел к признакам естественного права относил «справедливость и добро». Но тогда еще не сложились научные подходы к этому явлению, здесь еще нет правовых теорий как таковых, а есть пока отдельные высказывания, можно сказать, штрихи, наброски к теориям, которые будут разработаны много позже. Естественное право рассматривается римлянами в основном с практической стороны, при этом отсутствует единое понимание ключевых положений естественного права. По этому поводу отечественный правовед Г.Ф. Шершеневич в начале века писал, что римские юристы под естественным правом считают то законы в научном смысле, то ядро положительного права, а то и противопоставляют естественное право позитивному праву, при этом они не рассматривали естественное право только лишь как некий идеала, к которому должно стремиться законодательство, но и придавали ему определенный практический смысл [2, с. 29]. Нечеткость в определении естественного права у древнеримских юристов во многом объясняется и тем, что в то время среди них по-разному трактовалось понятие природы. На это особое внимание обращал другой отечественный правовед Н.М. Коркунов, отмечал, в частности, что на основе природы человека римские юристы вырабатывали нормы права об опеке и попечительстве, на основе природы вещей регулировались вопросы общего пользования «общими вещами» (море, воздух, вода и др.), а на основе природы отношений обосновывалась собственность как важнейшее право, положение, предусматривающее прекращение юридических отношений в таком же порядке, в каком они устанавливались, а также некоторые другие вопросы [3, с. 90].

В длительную средневековую эпоху теоретическое развитие естественного права обогатилось весьма незначительно. Здесь свой отпечаток наложило то обстоятельство, что интеллектуальное развитие в период феодализма было сковано религиозными догмами. Соответственно и вопросы, касающиеся естественного права, освещались исходя из божественного начала, определявшего вечность и неизменность природы человека. В этой связи Е.Н. Трубецкой писал, что среди средневековых схоластов господствовало убеждение, что существует вечное естественное право, вечные естественные законы, которые вложены богом в сердца людей и составляют самую природу разума [4, с. 45]. Вместе с тем в средние века имелось и более цельное представление о естественном праве. Речь идет о Фоме Аквинском – наиболее крупном авторитете католического богословия и схоластики. По его мнению, вечный закон (то есть, закон, выражающий

божественный разум в качестве общемирового направляющего начала) есть источник всех других законов. Непосредственным проявлением этого закона является естественный закон, согласно которому человек (как и другие природные существа, сотворенные богом), движутся к реализации целей, предопределенных и обусловленных законами их природы. Все другие человеческие (положительные, позитивные) законы должны соответствовать естественному закону. Если такого соответствия нет, то законы являются несправедливыми. Справедливые же законы всегда несут в себе общее благо. При этом общее благо должно распространяться одинаково на всех людей [5, с. 440].

Наступившее после средневековья Новое время было, без сомнения, временем естественного права. Именно в этот период естественное право получило наиболее интенсивный импульс в своем развитии. Это во многом было обусловлено опять же засильем религиозных догм, которые настолько стали сковывать человеческий разум, что, в конце концов, «возмутившись», он опрокинул религиозный панцирь и устремился к свободолюбивым высотам во всех сферах жизни, включая и сферу права. Буржуазные революции провозгласили принципы равенства всех людей, свободы, другие права. Наиболее наглядно это было закреплено в правовых актах конституционного содержания США и Франции. Так, в Декларации независимости США 1776 г. указывается, что «мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится гибельной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью» [6, с. 53].

Вслед за американцами естественные права были закреплены в знаменитой французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., в преамбуле которой говорилось о том, что представители французского народа решили изложить в декларации «естественные, неотъемлемые и священные права человека», к числу которых относились «свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» (ст. 2 Декларации) [6, с. 85]. Примечательно, что именно во французском конституционном праве больше всего говорится об естественных правах, если сравнивать с конституционным правом других стран. Правда, чем дальше от буржуазной революции, тем менее четкие формулировки используются для характеристики естественных прав. Так, в Конституции Франции 1848 г. свобода, равенство и братство обозначаются уже не как естественные

права, а как принципы французской республики [6, с. 133].

Указанные и другие конституционные нормы, закрепляющие естественные права, во многом были обусловлены появлением соответствующим правовым идеям. Начало новым правовым веяниям дал голландец Гуго Гроций (XVI–XVII вв.). Этот мыслитель, равно как и его последователи, придавали естественному праву определенный философский смысл, полагая, в частности, что действительность такова лишь потому, что она вытекает таковой из требований разума, а стало быть законы, устанавливаемые в обществе, должны вытекать именно из требований разума, при этом то, что не согласовывалось с требованиями разума, считалось как противное разуму и соответственно должно было быть изменено или упразднено. В этой связи в литературе отмечается, что при такой постановке вопроса само собой разумеющимся является то, что теория естественного права должна была быть не только эволюционной по своему характеру, прошедшей огромный путь своего развития, но и революционной по своим социально-политическим и юридическим устремлениям теорией, и именно таковой она была в рассматриваемый период [7, с. 39]. И действительно, последовавшие позже буржуазные революции в своих идейных основах опирались во многом именно на идеи естественного права.

Свой вклад в развитие теории естественного права внес английский философ Томас Гоббс (конец XVII–XVIII вв.), который полагал, что людям издревле присущ главный естественный закон – жить друг с другом в мире, который они реализуют в виде некоего неписаного общественного договора, суть которого заключается в том, что каждый в отдельности человек добровольно передает суверену (государству) часть своей свободы с тем, чтобы тот обеспечивал в обществе порядок и спокойствие. Иначе, полагал Гоббс, была бы “война всех против всех”, что, собственно, и имело место до заключения людьми такого договора. Таким образом, в качестве основных естественных прав Гоббс считал стремление к самосохранению и удовлетворению потребностей. При этом Гоббс не подвергал сомнению монархическую форму правления и наличие сословий в обществе. Следует также отметить, что Гоббс различал естественное право (это свобода человека) от естественного закона (это обязанность, которую должен выполнять человек) [7, с. 40]. По мнению Локка, естественный закон, или закон природы, господствовал в естественном, т. е. природном состоянии. В соответствии с этим законом человек должен прежде всего отстаивать свои жизнь, свободу и собственность, и при этом он должен стремиться не навредить другому. Согласно учению Локка индивид уже от природы имеет известные права, без которых он существовать не может. Создавая общественным договором государство и власть, он отнюдь не отрекается от этих прав; напротив, самое государство и самая власть создаются лишь для лучшей охраны этих прирожденных

и неотъемлемых прав. Поэтому государство должно ограничиваться исключительно этой охраной; выходя за эти пределы, государство нарушает свое назначение [8, с. 113]. На этом основании Локк, в противоположность Гоббсу, отрицал всякое вмешательство государства в область веры и в область права собственности.

Вместе с тем Гроций, Гоббс, Локк и другие мыслители того времени еще не соединяли понятия об естественных правах в теорию как определенную совокупность взглядов на данную проблематику. Гораздо более цельный, завершенный вид основам теории естественного права дал знаменитый французский мыслитель Жан Жак Руссо (XVIII в.). Он подчеркивал, что все люди рождаются свободными и равными и по природе они братья, однако в жизни царствует неравенство, а люди между собой ведут отнюдь не мирный образ жизни. Такое положение, по его мнению, объяснялось такими порочными качествами человека, как ненасытное честолюбие, страсть к богатству, зависть. Соответственно он полагал, что необходимо установить равенство, в том числе это касалось того, чтобы люди не очень сильно различались по размерам собственности. Именно из сочинений Руссо впоследствии выкристаллизовался знаменитый лозунг буржуазной революции – «свобода, равенство, братство!». Вместе с тем в целом поддерживающие его идеи французские революционеры и законодатели отнюдь не согласились с абсолютизацией тезиса о равенстве. Равенство в своих правах – да, но равенство в собственности – нет, и поэтому, как указывалось выше, право на собственность, а значит на богатство, объявлялось естественным правом. Более того, возникла конституционная формула о неприкосновенности частной собственности, и подобная норма стала включаться в конституционные акты большинства государств и сохраняется до сих пор.

В дальнейшем, в XIX в., теория естественного права испытывает определенный кризис, связанный с некоторым угасанием той мощной либерально-демократической волны, которая была поднята буржуазными революциями, а также в связи с более активным развитием других направлений в развитии правовых наук. Однако с конца прошлого века наблюдается заметное оживление этого направления. Одна из причин этого заключается в том, что иные теории права не в полной мере удовлетворяли ученых в объяснении сущности и права и его воздействия на общественные отношения. Особенность возрожденного естественного права, которое, разумеется, восприняло многое от своих предшественников, состоит в том, что расширяется перечень направлений, по которым развивается теория естественного права. В этой связи М.Н. Марченко отмечает, что представителями различных доктрин (неотомистской, экзистенциалистской, феноменологической и др.) естественное право выводится из: божественного порядка бытия (религиозные учения – неотомизм, неопротестантизм

и др.); самореализации; априорных правовых субстанций и ценностей (феноменологическая концепция); «природы вещей» как идеальной мыслимой формы, трактуемой с позиций методологического дуализма должного и сущного (неокантианство); «существования» человека» (экзистенциализм); «процесса исторического понимания», «живого исторического языка» (герменевтика) [7, с. 58].

С указанного периода довольно активно вопросы естественного права разрабатываются российскими правоведами. Так, Е.Н. Трубецкой прямо указывал, что естественное право – «это высшая форма права, отличная от права положительного, независимо от какого бы то ни было авторитета» [4, с. 96]. Далее ученый более широко раскрывает понятие естественного права. В частности, он указывает, что оно является по своей сути нравственными предписаниями, вбирает в себя всю совокупность тех нравственных требований, в силу которых мы подчиняемся или не подчиняемся тому или иному общественному или государственному институту. Более того, естественное право является правдой, на основании которой любая человеческая власть и позитивное право находят себе оправдание или осуждение [4, с. 97]. Соответственно Е.Н. Трубецкой обосновывал возможность вторжения общества (посредством государства) в права личности – это вытекает из обязанности личности подчинять свои цели общественным целям (что является основой правопорядка), и если этого не происходит, то право общества господствовать над личностью есть без всякого сомнения по существу своему право нравственное [4, с. 97-98].

Б.Н. Чичерин так же, как и Гоббс, различал естественное право и позитивное право. Он, в частности, писал, что «положительное право развивается под влиянием теоретических норм, которые не имеют принудительного значения, но служат руководящим началом для законодателей и юристов. Отсюда рождается понятие о праве естественном, в противоположность положительному. Это – не действующий, а потому принудительный закон, а система общих юридических норм, вытекающих из человеческого разума и долженствующих служить мерилom и руководством для положительного законодательства» [9, с. 94]. Подобные мысли были и у П.И. Новгородцева, который полагал, что естественное право противопоставляется праву государственному (позитивному) как идеал для последнего. Однако он делает весьма существенное дополнение о том, что в силу отставания позитивного права от требований жизни постоянно и неизбежно возникают конфликты между старыми порядками и новыми прогрессивными стремлениями. Из этих конфликтов и зарождается естественное право как требование реформ и изменений в существующем строе [10, с. 111]. Следует также заметить, что Новгородцев придавал большое значение естественному праву как правовой идее. В этой связи он писал, что «на естественное право до сих пор многие смотрят как на

старое заблуждение, которому нет места среди теорий современной науки. Однако более внимательное изучение предмета показывает, что естественное право представляет собой неискоренимую потребность человеческого мышления» [10, с. 111].

По мнению В.С. Соловьева, естественное право выступает как общая идея права. Он подчеркивал, что только при наличии общей идеи право можно оценивать какой-нибудь факт из правовой истории, какое-нибудь проявление права [11, с. 325]. Другой известный российский мыслитель И.А. Ильин, вынужденный эмигрировать из Советской России, также немало внимания уделял естественному праву. При этом он вплотную переплетал правовые и философские положения, что некоторым образом затрудняет понимание его концепции. В частности И.А. Ильин писал о том, что «ценность, лежащая в основе естественного права, есть достойная, внутренне-самостоятельная и внешне-свободная жизнь всего множества индивидуальных духов, составляющих человечество. Такая жизнь возможна только в виде мирного и организованного равновесия притягивающих кругов; равновесия, каждому одинаково обеспечивающего возможность духовно-достойной жизни и поэтому нарушающего это равенство в сторону справедливости» [12, с. 65]. Далее указывается, что вести такую жизнь, создавая ее самостоятельно и свободно, есть основное и безусловное право каждого. Это право и есть естественное право, потому что оно выражает существенную природу духовной жизни человека. Это право можно назвать вечным правом, потому что оно сохраняет свое значение для всех времен и народов. Его можно назвать неотчуждаемым правом, потому что всякое умаление или поправление его извращает духовную жизнь и унижает достоинство человека. А.И. Ильин подчеркивает также, что естественное право есть субъективное право, и оно принадлежит каждому человеку, как бы ни был он мал, болен или плох. Признание такого естественного права за каждым человеком, как возможным центром своеобразной и автономной жизни духа, утверждает начало правовой обязанности и правового равенства в жизни людей, несмотря на то, что люди не равны друг другу ни телом, ни душой, ни по содержанию своей духовной жизни. И всякое отступление от этой уравнивающей справедливости должно иметь предметное основание в свойствах индивидуального духа и объективный предел в духовной автономии лица [12, с. 66-67]. Представляется, что правовые идеи А.И. Ильина, и прежде всего в сфере естественного права, еще недооценены современными исследователями. Это касается и разработанного им проекта Основного закона Российской империи, где содержатся и нормы о правах и свободах человека и гражданина.

В дальнейшем, уже в период советского государства, теория естественного права не находила официальной поддержки. В этих вопросах советская пропаганда исходила из известного высказывания Маркса о

фактическом неравенстве людей при их юридическом равенстве, которое впоследствии активно использовалось для критики буржуазных теорий права, в том числе института прав человека. Политико-идеологической парадигмой было например, такое ленинское изречение: «На каждом шагу в самом демократическом буржуазном государстве встречаются угнетенные классы вопиющее противоречие между формальным равенством, которое “демократия” капиталистов провозглашает, и тысячами фактических ограничений и ухищрений, делающих пролетариев наемными рабами. Именно это противоречие раскрывает глаза массам на гнилость, лживость, лицемерие капитализма» [13, с. 255]. В течение нескольких десятилетий в советской правовой науке, не выходящей в своих политических воззрениях за рамки установленных КПСС программных установок, наблюдалось однообразие в подходе к правам человека, в том числе естественным правам.

Примером такого подхода может быть высказывание советского ученого В.В. Большакова в книге, изданной в 1980 г.: «Мир капитала не способен осуществить на практике ни рекомендаций Всеобщей декларации прав человека, ни тем более международных пактов и конвенций, утверждающих эти права. Осуществить их полностью возможно только в условиях социализма, ибо защита прав трудящихся предопределена самой его социальной природой. Мир капитализма, напротив, в корне враждебен делу защиты прав человека, ибо, едва провозгласив их, буржуазия начала эти права отнимать у трудящихся во имя сохранения своей привилегии на власть и эксплуатацию» [14, с. 74]. Подобная политико-идеологическая догматика не позволяла многим правоведам того времени в полной мере развить свои суждения на этот счет.

После распада СССР в 1991 г. по данной проблематике издано достаточно большое количество работ (в числе авторов В.С. Нерсисянц, Ф.М. Рудинский, Е.А. Лукашева, В.А. Карташкин, Н.И. Матузов, М.Н. Марченко, А.С. Мордовец, А.В. Малько, Н.С. Малеин, В.М. Чхиквадзе, С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров, В.А. Кучинский, Ю.И. Гревцов, В.К. Бабаев, М.Н. Малеина, К.Б. Толкачев и др.). В них проблема естественного права освещается уже с гораздо более широких позиций, причем при разных подходах большинство исследователей признают естественное право как социально-правовое явление и считают его предтечей права позитивного. Кроме того, в современной России естественные права человека получили государственную поддержку и соответствующие положения включены в Конституцию России [15]. Так, в ст. 17 говорится о том, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (однако не уточняется, о каких именно основных правах и в каких случаях идет речь).

К естественному праву человека российские авторы обычно отно-

сят право на жизнь, выделяя его в качестве основополагающего. В числе естественных разные авторы называют также: право на равенство (А.Б. Венгеров); права на свободу (И.Л. Петрухин); право на достоинство личности (Ф.М. Рудинский); права на неприкосновенность частной жизни, на благоприятную окружающую среду (В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева); право на личную неприкосновенность (К.Б. Толкачев); право на охрану здоровья (Н.С. Малеин); право на общение с себе подобными, на продолжение рода (В.К. Бабаев); право на собственность (А.О. Хармати); право на безопасность, на сопротивление угнетению (В.С. Нерсисянц); право на индивидуальный облик (М.Н. Малеина); право на добровольное объединение в союзы, на справедливый судебный процесс (Ю.И. Гревцов); право народов на определение своей судьбы, право наций на самоопределение, право прийти на помощь народу – жертве агрессии, право на эквивалент в экономических отношениях (С.С. Алексеев). Столь расширенный перечень прав, относимых к естественным, представляется, однако, недостаточно обоснованным. При обозначении указанных прав нередко наряду с термином «естественные» используются определения «неотчуждаемые», «универсальные», «фундаментальные», «элементарные», «основные». В целом же естественные права человека как система субъективных прав еще не стали предметом специальных научных исследований. Сравнительно немного работ и по отдельным естественным правам человека, а также по вопросам об их признаках, источниках, правовой природе. Соответственно какой-либо цельной теории естественного права нет и до сих пор; чаще всего она связывается с институтом прав человека. Однако, как было показано выше, здесь есть много иных аспектов, которые еще предстоит исследовать.

Библиографический список

1. Дигесты Юстиниана // Памятники римского права. – М.: 1997.
2. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М.: 1995. Т. 1.
3. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб.: 1898.
4. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – Киев, 1906.
5. Нерсисянц В.С. Философия права. – М.: 1998.
6. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. – М.: 1996. Т. 2.
7. Общая теория государства и права / Академический курс / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: 1998. С. 53.
8. Локк Д. Избранные философские произведения. – М.: 1960. Т. 2.
9. Чичерин Б.Н. Философия права. – М.: 1900.
10. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. – М.: 1914.
11. Соловьев В.С. Оправдание добра. – М.: 1996.
12. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: 1993 (переиздание книги, впервые напечатанной за рубежом в 1956 г. уже после смерти ученого).
13. Ленин В.И. ПСС. Т. 37.
14. Большаков В.В. Бизнес на правах человека. – М.: 1985.
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.)

изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 31.05.2025).

References

1. Justinian's Digests // Monuments of Roman Law. – M.: 1997.
2. Shershenevich G.F. General Theory of Law. – M.: 1995. Vol. 1.
3. Korkunov N.M. Lectures on the General Theory of Law. – St. Petersburg, 1898.
4. Trubetskoy E.N. Encyclopedia of Law. – Kyiv, 1906.
5. Nersesyants V.S. Philosophy of Law. – M.: 1998.
6. Reader on the General History of the State and Law / Ed. by K.I. Batyr and E.V. Polikarpova. – M.: 1996. Vol. 2.
7. General Theory of the State and Law / Academic Course / Ed. by M.N. Marchenko. – M.: 1998. Page 53.
8. Locke D. Selected philosophical works. – M.: 1960. Vol. 2.
9. Chicherin B.N. Philosophy of law. – M.: 1900.
10. Novgorodtsev P.I. Lectures on the history of philosophy of law. – M.: 1914.
11. Soloviev V.S. Justification of good. – M.: 1996.
12. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness. – M.: 1993 (reprint of the book, first published abroad in 1956 after the death of the scientist).
13. Lenin V.I. Collected Works. Vol. 37.
14. Bolshakov V.V. Business on human rights. – M.: 1985.
15. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS "ConsultantPlus" (31.05.2025).

Айзаму Айбайдула

Факультет китайской филологии, Синьцзянский педагогический университет, г. Урумчи.

Ценность и практический путь изложения истории Китая на курсах гражданского права в колледжах и университетах в новую эпоху*

Аннотация. В контексте новой эпохи изучение истории Китая имеет важное значение для идеологического и политического образования. Оно не только способствует построению китайской системы дискурса и нарратива, но и раскрывает и передаёт китайский дух, ценностные ориентации и гуманистические чувства. Изучение истории помогает укрепить позиции марксистской идеологии, укрепить «четыре фактора уверенности», пропагандировать главные ценности, культивировать социалистические основные ценности, повысить привлекательность идеологических курсов и усилить эффективность преподавания. Для лучшего изучения истории страны должны быть подчеркнуты достоверность, интегративность и типичность. Путём оптимизации способности преподавателей к подаче материала, стимулирования самостоятельного участия студентов, обогащения ресурсной базы истории, использования разнообразных учебных материалов и инновационных методов преподавания можно более эффективно излагать и распространять историю Китая, объясняя ее ценность в идеологическом и политическом образовании.

Ключевые слова: новая эпоха, история Китая, идеологическое и политическое образование, ценность, практические пути.

Aizamu Abaidullah

College of Chinese Language and Literature, Xinjiang Normal University, Xinjiang-Urumqi, China.

The value and practical path of telling China's story in civics courses of Colleges and Universities in the new era

Abstract. In the context of the new era, telling a good Chinese story is of great significance for civic and political education. It not only helps to build a Chinese discourse and narrative system, but also taps into and conveys the Chinese spirit, values and humanistic feelings. Telling Chinese stories well can defend the Marxist ideological position, strengthen the "four self-confidence", promote the main theme, cultivate socialist core values, improve the affinity of the civics class and enhance

* © Айзаму Айбайдула, 2025.

Ценность и практический путь изложения истории Китая на курсах гражданского права в колледжах и университетах в новую эпоху

the effectiveness of teaching. To tell China's history well, authenticity, integration and typicality should be emphasised. By optimising the supply capacity of teachers, stimulating students' sense of independent participation, enriching the story resource base, using diversified teaching media and innovating teaching methods, China's stories can be better told and disseminated, and their important value in ideological and political education can be brought into play.

Key words: new era, China's story, ideological and political education, value, practical paths.

Введение

В отчёте XX съезда КПК чётко указано на необходимость повышения влияния и распространения китайской цивилизации. Для этого необходимо придерживаться позиции китайской культуры, глубоко раскрывать и демонстрировать духовную сущность и культурное богатство китайской цивилизации, ускорять построение системы дискурса и нарратива с китайской спецификой. В этом процессе особенно важно хорошо излагать историю Китая и распространять китайское влияние. Генеральный секретарь Си Цзиньпин неоднократно подчёркивал, что ключом к повышению «мягкой силы» китайской культуры является умение излагать историю Китая. Это не только важная часть культурного обмена Китая с внешним миром, но и ключевая задача идеологических и политических курсов вузов в новую эпоху. Для более эффективного продвижения истории Китая необходимо инновационно подходить к методам повествования и уделять внимание содержанию идеологических курсов. Важно глубоко раскрывать духовные ценности, культурные ориентации и глубокие гуманистические чувства, стоящие за событиями, чтобы достичь более качественного образовательного эффекта. В этом контексте вопрос о том, как хорошо излагать историю Китая в новую эпоху, стал важной темой для исследований педагогов. Данная статья посвящена изучению важности, богатого содержания и путей реализации изучения истории Китая в новую эпоху, что, как ожидается, послужит справочным материалом для учёных и педагогов.

1. Ценность изучения истории Китая в идеологических курсах

Изучение истории Китая, распространение китайского влияния и демонстрация китайского образа жизни являются важными путями продвижения китайской культуры в мире. Для лучшего достижения этой цели в механизмах распространения необходимо углублять исследования китайского образа жизни, включая его содержание, систему оценки, факторы влияния и стратегии построения. Кроме того, в содержательном аспекте необходимо многоуровневое представление, демонстрирующее богатый и многогранный образ китайской нации. Можно создать систему оценок, охватывающую горизонтальные и вертикальные связи, субъективные и объективные данные, чтобы научно и точно оценивать китайский образ жизни. В конечном итоге, углубляя понимание механизмов формирова-

ния китайского образа мышления и раскрывая факторы влияния в процессе распространения, такие как субъекты, медиа, содержание, форма, аудитория и контекст, можно лучше передавать китайский образ жизни, демонстрировать привлекательность и влияние китайской культуры, способствуя её глобальному распространению.

(1) Способствует формированию у студентов социалистических основных ценностей

В условиях новой эпохи изучение истории Китая не только помогает пропагандировать главные ценности китайской нации, но и эффективно объединяет позитивную энергию, делая основные социалистические ценности более понятными и убедительными. История Китая тесно связана с основными социалистическими ценностями и непосредственно продвигает процесс великого возрождения китайской нации. Студенты — это будущее и надежда страны, их взгляды оказывают глубокое влияние на будущее развитие общества. Путем глубокого раскрытия и исследования древней и современной истории, богатых образовательным смыслом, можно эффективно пробудить патриотизм и социальную ответственность студентов, побуждая их активно практиковать и пропагандировать основные социалистические ценности.

«Сохранять традиции и инновации» — ключевой принцип изучения истории Китая. Поэтому необходимо не только сохранять сущность традиционной культуры, но и сочетать её с особенностями новой эпохи, делая истории более близкими к жизни студентов и более впечатляющими. Генеральный секретарь Си Цзиньпин на Международном академическом симпозиуме, посвящённом 2565-летию Конфуция, отметил, что превосходная традиционная китайская культура содержит глубокие откровения, способные дать ценные идеи для решения современных социальных проблем. Изложение истории Китая помогает студентам на конкретных примерах постичь мудрость и дух традиционной китайской культуры, укрепляя культурную самоидентификацию и уверенность. Это поможет им с более широким историческим видением и рациональным мышлением понимать мир, сознательно сопротивляясь таким ошибочным тенденциям, как «исторический нигилизм», а также расти ответственными и целеустремлёнными молодыми людьми новой эпохи.

(2) Способствует развитию у студентов критического мышления

Идеологическое и политическое образование, как главный фронт формирования марксистского мышления у молодёжи, должно не только укреплять позиции марксистской идеологии и «четыре фактора уверенности», но и хорошо излагать историю родной страны. Это способствует построению и обогащению системы дискурса с китайской спецификой, имея далеко идущее значение. Изложение истории Китая помогает студентам формировать правильные ценности, включая стремление к справедливо-

сти, коллективизм, гармонию и другие. Знание истории демонстрируют превосходную традиционную культуру Китая, революционную историю и современные достижения, позволяя студентам осознать глубину китайской культуры и великие успехи социализма с китайской спецификой, пробуждая их патриотизм и национальную гордость.

В то же время изучение истории Китая помогает студентам развивать способность к оценке ценностей. В эпоху информационного изобилия студентам необходимо научиться отличать истинное от ложного, добро от зла, прекрасное от безобразного. Через реальные исторические события студенты могут понять, что является истинной ценностью, а что достойной целью, тем самым повышая способность к оценке и развивая критическое мышление, не поддаваясь влиянию негативных ценностей.

Кроме того, изучение истории Китая способствует формированию здоровой личности у студентов. Перед лицом социального давления и соблазнов студенты склонны к негативным эмоциям и поведению, в то время как позитивные моменты истории Китая позволяют им ощутить теплоту и позитив общества, формируя оптимистичное отношение и здоровую личность.

(3) Повышает привлекательность идеологических курсов

Как основной фронт идеологической работы со студентами, идеологические курсы должны не только всесторонне и систематически объяснять теорию, но и формировать правильные ценности для достижения образовательных целей. Можно сказать, что через изучение истории Китая студенты могут извлекать опыт и мудрость из позитивных историй, познавать мир, себя и других, получая больше знаний. В процессе изучения истории Китая, используя язык, который студентам нравится и который им понятен, интегрируя с теоретическими знаниями, можно сделать идеологические курсы более теоретическими и жизненными, значительно повысив их привлекательность.

Кроме того, содержание идеологических курсов в вузах в основном состоит из теоретических знаний. Если ограничиваться только текстовым объяснением теории, это неизбежно не сможет удовлетворить ожидания студентов новой эпохи. Поэтому необходимо помочь студентам в процессе взаимодействия с сюжетами истории глубже понимать и усваивать теоретические знания.

2. Основное содержание изучения истории Китая в идеологических курсах

Изложение истории Китая должно придерживаться достоверности, интегративности и типичности. Во-первых, необходимо рассказывать о борьбе китайского народа в историческом процессе, достижении великого возрождения китайской нации. Можно, сохраняя достоверность содержания историй, по-разному представлять образы персонажей и сюжеты.

Во-вторых, следуя принципу всестороннего рассмотрения, добиваться органического сочетания «изложения фактов» и «объяснения принципов». Как эффективно систематизировать, оптимизировать и классифицировать события истории Китая, интегрировать их в учебный процесс, исследовать события, наполненные позитивной энергией, направлять студентов на формирование правильных ценностей и лучше раскрывать внутреннюю ценность истории Китая.

Таким образом, органично сочетая конкретные примеры с теоретическими знаниями, можно помочь студентам глубже понимать и принимать образовательное содержание, достигая идеального учебного эффекта. При выборе истории Китая в качестве учебного материала следует придерживаться принципа типичности, тщательно отбирая типичные примеры, тесно связанные с содержанием обучения. Эти «типичные истории» могут в определённом контексте отражать общую ситуацию, рассказывать о выдающихся личностях и важных событиях в процессе китайской революции и построения новой жизни, или демонстрировать реальные истории простых людей, трогающие сердца студентов. Распространение этих ярких и типичных историй будет активно способствовать глубокому пониманию студентами китайской культуры и эффективно продвигать формирование и усвоение социалистических основных ценностей. Конкретно это выглядит следующим образом:

(1) Изучение выдающихся традиционных историй

Китай имеет долгую историю и богатую культуру, что предоставляет богатый материал для идеологического и политического образования. В условиях новой эпохи изучение традиционных событий истории Китая, особенно выдающихся событий, в идеологических курсах имеет важное практическое значение. Эти события не только несут в себе сущность исторической культуры Китая, но и содержат ценные идеологические и моральные ресурсы и глубокий дух китайской нации, что способствует формированию у студентов культурной уверенности и национальной гордости.

Древние мудрецы, такие как Конфуций, Мэн-цзы, Лао-цзы и другие, их мысли и поведение демонстрируют высокие моральные стандарты. Идеологические курсы могут глубоко анализировать события и факты, помогая студентам извлекать из них мудрость и моральные качества, формируя правильные моральные ценности и взгляды.

Кроме того, Китай обладает богатым культурным наследием, таким как Великая Китайская стена, Запретный город, Терракотовая армия и другие, каждое из которых несёт в себе глубокие исторические события. Идеологические курсы должны глубоко раскрывать содержание этого культурного наследия, позволять студентам лучше понимать историческую основу своей родины и укрепить их культурную уверенность и национальную гордость.

Традиционные праздники, такие как Праздник Весны, Праздник Лодок-Драконов, Праздник Луны и другие, также содержат уникальное культурное содержание. Изучение событий, связанных с этими праздниками, позволяет студентам глубоко ощутить очарование традиционной культуры, тем самым ценя и стремясь передать это ценное культурное наследие. Такой способ обмена историями не только органично сочетает идеологическое и политическое образование с традиционной культурой, но и закладывает прочную основу для всестороннего развития студентов.

(2) Изучение «красных революционных историй»

«Красные революционные истории» — это рассказы о истории революции и фактах в три этапа: революция, строительство и реформы под руководством Коммунистической партии Китая, с основным содержанием «красной революции», целью которой является достижение великого возрождения китайской нации. На трёх уровнях — «люди», «события» и «места» — необходимо углублять исследования. В историях о «людях» можно рассказывать не только о героях революции, таких как Ся Минхань, написавший «Прощальное стихотворение», но и о простых людях, поддерживающих революцию, например, о Дэн Юйфэнь — храброй матери, отправившей на фронт своего мужа и пятерых детей. «События» включают важные исторические события, такие как Цзуньиское совещание и Наньчанское восстание, а также трогательные истории. Через обучение на «местах» можно направлять студентов в красные базы, такие как музеи революционной истории и мемориалы героев, для изучения и наследования красных традиций.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин обобщил темы и содержание изучения истории Китая, отметив, что «активное распространение социализма с китайской спецификой в новую эпоху, активное изучение историй о правлении Коммунистической партии Китая, активное изучение историй о борьбе китайского народа, активное изучение историй о мирном развитии Китая, активное изучение историй о китайской мечте» являются основным содержанием изучения истории Китая в новую эпоху. Одновременно эти темы являются ключевыми точками и фокусами изучения «истории Китая». В связи с этим необходимо рассказывать о великих делах, великих свершениях и великой мечте партии. Нужно рассказывать о том, как китайский народ стремился к процветанию, возрождению нации и счастью.

(3) Изучение истории о реформах и открытости

Под руководством Коммунистической партии Китая в процессе реформ и открытости китайский народ добился процветания и успешно реализовал свою первую столетнюю цель. Например, создание специальных экономических зон, система семейного подряда и другие важные события; также необходимо рассказывать о пионерах в различных областях, таких

как сто пионеров, награждённых на Всекитайском собрании народных представителей, чтобы студенты, оглядываясь на историю, могли ощутить огромные изменения Китая с начала реформ и открытости. Через изучение историй о «реформах и открытости» студенты могут понять путь реформ и развития Китая, осознать тесную связь между личным ростом и судьбой страны, что в новую эпоху сделает их более ответственными и уверенными в строительстве социалистического дела.

(4) Изучение историй из жизни

В Китае много событий, происходящих вокруг нас, они реальны, близки к жизни и влиятельны. В идеологических курсах вузов необходимо подчёркивать сочетание теории и практики. Через примеры героизма и вдохновляющие истории обычных людей направлять студентов на обучение у моральных образцов. Эти яркие события могут пробудить у студентов моральные чувства и социальную ответственность, сделать идеологические курсы более проникновенными и достичь образовательной цели всестороннего развития студентов. Одновременно поощрять студентов находить и рассказывать интересные истории из своей жизни, от выдающихся учителей и выдающихся выпускников.

3. Пути изучения истории Китая в идеологических курсах

Преподавание истории Китая в основном состоит из пяти ключевых элементов: преподаватель, объект обучения, учебные ресурсы, носители обучения и методы преподавания. Среди них преподаватель, как направляющий субъект образования, является важной составляющей в изучении истории Китая. Одновременно в логической структуре изложения истории объект образования - студенты - выступают активными участниками процесса. Учебные ресурсы представляют собой источник истории Китая и ключевое звено в их передаче. Носители обучения служат связующим звеном между преподавателем и студентами, и их выбор напрямую влияет на эффективность учебного процесса. Методы преподавания являются ключевым элементом организации занятий, от которого зависит качество всего образовательного процесса. Исходя из этой системы «пяти взаимосвязанных элементов», необходимо проводить системный анализ и на этой основе предлагать новые подходы к изучению истории Китая.

(1) Оптимизация способностей преподавателей

Преподаватели вузов как «источники подачи» истории Китая играют решающую роль в процессе ее преподавания. В условиях развития качественного образования перед преподавателями стоят новые требования к трансформации и развитию их компетенций. Как повысить теоретический уровень педагогов, улучшить их преподавательские навыки и способность к эмоциональному взаимодействию со студентами становится ключевым вопросом профессионального развития преподавателей. Поэтому в новой эпохе для эффективного изучения истории Китая препода-

даватели должны постоянно совершенствовать свои комплексные способности и профессиональные качества, создавая тем самым прочную основу для этой работы.

По своей сути, люди обладают особыми эмоциями, их сознание или действия, направленные на достижение целей, а также личные переживания у каждого индивидуальны. Каждый человек переживает внутреннюю борьбу между идеалами и реальностью, особенно молодежь, чье мышление еще не полностью сформировано и легко подвержено влиянию эмоций. В процессе изучения истории Китая необходимо использовать правдивые и конкретные примеры, чтобы студенты могли извлекать из них полезный опыт и мудрость для своего развития, достигая тем самым хорошего образовательного эффекта. Учитывая эти психологические особенности молодежи, преподаватели вузов должны уметь оптимизировать свою способность к эмоциональному взаимодействию. «Троньте сердце - и вы завоюете человека». Преподаватели, рассказывая красные истории, должны начинать с пробуждения эмоционального отклика у студентов, стремиться к созданию взаимопонимания, сознательно превращать китайскую мечту в яркие небольшие истории. Это сокращает дистанцию между преподавателем и студентами, а искреннее повествование стимулирует мотивацию студентов к обучению, повышая эффективность изучения истории.

Кроме того, в процессе изучения истории Китая на занятиях по идеологии преподаватели играют решающую роль. Во-первых, они должны укреплять идеологическую и политическую подготовку, повышать свой идейно-политический уровень, иметь широкий государственный кругозор, соответствовать словам делам, становясь для студентов новой эпохи настоящими наставниками в жизни. Во-вторых, необходимо повышать теоретический уровень преподавания идеологических дисциплин. Эти курсы объединяют литературу, историю, философию, политику, экономику и право. Преподавателям нужно постоянно учиться, повышать свой теоретический уровень и сочетать его с типичными китайскими историями, делая изложение более ясным и глубоким. В-третьих, важно совершенствовать языковые навыки преподавания. Создание повествовательных ситуаций для усиления воздействия, преобразование теоретического языка в доступный, изменение одностороннего «наполняющего» стиля преподавания на интерактивный формат общения - все это необходимо учитывать. Преподавателям также следует повышать свою ИКТ-грамотность, используя современные образовательные технологии для изучения истории Китая, что в целом повысит их профессиональный уровень и позволит ярко представлять материал студентам. Таким образом, через доступные формы подачи теоретических знаний идеологических курсов студенты смогут глубже ощутить ценности, заложенные

в китайских историях, достичь эффекта «пропитывания» и повысить эффективность идеологического образования.

(2) Стимулирование самостоятельной вовлеченности студентов

Студенты как субъекты идеологической работы в вузах своей заинтересованностью и самостоятельностью напрямую влияют на процесс изучения истории страны. Для более эффективного повествования необходимо прежде всего глубоко понимать студентов и стимулировать их субъектность и вовлеченность. В процессе изучения истории Китая студенты должны перестать быть пассивными получателями информации, а стать активными субъектами обучения. Чтобы хорошо изучать историю Китая, необходимо стоять на позиции студентов, придерживаться концепции «обучения, ориентированного на человека», полностью активизировать и стимулировать учебную инициативу студентов.

При рассказе разных историй необходимо «знать человека и обсуждать эпоху», понимать контекст разных историй, иначе невозможно достичь резонанса. Можно использовать мультимедийные технологии, обучение на местах и тематические классы, чтобы создать у студентов эффект погружения, визуализировать абстрактные моральные теории, сделать их конкретными и тем самым обеспечить глубокий учебный опыт.

История Китая перестают быть «сольным выступлением», а становятся «массовым хором», в котором участвует каждый студент. Студенты должны быть основными участниками изучения истории Китая. Преподаватели должны направлять студентов в использовании соответствующих учебных платформ: перед занятиями просматривать материалы для создания эмоционального восприятия, стимулируя любопытство; после занятий расширять кругозор через необходимую классическую литературу и обмениваться с студентами оригинальными идеями, повышая их чувство достижения. Только так каждый студент сможет стать реальным участником и создателем идеологических курсов в вузах, а не сторонним наблюдателем. Практика показывает, что для превращения студентов из зависимых от преподавателя пассивных учащихся в самостоятельных мыслителей необходимо также дать им возможность перейти от роли «слушателей» к активным участникам изучения истории Китая.

(3) Обогащение ресурсной базы истории Китая

В учебном процессе преподаватели должны полностью раскрывать дух группового сотрудничества, способствуя взаимодействию между студентами. Системное планирование и проектирование учебных ресурсов крайне важны для помощи преподавателям в подготовке материалов. Поэтому вузы должны создавать полные базы учебных ресурсов для удобного поиска и использования соответствующих материалов преподавателями.

История Китая часто содержат множество идеологических и политических элементов, поэтому необходимо тщательно отбирать моменты

истории Китая, создавая базы учебных ресурсов, чтобы избежать повторения одних и тех же событий в идеологических курсах. Кроме того, создание тематических баз данных позволяет систематизировать разрозненные примеры, углубленно их анализировать, органично сочетая в изучении истории Китая «изложение фактов» и «объяснение принципов».

(4) Расширение выбора и использования учебных носителей

В новую эпоху взрывное развитие сетевых технологий и скачок в информационных технологиях предоставили мощную поддержку для развития образования в нашей стране. В отличие от традиционных носителей, новые медиа используют цифровые технологии для предоставления информации и услуг пользователям через повсеместно распространенные компьютеры, смартфоны, цифровые телевизоры и другие устройства. Кроме того, платформы новых медиа оказывают глубокое влияние на поведение и взгляды студентов, затрагивая их идеологические представления, моральное сознание, эмоциональные установки, образ жизни и другие аспекты.

Поэтому идеологические курсы в вузах должны полностью использовать преимущества новых медиа в распространении информации, активно исследовать пути и методы изучения истории Китая, использовать язык, более понятный и приемлемый для студентов, ясно объяснять китайский путь, теорию и систему, чтобы продвигаться дальше и лучше по новому пути изучения истории Китая.

В связи с этим идеологические курсы в вузах должны активно обогащать методы преподавания, используя информационные технологии для представления китайской истории. Применение современных технологий для создания презентаций исторических событий, соответствующих познавательным закономерностям и особенностям студентов, и воссоздание исторических событий на занятиях с помощью современных образовательных технологий позволит повысить общий уровень понимания студентами исторического развития Китая, стимулировать их субъективную инициативу и активность.

В условиях «интернет+» использование новых медиа и технологий для изучения истории Китая станет новой формой распространения. Преподаватели идеологических дисциплин могут использовать различные онлайн-платформы для демонстрации истории Китая и интерактивного объяснения. Новые медиа, использующие цифровые, сетевые и мобильные технологии, не только распространяют информацию через проводные и беспроводные сети, но и позволяют взаимодействовать между распространителем и аудиторией. Характеристики новых медиа включают цифровизацию, интерактивность и технологическую поддержку, создавая глобальное, открытое и всеобъемлющее информационное пространство.

Согласно данным Китайского центра интернет-информации, в последние годы учебная среда для идеологических курсов в вузах значительно улучшилась. Большинство учебных заведений оснащены мультимедийными классами и сетевыми аудиториями, а некоторые вузы даже имеют VR-классы для идеологического образования. Эти современные образовательные средства предоставляют мощную техническую поддержку для использования сетевых видеоресурсов в изучении истории Китая на идеологических курсах новой эпохи. Через короткие видеоролики, изображения и другие формы, ориентированные на проблемы, с организацией студентов в группы для сбора материалов и обсуждения, можно организовать онлайн-презентации результатов обучения. Таким образом, студенты смогут получать необходимые теоретические знания через взаимное общение.

(5) Инновации в методах преподавания

«Преподавание» истории Китая - это не просто односторонняя «передача» знаний преподавателем, а «изучение» - не просто «прием» информации студентами. Эффективность преподавания истории Китая должна проявляться прежде всего в эмоциональном принятии студентами идеологического и политического образования. Поэтому необходимо эффективно активизировать субъектность студентов, позволить им получать вдохновение в процессе самостоятельного обучения, тем самым повышая их способность к размышлению.

В учебном процессе можно интегрировать модель «перевернутого класса», используя информационные технологии для взаимодействия перед занятиями, давая студентам больше времени для самостоятельного размышления, одновременно обращая внимание на вопросы и сомнения студентов и своевременно предоставляя целевые ответы и руководство. Для стимулирования учебной инициативы студентов необходимо также учитывать реальности социального развития, психологические состояния и когнитивные особенности студентов, применять эвристические методы преподавания, направлять студентов к активной мыслительной деятельности, способствовать переходу от «я слушаю» к «я рассказываю», тем самым стимулируя их учебную мотивацию.

Кроме того, для дальнейшего повышения общей вовлеченности студентов идеологические курсы могут организовать изучение истории Китая через групповую работу. Преподаватели могут организовать студентов в группы для самостоятельного рассказа истории Китая: после обсуждения и выбора истории в группе, в процессе занятий студенты могут воспроизводить истории через инсценировки, декламацию, после чего преподаватель может организовать взаимную оценку между группами и комментарии преподавателя, помогая студентам углубить запоминание историй. Такой групповой метод изучения истории Китая может значительно повысить осознание студентами этих историй, что имеет практическое значение для

формирования социалистических основных ценностей и всестороннего развития студентов.

Заключение

В заключение, в условиях новой эпохи вопрос о том, как хорошо преподавать историю Китая, является важной задачей, стоящей перед идеологическими курсами в вузах нашей страны. Изучение истории Китая имеет большое практическое значение для построения системы дискурса социализма с китайской спецификой, содействия творческой трансформации и инновационному развитию традиционной культуры, повышения эффективности образования. В связи с этим, обилие материалов по истории Китая, передовые методы преподавания, повышение качества преподавателей создают условия для хорошего изложения истории Китая. Идеологические курсы в вузах должны через оптимизацию способностей преподавателей к подаче материала, стимулирование самостоятельной вовлеченности студентов, обогащение выбора учебных носителей и другие методы углубленно исследовать инновационные пути изложения истории Китая.

Библиографический список

1. Ян Шихэн. Анализ типовых примеров разработки архивных ресурсов от «изучения истории о Хуанхэ» до «изучения истории Китая» // Управление архивами. 2023. № 2. С. 10-11, 14.
2. Янь Чэншэн. Служение дипломатии великой державы, изучение истории Китая: новые достижения в высококачественном развитии внешней работы радио и телевидения // Китайский журнал радио и телевидения. 2023. № 3. С. 20-23.
3. Чжан Жогу, Лю Цзыюй. «Комплексное планирование + точные меры» для изучения истории Китая: размышления о международном распространении информации о Китайско-Лаосской железной дороге в контексте конвергентных медиа // Форум СМИ. 2023. Т. 6. № 4. С. 89-92.
4. Ху Шэньмин, Лэн Янчунь. Целевой анализ и ценностные ориентации изучения истории Китая с позиции китайской модернизации // Форум СМИ. 2023. Т. 6. № 4. С. 4-7, 12.
5. Юй Сыюй, Ли Сюэлинь. Исследование роли «изучения истории Китая» в формировании основных ценностей у тибетских студентов: на примере Цзянсуского профессионального института туризма // Современная промышленность и торговля. 2023. Т. 44. № 6. С. 187-188, 73.
6. Цао Нань, Ха Лина. Инновационные пути изучения истории Китая с точки зрения медиатехнологий: на примере базы данных «Хорошие китайские истории» // Медиа. 2023. № 3. С. 77-79.
7. Юй Цинхуа, Сунь Хуэй. Укоренение в почве Южного Ляонина, изучение истории Китая: о нарративном стиле серии документальных фильмов «Бурлящая рисовая деревня» медиа-группы «Далянь» // Журналисты региональных газет Китая. 2023. № 1. С. 13-15.
8. Ли Сян. Изучение истории Китая через дата-журналистику: на примере серии мультимедийных репортажей «Цифры о десятилетиях Китая» газеты «China Daily» к XX съезду КПК // Фронт журналистики. 2023. № 2. С. 55-57.
9. Ма Чжунли. Ценность, принципы и пути изучения истории Китая в идеологическом образовании // Справочник по преподаванию политики в средней школе. 2023. № 3. С. 44-46.
10. Ван Юнцзе. Исследование многосторонних путей изучения истории Китая в новую эпоху: анализ обмена знаниями через сотрудничество мозговых центров и международных организаций // Вестник Пекинского технологического университета (социальные науки). 2023. // URL: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/11.4558.G.20230209.1548.002.html> (Дата обращения: 07.04.2023).

References

1. Yan Shiheng. Analysis of Typical Cases of Archival Resource Development from “Studying the Stories of the Yellow River” to “Studying the History of China” // *Archives Management*. 2023. № 2. P. 10-11, 14.
2. Yan Chengsheng. Serving Great Power Diplomacy, Studying Chinese History: New Achievements in High-Quality Development of Radio and Television Foreign Work // *Chinese Journal of Radio and Television*. 2023. № 3. P. 20-23.
3. Zhang Ruogu, Liu Ziyu. “Comprehensive Planning + Precise Measures” for Studying Chinese History: Reflections on the International Dissemination of Information about the China-Laos Railway in the Context of Convergent Media // *Media Forum*. 2023. Vol. 6. № 4. P. 89-92.
4. Hu Shenming, Leng Yanchun. Target Analysis and Value Orientations of Studying Chinese History from the Perspective of Chinese Modernization // *Media Forum*. 2023. Vol. 6. № 4. P. 4-7, 12.
5. Yu Siyu, Li Xuelin. Research on the Role of “Studying Chinese History” in Forming Core Values among Tibetan Students: The Case of Jiangsu Vocational Institute of Tourism // *Modern Industry and Trade*. 2023. Vol. 44. № 6. P. 187-188, 73.
6. Cao Nan, Ha Lina. Innovative Ways to Study Chinese History from the Perspective of Media Technologies: The Case of the “Good Chinese Stories” Database // *Media*. 2023. № 3. P. 77-79.
7. Yu Qinghua, Sun Hui. Rooted in the Soil of Southern Liaoning, Learning Chinese History: On the Narrative Style of the Documentary Series “Bubbling Rice Village” by Dalian Media Group // *Journalists of Regional Newspapers of China*. 2023. № 1. P. 13-15.
8. Li Xiang. Learning Chinese History through Data Journalism: Based on the Case of the Multimedia Report Series “Figures on the Decade of China” by the China Daily Newspaper for the 20th CPC Congress // *Journalism Front*. 2023. № 2. P. 55-57.
9. Ma Zhongli. Value, Principles, and Ways of Studying Chinese History in Ideological Education // *Handbook of Teaching Politics in Secondary School*. 2023. № 3. P. 44-46.
10. Wang Yongjie. Research on Multilateral Paths of Studying Chinese History in the New Era: Analysis of Knowledge Sharing through Cooperation between Think Tanks and International Organizations // *Bulletin of Beijing University of Technology (Social Sciences)*. 2023. // URL: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/11.4558.G.20230209.1548.002.html> (04.07.2023).

Борисов Б.Б.

Кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры истории и теории музыки АНО ВО «Институт современного искусства». Магистрант 2 курса факультета ФГСН, кафедры востоковедения и африканистики ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Некоторые аспекты правового регулирования музыкальной культуры в Китайской Народной Республике*

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной проблеме определения аспектов правового регулирования музыкальной культуры в Китайской Народной Республике.

Объектом исследования является музыкальная культура в Китайской Народной Республике.

Предметом исследования являются нормативно-правовые акты, законы, документы стратегического планирования, определяющие правовое регулирование музыкальной культуры в Китайской Народной Республике.

Музыкальная культура Китая имеет богатую, многовековую историю. Однако, правовой статус музыкальной культуры в нормативно-правовых документах отражается недостаточно определено. В документах отсутствует прямая дефиниция термина «музыкальная культура» (音乐文化, yīnyuè wénhuà), что приводит к необходимости трактовок юридических документов.

Автор исследования рассматривает такие аспекты темы как правовые и институциональные механизмы сохранения и развития музыкальной культуры Китая. В статье анализируются конституционные нормы, гарантирующие защиту этнических традиций, свободу творчества и доступ к образованию, что формирует основу для поддержки музыкального наследия.

Рассматриваются законы об охране культурных ценностей, нематериальном наследии и общественных культурных услугах, обеспечивающие защиту материальных и нематериальных аспектов музыкальной культуры. Также внимание уделяется роли государственных программ, таких как План развития культуры на 14-ю пятилетку.

В исследовании применен общенаучный подход: метод системного анализа, метод структурного анализа, метод формализованного анализа. Статья вносит значительный вклад в исследование правового регулирования музыкальной культуры в КНР.

Впервые анализируются нормативные акты КНР с точки зрения музыкальной культуры. Отмечается необходимость интерпретации термина музыкальная культура через смежные категории (культура, искусство, образование).

Определяется, что регулирование музыкальной культуры осуществляется через конституционные нормы, законы о наследии и публичных услугах.

В статье предлагается аналитический взгляд на вопросы правовых основ регулирования музыкальной культуры. В статье предлагается междисциплинарное исследование нормативно-правовых актов КНР, где музыкальная культура рассматривается как часть культуры в целом, что создает необходимость его интерпретации через смежные правовые категории.

* © Борисов Б.Б., 2025.

Некоторые аспекты правового регулирования музыкальной культуры в Китайской Народной Республике

Ключевые слова: правовое регулирование, музыкальная культура, КНР, авторское право, культурная политика, традиционное наследие, цифровизация, музыкальная культура Китая, традиционная культура, право Китая.

Borisov B.B.

Candidate of Arts, Senior Lecturer Department of Music History and Theory Nonprofit Organization of higher education "Institute of modern art". 2nd-year Master's student, Faculty of Humanities and Social Sciences (FGSN) Department of Oriental and African Studies. Peoples' Friendship University of Russia.

Regulatory dimensions of musical culture in the People's Republic of China

Abstract. This article addresses the pressing issue of defining the aspects of legal regulation governing musical culture in the People's Republic of China (PRC).

The object of the study is musical culture in the PRC.

The subject of the study includes normative legal acts, laws, and strategic planning documents that determine the legal regulation of musical culture in the PRC.

China's musical culture boasts a rich, centuries-old history. However, its legal status in normative and legal documents remains insufficiently defined. These documents lack a direct definition of the term "musical culture" (音乐文化, *yīnyuè wénhuà*), necessitating interpretation of legal texts.

The author examines such aspects as the legal and institutional mechanisms for the preservation and development of China's musical culture. The article analyzes constitutional provisions guaranteeing the protection of ethnic traditions, freedom of creative expression, and access to education, which form the foundation for safeguarding musical heritage.

The study explores laws on the protection of cultural property, intangible heritage, and public cultural services, which ensure the preservation of both tangible and intangible aspects of musical culture. Special attention is given to the role of state programs, such as the 14th Five-Year Plan for Cultural Development.

The research employs general scientific methods, including systemic analysis, structural analysis, and formalized analysis. This article makes a significant contribution to the study of legal regulation in China's musical culture.

For the first time, PRC normative acts are analyzed from the perspective of musical culture. The study highlights the need to interpret the term "musical culture" through related categories (culture, arts, education).

It is established that the regulation of musical culture is implemented through constitutional norms, heritage laws, and public service provisions.

The article provides an analytical perspective on the legal foundations of musical culture regulation. It proposes an interdisciplinary study of PRC normative legal acts, where musical culture is treated as part of broader cultural policy, necessitating interpretation through adjacent legal categories.

Key words: legal regulation, PRC, copyright, cultural policy, traditional heritage, digitalization, musical culture of China, traditional culture, Chinese law.

Китай обладает многовековым музыкальным наследием, глубоко укорененным в культурной традиции. На протяжении тысячелетий музыкальные практики не только составляли неотъемлемую часть повседневности и ритуальных действий, но и играли значимую роль в структурировании социально-политического порядка. Как отмечает ученый А. Г. Алябьева, согласно представлениям китайского народа, отклонение от принципов двенадцатиступенной системы люй-люй (律吕, lǜlǚ), которая служила «... своеобразным отражением религиозно-философских, космологических, социально-этических и эстетических представлений Древнего Китая» [1, с. 790], могло спровоцировать катастрофические последствия, включая угрозу стабильности государственного устройства. При этом в официальных документах Китая термин «музыкальная культура» отсутствует как прямая категория. Тем не менее, в них законодательно закреплены гарантии и установлены правовые механизмы, способствующие её развитию. Например, статья 4 Конституции КНР [14] обеспечивает защиту законных прав и интересов всех этнических групп, гарантируя свободу использования и развития национальных языков, письменности, а также сохранения или реформирования традиционных обычаев. Данные положения косвенно обеспечивают охрану культурного наследия, включая музыкальные традиции, такие как уйгурские мукамы или песенные практики народности дун (侗族, dòngzú), подчеркивая их значимость в рамках многонационального государства. Статья 22 Конституции КНР определяет обязанность государства содействовать развитию литературы, искусства, средств массовой информации, а также учреждений культуры, ориентированных на служение народу и социалистическим принципам. В рамках данной статьи подчеркивается необходимость охраны памятников истории и культуры, ценных артефактов и иных объектов наследия, что формирует правовую основу для поддержки музыкальной культуры через межэтнический культурный диалог и общественно значимые инициативы. К числу таких инициатив относятся международные гастроли музыкальных коллективов, благотворительные концерты и создание произведений, популяризирующих социальные проекты. Статья 35 закрепляет за гражданами свободу слова, печати, собраний и иных форм публичного выражения, что создает правовые предпосылки для легитимации музыкальных мероприятий, включая фестивали, в рамках гарантированного права на ассоциации. Особое значение имеет статья 47, гарантирующая свободу художественного творчества и научной деятельности при условии их соответствия интересам китайского народа. Государство обязуется стимулировать творческие инициативы в сфере образования, науки, технологий и искусства, что напрямую касается поддержки музыкальных практик. Кроме того, статья 46 Конституции устанавливает право граждан на получение образования и обязанность государства обеспечивать всестороннее развитие молодежи.

жи, включая нравственное, интеллектуальное и физическое воспитание. Эти положения формируют институциональную базу для развития музыкального образования как элемента формирования эстетических предпочтений и гармоничного развития личности, закрепляя его роль в системе государственных приоритетов.

Конституция КНР, хотя и не выделяет музыкальную культуру в качестве отдельной категории, создаёт правовые предпосылки для её развития через гарантии защиты этнических традиций, образовательные нормы и права граждан. Реализация этих принципов осуществляется посредством законодательных актов, включая законы об авторском праве, охране культурных ценностей, гарантиях общественных культурных услуг, защите нематериального наследия, а также через государственные программы, такие как План развития культуры и туризма на 14-ю пятилетку (2021–2025). В контексте стратегии построения «культурной мощи» музыка приобретает всё большее значение как элемент духовной жизни общества.

Закон КНР об охране культурных ценностей [13] обеспечивает косвенную защиту музыкальной культуры через сохранение её материальных носителей — инструментов, нотных записей, изображений, что закреплено в статьях 2, 5, 6 и 7. Прямое регулирование традиционной музыки как живого искусства осуществляется Законом о нематериальном культурном наследии. Совместное действие этих правовых механизмов позволяет охранять музыкальное наследие Китая в его многообразии — от археологических артефактов до современных интерпретаций. Закон о нематериальном наследии [11], являясь ключевым документом в данной сфере, относит традиционную музыку к категории охраняемых объектов, несмотря на отсутствие прямого упоминания термина «музыкальная культура». Согласно п. 2 статьи 2, к нематериальному наследию причисляются «традиционное изобразительное искусство, каллиграфия, музыка, танцы, театр, народное вокальное искусство и акробатика» [там же], что охватывает такие жанры, как пекинская опера, песни народа дун и др. Критериями включения выступают историческая, художественная и культурная значимость, а также связь с этнической идентичностью. Статья 5 закона запрещает использование наследия в искажённой или унижительной форме, а статьи 18—27 устанавливают систему национальных и региональных реестров, куда включаются объекты, соответствующие требованиям уникальности, исторической ценности и находящиеся под угрозой исчезновения. Примером служат уйгурские мукамы и песни дун, занесённые в реестр для особой защиты. Статьи 29, 30 и 31 регулируют статус чуаньчэнжэнь (传承人, chuánchéng rén) — официально признанных хранителей традиций, ответственных за передачу музыкальных знаний. Для получения этого статуса мастера должны демонстрировать виртуозное владение искусством (например, игрой на гуцине, пипе или яньцине), а также активно

участвовать в его популяризации через преподавание или участие в культурных мероприятиях. Государство, в свою очередь, предоставляет финансовую поддержку, образовательные ресурсы и инфраструктуру, но может аннулировать статус при невыполнении обязательств. Статья 34 закона предусматривает интеграцию нематериального наследия в учебные программы, а статья 35 обязывает учреждения культуры, библиотеки и СМИ содействовать его популяризации через выставки, концерты и медиапроекты. Таким образом, законодательство обеспечивает многоуровневую защиту музыкальной культуры, сочетая правовые нормы, образовательные инициативы и социальные программы, что способствует сохранению традиций в условиях современных вызовов.

Закон КНР о гарантиях общественных культурных услуг косвенно регулирует развитие музыкальной культуры через положения, касающиеся публичных культурных инициатив, инфраструктуры и организационной деятельности. Согласно статье 2 закона, публичные культурные услуги определяются как «культурные продукты, мероприятия и иные услуги, направленные на удовлетворение базовых культурных потребностей граждан» [12], что охватывает музыкальные произведения, образовательные программы, концерты и фестивали. Статья 29 законодательно закрепляет поощрение коммерческих культурных учреждений в проведении бесплатных или льготных мероприятий, что способствует доступности музыкального искусства. Статья 8 акцентирует необходимость поддержки общественных культурных услуг в отстающих регионах (революционных, этнических, приграничных, бедных), обеспечивая их равномерное развитие, что подразумевает включение музыкальных традиций этнических групп в государственные программы. На практике это реализуется через финансирование фестивалей народной музыки, создание этнографических музеев с акцентом на музыкальное наследие и аналогичные проекты. Статья 10 обязывает образовательные учреждения использовать объекты культурного наследия для эстетического воспитания, включая организацию посещений концертов и выставок музыкальных инструментов, что формирует основу для приобщения молодёжи к традициям. Статья 13 стимулирует участие граждан, юридических лиц и организаций в предоставлении культурных услуг, предусматривая поощрение за выдающийся вклад. Статья 14 определяет объекты культурной инфраструктуры — театры, музеи, библиотеки, культурные центры, — которые служат площадками для музыкальных мероприятий. Согласно статье 23, учреждения культуры обязаны создавать условия для учебной деятельности, например, предоставлять залы для репетиций. Примером такого подхода может служить практика Яньтайского музея фортепиано [9], где, как отмечает автор исследования на основе личного посещения летом 2024 г., регулярно проводятся концерты, мастер-классы и уроки игры на музыкальных

инструментах, в том числе на фортепиано. Ключевым требованием статьи 31 является обеспечение гражданам бесплатного или льготного доступа к культурным объектам, что расширяет аудиторию музыкальных мероприятий. Таким образом, закон формирует правовую и институциональную базу для развития музыкальной культуры, интегрируя её в систему публичных услуг через регулирование инфраструктуры, образовательных программ и поддержку этнических традиций.

Особый интерес представляет План развития культуры на период 14-й пятилетки [10], утверждённый Центральным комитетом КПК и Госсоветом КНР, в рамках которого музыкальная культура вписана в общенациональную стратегию, сочетающую сохранение традиций с внедрением инноваций. Документ акцентирует необходимость защиты нематериального культурного наследия, включая его цифровизацию, а также модернизацию образовательных программ. Развитие общественных культурных услуг предполагает расширение доступа к музыкальному образованию через организацию концертов и мастер-классов на базе библиотек, музеев и культурных центров, что способствует патриотическому воспитанию посредством искусства. В этом контексте особое внимание уделяется созданию произведений, прославляющих исторические достижения Китая, и продвижению национальной музыки за рубежом через участие в международных фестивалях, программы культурного обмена и сотрудничество со странами инициативы «Один пояс – один путь». Это отражает стремление усилить «мягкую силу» Китая, используя музыкальное искусство как инструмент культурной дипломатии. Ключевым аспектом плана является поддержка творческих кадров: документ подчёркивает важность подготовки профессиональных музыкантов, композиторов и исследователей через систему государственных грантов, конкурсов и образовательных проектов. Таким образом, музыкальная культура трактуется как элемент комплексной стратегии, направленной на укрепление национальной идентичности, технологическое развитие и глобальное влияние, сохраняя баланс между традиционными ценностями и модернизацией.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование музыкальной культуры в Китайской Народной Республике демонстрирует комплексный подход, гармонично сочетающий сохранение традиционного наследия с поддержкой современных творческих инициатив. Конституционные нормы КНР закладывают фундамент для защиты этнических традиций, гарантируя свободу творчества, доступ к образованию и развитие культурного многообразия. Эти принципы реализуются через специализированное законодательство, включая законы об охране культурных ценностей и нематериального наследия, которые обеспечивают правовую защиту музыкальных практик, инструментов и знаний, признавая их ключевыми элементами национальной идентичности.

Как показано в исследовании, государственные программы, такие как План развития культуры на 14-ю пятилетку, подчеркивают роль музыкальной культуры в укреплении «мягкой силы» Китая, интегрируя цифровизацию наследия, международный культурный обмен и патриотическое воспитание через искусство. Институциональная поддержка хранителей традиций (чуаньчэнжэнь), система грантов для творческих кадров и развитие инфраструктуры публичных культурных услуг способствуют популяризации музыки как среди граждан, так и на глобальной арене.

В заключение следует сделать вывод о том, что интеграция музыкального наследия в учебные программы, организация мастер-классов и концертов на базе музеев и культурных центров формируют преемственность поколений и инновационный потенциал отрасли. Комплексная интеграция, поддержка музыкальной культуры через правовые и институциональные механизмы. Таким образом, правовая система КНР эффективно обеспечивает динамичное развитие музыкальной культуры, укрепляя её роль как инструмента социальной сплочённости, культурного диалога и национального престижа.

Библиографический список

1. Алябьева А.Г. Музыкальные акустические системы Китая и Индонезии: опыт сравнительного анализа // Общество и государство в Китае. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. № 2. С. 789-796.
2. Юй Т. Китайская популярная музыка: истоки и основания // Университетский научный журнал. – СПб.: 2021. № 61. С. 100-106.
3. Юнусова В.Н. Творческий процесс в классической музыке Востока: автореф. дис. ... доктора искусствоведения: 17.00.02 / Виолетта Николаевна Юнусова. – М.: 1995. 37 с.
4. Юртаев В.И. БРИКС: образование как фактор стратегического превосходства // Африка как ресурс глобальных влияний. – М.: РУДН, 2015. С. 134-142.
5. Ялама Е. Музыкальная дипломатия или влияние музыки в жанре регги и, в частности, исполнителя Боба Марли на внутреннюю политику и диалог стран чёрной Африки // Молодежная дипломатия и новые вызовы времени. – М.: Издательский дом «УМЦ», 2024. С. 384-389.
6. Fosler-Lussier D. Music Pushed, Music Pulled: Cultural Diplomacy, Globalization, and Imperialism // Diplomatic History. 2012. Vol. 36. № 1. P. 53-64.
7. Vasilou K. Music Diplomacy and its application in international relations // Cultural Diplomacy Journal. 2023. // URL: <https://hellenicculturaldiplomacy.com/en/music-diplomacy-and-its-application-in-international-relations/> (Дата обращения: 01.02.2025).
8. Ван Шоучжи. История мирового современного искусства. Пекин: Китайское молодежное издательство, 2002. 195 с.
9. Описание яньтайского музея фортепиано // Официальный сайт музея фортепиано в Яньтае // URL: <http://www.ytpianomuseum.com/index.php/about/index/sid/623.html> (Дата обращения: 29.01.2025).
10. Генеральный офис ЦК КПК и Генеральный офис Государственного совета опубликовали «План развития культуры на период 14-й пятилетки» // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики // URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5707278.htm (Дата обращения: 21.01.2025).
11. Закон Китайской Народной Республики о нематериальном культурном наследии // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики // URL: https://www.gov.cn/flfg/2011-02/25/content_1857449.htm (Дата обращения: 28.01.2025).
12. Закон Китайской Народной Республики о гарантиях общественных культурных услуг //

- Министерство культуры и туризма Китайской Народной Республики // URL: <https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/zcfg/fl/202012/P020220218490252413657.pdf> (Дата обращения: 15.01.2025).
13. Закон Китайской Народной Республики об охране культурных ценностей // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики // URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202411/content_6985748.htm (Дата обращения 29.01.2025).
14. Конституция Китайской Народной Республики // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики // URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (Дата обращения: 22.01.2025).

References

1. Alyabyeva A.G. Musical acoustic systems of China and Indonesia: an attempt at comparative analysis // *Society and state in China*. – M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. № 2. Pp. 789-796.
2. Yu T. Chinese popular music: origins and foundations // *University scientific journal*. – St. Petersburg: 2021. № 61. Pp. 100-106.
3. Yunusova V.N. Creative process in classical music of the East: author's abstract. dis. ... doctor of art history: 17.00.02 / Violetta Nikolaevna Yunusova. – M.: 1995. 37 p.
4. Yurtaev V.I. BRICS: education as a factor of strategic superiority // *Africa as a resource of global influences*. – M.: RUDN University, 2015. P. 134-142.
5. Yalama E. Musical diplomacy or the influence of reggae music and, in particular, the performer Bob Marley on the domestic policy and dialogue of the countries of black Africa // *Youth diplomacy and new challenges of the time*. – M.: Publishing house "UMC", 2024. P. 384-389.
6. Fosler-Lussier D. Music Pushed, Music Pulled: Cultural Diplomacy, Globalization, and Imperialism // *Diplomatic History*. 2012. Vol. 36. № 1. P. 53-64.
7. Vasilou K. Music Diplomacy and its application in international relations // *Cultural Diplomacy Journal*. 2023. // URL: <https://helleniculturaldiplomacy.com/en/music-diplomacy-and-its-application-in-international-relations/> (01.02.2025).
8. Wang Shouzhi. *History of World Contemporary Art*. Beijing: China Youth Publishing House, 2002. 195 p.
9. Description of the Yantai Piano Museum // Official website of the Yantai Piano Museum // URL: <http://www.ytpianomuseum.com/index.php/about/index/sid/623.html> (29.01.2025).
10. The General Office of the CPC Central Committee and the General Office of the State Council Release the "Cultural Development Plan for the 14th Five-Year Plan Period" // Central People's Government of the People's Republic of China // URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5707278.htm (21.01.2025).
11. Intangible Cultural Heritage Law of the People's Republic of China // Central People's Government of the People's Republic of China // URL: https://www.gov.cn/flfg/2011-02/25/content_1857449.htm (28.01.2025).
12. Law of the People's Republic of China on Guarantees of Public Cultural Services // Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China // URL: <https://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/zcfg/fl/202012/P020220218490252413657.pdf> (15.01.2025).
13. Law of the People's Republic of China on the Protection of Cultural Properties // Central People's Government of the People's Republic of China // URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202411/content_6985748.htm (29.01.2025).
14. Constitution of the People's Republic of China // Central People's Government of the People's Republic of China // URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (22.01.2025).

Ткачук И.Б.

Аспирант кафедры философии и культурологии. Челябинский государственный институт культуры.

Язык и культура: система речевых установок в стратегиях личностного роста*

Аннотация. В статье представлена система речевых установок как культурное явление. Язык является не только сложной системой знаков, но и носителем множества лексических значений, закреплённых в образах культуры. Мы предлагаем рассмотреть речевые установки как социокультурное явление объективации и обратной объективации: мыслей, идей и образов – в деятельности субъекта культуры. Речевые установки могут быть орудием и деятельностью: воздействовать на позицию слушателя, заронить зёрна сомнения; формировать новое мышление; укреплять, изменять или разрушать структуру личности; менять историю. То есть, речевые установки могут быть орудием ловкого манипулятора, отражать лингвистическую уникальность периода истории культуры – в лексических формулах влияния. Речевые установки, усвоенные субъектом, влияют на его стратегию личностного роста – безусловно: влияют на логику формирования жизненного пути; позицию в процессе конфликта; глубину, сложность либо простоту, примитивность мышления. Автор рассматривает речевые установки не только как индивидуальные особенности говорящего и слушающего, но и закодированные образы и идеи времени в стратегии личностного роста. Автор обращается к фактам из истории, культуры и литературы, демонстрируя примеры речевых установок.

Ключевые слова: язык и культура, речь и мышление, речевые установки, лексические формулы влияния, система речевых установок, культурные детерминанты, объективация, коды времени, стратегии личностного роста, типы стратегий личностного роста.

Tkachuk I.B.

Post-graduate Student of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts.

Language and culture: the system of speech attitude in personal growth strategies

Abstract. The article presents the system of speech attitudes as a cultural phenomenon. Language is not only a complex system of signs, but also a carrier of many lexical meanings recorded in cultural images. We propose to consider speech attitudes as a socio-cultural phenomenon of objectification

* © Ткачук И.Б., 2025.

Язык и культура: система речевых установок в стратегиях личностного роста

and reverse objectification: thoughts, ideas and images - in the activities of a cultural subject. Speech attitudes can be a tool and an activity: influencing the listener's position, sowing seeds of doubt; forming new thinking; strengthening, changing or destroying the personality structure; changing history. That is, speech attitudes can be a tool of a clever manipulator, reflecting the linguistic originality of a period of cultural history - in lexical formulas of influence. Speech attitudes assimilated by a subject influence his strategy of personal growth - of course: they influence the logic of the formation of the life path; position in the conflict process; depth, complexity or simplicity, primitiveness of thinking. The author considers speech attitudes not only as individual characteristics of the speaker and listener, but also as coded images and representations of time in the strategy of personal growth. The author refers to facts from history, culture and literature, demonstrating examples of speech attitudes.

Key words: language and culture, speech and thinking, speech attitudes, lexical formulas of influence, system of speech attitudes, cultural determinants, objectification, codes of time, personal growth strategies, types of personal growth strategies culture.

Введение

Общетеоретические вопросы: взаимоотношение языка и культуры, речи и мышления – изучались и ранее в контексте филологии, психологии и других наук. Однако, исследование речевых установок в культурологическом аспекте представлено недостаточно.

В данной статье мы рассматриваем речевые установки в контексте исследования автором стратегий личностного роста. С нашей точки зрения, речевые установки можно исследовать как значимые лексические культурные формулы влияния — на жизнедеятельность субъекта. Поскольку речь – это форма человеческой активности, поэтому мы можем рассмотреть речевые установки как любую активность субъекта: выделить смысловое ядро, уровни, классифицировать.

Язык – это совокупность поведенческих моделей, которые едины для группы индивидов и передаются через культуру [29]. Речевые установки как социокультурное явление объективации: мыслей, идей и образов – в речи субъекта культуры — помогают нам понять языковые и культурные особенности определённого периода истории. Важно понимать, что единая группа индивидов возникает в процессе «постижения психического состояния друг друга в процессе взаимодействия и возникновения чувства, что они одинаково относятся к тому или иному явлению» [14]. То есть формирование такой единой группы представляет результат речевого воздействия: частого повторения, утверждения и убеждения, многократного эмоционального воздействия. Поскольку язык является социальным явлением, мы можем рассмотреть данный феномен – во множестве значений, закреплённых в образах лексики временного периода. Стратегия личностного роста, формирующаяся в конкретной географической точке и определённом временном периоде, отражает особенности актуальной культуры: политический строй, характерную лексику, способы выражения

мыслей. Речевые установки, усвоенные индивидом, могут быть представлены в компонентах стратегии личностного роста [20]:

- в типе реакции, сформированной в процессе эмоциональной оценки субъекта;
- в типе мышления личности, представляющий культурную мотивацию субъекта;
- в уровне ресурсности субъекта культуры.

Речевыми установками могут являться как лозунги на баннерах в открытом пространстве («Пятнадцать республик – пятнадцать сестёр», например, в период СССР), так и аффирмации для личного саморазвития («Я здорова, я прекрасна, я вечно молода, я люблю и любима, у меня прекрасный муж и прекрасные дети, моя прекрасная работа приносит мне радость и прекрасный доход») [27];

- в типе реакции («Кто не с нами тот против нас», «Враг не дремлет»; «Мы – люди одной планеты», «Мы – старшие братья»), сформированной в процессе эмоциональной оценки субъекта;
- в типе мышления личности («Миру – мир», «Слава КПСС», «Ты можешь всё», «Моя жизнь прекрасна и удивительна», «Я благодарен за всё»), представляющем культурную мотивацию субъекта;
- в уровне ресурсности субъекта культуры («Мне всё интересно» либо «Жизнь коротка и обосрана»);
- в уровне ресурсности субъекта культуры («Мне всё интересно» либо «Жизнь коротка и обосрана»);

Рассмотрим, как воздействуют на личность различные речевые установки в корреляции с культурными детерминантами, характерными для определённого периода истории культуры. Речевые установки определённого периода истории культуры представляют нам различные способы формирования «единой группы» (потенциальные жертвы манипуляций оратора) [14]:

- ораторская революционная лексика начала XX века, которая, с нашей точки зрения, влияла на эмоциональную сферу не мягкостью и проникновенностью, а резкостью и агрессией, отсутствием временного периода для обдумывания и рефлексии; речевые установки были направлены на формирование: быстрой реакции, постоянного возбуждения нервной системы, повышения уровня тревожности – для выполнения прямых и чётких команд — в единой группе;

- речевые установки середины XX века, связанные с темой построения коммунизма, были менее напряжёнными и предоставляли время для принятия решения, убедительно демонстрировали общие цели. Это более спокойное, чем в революционный период, влияние на эмоциональную сферу – формировало поле единения;

- в период перестройки в речевых установках появилась лексика, которая наконец-то заставляла слушающего: остановиться и задуматься над

тем, что происходит вокруг, да и с самим человеком; изменить точку зрения на вопросы личности в культуре и культуры в личности – речь приобрела иную динамику, лексическое поле демонстрировало потерю культурной идентификации во многих сферах, в первую очередь смещение различных пластов культурной лексики — эта потерянная была также представлена в «единении группы»;

- в конце XX века лексика отражала неустроенность и неблагополучие: активно проникали в нормативную речь - сленг, арг, жаргон – наблюдалось смещение ценностей и норм, единение группы было именно в точке «неустроенности и потери идентичности».

Таким образом, речевые установки не только отражают лингвистическую уникальность каждого периода истории культуры, но и характеризуют индивида как субъекта культуры, способного вычленять и усваивать характерные и важные именно для него лексические единицы. Во все периоды перед нами предстаёт субъект с теми культурными детерминантами в речевых установках, которые демонстрирует «его» - личность и временной период. Корреляция языка, культуры и личности представляют нам эмоциональную оценку и культурную мотивацию субъекта. Речевые установки как социокультурное явление, отражают определённый период истории культуры с характерными для него: образами, воплощенными в речи. Автор рассматривает систему речевых установок не только как индивидуальную особенность личности, но и закодированные образы и идеи времени – в лексике.

Язык и речь в научном дискурсе: обзор подходов

Корреляция феноменов: язык и культура, язык и мышление - всегда представляли интерес для исследователей. В ходе истории ракурс внимания к феноменам может изменяться, а коннотация и структура феноменов - усложняться. Так, например, с течением времени, язык начали изучать не только в контексте филологии и лингвистики, но и философии, психологии. В данной статье мы исследуем речь и речевые установки как языковые единицы в контексте теории и истории культуры, культурологии — как значимые лексические культурные формулы влияния — на жизнедеятельность субъекта. Автор рассматривает систему речевых установок не только как индивидуальную особенность личности, но и закодированные образы и идеи времени.

Рассмотрим подходы учёных в исследовании феномена речи и речевых установок:

- согласно концепции Д. Узнадзе, установка возникает на основе мотивационных и ситуативных факторов [25];
- Выготский и Леонтьев выделяют экспрессивно-эмоциональную и экспрессивную стороны языка, говоря о равноценной значимости с «чистым» лексическим значением [4], [11];
- Надирашвили писал: «Воздействие в процессе коммуникации на психическую активность друг друга и постижение психического состояния

друг друга (происходит) в процессе взаимодействия», «доверие и взаимодействие между субъектами возникает тогда, когда у них возникает чувство, что они одинаково относятся к тому или иному явлению) [14];

- «Слова – это знаки наших мыслей» - говорил Рижский [16];

- «Язык не подвержен случайностям, его изменение происходит по определенным законам... такая наука может быть только исторической [19];

- Потенбня А.А исследовал взаимоотношение языка и мышления, диалектику отношений индивидуального и социального в языке [15];

- Бодуэн де Куртенэ разработал положение о языке как языковой деятельности, развертывающейся во времени и пространстве. Он выделял два аспекта языка: орудие и деятельность, подчеркивая, что сущность языка - в речевой деятельности (речевой установке) [3];

- Богородицкий высказывал важную для автора мысль, что «язык не только выражает мысли, но он в значительной степени является орудием мышления, элементы языка воплощают успехи его познавательной деятельности и оказывают влияние на развитие мышления [2].

То есть речевые установки: выступают как социальное явление объективации мыслей, идей, образов «своего» времени; демонстрируют способ идентификации личности в актуальной культуре; демонстрируют взаимодействие субъектов и объектов культуры, а именно:

- способны выступать как адаптивная функция индивида;

- воздействуют на эмоциональную оценку, культурную мотивацию, ресурсность субъекта;

- отражают мышление субъекта;

- отражают определённый период истории культуры;

- являются результатом взаимодействия индивидуального и социального в языке;

- являются объектом речевой деятельности и входят в структуру языка.

Таким образом, речевые установки требуют более полного изучения в культурологическом аспекте как культурологический феномен.

Не смотря на то, что речь демонстрирует психологическое и даже отчасти физиологическое явление – мышление – и, как правило, является предметом исследования психологии и лингвистики, нам важно рассмотреть речь и речевые установки как объекты культуры и значимые формулы влияния на стратегию личностного роста субъектов культуры.

Рассмотрим речи известных людей, которые силой своей речи, речевых установок смогли влиять на огромные массы людей, меняя историю, привлекая на свою сторону даже противников. В каждом периоде истории культуры представлен выдающийся субъект культуры, обладающий даром эмоционального воздействия на иных субъектов. Конгруэнтная речь данных субъектов демонстрирует навык яркой и умелой объективации (выражение своих идей и мыслей через картины манипуляций объектами). Мы

вводим понятие обратной объективации. В связи с этим важно отметить, что, с нашей точки зрения, субъекты культуры, обладающие техникой обратной объективации (способностью формировать посредством образов речи необходимые мысли) достигают успехов в манипуляции действительностью. Этот процесс напоминает нейролингвистическое программирование НЛП или генеративный коучинг. НЛП является глобальным стимулятором личностного роста, основа которого во влиянии слова на наше сознание. В русской словесности широко известны пословицы как элемент народной мудрости о силе слова «Действие слова сильнее раны, нанесенной саблей», «Бритва скребет, а слово режет», «Ветер горы разрушает – слово народы поднимает» [17]. Ярко звучит христианская мысль «Сначала было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог». Например, в рамках позитивной психологии мы можем встретить активное воздействие словом: позитивные речевые установки, аффирмации, многократные повторения. Часто НЛП и генеративный коучинг подвергаются критике, но их важность, особенно в сочетании с элементами гипноза, например в лечении ПТСР, доказан временем. Жертвы насилия также получают значительную реабилитацию при помощи НЛП и улучшают качество жизни.

Казалось бы, что речь малоэффективна в процессе излечения, но, в новых исследованиях, паллиативная помощь - в форме позитивных речевых установок - важна и даже является институтом помощи нуждающимся людям. То есть, меняя объекты речи в установках говорящего, можно менять и направление мысли слушающего – это процесс объективации в динамике воздействия.

Однако, обратимся к речевым установкам как значимым лексическим культурным формулам воздействия в речи известных личностей. Изучая тексты известных ораторов, мы отмечаем явные элементы манипуляции: запугивание, обвинение, восхваление, одобрение, родственное обращение. В культуре мира известны исторические примеры, когда казалось бы неприметный человек проявляет себя как: хитрый манипулятор, умелый оратор, уникальная личность – проявляя себя масштабно, меняя ход истории.

Рассмотрим элементы манипуляций в речи известных личностей, которые слушатель воспринимает как речевые установки:

- Пророк Исаия Иерусалим в VIII век до н.э. говорил «всем отступникам и грешникам погибель, а обратившиеся спасутся правдою» [10];

- Сократ говорил: «С человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти, и боги не перестают заботиться о его делах» [18];

- Иисус Христос в Нагорной проповеди говорил: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [8];

- Иоанн Златоуст говорил: «Для меня будет похвалой то, если вы своими делами оправдаете все мои слова» [9];

- Мартин Лютер, защищая свою позицию писал: «Я не могу подчинить свою веру ни папе, ни собору, поскольку ясно как день, что они впали в ошибку и даже в явный разлад с самим собой» [12];

- Джордж Вашингтон говорил, что «нам остаётся верить в то, что небеса никогда не одарят своей благосклонной улыбкой страну, где забыты вечные законы порядка и праведности» [6];

- Лев Толстой говорил, что «литература народа есть полное, всестороннее сознание его» [24].

Мы видим, что в речи исторических субъектов легко определяются такие манипулятивные установки: если ты соответствуешь идее оратора — ты хороший, если ты придерживаешься иного мнения, то будешь наказан и осуждён — это манипуляция. То есть, мы можем предположить, что в воздействующей речи всегда будет присутствовать элемент манипулирования эмоциональной сферой субъекта.

Рассмотрим лексические формулы и речевые установки в широко известной судебной речи Петра Александрова в защиту Веры Засулич. Казалось бы, в критической ситуации одиноко стоящий перед толпой беззащитный человек под воздействием энергии толпы и мнения авторитетов — должен испытывать страх — но адвокат защищает свою подзащитную:

- «в книгах наших уголовных, гражданских, военных законов розга испещряла все страницы. Она составляла какой-то легкий мелодический перезвон в общем громогласном гуле плети, кнута и шпицрутенгов»;

- «то, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести; государственное преступление нередко — только одновременно высказанное учение преждевременного преобразования, проповедь того, что ещё недостаточно созрело и для чего ещё не наступило время»;

- «есть сфера, которая не поддается праву, сфера умственного и нравственного развития, сфера убеждений, чувствований, вкусов, сфера всего того, что составляет умственное и нравственное достояние человека»;

- «закон карающий может отнять внешнюю честь, все внешние отличия, с ней сопряжённые, но истребить в человеке чувство моральной чести, нравственного достоинства судебным приговором, изменить нравственное содержание человека, лишить его всего того, что составляет неотъемлемое достояние его развития, никакой закон не может» [1].

Пётр Александров в процессе речевой объективации использует такие образы унижительного наказания: «розга, плеть, кнут, шпицрутен»; использует антитезу «преступление — подвиг», «закон может отнять внешнюю честь, но не способен изменить нравственное содержание человека»; использует логический приём априорного типа «государственное преступление — учение преждевременного преобразования», утверждение «сфера умственного и нравственного развития не поддается праву». Лек-

сика в судебной речи Петра Александровна чётко разграничивает понятие «внешний закон» и «внутренний закон», связывает социокультурные события прошлого, настоящего и будущего – в контексте норм и ценностей, рассматривает закон в динамике его возможного изменения. Пётр Александров объективирует свои мысли, одновременно формируя в картине мира слушателей новую реальность. Его образы в речи – смелые, логичные и убедительные – несомненно являются речевыми установками и безусловно влияют на эмоциональное состояние участников процесса. Безусловная вера в то, о чём говорит оратор, воздействует на мысли слушателей методом обратной объективации.

Таким образом, речевые установки не только представляют нам способ мышления субъекта, но и могут демонстрировать нам систему воздействия на слушателей. Речевые установки как значимые культурные формулы влияния способны:

- воздействовать на эмоциональную сферу слушателя;
- влиять на позицию слушателя – агрессора, наблюдающего или жертвы
- в процессе конфликта;
- сознательно формировать структуру мышления слушателя: простоту, узость, примитивность либо критичность, разнонаправленность, панорамность взглядов.

Итак, речевые установки:

- могут быть орудием и деятельностью;
- могут укреплять или разрушать структуру личности, меняя её;
- могут воздействовать на позицию личности, заронить зёрна сомнения;
- могут формировать новое мышление;
- могут менять историю.

Мысли, получающие объективацию в процессе речи, представляют собой закодированные образы, которые каждый индивид считает индивидуально. Поскольку способ влияния речи на слушателя достаточно понятен, автор может представить систему взаимодействия оратора и слушателя как процессы объективации и обратной объективации.

Система речевых установок как факторы влияния на формирование личностной позиции:

Система речевых установок

Речь, речевые установки связаны с взаимодействием лексического значения слов и предметами/явлениями/действиями, с которыми ассоциируются эти слова для говорящего и слушающего. Нужно сразу отметить, что предметы/явления/действия, с которыми ассоциируются у говорящего и слушающего отдельные лексические единицы языка – могут быть как очень похожими, так и отличающимися.

Процесс речи представляет цепочку от говорящего к слушающему: мысли говорящего – образы говорящего – объективация – обратная объ-

ективация – образы слушающего – мысли слушающего.

Напомним, что объективация – это индивидуальный процесс, связанный со способностью связывать узнаваемые символы и усвоенные образы, в данном случае – речь и объекты действительности.

Слушающий, в процессе понимания и расшифровки символов, – воспроизводит понятные ему образы и связанные с этим образом эмоции и действия, перенося ранее полученный опыт в осмысление и осознание смыслов слушаемой речи.

Система речевых установок представляет взаимодействие говорящего и слушающего:

- коррелирует с процессами объективации и обратной объективации;
- выражает уровни и качество в восприятии говорящего и слушающего субъекта.

Уровни объективации и обратной объективации:

Процесс объективации – как реакция слушающего может быть представлена следующими уровнями:

- эмоциональный уровень – «он успешен» или «он ничтожный и никчёмный»;
- когнитивная реакция – «я вдохновлён» или «я подавлен»
- рациональная реакция – принятие решения «я с ним, он мне понятен и близок» или «я уклоняюсь, убегаю, это не мой герой».

Процесс обратной объективации – как индивидуальный почерк оратора можно рассмотреть на следующих уровнях:

- фонетический: громкость речи, высота и тембр голоса, интонационное ударение, длина фразы, темп речи;
- лексический: яркие сильные эмоциональные метафоры, характерная для данного индивида лексика, стиль и манера изложения своих мыслей – в тексте;
- структурный: логическое ударение, логические выводы, категоричная: характерная, индивидуальная, узнаваемая – структура (например, длинный и обволакивающий характер речи или краткие высказывания плевками – резюмирующий характер речи).

Ядро системы речевых установок:

Попытаемся выделить ядро речевых установок. Мы предполагаем, что ядро в системе речевых установок представляет индивидуальность личности и стратегию личностного роста, на которые указывает: характерная лексика, яркие сильные эмоциональные метафоры, длина фразы, темп речи, высота и тембр голоса.

Уровни воздействия речевых установок:

Также в системе речевых установок необходимо представить уровни воздействия. Воздействие на слушающего субъекта (индивидуально или в массе людей) – может осуществляться на нескольких уровнях:

- лексическом (семантика направляет мысль слушающего к задаче оратора);
- стилистическом (темп, ритм, интонационное ударение и мелодика речи оратора настраивает психику слушателя: успокаивает или возбуждает);
- функциональном (прямо или метафорично указывает слушателю на необходимые действия).

Ядро системы речевых установок

Именно эти уровни формируют ядро, вокруг которого формируется энергия воздействия на слушателя и заставляет подчиняться воле оратора. Можно предположить, что если бы некоторые политики изменили лексику, ускорили, изменили темп своей речи - тембр голоса, то за ними могли бы идти массы людей.

Рассмотрим уровни, представляющие ядро системы речевых установок:

- выбор лексики оратора неслучаен, а отражает мышление оратора: «беспощадно», «подонки», «мочить в сортире», «к оружию». Подобная лексика независимо от состояния слушающего: волевой сферы, личных амбиций и уровня собственного достоинства — заставляет включить биологический адаптивный механизм защиты: группироваться, сжиматься, стигаться, прижимать голову и уши, сжимать челюсти — в таком состоянии (мы о нём говорили об этом в статье выше в корреляции с революционной речью), повышается уровень тревожности, снижается критика и способность мыслить творчески - человек готов к решительным действиям, им легче управлять. Он возбуждён и взбудоражен, его реакция быстрая.
- намеренное включение в речь ярких и сильных эмоциональных метафор, а также обращение к слушателям с родственным оттенком: «как мать», «как отец», «как ребёнок», «сёстры и братья», «друзья мои» - является конгруэнтной лексикой и воздействует на тонкий уровень энергии человека, на его «внутреннего ребёнка», может успокоить бдительность и заставить верить оратору;
- длина фразы в речи оратора - индивидуальна и постоянна, легко узнаваема. ожидаема;
- темп речи удерживает внимание на необходимом уровне возбуждения;
- высота и тембр голоса индивидуальны и настроены на эмоциональное воздействие на слушателя;
- чёткая формулировка необходимых действий из речи в речь одинаковыми речевыми установками.

Речевые установки как факторы влияния типа мышления в стратегиях личностного роста

Рассмотрим лексические формулы, которые оказывают воздействие на мышление людей и представим их как систему речевых установок.

Система речевых установок представлена: в сводах закона, в обыденной речи, в законодательных актах, в литературе, искусстве - как объек-

тивированный социальный опыт, обозначенный языковыми символами (словами и их совокупностью). Опыт речевого воздействия, накопленный в культуре – представлен в речах известных ораторов, которые смогли влиять на принятие решений государственного уровня.

Рассмотрим языковые символы программирования мышления, представленные в речах, известных ораторов:

- Владимир Ульянов (Ленин): «каждой страны», «больше и больше», «управляли и управляют», «советская власть не волшебный талисман, но она даёт возможность», «советская власть - путь к социализму» [26];

- Бенито Муссолини: «назначенный судьбой час», «хватит решимости», «лицо к лицу опасности», «великий народ чтит священный долг и не боится серьёзных испытаний», «определяющих ход истории», «разрушить оковы территориального и военного порядка», «душит нас в море», «народ не может быть по-настоящему свободен, не имея свободного выхода к океану», «суровая борьба — лишь логический этап на пути», «приказ сегодня один — категорический и обязательный для всех: к оружию» [13];

- Шарль де Голь: «достоинство», «разум», «высшие интересы родины» [7];

- Уинстон Черчилль: «я рад», «польщён», «почётная степень», «ощущая полную свободу, честно и откровенно», «действовать постепенно, шаг за шагом», «наш высший долг – защитить дома простых людей», «храм мира», «как друзья и партнёры», «крепнущие связи» [28].

Заключение

Речевые установки, с детства встроенные в мышление, безусловно, влияют на жизненный путь. Жизненный путь не бывает хаотичным, а в совокупности сформированных: тира реакции, типа мышления и волевых качеств – представляет систему жизни, а именно стратегию личностного роста субъекта. Стратегия личностного роста может выступать визуализатором усвоенных лексических формул, речевых установок, и, как инструмент, пространство и процесс демонстрирует:

- тип реакции субъекта на социокультурную ситуацию: контроль, баланс или сублимацию [23];

- величину и степень конфликта, вины и воли, влияющих на вид стратегии – субъекта: Бойцы, Карьеристы, Стабильные, Творческие, Волонтёры, Родители, Терпеливые [20], [22] [21];

- указывает на типичные реакции культурных групп как субъектов культуры [23];

- визуализирует уровень культуры преодоления индивида во взаимодействии субъектов с субъектами и объектами культуры [23];

- представляет культурные особенности субъектов определённого географического объекта [23];

- указывает на культурные доминанты, характерные для какого – либо периода истории [23].

Итак, речевые установки коррелирует:

- с системой индивидуальных ценностей;
- со стратегией личностного роста;
- с системой культурных норм.

Таким образом, речь, воздействуя на эмоциональную сферу, на мышление, изменяет активность субъекта культуры. Поскольку мы исследовали речь и речевые установки как языковые формулы влияния в контексте теории и истории культуры, культурологии, мы представили факты влияния речевых установок на личность и культуру, доказав значимость речевых установок — на активность субъекта. Таким образом, система речевых установок — это не только индивидуальная особенность личности, но и закодированные образы и идеи времени — в стратегии личностного роста.

Библиографический список

1. Александров П.А. Судебная речь в защиту Веры Засулич // Судебные речи известных русских адвокатов. – Москва: Госюриздат, 1958. С. 23-42. // URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/ZASS/ZASS_A.HTM (Дата обращения: 29.04.2025).
2. Богородицкий В.А. Статьи по начальному преподаванию русской грамматики и изучению художественно-литературных произведений / В.А. Богородицкий. – Казань, 1919. [4], 67, [1] с.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ; сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Том II. 391 с.
4. Выготский Л.С. Учение об эмоциях: историко-психологическое исследование // Научное наследство. Гл. ред. А.В. Запорожец; АПН СССР. – Москва: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 90-318.
5. Вашингтон Дж. Первая инаугурационная речь / Джордж Вашингтон // История США в документах: сайт. // URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/g-v-pervaya-ivaguracionnaya-rech.php> (Дата обращения 30.04.2025).
6. Вашингтон Дж. Прощальное послание / Джордж Вашингтон // История США в документах: сайт. // URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/g-v-proschalnoe-poslanie.php> (Дата обращения 30.04.2025).
7. Голль де Ш. Достоинство, разум и высшие интересы родины (Лондон, 22 июня 1940 г.) / Шарль де Голль // Речи, изменившие мир: от Сократа до Джебса: 55 важнейших выступлений в истории / авт.-сост. В. Апанасик. – Москва: Э, 2017. С. 245-249.
8. Иисус Христос Нагорная проповедь (Галилея, ок. 30 г.) / Иисус Христос // Речи, изменившие мир: от Сократа до Джебса: 55 важнейших выступлений в истории / авт.-сост. В. Апанасик. – Москва: Э, 2017. С. 33-39.
9. Иоанн Златоуст О смысле богатства и бедности (Антиохия, 388 г.) / Иоанн Златоуст // Речи, изменившие мир: от Сократа до Джебса: 55 важнейших выступлений в истории / авт.-сост. В. Апанасик. – Москва: Э, 2017. С. 39-52.
10. Книга Пророка Исаии // Русская Православная церковь: офиц. сайт Московской Патриархии. // URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/isa/38/> (Дата обращения: 30.04.2025).
11. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – Москва: Просвещение, 1969. 214 с.
12. Лютер М. 95 тезисов / Мартин Лютер ; сост., вступ. ст., примеч. и коммент. И. Фокина. – Санкт-Петербург: Роза мира, 2002. 720 с.
13. Муссолини Б. Время бесповоротных решений (Рим, 10 июня 1940 г.) // Речи, изменившие мир: от Сократа до Джебса: 55 важнейших выступлений в истории / авт.-сост. В. Апанасик. – Москва: Э, 2017. С. 241-244.
14. Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии / Ш.А. Надирашвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. 170 с.
15. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
16. Рижский И.С. Введение в круг словесности: сочиненное в Императорском Харьковском

- университете, и служившее руководством бывших в оном 1805го года публичных чтений, предшествовавших науке красноречия / И.С. Рижский. – Харьков: В Университетской типографии, 1806. [8], 108, IV с.
17. Русские пословицы и поговорки / сост. А.И. Соболев; науч. ред., авт. предисл. Ф.М. Селиванов. – Москва: Совет. Россия, 1983. 304 с.
18. Сократ. Тем, которые осудили меня на смерть (Афины, 390-е гг. до н. э.) / Сократ // Речи, изменившие мир: от Сократа до Джобса: 55 важнейших выступлений в истории / авт.-сост. В. Апанасик. – Москва: Э, 2017. С. 27-33.
19. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка // URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm> (Дата обращения: 30.04.2025).
20. Ткачук И.Б. Конфликт с современниками как стратегия личностного роста в культуре преодоления / И.Б. Ткачук, Н.В. Долдо // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы XXII Международного научно-творческого форума (научной конференции), 14-15 ноября 2023 г. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2023. С. 131-134. [4] с.
21. Ткачук И.Б. Типология стратегий личностного роста в современной культуре // Вестник культуры и искусств. 2023. № 4 (76). С. 92-101.
22. Ткачук И.Б. Феномен вины в стратегиях личностного роста в актуальной социокультурной ситуации / И.Б. Ткачук. – DOI 10.47475/1999-5407-2024-67-2-76-83 // Челябинский гуманитарий. 2024. № 2. С. 76-83. – (Научные статьи). – Библиогр. в конце ст. // URL: <https://library.csu.ru/rbooks2/view2?code=vch/chelgum/067/009>.
23. Ткачук И.Б. Феномен культуры преодоления: система индивидуальных ценностей в стратегиях личностного роста // Культура мира. № 45. Том 13. Выпуск 2. С. 52-62.
24. Толстой Л. Серьезное сознание серьезного народа (Москва, 4 февраля 1859 г.) / Лев Толстой // Речи, изменившие мир: от Сократа до Джобса: 55 важнейших выступлений в истории / авт.-сост. В. Апанасик. – Москва: Э, 2017. С. 83-85.
25. Узнадзе Д.Н. Философия. Психология. Педагогика. Наука о психической жизни / Д.Н. Узнадзе. – Москва: Смысл, 2014. 367 с.
26. Ульянов (Ленин) В. Что такое советская власть? (Москва, 25 мая 1919 г.) // Речи, изменившие мир: от Сократа до Джобса: 55 важнейших выступлений в истории / авт.-сост. В. Апанасик. – Москва: Э, 2017. С. 215-219.
27. Хей Луиза Л. Мудрость женщины: пер. с англ. / Л.Л. Хей; ред. И.Н. Суслова. – Москва: ОЛМА Медиа Групп: ОЛМА-ПРЕСС, 2011. 192 с.
28. Черчилль У. О железном занавесе (Фултон, 5 марта 1946 г.) // Речи, изменившие мир: от Сократа до Джобса: 55 важнейших выступлений в истории / авт.-сост. В. Апанасик. – Москва: Э, 2017. С. 269-280.
29. Greenberg Joseph H. 1971. "The Indo-Pacific hypothesis." In *Current Trends in Linguistics*, Vol. 8: *Linguistics in Oceania*, edited by Thomas A. Sebeok, 808-71. The Hague: Mouton. (Reprinted in *Greenberg, Genetic Linguistics*, 2005. P. 193-275.

References

1. Aleksandrov P.A. Court speech in defense of Vera Zasulich // *Court speeches of famous Russian lawyers*. – Moscow: Gosyurizdat, 1958. P. 23-42. // URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/ZASS/ZASS_A.HTM (29.04.2025).
2. Bogoroditsky V.A. Articles on the initial teaching of Russian grammar and the study of literary works / V.A. Bogoroditsky. – Kazan, 1919. [4], 67, [1] p.
3. Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics / I.A. Baudouin de Courtenay; compiled by V.P. Grigoriev, A.A. Leontiev. – Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. Vol. II. 391 p.
4. Vygotsky LS The doctrine of emotions: a historical and psychological study // *Scientific heritage*. Chief ed. A.V. Zaporozhets; Academy of Pedagogical Sciences of the USSR. – Moscow: Pedagogy, 1984. Vol. 6. P. 90-318.
5. Washington J. First inaugural address / George Washington // *History of the USA in documents*: website. // URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/g-v-pervaya-ivaguracionnaya-rech.php> (30.04.2025).
6. Washington J. Farewell Message / George Washington // *History of the United States in documents*: website. // URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/g-v-proschalnoe-poslanie.php> (6 April 30, 2025).

7. Gaulle de Ch. Dignity, Reason and the Highest Interests of the Homeland (London, June 22, 1940) / Charles de Gaulle // *Speeches that Changed the World: From Socrates to Jobs: 55 Most Important Speeches in History* / author-compiler V. Apanasik. – Moscow: E, 2017. P. 245-249.
8. Jesus Christ The Sermon on the Mount (Galilee, c. 30) / Jesus Christ // *Speeches that changed the world: from Socrates to Jobs: 55 most important speeches in history* – Moscow: E, 2017. P. 33-39.
9. John Chrysostom On the meaning of wealth and poverty (Antioch, 388) / John Chrysostom // *Speeches that changed the world: from Socrates to Jobs: 55 most important speeches in history* / author-compiled by V. Apanasik. – Moscow: E, 2017. P. 39-52.
10. The Book of the Prophet Isaiah // Russian Orthodox Church: official website of the Moscow Patriarchate. // URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/isa/38/> (30.04.2025).
11. Leontiev A.A. Language, speech, speech activity / Moscow: Prosveshchenie, 1969. 214 p.
12. Luther M. 95 theses / Martin Luther; compiled, introduction, notes and commentary by I. Fokina. – St. Petersburg: Rose of the World, 2002. 720 p.
13. Mussolini B. Time of Irreversible Decisions (Rome, June 10, 1940) // *Speeches that changed the world: from Socrates to Jobs: 55 most important speeches in history* / author-compiled. V. Apanasik. – Moscow: E, 2017. P. 241-244.
14. Nadirashvili Sh.A. The concept of attitude in general and social psychology / Sh.A. Nadirashvili. – Tbilisi: Metsniereba, 1974. 170 p.
15. Potebnya A.A. Thought and language / A.A. Potebnya. – Kyiv: SINTO, 1993. 192 p.
16. Rizhsky I.S. Introduction to the circle of literature: composed at the Imperial Kharkov University, and served as a guide to the public readings held there in 1805, preceding the science of eloquence / I.S. Rizhsky. – Kharkov: In the University Printing House, 1806. [8], 108, IV p.
17. Russian Proverbs and Sayings / compiled by A.I. Sobolev; scientific editor, author of the foreword by F.M. Selivanov. – Moscow: Sovet. Rossiya, 1983. 304 p.
18. Socrates. To Those Who Condemned Me to Death (Athens, 390s BC) / Socrates // *Speeches That Changed the World: From Socrates to Jobs: 55 Most Important Speeches in History* / compiled by V. Apanasik. – Moscow: E, 2017. P. 27-33.
19. Sreznevsky I.I. Thoughts on the history of the Russian language // URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm> (30.04.2025).
20. Tkachuk I.B. Conflict with contemporaries as a strategy for personal growth in the culture of overcoming / I.B. Tkachuk, N.V. Doldo // Scientific schools. Youth in science and culture of the XXI century: materials of the XXII International scientific and creative forum (scientific conference), November 14-15, 2023 – Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture, 2023. P. 131-134. [4] p.
21. Tkachuk I.B. Typology of personal growth strategies in modern culture // *Bulletin of Culture and Arts*. 2023. № 4 (76). P. 92-101.
22. Tkachuk I.B. The phenomenon of guilt in personal growth strategies in the current socio-cultural situation / I.B. Tkachuk. – DOI 10.47475/1999-5407-2024-67-2-76-83 // Chelyabinsk humanitarian. 2024. № 2. P. 76-83. – (Scientific articles). – Bibliography at the end of the article // URL: <https://library.csu.ru/rbooks2/view2?code=vch/chelgum/067/009>.
23. Tkachuk I.B. The phenomenon of the culture of overcoming: the system of individual values in personal growth strategies // *Culture of the world*. № 45. Volume 13. Issue 2. P. 52-62.
24. Tolstoy L. Serious Consciousness of a Serious People (Moscow, February 4, 1859) / Leo Tolstoy // *Speeches that Changed the World: from Socrates to Jobs: 55 Most Important Speeches in History* / author-compiler V. Apanasik. – Moscow: E, 2017. P. 83-85.
25. Uznadze D.N. Philosophy. Psychology. Pedagogy. Science of Mental Life – Moscow: Smysl, 2014. 367 p.
26. Ulyanov (Lenin) V. What is Soviet Power? (Moscow, May 25, 1919) // *Speeches that changed the world: from Socrates to Jobs: 55 most important speeches in history* / author-compiler V. Apanasik. – Moscow: E, 2017. P. 215-219.
27. Hay Louise L. Wisdom of a woman: trans. from English / L.L. Hay; ed. I.N. Suslova. – Moscow: OLMA Media Group: OLMA-PRESS, 2011. 192 p.
28. Churchill W. On the Iron Curtain (Fulton, March 5, 1946) / W. Churchill // *Speeches that changed the world: from Socrates to Jobs: 55 most important speeches in history* / author-compiler V. Apanasik. – Moscow: E, 2017. P. 269-280.
29. Greenberg, Joseph H. 1971. "The Indo-Pacific hypothesis." In *Current Trends in Linguistics*, Vol. 8: *Linguistics in Oceania*, edited by Thomas A. Sebeok, 808-71. The Hague: Mouton. (Reprinted in Greenberg, *Genetic Linguistics*, 2005. P. 193-275.

Ли Тяньюй

Аспирант. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Пэнчэн

Профессор и руководитель магистратуры. Университет Лишуй, г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.

Мэй Яньлин

Доктор наук, доцент, руководитель магистратуры, Университет Лишуй, г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.

Система оценки влияния гражданского воспитания на социальное поведение учащихся*

Аннотация. Традиционная система оценки влияния учитывает единичные, статичные и малоохватные индексы оценки, что приводит к необъективности и предвзятости результатов оценки. В ответ на данную проблему авторы статьи предлагают систему оценки влияния гражданского воспитания на социальное поведение студентов. На основе принципов оценки влияния гражданского воспитания на социальное поведение студентов определяются показатели системы оценки в соответствии с критериями выбора показателей влияния. Для определения веса индексов оценки и построения системы оценки влияния применяются методы иерархического анализа и анализа главных компонент. Целевая проверка предложенной системы показывает более надежные результаты оценки, а также снижение ошибки оценки на 33,3%.

Ключевые слова: гражданское воспитание, социальное поведение учащихся, оценка влияния, разработка системы оценки.

Li TianYu

Postgraduate. Student Faculty of Teacher Education of Lomonosov Moscow State University.

Li Pengcheng

Professor, Head of Graduate Studies, Lishui University, Lishui, Zhejiang Province, China.

Mei Yanling

Doctor of Science, Associate Professor, Head of Master's Program, Lishui University, Zhejiang Province, China.

* © Ли Тяньюй, Ли Пэнчэн, Мэй Яньлин, 2025.

Influential evaluation system of Civic Education on students' social behavior

Abstract. The traditional impact evaluation system selects single, static and small coverage evaluation indexes, which leads to the lack of objectivity of the evaluation results of the evaluation system and large evaluation bias. In response to the above problems, the impact evaluation system of Civic Education on students' social behavior is constructed. On the basis of establishing the principles of evaluating the influence of Civic Education on students' social behavior, the evaluation system indicators are determined according to the criteria for selecting influence indicators. The combination of hierarchical analysis and principal component analysis is used to determine the weights of the evaluation indexes and complete the construction of the impact evaluation system. The case verification shows that the evaluation error of this evaluation system is relatively reduced by about 33.3% and has more reliable evaluation results.

Key words: Civic education, students' social behavior, impact evaluation, evaluation system construction.

Introduction

Ideological and political education is the discourse analysis of ideas such as Marxism-Leninism, socialism with Chinese characteristics and other important ideas. Human thought is a stream of consciousness with the quality of instantaneous change. Human beings tend to express their thoughts through language and record them through words. Human thought is not a collection of fragments of consciousness, but a collection of meanings based on socio-historical conditions and the continuity of consciousness. In order to grasp human thought through language and words, it is necessary to resort to discourse analysis. Ideological and political education is a political practical activity in the field of thought in the form of education. Ideological and political education is particularly concerned with ideas in the social, practical, and spiritual sense, as distinguished from ideas that are the concern of psychology, philosophy, and ideology. The core of the field of social ideology lies in political thought, and its greatest characteristic is its political and social nature. For ideological and political education, its political thought is mainly political and social. It can be seen that the ideology in ideological and political education is mainly characterized by political nature [1]. The ideological and political courses in China's colleges and universities have distinct political attributes and reflect the essential requirements of socialist universities. In ideological and political education, students are guided by teachers to understand the basic ideas and methods of dialectical materialism and historical materialism through exploratory learning and social practice, improve their ability to participate in modern social life, gradually establish ambitious ideals for future life development, initially form a correct world view, outlook on life and values, and lay the foundation for the lifelong development of ideological and political quality.

Many scholars have already conducted in-depth studies on the impact of ideological and political education, but in the face of social transformation, this research approach has gradually revealed many shortcomings, making scholars linger on fragmented issues, making it difficult to see the overall picture of ideological and political pedagogy and take up the historical mission of discipline construction. This is unfavorable to the long-term development of ideological and political education. Therefore, effective evaluation of the impact of ideological and political education on students in all aspects of the teaching and learning process can be targeted to improve the problems of ideological and political education [2]. Relevant studies have shown that ideology can have different degrees of influence on people's beliefs, moral qualities, ideology, and social behavior.

Social behavior refers to the interaction and common behavior between people, and can usually be divided into three categories: interactive behavior resulting from the mutual actions of people; collective behavior made by combining people together; and group behavior manifested as a whole as a unit of action. Human social behaviors are all purposeful behaviors. Under the stimulation of the external environment, people produce a certain demand, driven by the demand, the emergence of the pursuit of certain goals of behavior. People's goal-seeking behavior is conditioned by social conditions. Social behavior is an interactive common behavior, the principle of social behavior is not in the individual, but in the society. Society produces social relations that do not depend on people's will, and people are in certain social relations and must conduct social behavior from certain social relations [3]. Therefore, studying the influence of Civic Education on students' social behavior can help to expand the relevant contents more deeply in the future Civic Education.

The impact evaluation system mentioned in the literature [4], the selected evaluation indicators are single and static, and there is a large error in the evaluation. The impact evaluation system mentioned in the literature [5] selects evaluation indicators from a macro perspective, and this evaluation system will lead to serious lagging problems in the evaluation results. The impact evaluation system mentioned in the literature [6] is too subjective in the selection of indicators, and the operability of the indicators is poor, which leads to greater limitations in the practical application of the evaluation system. The establishment of an objective, scientific evaluation system with relevance, orientation and volition is an important part of the study of the influence of Civic Education on students' social behavior, which is of great significance for the establishment of the future development direction of Civic Education and the development of Civic Education work. Therefore, this study selects appropriate impact evaluation indexes according to the needs of contemporary college students' quality and behavior training, constructs the impact evaluation system of Civic Education on students' social behavior, and provides theoretical quantitative data support for the future development of Civic Education. Thus, it helps educators to reflect on the theo-

retical and practical issues of ideological and political education with systematic thinking and promote the overall research of ideological and political education. By using a strong sense of disciplinary self-consciousness, we integrate knowledge production and application, take up academic and social responsibilities, and explore the laws and development issues of ideological and political education.

1 Research on the construction of influential evaluation system of Civic Education on students' social behavior

1.1 The principle of influential evaluation of Civic Education on students' social behavior is established

In order to strengthen and improve the accuracy of the decision making of students' ideological and political education work and enhance the quality of promoting students' ideological and political education, the construction of the evaluation system of the impact of ideological and political education on students' social behavior should follow the following basic evaluation principles.

First of all, to determine the impact of ideological education on students' social behavior evaluation should seriously consider the special political system and social environment of China, and clearly evaluate the actual needs of the subject objects and targeted enhancement of the impact of ideological and political education on students' social behavior. As the evaluation system of the influence of ideological education on students' social behavior will measure the effectiveness of the work done by each school on the ideological and political education of school students when it is applied in practice [7-9]. Therefore, the selection of the indicators of the system of evaluating the influence of ideological education on students' social behavior should have the principle of political clarity. The teaching purpose of the ideological and political education teaching carried out is to internalize the basic theories of Marxism into the quality of students, to train students to become people with correct political beliefs, and the purpose, content, and function set in the teaching process of ideological and political theory courses should have a clear political orientation. Therefore, the choice of indicators of the influential evaluation system of ideological and political education on students' social behavior must reflect the value orientation of socialism with Chinese characteristics. When formulating the index system, it must be combined with the characteristics of the curriculum, focusing on examining the positive impact of Civic Education on students' outlook on life and values, and on the cultivation and shaping of Civic Education on students' pro-social behavior and the correction of aggressive behavior.

In the early evaluation process of Civic Education in schools, relatively abstract evaluation criteria and indicators were often used to vaguely and abstractly summarize the impact of Civic Education on students in all aspects, without using concrete data to measure it. Later, after a long period of research, it was found that the impact evaluation of students' ideological and political education should neither only use qualitative evaluation nor rely excessively on quanti-

tative evaluation; if there is a more obvious bias of differences it will definitely lead to the final evaluation being out of objective reality. Therefore, when constructing the evaluation system of the influence of ideological education on students' social behavior, both qualitative and quantitative evaluations should be integrated, using qualitative evaluation to determine the overall direction of the evaluation system, using quantitative evaluation to specifically determine the degree of influence of ideological education in the corresponding direction, and combining the advantages of both to scientifically and effectively complete the construction of the evaluation system.

The evaluation system of the influence of ideological education on students' social behavior should also satisfy the principle of systemic nature, i.e., the combination of intuitive and indirect evaluations. In order to fully grasp the real situation of the influence of ideological and political education implementation process on students' social behavior, it is necessary to comprehensively examine various factors and aspects of the teaching process that affect students' social behavior. By obtaining a more intuitive and realistic perceptual understanding, the effect of the impact evaluation of ideological and political education on students' social behavior can be increased. Combining direct evaluation with indirect evaluation, indirect evaluation is mainly through the analysis of ideological and political education information materials, according to a certain logical way of thinking, to arrive at a rational understanding of the evaluation of the influence of ideological and political education on students' social behavior. When ideological and political education is carried out in schools, the overall goals of its teaching should include ideological quality goals, knowledge goals, and ability goals. Therefore, when designing the items of influential indexes of ideological education on students' social behavior, attention must be paid to the systemic nature, so that the evaluation results are more comprehensive, objective and fair [10].

The selection of indicators of the influential evaluation system of Civic Education on students' social behavior should be scientific. Evaluation is a value judgment made by the subject on the object. Evaluation activity is a value judgment activity based on objective facts, which should respect objective teaching facts, teaching laws and teaching contents [11-12]. Objectivity means that the evaluation system must be constructed from the actual situation of teaching and learning, not mixed with the subjective consciousness of the person who selects evaluation indexes, but in accordance with the objective laws of teaching and learning and reflecting the real situation of teaching and learning. Rationality means that the evaluation system should properly handle and reflect the relationship between various aspects of teaching, such as the relationship between theory and practice, and the relationship between teaching and students' growth. At the same time, the evaluation system should be able to keep up with the times and constantly adapt to the teaching requirements and educational reform.

The principles of feasibility and applicability should be considered when con-

structing the evaluation system of the influence of Civic Education on students' social behavior. The principle of feasibility means that the evaluation system should be operable. It mainly includes two aspects: firstly, the index system should be simple and easy to implement, and the design of each index should be easily accessible, so that it is easy for evaluators to collect the corresponding relevant data; secondly, the index system should be a combination of dynamic and static, and the information of each index is easy to obtain and has practical significance to reflect the teaching effect. This enables the evaluator to statically compare the impact of ideological and political education on the social behavior of students at the current stage with a more comprehensive information, and to compare the impact of the current stage of ideological and political education on the social behavior of students at the current stage with the historical records [13]. In the evaluation process, the external factors that influence students' behavior and consciousness when ideological and political education is carried out are quantified according to the specific content of current school ideological and political education and related teaching practices, and combined with the knowledge of psychology, evaluation, pedagogy and mathematics, in order to facilitate the quantitative evaluation.

The indicators also need to have a certain degree of independence when the evaluation system of the influence of Civic Education on students' social behavior is constructed, in order to avoid the loss of objectivity of the evaluation results due to the phenomenon of crossover and repetition between evaluation indicators, which affects the accuracy of the final evaluation results and the process of evaluation work [14]. In addition, the evaluation index system indicators should realize the combination of precision and fuzziness in order to ensure the flexibility of the evaluation system of the influence of Civic Education on students' social behavior.

After establishing the principles of evaluating the influence of Civic Education on students' social behavior, the evaluation indexes are initially selected according to the above principles in combination with the actual ideological and political education development work.

1.2 Evaluation system indicator determination

The criteria of ideological and political education's influential evaluation of students' social behavior are divided into political criteria, knowledge criteria, ability criteria, behavior criteria, mental health criteria, and moral criteria [15-18]. Among them, the political criterion is the primary criterion for the evaluation of the positive influence of ideological and political education on students' pro-social behavior. The primary task of ideological and political theory courses is to arm college students with Marxist theory, which is the key to whether ideological and political education can positively influence students' social behaviors. The evaluation of the influence of ideological and political education on students' social behavior should have a standard of consideration at the knowledge level. The knowledge standard is a rational and scientific standard with measurability.

In other words, it is necessary to consider the influence of ideological and political education at the knowledge level so that ideological and political education is an education of students' outlook on life, worldview and values. The ability standard, as the evaluation standard of ideological and political education's influence on students' social behavior, can cover various aspects of the influence on students' social behavior in terms of content, thus ensuring the comprehensiveness of the evaluation results. The moral criterion is the core criterion for evaluating the influence of ideological and political education on students' social behavior. Ideological and political education activities are mainly the activities of teaching Marxist theories to college students with the help of various carriers and forms such as classroom teaching, network and social practice, in order to cultivate and calculate good ideological and moral qualities of college students and finally present them with firm beliefs, healthy psychological qualities and good behavioral habits. The standard of moral character is inherent, and once the excellent quality of an individual is formed, it will influence the behavior of an individual with a strong inertia force and be expressed in the behavior habits of an individual. Evaluation of ideological and political education to influence students' social behavior must establish psychological health standards. Maintaining psychological health is very important for a person's growth, and the degree of psychological health is in a sense expressed in the social behavior of students. Seeking active and effective ways and means to educate students on mental health in ideological and political education, we strive to improve the psychological quality of college students, cultivate good moral behavior, social interaction skills, and interpersonal relationship management, thus forming a good pro-social behavior shaping environment. The standard of behavior is the highest standard for evaluating political education to influence students' social behavior. Whether it is the leadership of political direction, the transfer of knowledge, the cultivation of ability or the formation of moral character, the maintenance of mental health, and finally to be expressed in the form of behavior. Behavior is moreover the most intuitive and real manifestation of the degree to which students' social behavior is influenced by Civic Education.

According to the above specified criteria for determining the evaluation indexes of the influence of Civic Education on students' social behavior, this paper starts from several levels, and after the initial selection of the evaluation indexes of the influence of Civic Education on students' social behavior, the initially selected evaluation indexes are screened and revised according to the specific teaching contents of Civic Education and the educational objectives of cultivating students' behavior and moral quality. In this paper, the Delphi method is selected to amend the indicators in the evaluation index system, and anonymous voting on the initially screened evaluation indicators is conducted by experts through the form of questionnaires. Multiple rounds of amendment, feedback and selection are made to determine the final evaluation index system. Then the

processed evaluation index system of the influence of Civic Education on students' social behavior is shown in the following table [19-21].

Table 1. Evaluation indicators of the influence of Civic Education on students' social behavior.

Tier 1 Indicators	Tier 2 Indicators	Tier 3 Indicators
Ideological and political quality	Political quality	Knowledge of political theory Political capacity Ideal Belief
	Quality of thought	Life view, values Learning Attitude
	Moral quality	Patriotism, collectivism Civilian Literacy Respecting teachers and caring for classmates Active participation in social practice
	Social Ethics	Honest and trustworthy Orderly compliance
Quality of law and discipline	Legal Concept	Mastering basic legal knowledge Proper exercise of power Active participation in management
	Discipline and law-abiding	Conscientiously learn the law and consciously abide by it Consciously fulfilling obligations Dare to fight the illegal phenomenon
	Physical characteristics	Active exercise and sports standards
	Psychological quality	Self-awareness Proactive spirit Self-coordination and control Positive attitude towards people
Physical and mental qualities	Belief System	Whether to cultivate students' strong political beliefs
	Mental health level	Whether to always pay attention to students' mental health

Teaching Philosophy	Theory and Practice	Whether the teaching philosophy is advanced and whether it can convey advanced concepts and ideas of socialist construction with Chinese characteristics to students
	Values	Whether the values conveyed by teachers are in line with socialist construction
Other factors	Social Relations	Availability of stable social relationships
		Whether there is a clear understanding of social relations

There are 6 primary indicators, 13 secondary indicators and 28 tertiary evaluation indicators in the above table. After establishing the influential evaluation indicator system of Civic Education on students' social behavior shown in the above table, the weights of the evaluation indicators are determined using a combination of hierarchical analysis and principal component analysis, taking into account the relationship between the indicators and the indicators and the actual quantitative data.

1.3 Calculation of evaluation index weights

After the data obtained from the big data, the evaluation index parameters are determined by using the principle of combining hierarchical analysis and principal-component analysis. Firstly, the indicators in the evaluation indexes of the influence of Civic Education on students' social behavior selected above were formed into a group of two by two, and the judgment matrix was constructed according to the principle of DEA to obtain the efficiency value of the indicators. Experts in the industry were invited to score the importance of each indicator in the evaluation index system, and the importance of the two indicators was compared with each other by using five scores of 1, 3, 5, 7 and 9, and the larger the score, the more important one of the two indicators was compared with the other. The reciprocal of the above scores is used to characterize the situation where the indicators are of opposite importance. The results of the experts' scores were used as the raw data for the evaluation to develop the standardization process [22].

After the normalization process, the judgment matrix of each indicator is obtained. The consistency of judgments of the judgment matrix can be judged according to the following formula.

$$CR = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} \quad (1)$$

In formula (1), CR is to judge the consistency index; $\lambda_{\max}$ is the approximation of the maximum value in the eigenvalue of the index judgment matrix; n is the number of elements in the indicator judgment matrix. If $CR < 0.1$, then the judgment matrix is considered to be consistent; otherwise, the judgment

matrix needs to be modified. The correlation coefficient matrix The correlation coefficient matrix 111 is calculated based on standardized data. The calculation formula of elements in the correlation coefficient matrix is as follows [23]: is calculated based on standardized data. The calculation formula of elements in the correlation coefficient matrix is as follows [23]:

$$r_{jk} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n X_{ji}, r_i = 1, r_k = r_k \quad (2)$$

In formula (2), X_{ji} is the original evaluation data after standardized processing. The correlation coefficient matrix was used to diagnose multicollinearity. Assume $(X_1, X_2, \dots, X_r)$ is the n -dimensional evaluation factor vector sequence, collinearity coefficient exists between any two evaluation factor vectors. Then the collinearity coefficient is calculated as follows:

$$\left\{ \begin{array}{l} \rho_{ij} = \frac{\text{cov}(X_i, X_j)}{\sqrt{DX_i} \sqrt{DX_j}} \\ \text{cov}(X_i, X_j) = E[X_i - E(X_i)][X_j - E(X_j)] \end{array} \right. \quad (3)$$

In formula (3), $\text{cov}(X_i, X_j)$ is the covariance between two vectors; E is the expected value; D is the variance. If the collinearity coefficient of ρ_{ij} is greater than or equal to 0.45, it is judged that collinearity exists in the two evaluation factors. The larger the correlation coefficient is, the more significant the collinearity is.

When evaluating each decision making unit, the relative efficiency of the two decision making units is determined after the cross evaluation of any two decision making units. The expression of the objective function for solving the model is as follows [24]:

$$E_k = \max \sum_{r=1}^s u_r y_{rk} \quad (4)$$

In formula (4), y_{ik} is the i th output index of the k th decision unit; u_r is the weight corresponding to the input index; E_k is the efficiency value of the decision unit k . The constraints on the objective function of the above model are shown below.

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{i=1}^m v_i x_{ik} = 1 \\ \sum_{r=1}^s u_r y_{rk} \leq 1 \\ \text{s.t.} \left\{ \begin{array}{l} \sum_{r=1}^s u_r y_{rk+1} - \sum_{i=1}^m v_i x_{ik+1} \leq 0 \\ u_r \geq 0, r = 1, 2, \dots, s \\ v_i \geq 0, i = 1, 2, \dots, m \\ 1 \leq k \leq 13 \end{array} \right. \end{array} \right. \quad (5)$$

In formula (5), m is the number of negative indicators entered in the evaluation of the decision unit. S is the number of positive indicators entered for the evaluation of the decision unit. X_{ik} is the i th input indicator of the k th decision unit. V_i is the weight corresponding to the output index. Based on the above solved results, the judgment matrix of the influential evaluation index of Civic Education on students' social behavior is constructed.

Assuming a judgment matrix of $C = [a_{jl}]_{n \times n}$, the equation for the elements in the judgment matrix of the decision unit is shown below [25].

$$\begin{cases} a_{jl} = \frac{E_{jj} + E_{jl}}{E_{ll} + E_{lj}} \\ a_{jj} = a_{ll} = 1, a_{jl} = \frac{1}{a_{lj}} \end{cases} \quad (6)$$

From equation (6), it is clear that the elements in the judgment matrix are based on the efficiency index calculated by EDA. The maximum eigenvalue of the judgment matrix and the eigenvector corresponding to the maximum eigenvalue are calculated. Given the relative importance of the decision unit, this relative importance is the full ranking value of the decision unit. The obtained full ranking value is converted into the efficiency value of the evaluation system according to the following formula.

$$E_i = \frac{W}{\max W}, i = 1, 2, \dots, n \quad (7)$$

In equation (7), W is the eigenvector of the judgment matrix except for the largest component of the eigenvector. $\max W$ is the maximum component of the feature vector of the judgment matrix, and its efficiency value is taken as 1; is the corresponding efficiency value after conversion. When actually evaluating the influence of Civic Education on students' social behavior, specific scoring results can be obtained according to the evaluation index weights determined above. In this paper, we set a score of 10 out of 10, and when the corresponding evaluation index score is negative, it indicates that the index has a certain negative effect on students' pro-social behavior; when the corresponding evaluation index score is positive, it indicates that the index has a facilitating effect on students' pro-social behavior. At this point, this paper has completed the construction of the influential evaluation system of Civic Education on students' social behavior.

2 Case verification and result analysis

As a compulsory public course, ideological and political theory class occupies an important position in our curriculum system. Ideological and political education has an important role in effectively restraining the moral behavior norms of college students, motivating students to develop morally, intellectually, physically and aesthetically, and comprehensively cultivating and improving

students' comprehensive quality. In order to study the influence of ideological education on students' social behavior, this paper constructs an impact evaluation system of ideological education on students' social behavior. In order to test the effectiveness of this influential evaluation system, the following experiment is conducted.

2.1 Experimental environment

In this section, a comparison experiment will be conducted in an experimental platform configured with an Intel core i7 3.75GHz CPU, 16G hard disk, and 4G RAM. Through the comparison experiment, the traditional impact evaluation system is selected as the comparison item for this experiment.

2.2 Experimental content and procedure

The impact evaluation index systems mentioned in literature [4] and literature [5] were selected as the comparison indexes for this experiment, and the data corresponding to each index in the process of Civic Education in different schools were selected as the research data for the experiment, respectively. The three evaluation systems were used to evaluate the impact of Civic Education on students' social behavior, respectively. The theoretical values were used as a reference for the evaluation errors, and the standard deviation and mean absolute error between the evaluation results of the three evaluation systems and the theoretical values were calculated. The relationship between the error values is analyzed and the final conclusion of this experiment is drawn.

2.3 Experimental results

The errors of the evaluation results of the three impact evaluation systems are shown in the following table, and the relationship between the data in the table is analyzed to draw experimental conclusions.

Analysis of the above table shows that when the evaluation system mentioned in the literature [4] is used for teaching effectiveness evaluation, the standard deviation value of the evaluation results of its evaluation is the largest, and when the experimental evaluation conditions are changed, the fluctuation of the standard deviation value and the average relative error of the evaluation results of this evaluation system are also much larger than those of the other two evaluation systems. When the evaluation system mentioned in the literature [5] is used for impact evaluation of Civic Education, the standard deviation value of its evaluation results is in the middle, and the fluctuation of its standard deviation value and the average relative error are smaller when the experimental evaluation conditions are changed compared to the evaluation system mentioned in the literature [4]. When evaluated using the evaluation system constructed in the paper, the evaluation system has the smallest contrast and the smallest fluctuation. Further processing of the data in the above table shows that the average standard deviation of the evaluation system in the literature [4] is 0.83, the average standard deviation of the evaluation system in the literature [5] is 0.76, and the average standard deviation of the evaluation system in the paper is 0.29.

Further processing of the data shows that the evaluation accuracy of the impact evaluation system constructed in the paper is relatively improved by about 33.3%. This indicates that the evaluation system of the influence of Civic Education on students' social behaviors has high precision and stable evaluation process, and is reliable compared with the other two influence evaluation systems. In conclusion, the impact evaluation system of Civic Education on students' social behavior constructed in the paper has strong adaptability, high precision of evaluation results, and is suitable for practical verification.

Table 2. Comparison of evaluation deviation in the evaluation system.

Study group number	Literature [4] Evaluation system		Literature [5] Evaluation system		Article evaluation system	
	The standard deviation	Mean absolute error / %	The standard deviation	Mean absolute error / %	The standard deviation	Mean absolute error / %
1	0.836	3.72	0.755	5.67	0.298	1.29
2	0.820	4.13	0.766	5.55	0.285	1.28
3	0.832	4.14	0.752	5.66	0.302	1.33
4	0.828	4.01	0.747	5.7	0.289	1.25
5	0.831	4.6	0.744	5.6	0.308	1.38
6	0.835	4.19	0.757	5.64	0.292	1.38
7	0.819	3.63	0.765	5.69	0.285	1.32
8	0.826	4.11	0.764	5.62	0.293	1.35
9	0.837	3.82	0.755	5.63	0.282	1.34
10	0.821	3.83	0.765	5.78	0.281	1.39

Conclusion

Ideology is the field of activity and research of ideological and political education, and ideology has a profound influence on human behavior. As an important part of the education system with Chinese characteristics, ideological and political education runs through the entire learning and growth process of Chinese students. The basic knowledge of socialist material civilization, political civilization and spiritual civilization construction is taken as the basic content to shape students' good ideological and political quality through ideological education. In order to evaluate the impact of ideological and political education on students' social behavior from the perspective of quantitative analysis, this paper constructs an evaluation system of the impact of ideological and political education on students' social behavior. The case verification proves that the

constructed evaluation system of the influence of ideological and political education on students' social behaviors has strong generalization ability and low evaluation error in practical application, which can cultivate and shape students' good social behaviors more effectively and its index selection is more reasonable compared with other traditional influence evaluation systems and is suitable for practical promotion. In future research, the indicators of the impact evaluation system should be screened and updated according to the age level and education level of different students and the actual school situation of Civic Education, so as to ensure the flexibility of the impact evaluation system.

Библиографический список / References

1. Seyed Amin Mirlohi Falavarjani, Fattane Zarrinkalam, Jelena Jovanovic, et al. The reflection of offline activities on users' online social behavior: An observational study [J]. *Information Processing and Management*, 2019. № 56 (6). P. 102070.
2. Benjamin Bowyer, Joseph Kahne. The digital dimensions of civic education: Assessing the effects of learning opportunities [J]. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2020. № 69. P. 101162.
3. Emiel Cracco, Oliver Genschow, Ina Radkova, et al. Automatic imitation of pro- and antisocial gestures: Is implicit social behavior censored? [J]. *Cognition*, 2018. № 170. P. 179-189.
4. Connolly Patrick. The Gravity of Objects: How Affectively Organized Generative Models Influence Perception and Social Behavior [J]. *Frontiers in psychology*, 2019. № 10. P. 2599-2599.
5. Edgar Demeter, Dana Rad. Global Life Satisfaction and General Antisocial Behavior in Young Individuals: The Mediating Role of Perceived Loneliness in Regard to Social Sustainability—A Preliminary Investigation [J]. *Sustainability*, 2020. № 12 (10). P. 1-13.
6. Melissa Leigh Gibson. Scaffolding Critical Questions: Learning to Read the World in a Middle School Civics Class in Mexico [J]. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*, 2018. № 62 (1). P. 25-34.
7. Frank Reichert, Murray Print. Civic participation of high school students: the effect of civic learning in school [J]. *Educational Review*, 2018. № 70 (3). P. 318-341.
8. Chi-Ming Angela Lee, Stephen J. Thoma. Developing and testing a scale of moral thinking and communication (MTC) functioning: a preliminary study and its implications for moral development and education [J]. *Asia Pacific Journal of Education*, 2018. № 38 (1). P. 32-50.
9. Suchitra Rao, Sonja I. Ziniel, Isra'a Khan, et al. Be inFLUential: Evaluation of a multifaceted intervention to increase influenza vaccination rates among pediatric inpatients [J]. *Vaccine*, 2020. № 38 (6). P. 1370-1377.
10. Blázquez Cristina Sáez, Borge-Diez David, Nieto Ignacio Martín, et al. Multi-parametric evaluation of electrical, biogas and natural gas geothermal source heat pumps [J]. *Renewable Energy*, 2021. № 163. P. 1682-1691.
11. Yaser Ostovari, Ali Akbar Moosavi, Hamid Reza Pourghasemi. Soil loss tolerance in calcareous soils of a semiarid region: evaluation, prediction, and influential parameters [J]. *Land Degradation & Development*, 2020. № 31 (15). P. 2156-2167.
12. Jared Netley, Jamie Gaul, Chelsea Ferguson. Evaluation of Prescribing Patterns of Long-Acting Injectable Antipsychotics Within a Community Health System [J]. *Journal of Clinical Psychopharmacology*, 2019. № 39 (5). P. 494-498.
13. Chester J. Donnelly, Evan J. Trapani, Spencer W. Barnhill, et al. The Most Influential Publications in Odontoid Fracture Management [J]. *World Neurosurgery*, 2019. № 123. P. 41-48.
14. Posset Roland, Kölker Stefan, Gleich Florian, et al. Severity-adjusted evaluation of newborn screening on the metabolic disease course in individuals with cytosolic urea cycle disorders [J]. *Molecular Genetics and Metabolism*, 2020. № 131 (4). P. 390-397.
15. Dao-yuan Wang, Yong-quan Zhu, Guang-yao Cui, et al. Study on the Intelligent Evaluation System of Tunnel Frost Damage in Cold Regions Based on the Fuzzy Comprehensive Evaluation Model [J]. *Mathematical Problems in Engineering*, 2020. № 1. P. 1-18.

16. Wang Chuantao, Cai Xiaofei, Li Baowen. Erratum to “Fuzzy comprehensive evaluation based on multi-attribute group decision making for business intelligence system” [J]. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*, 2018. № 35 (3). P. 3927-3927.
17. Jing Yang, Liqiong Shen, Xiaoyan Jin, et al. Evaluating the quality of simulation teaching in Fundamental Nursing Curriculum: AHP-Fuzzy comprehensive evaluation [J]. *Nurse Education Today*, 2019. № 77. P. 77-82.
18. Kokila Harshan Ramanayaka, Xianqiao Chen, et al. UNSCALE: A Fuzzy-based Multi-criteria Usability Evaluation Framework for Measuring and Evaluating Library Websites [J]. *IETE Technical Review*, 2019. № 36 (4). P. 412-431.
19. Vahid Nasir, Sepideh Nourian, Stavros Avramidis, et al. Stress wave evaluation for predicting the properties of thermally modified wood using neuro-fuzzy and neural network modeling [J]. *Holzforschung*, 2019. № 73 (9). P. 827-838.
20. Hosseini Seyed Abolfazl, Esmaili Paeen Afrakoti Iman. Evaluation of a new neutron energy spectrum unfolding code based on an Adaptive Neuro-Fuzzy Inference System (ANFIS) [J]. *Journal of radiation research*, 2018. № 59 (4). P. 436-441.
21. Vlasenko T., Hatsko A., Larina T. et al. Fuzzy Evaluation of Change Management Processes in the Context of Enterprise Sustainability [J]. *Sustainability*, 2019. № 11 (22). P. 6310.
22. Zbucka-Kretowska Monika, Zbucki Robert, Parfieniuk Ewa, et al. Evaluation of Bisphenol A influence on endocannabinoid system in pregnant women.[J]. *Chemosphere*, 2018. № 203. P. 387-392.
23. Shi Honghua, Lu Jingfang, Zheng Wei, et al. Evaluation system of coastal wetland ecological vulnerability under the synergetic influence of land and sea: A case study in the Yellow River Delta, China [J]. *Marine Pollution Bulletin*, 2020. № 161 (PA). P. 111735.
24. Kato Masashi, Hirakawa Akihiro, Kobayashi Yumiko, et al. The influence of the presence of intraductal carcinoma of the prostate on the grade group system's prognostic performance [J]. *The Prostate*, 2019. № 79 (10). P. 1065-1070.
25. Luis Alberto Bedriñana, Kaiwei Zhang, Minehiro Nishiyama. Evaluation of the behavior and ultimate capacity of unbonded monostrand-anchorage systems under concentric and eccentric in-elastic cyclic loading [J]. *Engineering Structures*, 2018. № 176. P. 632-651.

Щупленков О.В.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин
Филиала Ставропольского государственного педагогического института, г. Ессентуки.*

Щупленков Н.О.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин
Филиала Ставропольского государственного педагогического института, г. Ессентуки.*

Особенности нейрофилософского антропологизма в синергетическом историческом фазовом пространстве*

Аннотация. Авторы статьи пытаются определить направления реализации потенциала философской антропологии для нейронаук в синергетическом историческом фазовом пространстве, возможность качественного обновления нейронаук на базе этого потенциала. Новизна данного исследования заключается в том, что философская антропология, экстраполируя своё обновляющееся содержание на исторические и нейронауки, вербализирует проблемы, находящиеся на стыке разных научных направлений. Методология данного исследования основана на анализе и обобщении научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых в области нейронаук, исторического знания, философской антропологии, информационного и знаниевого развития современного общества. Методология исследования включает в себя герменевтический, системный, сравнительный методы. Нейронауки, история и философская антропология имеют обширное научное поле: критерии интерпретации данных, возможности влияния нейронных сетей на субъекта исторического познания, взаимодействие разума и эмоций, проблема воли и ответственности, этические проблемы стимуляции мозга, психофармакология и проблема идентификации человека. Философская антропология оценивает с этико-аксиологических позиций направления деятельности истории и нейронаук. Проблема сохранения национально-культурной идентичности, исторического образования требует не только продуманной стратегии со стороны истории и философии образования, но и должна решаться сквозь призму индивидуальных (когнитивных и личностных) особенностей человека: оценка его когнитивного стиля обучения, хронотипа, ценностей и убеждений. Применение синергетического подхода в историческом познании в метапредметном отображении подразумевает линейность эволюционного научного знания посредством идеи инвариантности оценки исторического события субъектом истории и субъектом исторического познания. Результаты исследования могут быть применены в сфере исторического образования и общественных дисциплин.

Ключевые слова: забвение, история, метапредметность, нейронауки, субъект истории, субъект исторического познания.

* © Щупленков О.В., Щупленков Н.О., 2025.

Shchuplenkov O.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute Branch, Yessentuki.

Shchuplenkov N.O.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the Stavropol State Pedagogical Institute Branch, Yessentuki.

Features of Neurophilosophical Anthropologism in the synergetic historical phase space

Abstract. The authors of the article try to determine the directions of realization of the potential of philosophical anthropology for neuroscience in a synergetic historical phase space, the possibility of qualitative renewal of neuroscience on the basis of this potential. The novelty of this research lies in the fact that philosophical anthropology, extrapolating its updated content to historical and neuroscience, verbalizes problems that are at the junction of different scientific directions. The methodology of this research is based on the analysis and generalization of research works of foreign and domestic scientists in the field of neuroscience, historical knowledge, philosophical anthropology, information and knowledge development of modern society. The research methodology includes hermeneutical, systemic, and comparative methods. Neuroscience, history and philosophical anthropology have an extensive scientific field: criteria for data interpretation, the possibility of neural networks influencing the subject of historical cognition, the interaction of mind and emotions, the problem of will and responsibility, ethical problems of brain stimulation, psychopharmacology and the problem of human identification. Philosophical anthropology evaluates the directions of history and neuroscience from ethical and axiological positions. The problem of preserving national and cultural identity, historical education requires not only a well-thought-out strategy on the part of the history and philosophy of education, but also must be solved through the prism of individual (cognitive and personal) characteristics of a person: assessment of his cognitive learning style, chronotype, values and beliefs. The use of a synergetic approach in historical cognition in metasubject representation implies the linearity of evolutionary scientific knowledge through the idea of invariance of the assessment of a historical event by the subject of history and the subject of historical cognition. The results of the research can be applied in the field of historical education and social disciplines.

Key words: oblivion, history, metasubject, neuroscience, subject of history, subject of historical knowledge.

Введение

Традиционный характер мыслительной значимости собственной универсальной единичности характеризует сублимацию индивидуальности человека в аспекте исторического предназначения. Необходимо в первую очередь при рассмотрении вопроса об нейрофилософской природе человека мыслить о субъекте исторического знания, искать ответ на вопрос «кто ты в истории» и «как ты можешь делать историю», тем самым сфор-

мулировать для себя мыслительный конструкт образа объекта в историческом знании и множественности в самоопределении исторической осознанности в себе.

Иными словами, объект и предмет исторического познания себя является производным от бытия субъективного воспроизводства истории. В «объективную корзину» исторического познания себя попадают результаты деятельности предшествующих поколений родовой категориальности, представленные установившимися в сознании индивида системными и структурными акторами воспроизводства информационной полярности представлений (социальный антагонизм, цивилизационный популизм, техника обработки мыслительных операций), которые в силу своей имманентности поглощают пространственный модус исторической разносторонности представлений, сворачивая его до потребности обработки первичной ассоциации бытового фрагмента исторической действительности, повседневного знакового регулятора мозговой активности. Замкнутые на обособившейся структурные связи нейровоспроизводства исторической информации в ходе оценки исторической лакуны исследования образуют чрезвычайно мозаичную сублимированную субстанцию, где, как правило, учитывается все затрагивающее нервную восприимчивость за исключением главного – субъекта / актора нервного возбудителя. На наш взгляд, главным источником «забывчивости» субъектного мышления, мешающим развитию исторического познания, является ограничение исторического знания только детерминантой прошлой восприимчивости. Подобного рода допущение нарушает целостность связи в сознании индивида между прошлым и настоящим, а также вероятностным будущим, поскольку развитие субъекта исторического познания предстает как серия дискретных, слабо связанных друг с другом мыслительных действий, где каждый нервный симптом связан друг с другом абстрактной нелогичностью. Кроме того, на место имманентного развития в сознании человека приходит необходимость мыслительного действия по воспроизводству прошлого в настоящем. Л.П. Карсавин особо выделял синергетический характер происходящего с индивидом в повседневности, что затрудняет выявление логической последовательности мыслительных действий, а именно, реальности осознанности существования индивида в силу имманентности своей мозговой активности или имманентности осознания его последствий, тогда как повседневность – это «реальность гипостазированных абстракций» [1].

Русский религиозный мыслитель отдельно подчеркивает то, что эволюция сознания происходит только при воздействии мозга на деятельность органических субстанций организма происходит преобразование нервного сигнала в активность мыслительной деятельности, что сопряжено с субъективностью осознания своей потребности. Потребность возникает от желания мозга участвовать в управлении мыслительным актом,

мысль претворяет действие, действие создает фон мысли. Но мысль не вне развития субъекта – в этом случае она бы совсем была не нужна – а в самом действии мыслительного акта. Нет субъекта и необходимости мыслить, а есть эволюционирующий в психосоматическом пространстве субъект. Тем самым он наделен реальным сознанием, как реально само сознание, и мыслительный акт может быть признан объемлющим и содержащим его степень воздержанности от неотвратимости, т.е. всеобъемлющем во времени, ибо мыслительное действие протекает во времени, с осознанной внутренней потребностью в достижении абсолютного познания, всеобъемлющем постольку, поскольку мыслительное действие протекает в пространстве, вседозволенным, ибо оно не замечает преград повседневности, всеущим или растворенным в желании преодолеть дозволенное, ибо мыслительная деятельность не безразличность, а устремленность к единичному через множественность [1].

Понятийная определенность субъекта истории и субъекта исторического познания

Исходя из атрибутов субъекта исторического познания (всеобъемлемость, вседозволенность, всеущность) мы можем утверждать, что реальность исторического познания состоит из множества мыслительных связей, складывающихся в мозге между различными нервными сигналами сущего, активно обрабатываемого человеческим разумом. Отношения внутри системы «мыслительная деятельность» будучи множественными все же ориентированы на субъекта исторического познания, связаны им в единый мыслительно-образный модус ощущения необходимости. Отсюда все разнообразие отношений внутри мыслительного акта (типа препятствие – отражение, кажущаяся простота – множественность последствий и т.д.) неразрывно соединены с субъектом исторического познания.

Диалектика повседневного сознания субъекта исторического познания (между внедозволенностью и внежеланием, между всеобъемлемостью и конкретностью, между всеущностью и существенностью) остро ставит вопрос об его исторической самоидентификации, формировании целостной системы сознательности – сферы понимания, где основной проблемой является осмысление возможных противоречий, образующихся в процессе мыслительного действия в сознании субъекта. Как верно заметил Н.А. Бердяев, для целостного и полного осмысления исторического настоящего необходимо определенное мыслительное действие на формирование в сознании биполярной системы исторической жизни и исторического сознания, для того, чтобы осознать возможность понимания неотвратимости действия исторического субъекта по отношению к объекту, в рамках возможной рефлексии и необходимости построения философии исторической синергии [2].

Иначе говоря, происходит психосоматический кризис, результатом ко-

торого становится образование фаз стабильности в необходимом ракурсе устойчивости мыслительного действия при разделении субъекта исторического познания на два взаимосвязанных между собой концентрира.

С одной стороны, субъект исторического познания ориентируется на социальную предрасположенность, направленную на осознание исторической ситуации «здесь-и-сейчас», когда мозговая деятельность направлена на анализ происходящего непосредственно и конкретно, областью достигаемого ощущениями и восприятиями поддержания в ходе развития исторической повседневности. С другой стороны, субъект исторического познания создает образ себя через представление об субъекте исторического познания как целостности отображения себя через мое, фиксация области исторического познания // сознания, в качестве основного лейтмотива, которым и будет создание мозговой активностью устойчивой модели исторической памяти, познавательной сообразности образца исторического континуума, опираясь на который всеединый субъект исторического познания обретает свою целостность и универсальность отождествления. Каждый из выделенных контентов субъекта исторического познания – это отклик мозга, отдельная его реакция на сигнал-символ, имеющий относительную самостоятельность и самооценность, реализующемуся в состоянии активности высшей нервной деятельности, что само появление данных континуумов возможно только в контексте целостности бытия субъекта исторического познания. Утрата субъекта исторического познания может привести к потере всей архитектоники исторической реальности в сознании субъекта исторического познания. Человеческое осознание исторической правды теряет свою целостность в рассмотрении субъекта исторического познания через структуризацию организации процесса деятельности высшей нервной деятельности, ее качественной трансформации через разнообразные социальные структурные подразделения, где историческая повседневность из реальной и непосредственной превращается в искусственный продукт, виртуальный образ предвиденного и осязаемого, но не имеющую никакого отношения к прагматичной отождествленной действительности. Поэтому, перед научным сообществом стоит задача – не только реабилитировать концепт субъекта исторического познания, но и способствовать возвращению самого субъекта исторического познания. Программа отождествленной синергии субъекта исторического познания связана с выработкой проксимальной концепции отражения повседневности, уход от дистального отражения поворотом от объект-предметной парадигмы исторического познания к субъект-субъектной.

Акцентируем свое внимание на смысловой определенности понятий «субъект исторического познания» и «субъект истории». К признакам понятия «субъект исторического познания» относится исходное понимание незнания предмета изучения, но с перспективной перехода от незнания

к знанию. Здесь задействованы временные характеристик познания, которые могут иметь бесконечные величины. Антропоцентричный характер исторического познания акцентирует внимание историка на способности и желании ученого познать окружающую социальную действительность. Аргументированность и обоснованность ответов исходя из сегодняшнего понимания фактов и событий составляют следующий аспект субъекта исторического познания. Внутренняя углубленность познания истины способствует выявлению собственной значимости в оценке исторического знания. Таким образом подчеркивается экзистенциально-антропологический смысл значения исторического познания [3].

Осознание и волевые действия в качестве предмета мыслительной деятельности могут выступать в качестве условия принятия человека субъектом исторического познания. Мозговая активность по объективному отражению повседневности создает условия для принятия деятельностного элемента в качестве ведущего мотива познания исторической действительности. Индивидуальный или коллективный характер восприятия окружающей действительности зависит от ряда генотипных и фенотипных факторов, ведущим является уровень пассионарности сознания, который может иметь данные характеристики. Бесконечная череда революционных преобразований во Франции во второй половине XVIII века как раз была вызвана коллективным стремлением масс реализовать свою пассионарность, перейти от уровня недозволенности к стабильности, тем самым осуществить коллективную синергию.

Таким образом, наблюдаемая взаимообусловленность субъекта истории и субъекта исторического познания, на наш взгляд, предполагает необходимость выделения ряда вариантов связей и отношений между ними. Например, первичная рефлексия над возможных моделей общественного развития характерных для каждого человека непосредственно в него включенного. В этом случае субъект познания и действия находятся в состоянии сопряженности, внутренней гармонии, поскольку именно через осознание целеполагания индивид стремится установить общественную обусловленность, мысленно присваивая себе определенное качество социальной определенности. Мыслительное действие через сознание и самосознание образуют единую структурную личностную иерархичность.

Идеи, установки, идеалы и нормы субъективного, индивидуального опыта неоднократно повторенные индивидом вырабатывают стереотип социальной предрасположенности, реализующихся через свое воплощение во всеобщей форме традиции (биография и автобиография). Субъективный характер личностного деятельностного участия и познания исторической действительности заключается в диалектической последовательности фаз реагирования мозга человека на происходящее. В мозге формируются ассоциативные связи нервного возбуждения и торможения

которые фиксируют результаты социокультурной дифференциации общества. Анализ информации в мозге происходит по связи получил-отложил, когда важная и второстепенная информация находятся в едином блоке долговременной памяти, фильтрация которого может происходить либо постепенно, либо откладывается на просмотр в дальнейшем. Ученый-историк как субъект познания, представляет себе прошлое в образном мышлении, фиксированном на сигнально-знаковом отзвуке фактов и событий. Подобные модели акцентуации исторической информации находятся в тесной взаимосвязи, образуя единый блок мыслительного акта, реализующий себя через память и волю субъекта. Л.П. Карсавин подчеркивал их органическую связь, имеющим однородность воспроизведения, но разную структурную область применения, что, по мнению философа, создает уникальность реализации своего «Я» через сочетание качественности, структурности и собственной особенности субъекта истории [1].

Становится очевидным утверждение что историк, будучи субъектом познания, является в этом своем качестве и субъектом истории. Качественный критерий оценки исторической правды позволяет судить о функциональной грамотности историка как субъекта исторического познания. Именно различие и единство функциональной исторической правдивости является условием исторического познания, поскольку люди, имеющие желание и волю, могут выявить в себе определенные свойства, нормы и формы социально-исторического существенной определенности, может смоделировать исторические условия, способствующие образованию образа Другого / Других, качественных характеристик субъектов истории.

Отражение образа прошлого в сознании ученого-историка может приниматься как историческая правда при условии отсутствия противоречивости имеющимися архивными или историческими данными, которые либо усиливают тезис соответствия, либо подчеркивает лживость утверждения.

Совпадение имеющихся данных с ожиданиями – это то, что правда заимствует у истины, в чем она похожа на истину: мы не можем говорить о полном соответствии исторического описания конкретному предмету, которого на данный момент, и нет информации об сущностных его характеристиках, но можно выявлять сущностные характеристики предмета изучения, который доступен, что можно подвергнуть эмпирическому изучению в настоящем – письменным источникам и материальным свидетельствам. Данная градация характерной особенности правдивости позволит отделить от принимаемых за истину «лживых» образов прошлого, создаваемых по политическим или идеологическим мотивам. Подобного типа описание по своей сущностной основе соответствует идентичным по форме, но различной по содержанию ограничения корреспондентной теории истины в исторической науке, что выдвигает тезис о спорности любого историческо-

го знания. Оценочная содержательность понятия «правда» выдвигает ряд требований пере историком, не являясь с одной стороны эпистемологическим обоснованием научного статуса истории, но в то же время ставящая историка в зависимость от искажений, внесенных коллективной исторической памятью его современников, в которой заложены не только события и их интерпретации, но и оценки данных событий и интерпретаций [4].

Историк стремясь достигнуть исторической правды вынужден использовать разнообразные приемы и методы, в том числе ретроспективный метод, основанный на воссоздании и реконструкции образа человека прошлого с его деятельностными и мировоззренческими структурными установками. Данный метод не может создать полную картину правдивости прошлого, но дает возможность на основании имеющихся фактов приблизительно воссоздать картину прошлого, тем самым подчеркивая относительный характер исторического знания. Придание образу истории самостоятельной мысленной оценки самоидентичности, есть духовный аспект слияния двух противоречивостей, важности и второстепенности, которые сливаясь вместе создают парадокс всеединства. Душевный и материальный аспекты дополняют друг друга, придают предмету исторического познания целостность и законченность. Материалистическое понимание истории имеет законченный характер, где прошлое, настоящее и будущее приобретает законченный предметный характер. При взаимодействии материального и духовного историческое познание приобретает черты всеединства, где все модусы времени существуют в единой гармонии. Наличие одного модуса предполагает существование и других, что придает общей схеме исторического познания диалектический характер саморазвития. Рефлексия мозга инициирует сознание, то в свою очередь создает образ целеполагания, воля инициирует действия, самосознание фиксирует степень освоенности знания для последующей передачи информации в мозг для ключевой оценки происходящего и нацеленности на будущее [1].

Мыслительный акт есть актуализация всеединой сущности сознания, где ее концепт и эмпирический индивид отличны друг от друга по степени отождествления предвидения результата и эмпирическое знание о развивающемся всеедином субъекте есть знание одного из его концентров. Всякое знание о развитии исторического знания предполагает структурирование модели осуществления действия, исходя из цели, которая, однако, не присутствует в конечном варианте, а всегда представлена в локальном отображении, как процесс, где элементы имеют право на самореализацию. Конечность цели фиксирует уровень выполнимости что для исторического знания не является выполненной в силу временных ограничений, поэтому исторический вывод должен опираться на конкретный факт или событие с материальной и теоретической подоплекой.

Из понимания истории как мыслительной аттракции субъекта к исто-

рической объективности возникает признание корреляция чувств и желаний историка в стремлении познать внутренние мотивы исторического действия на уровне подсознания всеобщей взаимозависимости сознания и самосознания, в этом случае можно утверждать, что сущность исторического познания в создании сферы понимания, позволяющей коллективному и индивидуальному сознанию априори принять факт взаимной привлекательности, и четко идентифицировать и полагать себя в бытие, претворять себя в нем. В процессе освоения исторического знания происходит развитие в системе личностного самоутверждения и транзакции полученного информационного материала. Автобиографии включают в себя психосоматическое осмысление своего состояния в периоды активации мыслительной деятельности, переноса переживаний в плоскость личностной значимости происходящего и оценивания пережитого с точки зрения идеализации своего образа-страдальца. Биография позволяет историку оценить уровень самодостаточности автора, душевные искания и терзания, оценить степень художественного вкуса, а также пределы возможного реконструирования действительности. С позиции достоверности биография и автобиография в равной степени претендуют на достоверность и ценность полученной исторической информации. Данные методики относятся к системе мировоззренческих взглядов автора в минуты откровения, но не могут в полной мере удовлетворить запросы исследователя. Индивидуализация ощущения эпохи через личные переживания позволяет уловить тенденции эпохи, национальности, культуры. Типологизация индивидуального состояния выделяет характерные элементы исторической эпохи в ее синергетическом движении. Социально-психологический характер предмета истории проявляется в духовном ощущении времени и пространства. Ретроспектива прошлого возможна при использовании системной конгруэнтности фактологического модуса и метафизического представления. Историк в процессе познания прошлого оказывается в матрице времени, когда бытие оформляется в символ пространства, где роль наблюдателя нивелируется психоэмоциональным возбуждением.

Субъект истории оценивает все и познает ничто, спрятанное за культурными пластами векового цивилизационного стояния. Историк прикасается к неизведанному будучи подготовленным к неожиданностям знакомого, но чаще всего, оказывается перед дилеммой знаю все, но хочу немного, или не знаю, но хочу все. Каждая часть интеллектуального потенциала историка ограничена возможностью мозга раскрыть имеющийся потенциал в рамках освоенности методологического аппарата. Символическая передача информации в виде письма оставляет перед историком возможность самостоятельного интерпретирования прочитанного, но не позволяющая проникнуться духом эпохи, который индивидуален и неповторим. Всезначимость, всеединость и всевременность

составляют смысл содержания истории, придает знанию совершение и совершенность. Этапность освоения исторического знания предполагает прохождение человечеством разных по времени и по содержанию периодов искушения, сдерживания и аскетичности в выявлении причинно-следственных связей. Человечество, находясь в пространственном и временном модусе, стремится познать себя и в себе, но при этом оставаясь эмпирически завершенным и духовно развивающимся типом природного и социального продукта [1].

Икономия истории становится важным атрибутом стремления человечества познать себя и свое предназначение, выработке мотивов соглашения с необходимостью к развитию и к апатии, составлению алгоритма жизненного тонуа и ощущения смертельного итога, как итоговой констатации своих совершений. Икономия история — это подготовка к окончательному разговору с самим собой о смысле жизни, в которой создаются иллюзии и заканчиваются реальностью. Повседневность связывает все человечество единовременным стремлением развиваться и совершенствоваться, тем самым обязывая каждого являться субъектом истории.

Выявленная связь человеческих судеб становится условием индивидуального включения в поле исторического становления человеческого разума, гарантом нашего благополучия в рамках конкретного эмоционально-психического состояния отчуждения и стремления к удовлетворению физиологических потребностей, оставляя духовные потребности вне рамок желания повседневности, что характеризует целостность жизнестойкости субъекта истории. Познание истории, в случае развития мыслительной активности, выступает как условие становления субъектом истории. Икономия истории включает в себя стадии, уровни и формы развития интеллектуальной культуры всобъемлемости, образуя тем самым глобальную (в смысле пространства) и тотальную (в темпоральном плане) повседневность, интегрированной едиными атрибутами, что позволяет констатировать мировоззренческое единство исторического бытия, рассматривать вопросы о смысле и перспективах критического анализа повседневности [5].

Становится очевидным, что икономия истории имеет диалектический характер, находящейся в постоянном синергетическом модусе с огромным количеством потенциально возможных отношений притяжения и отторжения между субъектами истории. Мыслительная икономическая деятельность позволяет обратить внимание на созидательную составляющую субъектов истории, на трансценденцию человеческого разума в себя. Когда синергия разума претворяются «здесь-и-сейчас». Когда, творческое настоящее, позволяет приблизить будущее. Таким образом, икономия истории позволяет осуществить синергию сил бытия, сил человеческого созидания. Икономия истории – это личность или сопряженное всеединство.

Всеединство благодати и благочестивой мудрости подталкивает человечество к осознанию абсолютной, трансцендентальной истины, божественного провидения. Бог воплощает чаяния и надежды человечества, создает экран видимых возможностей и ожидаемых трудностей, что воплощается в историю человеческих страстей, ставших путем и способами прихода к смыслу истории. Отрицание подобной метафизической связи приводит к потере смысла истории, невозможности познания природы человека.

Конфессиональный характер истории очевиден, ибо разум находится в прямой связи с подсознанием, внутренним стремлением человека к совершенству, способности уйти от повседневности в мир благочестивой страсти и благоразумия, где человечество найдет гармонию тела и души. Конфессии формируют различные идеалы субъекта истории, которыми могут выступать как отдельные личности, так и целые народы, но в общем свое сущем они ориентированы на познание истории через проживание в себе культурных и материальных артефактов прошлого.

Уровень синергии бытия или содержание исторического бытия основа со-бытия смыслоощущения людей, человечества в целом в пространственно-временном сущем, в котором индивидуальная потребность составляет возможный потенциал саморазвития всех, где мое становится всем и наоборот. История в таком аспекте понимается как образовательная деятельность людей по коллективному освоению сущего, создающими определенную конгруэнтность бытия и души, позволяющую саморазвиваться всему и каждому, а также изменять свое отношение к природе человеческого мозга. Такие мозговые конфигурации имеют различную размеренность, и могут быть обозначены как ритмично-созидательная трансформация желаний и возможностей, определенные мыслительно-функциональной синергией чувств и рациональности. Историческое бытие предопределяет поведение субъектов истории и определяется субъектом исторического познания.

Категория «забвения» в смысловом значении исторической памяти

Смылоощущение человеческой истории опирается на возможности нашего мозга, определяющего перед познающим вопросы истории, опирающиеся на знание прошлого, ощущении настоящего и предвидения будущего. От того насколько человечество готово принять ответы на вопросы истории зависит отношение человека к повседневности. История формируется о нашем представлении о прошлом, которое может формироваться из духовных или материальных источников, а может уйти в забвение.

Забвение формируется в недрах мозга, когда часть информации перераспределяется между кратковременной и долговременной памятью, связанных между собой единой функцией сохранения информации. В истории забвение наступает, когда коллективная память исключает из сознания атрибуты имевшейся информации. Матрица истории фиксирует

всю информацию полученной ею из повседневной реальности, но человечеству достается только тот сегмент информации, которого достойно человечество в данный момент времени. Избирательность матрицы истории заключается в выборе модусов памяти необходимых для реализации в конкретной ситуации. Коллективная память и историческая разными исследователями расценивается как в ракурсе тождественности, так и противоположности. Культурная память оставляет человечеству возможность прикоснуться к ценностным ориентирам прошлого. Социальная память позволяет оставить след в истории, зафиксировать достижения личности. Историческая память претворяет возможность учесть ошибки прошлого. Индивидуальная память дает шанс индивиду реализовать своей интеллектуальный и творческий потенциал в пространственно-временном диапазоне достижимости. Но в любом случае, какая бы форма памяти ни стала исходным вариантом для теоретических поисков исследователя, сам факт наличия востребованности в размышлении о феномене памяти концентрируется вокруг понимания прошлого и его связи с настоящим.

Вопрос о историческом забвении решается в метапредметном поле исследований, когда на помощь истории приходят знания, прежде всего из психологии. Именно предметная направленность психоанализа, причем как в классическом его варианте, так и в более поздних работах. Основные выводы психоаналитиков формируют возможные матрицы социально-философского уровня изучения. Относительно психоаналитического анализа особенностей памяти и прошлого, то это как раз тот эмпирический след, который может быть спроецирован на область познания и понимания исторического соответствия воспринимаемого и понимаемого.

3. Фрейд основываясь на своих наблюдениях предположил, что прошлое (в том числе и события самого субъекта исторического познания) господствуют над человеком в течение всей его сознательной жизни, что человек не в силах только волевым решением отказаться от воспоминаний о прошлом. Особенности мозга человека устроены таким образом, что сознание превалирует над подсознанием, тогда как воля способна подавить желание, действительное в период отдыха, воспоминания становятся стабилизирующим фактором примирения с прошлым, тем самым его преодолением. Таким образом, прошлое находится в особых оболочках мозга, и, если оно и предается забвению, то в случаях активации нейронов реакция проявляется в виде психозов, неврозов и т.д. Основываясь на положении скрытности информации в мозге большое внимание уделяет З. Фрейд работе с воспоминаниями, в результате стабилизации работ корковой и подкорковой зон мозга происходит некое «сглаживание» с исключенными из пространства осознанного воспоминания событиями прошлого. Из данного утверждения следует, что мозг сигнализирует о необходимо вспомнить и только так преодолеть чувство отторжения от прошлого.

Опыт исторического прошлого оставляет в коллективной памяти след, который народ стремится забыть, либо сохранить следующим поколениям. Физиология забывчивости находится в области подсознания, когда событие уже прошло, но последующие события не смогли преломить модус напряженности (травматичности), который психоэмоционально остается в коллективном сознании. Политические и идеологические манипуляции с исторической памятью приводят к активизации зон тревожности в мозге, откуда поступает сигнал к волевым и эмоциональным зонам. Сопряженность нервных импульсов накладывается друг на друга, сигнал приобретает синдром навязчивости, и тревожность постоянно активирует зону памяти. Травматический шок может как вывести человека из состояния тревожности, так и возобновить воспоминания о прошлом. Индивидуальная память акцентируется в сознание индивида и не фиксируется окружающими до времени, когда происходит наложение прошлого и настоящего, примерно в этом же ключе действует механизм коллективной памяти. Коллективная идентичность сохраняется по причине постоянного возобновления действия на зоны памяти, манипулированию со стороны внешних акторов [6, с. 118].

Историческое прошлое мотивирует, вызывает активизацию оболочек мозга, что становится своеобразным допингом для возвращения в воспоминаниях к прошлому. Идентичность сохраняется в форме образа, который периодически активизируется коллективным сознанием, входит в область обязательной памяти, транслируется на общественное сознание, дублируется в воспоминаниях других, тем самым имеет потенциал к непрерывному возобновлению [7, с. 436]. Поэтому пресыщенностью историей не может быть, так воспоминание носит системный, обязательный характер, заложенный в формах традиций, обычаев.

Коллективное сознание в отличие от индивидуального модулируется неоднократно в идеальных и материальных воплощениях памяти, атрибутах повседневности, что создает иллюзию важности и необходимости. Пространственно-временные рамки исторического знания выделяют периоды временного забвения, когда искусственно или естественно коллективная память вычеркивает из истории целые периоды или эпохи. Забвение необходимо для освобождения зон мозга от излишнего воспоминания, которое подавляет необходимое знание. Забвение не означает отрицания прошлого, оно подчеркивает важность настоящего, события которого становятся для мозга более важной информацией, чем уже имеющаяся.

Анкерсмит В.Ф. утверждает, что основные показатели идентичности, как индивидуальной, так и коллективной сохраняются в прошлом, и в этом плане забвение имеет более важное значение, так подчеркивает информацию, которая исчезла из памяти по разным причинам. Он выделяет несколько типов забвения. К первому типу забвения, которое не оказывает

принципиального значения для определения идентичности, ученый относит бытовой уровень забывчивости. Он имеет скоротечный характер, не входит в зону обязательности, поэтому мозг вводит информацию в зону кратковременности [7], не опасаясь потери информации в целях сохранения психического здоровья, равно как для индивидуальной, коллективной, социальной или политической идентичности.

Не всегда информация может быть оперативно оценена мозгом и продублирована в нервных окончаниях, поэтому человек не способен восстановить в памяти произошедшее, хотя оно и имело важное значение для идентичности.

Травматический тип полученной информации заглушает все имеющееся в мозге зоны памяти, доминирует над остальными, вызывает состояние болезненности, поэтому организмом выделяются специальные химические вещества. Исследователи отмечают, что эмоционально значимая информация для индивида, имеющая внешнюю форму отражения, проходит через таламус и кору [8–11], достигает базолатерального комплекса, где подвергается переработке и направляется в центральное ядро для того, чтобы выработать адекватный ответ [12–15].

Наконец, Анкерсмит В.Ф. предлагает наиболее актуальный для философа тип забвения, который характерен для народов, ассимилирующих в иную культуру, приобретают черты новой для себя культурно-исторической идентичности. Добровольный отказ от прежней идентичности вызван психоэмоциональным состоянием индивидов, психологической подавленностью, экономическими и политическими привилегиями и т.д. В данном случае наблюдается ассоциация забвения с моментом неисторического существования.

Забвение, происходит в тот этап исторического развития, когда возникает необходимость отказаться от опыта прошлого. Способность забвения позволяет индивиду, коллективу убрать из сознания вызывающий неприятные ощущения симптом, восстановить на основе хороших воспоминаний доконфликтный уровень уверенности в себе [6], то есть начать заново выстраивать свою идентичность. Таким образом, историческая и биологическая необходимость и ценность забвения индивида, народа, человечества заключена в том, что именно потеря травматичного воспоминания, по всей видимости, может дать возможность последующему поколению восполнить пассионарность на основе положительных эмоциональных переживаний. Невозможно предсказать в какой степени будет проходить процесс забвения для индивида или народа, но значимость сознания в жизни человека подталкивает к мысли о сохранении любой информации, но заблокированной временно мозгом.

Напомним, что З. Фрейд, выдвигая утверждение о том, что пережитые индивидом воспоминания сохраняются, остаются на уровне подсознания,

периодически могущие всплывать в сознании человека. Информационное пространство воздействует на мозг человека, вызывает в нем активацию тех или иных отделов, но при этом, вся проходящая информация тщательно фильтруется и «документируется» в мозге, для последующего применения при необходимости. Забвение-резерв важный атрибут определения идентичности [7, с. 168].

Заключение

Преодоление забвения в исторической памяти, таким образом, при особых обстоятельствах может оказаться даже более полезным условием и более эффективным средством для сохранения и поддержания пассивной энергии коллективной идентичности, сохранении очагов тревожности, поскольку в истории человечества любой исторический факт или событие важное условие причинно-следственных связей. Поэтому мы за историческое забвение, но не для утери идентичности, а для времени заживления травматического шока.

Синергия жизненной энергии человечества властвует над сознанием, создает образы субъектного восприятия окружающего, включает механизмы активации и блокирования проявления исторической памяти, достигает уровня понимания исторической правды и роли в нем субъекта познания. Необходимо подчеркнуть важность дальнейшего метапредметного изучения человека во всех его ипостасях. Историческое знание позволяет вычленить основные этапы исторической памяти, роли мозга в регулировании отношении человека к окружающей действительности, нахождении баланса между не знаю и могу знать.

Библиографический список

1. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб.: 1993. С. 20.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: 1990. С. 5.
3. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: автобиография. – М.: Наука, 1980. С. 20.
4. Никифоров А.Л., Соколова Т.Д. Правда и истина как ключевые понятия философии истории: к эпистемологической оценке исторических сочинений // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 81-85.
5. Неклесса А.И. Ordo quadro – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. 2000. № 6. С. 7-9.
6. Рикер П. Память. История. Забвение. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
7. Анкерсмит Ф.В. Возвышенный исторический опыт. – М.: Изд-во «Европа», 2007. 612 с.
8. Григорова О.В., Ахапкин Р.В., Александровский Ю.А. Современные представления о патогенетической терапии тревожных расстройств // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. № 119 (10). С. 111-120.
9. McDonald AJ. Is there an amygdala and how far does it extend? An anatomical perspective. Ann NY Acad Sci. 2003. № 985. P. 1-21.
10. Davis M. The role of the amygdala in conditioned fear // Aggleton J.P. (Ed.). The amygdala: neurobiological aspects of emotion, memory and mental dysfunction. New York: Wiley-Liss, Inc.; 1992. P. 255-305.
11. Royer S., Martina M., Pare D. An inhibitory interface gates impulse traffic between the input and output stations of the amygdala // The Journal of Neuroscience. 1999. № 19. P. 10575-10583.
12. Sun N, Yi H, Cassell MD. Evidence for a GABAergic interface between cortical afferents and

- brainstem projection neurons in the rat central extended amygdala // *Journal of Comparative Neurology*. 1994. № 340. P. 43-64.
13. Marowsky A, Yanagawa Y, Obata K, Vogt K.E. A specialized subclass of interneurons mediates dopaminergic facilitation of amygdala function // *Neuron*. 2005. № 48. P. 1025-1037.
14. McDonald A.J. Cortical pathways to the mammalian amygdala // *Progress in Neurobiology*. 1998. № 55. P. 257-332.
15. Royer S, Martina M, Pare D. Polarized synaptic interactions between intercalated neurons of the amygdala // *Journal of Neurophysiology*. 2000. № 83. P. 3509-3518.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // *Миссия конфессий*. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142.
17. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // *Альманах «Казачество»*, 2023. № 66 (1). С. 11-18.
18. Чапкин Н.С. Современные педагогические технологии и методы // *Альманах «Казачество»*, 2024. № 75 (2). С. 137-144.
19. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // *Этносоциум и межнациональная культура*, 2013. № 5 (59). С. 101-107.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // *Власть истории – История власти*. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 2 (188). С. 9-17.
22. Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // *Миссия конфессий*. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
23. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Санитарный кордон: от медицины к геополитике // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 8 (194). С. 9-17.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Электоральная культура в противодействии «цветным революциям» // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 7 (193). С. 9-17.
25. Байханов И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // *Миссия конфессий*, 2021. Т.10. № 7 (56). С. 705-712.
26. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Глобальный Восток»: историческая реальность или геополитический вымысел // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 67 (192). С. 8-17.
27. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // *Власть истории и история власти*. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
28. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Государственная граница — пространство взаимодействия культур // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 9 (195). С. 9-17.
29. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // *Власть истории и история власти*. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 11 (197). С. 33-42.
31. Байханов И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // *Миссия конфессий*, 2021. Т.10. № 6 (55). С. 615-623.
32. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Возможности веб-квеста в изучении теории государственного управления // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 1 (187). С. 9-18.
33. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // *Этносоциум и межнациональная культура*, 2020. № 1 (139). С. 69-76.

References

1. Karsavin L.P. *Philosophy of History*. – St. Petersburg: 1993. Page 20.
2. Berdyaev N.A. *The Meaning of History*. – Moscow: 1990. Page 5.
3. Collingwood R.J. *The Idea of History: An Autobiography*. – Moscow: Nauka, 1980. Page 20.
4. Nikiforov A.L., Sokolova T.D. Truth and Verity as Key Concepts in the Philosophy of History: Towards an Epistemological Assessment of Historical Works // *Voprosy Filosofii*. 2018. № 12. P. 81-85.
5. Neklessa A.I. Ordo quadro - the fourth order: the advent of the postmodern world // *Polis*. 2000. № 6. Pages 7-9.
6. Ricoeur P. *Memory. History. Oblivion*. – M.: Publishing house of humanitarian literature, 2004. 728 p.

7. Ankersmit F.V. Sublime historical experience. – M.: Publishing house “Europa”, 2007. 612 p.
8. Grigorova O.V., Akhapkin R.V., Aleksandrovsky Yu.A. Modern concepts of pathogenetic therapy of anxiety disorders // Journal of neurology and psychiatry named after S.S. Korsakov. 2019. № 119 (10). P. 111-120.
9. McDonald AJ. Is there an amygdala and how far does it extend? An anatomical perspective. Ann NY Acad Sci. 2003. № 985. P. 1-21.
10. Davis M. The role of the amygdala in conditioned fear // Aggleton J.P. (Ed.). The amygdala: neurobiological aspects of emotion, memory and mental dysfunction. New York: Wiley-Liss, Inc.; 1992. P. 255-305.
11. Royer S., Martina M., Pare D. An inhibitory interface gates impulse traffic between the input and output stations of the amygdala // The Journal of Neuroscience. 1999. № 19. P. 10575-10583.
12. Sun N, Yi H, Cassell MD. Evidence for a GABAergic interface between cortical afferents and brainstem projection neurons in the rat central extended amygdala // Journal of Comparative Neurology. 1994. № 340. P. 43-64.
13. Marowsky A, Yanagawa Y, Obata K, Vogt K.E. A specialized subclass of interneurons mediates dopaminergic facilitation of amygdala function // Neuron. 2005. № 48. P. 1025-1037.
14. McDonald A.J. Cortical pathways to the mammalian amygdala // Progress in Neurobiology. 1998. № 55. P. 257-332.
15. Royer S, Martina M, Pare D. Polarized synaptic interactions between intercalated neurons of the amygdala // Journal of Neurophysiology. 2000. № 83. P. 3509-3518.
16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The connection of times and meanings: sacred trees // Mission of confessions. 2019. Volume 8, Part 2 (№ 37). P. 133-142.
17. Ryabova E.L. On the issue of the unity of education and upbringing: institutional discourse // Almanac “Cossacks”, 2023. № 66 (1). P. 11-18.
18. Chapkin N.S. Modern pedagogical technologies and methods // Almanac “Cossacks”, 2024. № 75 (2). P. 137-144.
19. Bayhanov I.B. Internet, elections and the formation of electoral culture // Ethnosociety and interethnic culture, 2013. № 5 (59). P. 101-107.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations // The Power of History - History of Power. 2024. Vol. 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the aspect of the connection of traditional values with modernization // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 2 (188). P. 9-17.
22. Bayhanov I.B. Geopolitical culture: as you name the ship // Mission of confessions. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
23. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Sanitary cordon: from medicine to geopolitics // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 8 (194). P. 9-17.
24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Electoral culture in counteracting “color revolutions” // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 7 (193). P. 9-17.
25. Baykhanov I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // Mission of confessions, 2021. Vol.10. № 7 (56). P. 705-712.
26. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. “Global East”: Historical Reality or Geopolitical Fiction // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 67 (192). P. 8-17.
27. Bayhanov I.B. Features of Human Resource Management in the Context of Global Change // The Power of History and the History of Power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
28. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. State Border — a Space of Interaction of Cultures // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 9 (195). P. 9-17.
29. Bayhanov I.B. Features of Human Resource Management in the Context of Global Change // The Power of History and the History of Power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Symbols of the border and the boundaries of symbols // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 11 (197). P. 33-42.
31. Baykhanov I.B. Youth in the digital world: self-assessment of the formation of digital competencies of applicants to Moscow universities // Mission of Confessions, 2021. Vol. 10. № 6 (55). P. 615-623.
32. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Possibilities of a web quest in studying the theory of public administration // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 1 (187). P. 9-18.
33. Baykhanov I.B. State policy as a factor in the development of the national educational system: basic aspects // Ethnosociety and interethnic culture, 2020. № 1 (139). P. 69-76.

Аннотации

Ултургашева Н.Д.

Сафарова Т.В.

К вопросу о проведении традиционных праздников кочевников приграничных районов Центральной Азии: современный аспект (на примере Убсунурского аймака и Овюрского кожууна)

Статья посвящена выявлению основных особенностей современного бытования традиционной праздничной культуры кочевников, проживающих в приграничных районах Центральной Азии. Предпринятый авторами анализ современной практики проведения традиционных праздников тувинцев и монголов Убсунурского аймака и Овюрского кожууна позволил сделать вывод о том, что в них наблюдается больше сходства, чем различий. При этом нам не удалось найти существенного подтверждения наличию фактов духовной культуры монгольского этноса в Овюрском кожууне и тувинской культуры – в Убсунурском аймаке, кроме тех, которые уже были зафиксированы исследователями и являются характерными особенностями не только приграничных районов, но и всех остальных. Несмотря на территориальную близость, оба народа сохранили свою национальную идентичность, которая сформировалась под влиянием кочевого образа жизни, а позже – буддизма.

Ключевые слова: праздничная культура, кочевники, традиционные праздники, приграничные территории, межкультурное взаимодействие, календарные обряды.

Мальцева Л.В.

Кубанское казачество (вышивка на Кубани)

Статья поднимает проблема сохранению традиций, обычаев кубанских казаков в воспитании подрастающего поколения. Это нужно для того чтобы не забывали свое прошлое, свою историю, свои традиции и обычаи. Необходимо возродить и сохранять традиции своей малой Родины, своего народа, там, где мы родились.

Культура кубанских казаков существуют в системе целостной культуры человечества, но это глобальная внутренне диалектически противоречива, и взаимодействие между отдельными элементами демонстрирует как всеобщую связь явлений. Культура не может считаться сформировавшейся полностью самостоятельно, так и моменты напряжения, связанного с различиями между отдельными культурными нормами, ценностями, религиями каждого народа.

Традиционная культура кубанского казачества богата и сложна. Во многом обряды и обычаи связаны как с православием, так и военным образом жизни.

Ключевые слова: традиции, обычаи, культура, казаки, подворье, воспитание, вышивка, обряды.

Личак Н.А.

Личак Д.А.

Создание культурного пространства национального парка Мали

Статья посвящена вопросам формирования культурного пространства Национального парка Мали с целью сохранения природного и историко-культурного наследия, а также развития экотуризма. Рассматриваются ключевые аспекты создания инфраструктуры, включающей музеи, экологические тропы, информационные центры и зоны для традиционных ремесел. Особое внимание уделяется вовлечению местного населения в процесс благоустройства парка, что способствует повышению уровня жизни и сохранению этнокультурных традиций. Авторы анализируют успешные практики национальных парков. В статье также обсуждаются возможные экономические и социальные эффекты от реализации проекта, такие как рост туристической привлекательности региона и создание новых рабочих мест. Появившаяся территория парка представляет собой большой полукруглый каньон с охраняемым лесным

заповедником. Он спроектирован таким образом, чтобы предложить широкие открытые пространства для проведения досуга и образовательных мероприятий для широкой публики, школьных групп и туристов. В парке спроектировано много открытых газонов, цветников. Результаты могут быть полезны культурологам, экологам, администрациям городов и организаторам туристической деятельности.

Ключевые слова: Мали, национальный парк, культурное пространство, экотуризм, сохранение наследия, местное сообщество.

Божбин В.А.

Качественная трансформация художественного осмысления реальности в современных телевизионных шоу-программах

Статья посвящена поиску инструментов выхода из духовно-мировоззренческого кризиса, порожденного мировым засильем канонической массовой культуры. Автор указывает на то, что в результате отсутствия целенаправленной культурной политики к 2010-м годам Россия полностью слилась с транснациональной потребительской моделью образа жизни, включающей восприятие широкими массами образов самодостаточной в ценностно-смысловом отношении культуры. Учитывая это, автор считает обоснованным издание в 2014 г. Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной культурной политики», обеспечивающего правовую защиту культурным преобразованиям, направленным на качественное повышение духовного и интеллектуального уровня массовой культуры. Такая трансформация по сути приводит к новой парадигме понимания сущности массовой культуры: культура массовая по распространению благодаря телевидению и электронным медиа, но не массовая по своему художественному уровню, рассчитанному на усредненного неподготовленного реципиента. Далее автор анализирует промежуточные результаты осуществления государственной культурной политики на примере шоу-программ, являющихся частью сетки вещания 29 телеканалов базового бесплатного пакета Московского региона. Божбин В.А. подчеркивает, что выбор шоу-программ в качестве объекта исследования не случаен, а мотивирован результатами анкетирования студентов (2023 г.). Анкетирование показало, что шоу-программы являются самым востребованным жанром у молодежи, а значит, могут стать «отправной точкой» повышения художественно-эстетических запросов этой самой важной, формирующей будущее социальной группы. В заключительной части автор выделяет следующие недоработки в ходе реализации положений Указа: наблюдается значительное преобладание развлекательных шоу-программ над культурно-познавательными, выявлен недостаток научных шоу, а также общественно-публицистических для подростков и семей с детьми, отмечено отношение руководителей медиа-структур к программам об элитарной культуре и для детей младшего возраста как к «нишевому» продукту. К положительным сдвигам отнесены: рост внимания к освещению культурно-социального сотрудничества с дружественными странами, трансформация ряда «формульных» программ в персонализированные и содержательные, а также появление реалити-шоу формата профессионального психолого-педагогического и медицинского консультирования для решения значимых семейно-детских проблем.

Ключевые слова: массовая культура, потребление, духовный кризис, телевидение, шоу-программа, указ, культурная политика, художественный уровень.

Гончаренко А.Н.

Тембральный морфинг как средство музыкальной выразительности

В настоящей статье автор рассматривает технологию синтеза звука тембральный морфинг как средство музыкальной выразительности, тенденции развития музыкальной культуры в XX веке, приведшие к его появлению, а также творческие задачи, которые решаются с применением этой технологии.

Ключевые слова: синтез звука, тембральный морфинг, конкретная музыка, музыкальный авангард, искусство.

Джумаева Ф.Ш.

Исторический жанр в изобразительном искусстве Татарстана

Татарстан — это синтез двух миров: восточного и западного, что нашло отражение не только в архитектуре и традициях, но и в живописи. Здесь каждый художник находит источник вдохновения благодаря уникальному сочетанию культурных ценностей татарского народа с наследием русской классики. Данная статья является примером погружения в мир изобразительного искусства Татарстана, рассматривается его многообразие через призму исторической живописи. Исследуется то, как художники отражали значимые исторические события и культурное богатство региона, а также как современные мастера продолжают эту традицию, привнося в нее свое уникальное видение, новые идеи и техники. Особое внимание уделяется анализу художественных приемов, используемых для передачи исторической достоверности и эмоционального воздействия на зрителя. Рассматриваются работы известных татарстанских художников, внесших значительный вклад в развитие жанра, а также представлены примеры современного осмысления исторических сюжетов, сочетающие традиционные подходы с актуальными тенденциями в искусстве.

Ключевые слова: исторический жанр, историческая живопись, искусство, живопись, республика Татарстан.

Железная П.Л.

Железная А.Б.

Комплекс «Мадонна–Магдалина» в динамике любовных отношений Дмитрия Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: психоаналитический аспект

В статье проводится психоаналитическое исследование динамики любовных отношений Дмитрия Фёдоровича Карамазова, персонажа романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», с Екатериной Ивановной Верховцевой и Аграфеной Александровной Светловой (Грушенькой). Анализ опирается на концепт комплекса «Мадонна–Магдалина», описанного Зигмундом Фрейдом как форма полярной идеализации и девальвации женского образа в структуре мужского либидо. В центре внимания — механизм вытеснения сексуального влечения к «возвышенной» женщине (Катерине Ивановне) и одновременной фиксации на «падшей» (Грушеньке), разрешающей инстинкт в рамках дозволенного. Особое внимание уделяется глубинному психосексуальному конфликту, возникающему в структуре Эдипова комплекса Дмитрия, а также феномену кастрационного страха, активированного соперничеством с отцом за эротический объект.

Ключевые слова: психоанализ, фрейдизм, сексуальная амбивалентность, комплекс Мадонна–Магдалина, кастрационный страх, вытеснение, сублимация, Ф.М. Достоевский, Дмитрий Карамазов.

Житников А.Ю.

Позитивный образ технологического прогресса через призму русского менталитета в сериале «Кибердеревня»

Предметом исследования статьи является проблема показания положительного технологического прогресса на экране через призму национального менталитета. В статье, автор подробно описывает, что такое национальный менталитет, его истоки, развитие, ключевых деятелей, а также анализирует данный феномен через российский веб-сериал «Кибердеревня» и американский фильм «Терминатор». Анализ данного контента происходит с помощью научных трудов Д.А. Беляева, Е.В. Воеводы, В.В. Горячева, Т.М. Гуревич, С.И. Ожегова, А.В. Шестопал и Л. Леви-Брюля. Происходит анализ и разбор персонажей, сюжета сериала и фильма. После проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Сериал «Кибердеревня» полностью раскрывают проблему показа позитивного технологического прогресса, в то время как фильм «Терминатор» наоборот, показывает данный прогресс с отрицательной точки зрения. Новизна исследования заключается в том, что тема положительного техноло-

гического прогресса практически не показана в киноискусстве и поэтому исследование может являться основой формирования четкого представления об этой проблеме.

Ключевые слова: «Кибердеревня», «Терминатор», национальный менталитет, технологический прогресс, патриотизм, искусственный интеллект.

Зейналова Л.М.

«Книга Деде Горгуд»: культурная ценность и духовный источник

“Kitabi-Dədə Qorqud” является богатым источником истории, духовности и культуры народа, что требует системного анализа во всех контекстах. Обладая силой и симпатией, чтобы содержать мыслящий интеллект этнокультурологической системы, символический слой значения, который она охватывает в архаической структуре, она создает условия для определения динамики историко-культурного потока, вывода на передний план модели, установленные в мифологической идеологии. Фольклористы, этнографы, лингвисты, музыковеды, историки и т. д. демонстрируют недоступность с функцией переноса культурной материи общества в будущее в границах истории и пространства. “Kitabi-Dədə Qorqud”, имеющая исключительное значение с точки зрения отражения сути создания, природы и механизмов передачи этноэнергии, не ограничивается таковыми на уровне Азербайджана, но обнаруживает недоступность с возможностями вывести на первый план культурный арсенал тюркских народов в целом, хронотопы, включенные в их культурное мышление и поведение.

Ключевые слова: эпос, “Kitabi-Dədə Qorqud”, национально-духовные ценности, обряды, эпосы Бахадырлыга, обряды.

Мэн Юйвэй

Цзян Вэнье: ода великому поэту

История китайской поэзии насчитывает 3 000 лет, и среди множества поэтов особой известностью пользуется Ду Фу, поэт династии Тан. Многочисленные конфуцианские добродетели, выраженные в его стихах, привлекают к нему любовь и уважение многих поколений китайцев. Композитор Цзян Вэнье, который был также и поэтом, один из его последователей. Он написал фортепианную пьесу «Ода Ду Фу». Это первое в истории китайской музыки произведение, написанное композитором-поэтом и основанное на имитации звучания традиционной китайской музыки гучина. Культура гучиня – это культура образованных людей, в первую очередь, литераторов. Она неотделима от процесса развития китайской музыки, истории, мышления, и социальной деятельности образованных слоёв китайского общества [1].

В данной статье представлен анализ «Ода Ду Фу» с точки зрения как жизненной траектории Ду Фу, так и композиционных особенностей этого произведения

Ключевые слова: культура гучиня, Ду Фу, Цзян Вэнье, ода, традиционная китайская музыка.

Смирнов Ю.С.

Эволюция творческих подходов к созданию иллюзии глубины звуковой перспективы в фонографии неакадемических музыкальных жанров

В данной статье речь пойдет о передаче субъективных ощущений пространства и создании звукорежиссерами иллюзии глубины звуковой перспективы в стереофонических музыкальных звукозаписях, представлен сравнительный анализ тенденций развития звукоизобразительных концепций, в период с конца 60х г. XX в. и по сей день, на различных музыкальных примерах. Будут рассмотрены преимущественно художественные фонографии, созданные известными звукорежиссерами, в неакадемических музыкальных жанрах, имеющие наиболее характерные черты звучания для своего периода создания.

Ключевые слова: неакадемическая музыка, стереофония, фонография, кажущийся источник звука, звуковая перспектива, панорамирование, пространственное впечатление.

Вэй Даниэун

Мельникова Л.А.

Концептуальные подходы культурологического исследования понятий «общественное городское пространство» и «социокультурное пространство»

Общественное городское пространство представляет собой многогранный и динамичный объект исследования, который включает в себя не только физические аспекты городской среды, но и социокультурные, экономические и политические факторы, влияющие на жизнь горожан. В условиях стремительных изменений, происходящих в городах по всему миру, актуальность изучения общественного городского пространства возрастает. Город становится не просто местом проживания, но и пространством, где формируются социальные связи, культурные практики и идентичности. В этом контексте важно рассмотреть, как различные концептуальные подходы могут помочь в понимании и анализе этих процессов.

Ключевые слова: общественное городское пространство, социокультурное пространство, город, урбанистика, городская среда, семиотика города.

Сунь Тинтин

Основоположник китайской национальной музыки XX века — Ли Шутун

Ли Шутун (1880-1942) - основоположник современной китайской музыки. Своей творческой и преподавательской деятельностью он внес огромный вклад в становление современной национальной музыки Китая. В ранние годы, вернувшись в Китай после учебы в Японии, он основал первый в Китае музыкальный журнал «Music Magazine», ввел пятистрочную нотацию, составил «Сборник вокальных произведений для государственных школ», объединив западные музыкальные приемы с китайской классической поэзией, тем самым создав новую форму «Песен для школ». Такие известные произведения, как «Прощание» и «Весенняя прогулка», стали классикой благодаря сочетанию китайских и западных мелодий и текстов, которые нравятся как элите, так и массам, и заложили основу для создания китайских полифонических хоров. Преподавая в общеобразовательных школах провинции Чжэцзяна, он стал автором учебных материалов по гармонии и контрапункту, подготовил таких музыкантов, как Фэн Цзыкай и Лю Чжипин, и создал современную систему музыкального образования. Ли Шутун своим творчеством сломал традиционную музыкальную парадигму и ввел социальную функцию музыки в концепцию «воспитание характера». Его произведения стали культурными символами, связавшими традиции и современность, имеют важное значение для истории современной музыки и развития образования в Китае.

Ключевые слова: Ли Шутун, музыка в школе, «Прощание», интеграция китайской и западной музыки, модернизация музыкального образования, Учитель Хуньи.

Турсынбаева К.А.

Жолдубаева А.К.

Символические и сакральные функции денег в кочевых обществах: к вопросу о многоаспектности денежного обращения

В статье рассмотрено, какую роль играли деньги в кочевых обществах и осуществлено сравнение с функциями денег в современном обществе. Данная тема в научной среде является малоизученной. Когда мы рассматриваем историю кочевых обществ, мы должны понимать деньги не так, как они понимаются в современном обществе, а учитывать контекст и функции денег. В статье внимание уделено систематизации и анализу представлений о деньгах у различных кочевых народов. Проанализированы взгляды историков и мыслителей на функции денег в кочевых обществах. Также раскрыто значение денег в традиционных и современных контекстах. Основная цель данного исследования – показать многоаспектность и многофункциональность денег в кочевых обществах. Были выявлены отличия в отношении к богатству в кочевых и в оседлых обществах. Исследование позволяет рассмотреть, как кочевые представления о деньгах соотносятся с более широкими вопросами обмена, доверия и иден-

тичности. Рассмотрено влияние друг на друга кочевых и оседлых сообществ, а также влияние постоянных перемещений кочевых обществ на функции денег. В современном мире деньги утратили многие функции, которые у них были ранее. Эти функции были очень важны для поддержания социального порядка и в целом для функционирования общества и государства. Так, были утрачены социальные функции, ритуальные функции, символические функции.

Ключевые слова: функции денег, кочевые общества, социальный порядок, ритуалы, натуральные эквиваленты денег, номадическое общество, кредиты, налоги, богатство.

Хушбоков О.У.

Миссия античного учителя

Данная статья посвящена миссии учителя в античном мире. Исследование содержит подходы к пониманию огромной миссии античного учителя в рамках развития мировой цивилизации. В статье выполнены сфера образования и деятельность учителей в античном мире. Представлен соответственно общий обзор. На современном этапе развития нашего общества, который характеризуется динамическими изменениями, технологическими прорывами, ориентаций на инновации, происходит переосмысление качеств и умений, требующихся от всех учителей. В статье особенности учителя представлены как система ценностных ориентаций.

Ключевые слова: учитель, образование, мастерство, миссия, античный мир, воспитание, социальные ценности.

Юань Чжэньцзюнь

Техника обучения академическому пению в Китае

В настоящей статье проведен анализ техники обучения академическому пению в Китае. В частности, рассмотрены различные аспекты академической системы обучения вокалу в стране, включая практику и теоретическую часть вокального обучения. Указано, что большое влияние на систему вокального образования в стране оказали европейская и российская вокальная система.

Ключевые слова: техника обучения вокалу, вокальное образование, вокальное образование в Китае, практическое образование, педагогический опыт.

Яо Сыцунхуэй

Будкеев С.М.

Краткий анализ влияния королевского архитектурно-декоративного искусства эпохи династий Цин и Мин в Китае на современный архитектурный дизайн

Китайская культура, как одна из старейших на земле, изобилует значимыми объектами и уникальными технологиями. Со времен древности китайцы сформировали множество художественных стилей, которые сохранили свою значимость до сегодняшнего дня. Несмотря на войны и социальные потрясения, культурная жизнь Китая продолжала оставаться активной, сохраняя свою целостность и оригинальность. Творения китайских мастеров прошлого демонстрируют непревзойденное мастерство в архитектуре, скульптуре, живописи и прикладном искусстве. Они передают дух лирической поэзии, богатство мифов и легенд, а также волнующую атмосферу городских новелл. В настоящее время культурное богатство Китая, к числу которого относится королевское архитектурно-декоративное искусство, постоянно привлекает внимание специалистов и ученых в различных областях знаний. От китайских архитекторов и строителей различных эпох осталось богатейшее наследие в виде грандиозных сооружений, которые входят в масштабные дворцовые комплексы. Особенно хорошо до наших дней сохранились королевские постройки эпох Мин и Цин. Объектом исследования выступает королевское архитектурно-декоративное искусство эпох династий Мин и Цин в Китае. Целью исследования является анализ применения данных форм искусства в современном строительстве и дизайне. Методы исследования: анализ академических исследований и других публикаций, посвященных архитектуре династий Мин и Цин, а также со-

временным тенденциям в архитектуре, сравнительный анализ, дедукция, индукция. Научная новизна исследования заключается в систематизации особенностей перехода традиционных архитектурных и декоративных элементов в современную архитектурную практику.

Ключевые слова: архитектурно-декоративное искусство КНР, архитектурно-декоративное искусство династий Цинь и Мин, влияние на современный архитектурный дизайн.

Ван Чэньюй

Сравнительный анализ российской и китайской систем высшего музыкально-педагогического образования

Китайское традиционное музыкальное образование обладает длительной историей, насчитывающей несколько тысячелетий. В наши дни влияние российского музыкально-педагогического образования на систему подготовки музыкальных кадров в Поднебесной продолжает свое существование, однако оно не такое существенное, каким было во второй половине XX века. В российском и китайском высшем музыкально-педагогическом образовании существуют как определенные сходства, так и некоторые отличия. Все они рассмотрены подробно в контексте настоящего исследования. Изучение особенностей системы подготовки музыкальных педагогов в системе высшего образования в своей стране и в других государствах как в прошлом, так и в настоящем, представляется чрезвычайно актуальным. Анализ недостатков образования чрезвычайно важен, так как способствует минимизированию рисков их повторения и выработке мер по повышению качества образовательных результатов. Что касается успешного опыта другой страны или другой эпохи в сфере музыкально-педагогического образования, то его нужно уметь грамотно адаптировать к собственным реалиям.

Ключевые слова: музыкальное образование, системы высшего образования, Китай, Россия.

Упоров И.В.

Особенности муниципально-правовой ответственности главы муниципального образования: политико-теоретический аспект

Исследуются вопросы, связанные с публично-правовой ответственностью главы муниципального образования как высшего должностного лица данной публично-правовой территории. Акцент делается на выявлении сущности муниципально-правовой ответственности (как разновидности публично-правовой ответственности) этого должностного лица в системе публично-властных отношений, то есть преобладает анализ теоретических суждений по различным аспектам данной проблематики. Отмечается, что применительно к главе муниципального образования санкция муниципально-правовой ответственности представляет собой досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования в результате негативной оценки его деятельности. Соответственно в статье не рассматриваются иные виды юридической ответственности (гражданско-правовая, административная и др.). Указывается также, что механизм реализации муниципально-правовой ответственности главы муниципального образования нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: местное самоуправление, глава муниципального образования, муниципально-правовая ответственность, досрочное прекращение полномочий.

Арустамян Г.В.

Шестак Д.О.

Дилбандян Р.А.

Терещенко О.В.

Российские информационные вызовы и ответы на них

В статье анализируются ключевые угрозы информационной безопасности России в 2020–2024 гг., включая рост сложности кибератак, использование злоумышленниками ИИ и квантовых технологий, а также расширение целей атак. На основе данных ФСБ, Минцифры,

Group-IB и других источников оценены меры по цифровому суверенитету: импортозамещение ПО, борьба с фейками, развитие криптографии. Выявлены проблемы: отставание в квантовых технологиях, нехватка кадров, зависимость от зарубежного оборудования. Предложены направления развития: технологический суверенитет, международное сотрудничество, обновление законодательства и внедрение новых методов защиты. Рекомендовано увеличить инвестиции в ИИ-безопасность, квантовые вычисления и подготовку специалистов. Ожидается, что к 2030 г. это сократит успешные атаки на 75–80%, повысит долю отечественных решений в критической инфраструктуре до 95% и выведет Россию в топ-3 по кибербезопасности, для этого необходима постоянная адаптация к угрозам и консолидация усилий государства, бизнеса и общества для защиты цифрового суверенитета.

Ключевые слова: информационная безопасность, кибербезопасность, киберугрозы, цифровой суверенитет, квантовые технологии, искусственный интеллект, импортозамещение, криптография, нормативно-правовое регулирование, международное сотрудничество.

Дармилова Э.Н.

Сидаков А.М.

Урчукова С.Р.

Влияние информационных технологий на взаимодействие политических партий и общественных организаций с социальными группами в регулировании социальных процессов в современном обществе

Технологии обмена данными, применяемые в сотрудничестве между политическими партиями, общественными организациями и представителями различных слоев российской действительности, оказывают воздействие на общественные изменения в данном обществе. В процессе цифрового преобразования общества возникают существенные перспективы управления социальными процессами благодаря современным информационным технологиям. Кроме того, развитие современных технологий породило уникальные формы удаленного общения между людьми, ранее неизвестные и непознанные, способные объединять индивидов по всему миру и существенно расширять число и разнообразие вовлеченных в такие процессы.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационное пространство, информационное общество, политические партии, социальные группы, социальные процессы.

Кравченко В.И.

Банюкин Д.Д.

Социальная реклама как инструмент решения проблемы наркомании среди молодежи

В статье описывается социальная реклама как явления, рассматриваются её отличия от коммерческой рекламы, основные функции и степень влияния на российское общество. Социальная реклама рассматривается с точки зрения её роли в борьбе с проблемой наркозависимости, анализируются её недостатки и предоставляются варианты их решения. Также в статье рассматривается наркозависимость населения как одна из основных социальных проблем, на которых сконцентрирована российская социальная реклама.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, общество, социальные проблемы, наркозависимость, социальные факторы, формат рекламы, молодежь.

Упоров И.В.

Теория естественного права: основные этапы развития и особенности отечественной мысли

Исследуется процесс формирования и развития теоретических основ естественно-правовой концепции, предполагающей, что, помимо формальных (государственных, позитивных) законов существуют естественные (природные) права, присущие каждому человеку от

рождения. Рассматриваются взгляды на этот счет мыслителей древности и ученых разных эпох и государств (Юстиниан, Улпиан, Локк, Гоббс, Руссо и др.), а также отечественных правоведов дореволюционного периода (Трубецкой, Чичерин, Новгородцев, Ильин и др.), а также современных авторов. Показывается взаимодействие естественного и государственного права. Отмечается, что после революции 1917г. в советском государстве теория естественного права не находила официальной поддержки, и в течение нескольких десятилетий советские правоведы в своих политических воззрениях не выходили за рамки установленных КПСС программных установок, в которых естественным правам не находилось места. После распада СССР в 1991 г. по данной проблематике издано достаточно большое количество работ, кроме того, в современной России естественные права человека получили государственную поддержку и соответствующие положения включены в Конституцию России. Однако какой-либо цельной теории естественного права пока нет.

Ключевые слова: общество, государство, личность, естественное право, история, конституция, теория.

Айзаму Айбайдула

Ценность и практический путь изложения истории Китая на курсах гражданского права в колледжах и университетах в новую эпоху

В контексте новой эпохи изучение истории Китая имеет важное значение для идеологического и политического образования. Оно не только способствует построению китайской системы дискурса и нарратива, но и раскрывает и передаёт китайский дух, ценностные ориентации и гуманистические чувства. Изучение истории помогает укрепить позиции марксистской идеологии, укрепить «четыре фактора уверенности», пропагандировать главные ценности, культивировать социалистические основные ценности, повысить привлекательность идеологических курсов и усилить эффективность преподавания. Для лучшего изучения истории страны должны быть подчеркнуты достоверность, интегративность и типичность. Путем оптимизации способности преподавателей к подаче материала, стимулирования самостоятельного участия студентов, обогащения ресурсной базы истории, использования разнообразных учебных материалов и инновационных методов преподавания можно более эффективно излагать и распространять историю Китая, объясняя ее ценность в идеологическом и политическом образовании.

Ключевые слова: новая эпоха, история Китая, идеологическое и политическое образование, ценность, практические пути.

Борисов Б.Б.

Некоторые аспекты правового регулирования музыкальной культуры в Китайской Народной Республике

Данная статья посвящена актуальной проблеме определения аспектов правового регулирования музыкальной культуры в Китайской Народной Республике.

Объектом исследования является музыкальная культура в Китайской Народной Республике.

Предметом исследования являются нормативно-правовые акты, законы, документы стратегического планирования, определяющие правовое регулирование музыкальной культуры в Китайской Народной Республике.

Музыкальная культура Китая имеет богатую, многовековую историю. Однако, правовой статус музыкальной культуры в нормативно-правовых документах отражается недостаточно определенно. В документах отсутствует прямая дефиниция термина «музыкальная культура» (音乐文化, yīnyuè wénhuà), что приводит к необходимости трактовок юридических документов.

Автор исследования рассматривает такие аспекты темы как правовые и институциональные механизмы сохранения и развития музыкальной культуры Китая. В статье анали-

зируются конституционные нормы, гарантирующие защиту этнических традиций, свободу творчества и доступ к образованию, что формирует основу для поддержки музыкального наследия.

Рассматриваются законы об охране культурных ценностей, нематериальном наследии и общественных культурных услугах, обеспечивающие защиту материальных и нематериальных аспектов музыкальной культуры. Также внимание уделяется роли государственных программ, таких как План развития культуры на 14-ю пятилетку.

В исследовании применен общенаучный подход: метод системного анализа, метод структурного анализа, метод формализованного анализа. Статья вносит значительный вклад в исследование правового регулирования музыкальной культуры в КНР.

Впервые анализируются нормативные акты КНР с точки зрения музыкальной культуры. Отмечается необходимость интерпретации термина музыкальная культура через смежные категории (культура, искусство, образование).

Определяется, что регулирование музыкальной культуры осуществляется через конституционные нормы, законы о наследии и публичных услугах.

В статье предлагается аналитический взгляд на вопросы правовых основ регулирования музыкальной культуры. В статье предлагается междисциплинарное исследование нормативно-правовых актов КНР, где музыкальная культура рассматривается как часть культуры в целом, что создает необходимость его интерпретации через смежные правовые категории.

Ключевые слова: правовое регулирование, музыкальная культура, КНР, авторское право, культурная политика, традиционное наследие, цифровизация, музыкальная культура Китая, традиционная культура, право Китая.

Ткачук И.Б.

Язык и культура: система речевых установок в стратегиях личностного роста

В статье представлена система речевых установок как культурное явление. Язык является не только сложной системой знаков, но и носителем множества лексических значений, закреплённых в образах культуры. Мы предлагаем рассмотреть речевые установки как социокультурное явление объективации и обратной объективации: мыслей, идей и образов – в деятельности субъекта культуры. Речевые установки могут быть орудием и деятельностью: воздействовать на позицию слушателя, заронить зёрна сомнения; формировать новое мышление; укреплять, изменять или разрушать структуру личности; менять историю. То есть, речевые установки могут быть орудием ловкого манипулятора, отражать лингвистическую уникальность периода истории культуры – в лексических формулах влияния. Речевые установки, усвоенные субъектом, влияют на его стратегию личностного роста – безусловно: влияют на логику формирования жизненного пути; позицию в процессе конфликта; глубину, сложность либо простоту, примитивность мышления. Автор рассматривает речевые установки не только как индивидуальные особенности говорящего и слушающего, но и закодированные образы и идеи времени в стратегии личностного роста. Автор обращается к фактам из истории, культуры и литературы, демонстрируя примеры речевых установок.

Ключевые слова: язык и культура, речь и мышление, речевые установки, лексические формулы влияния, система речевых установок, культурные детерминанты, объективация, коды времени, стратегии личностного роста, типы стратегий личностного роста.

Ли Тяньюй

Ли Пэнчэн

Мэй Яньлин

Система оценки влияния гражданского воспитания на социальное поведение учащихся

Традиционная система оценки влияния учитывает единичные, статичные и малоохватные индексы оценки, что приводит к необъективности и предвзятости результатов оцен-

ки. В ответ на данную проблему авторы статьи предлагают систему оценки влияния гражданского воспитания на социальное поведение студентов. На основе принципов оценки влияния гражданского воспитания на социальное поведение студентов определяются показатели системы оценки в соответствии с критериями выбора показателей влияния. Для определения веса индексов оценки и построения системы оценки влияния применяются методы иерархического анализа и анализа главных компонент. Целевая проверка предложенной системы показывает более надежные результаты оценки, а также снижение ошибки оценки на 33,3%.

Ключевые слова: гражданское воспитание, социальное поведение учащихся, оценка влияния, разработка системы оценки.

Щупленков О.В.

Щупленков Н.О.

Особенности нейрофилософского антропологизма в синергетическом историческом фазовом пространстве

Авторы статьи пытаются определить направления реализации потенциала философской антропологии для нейронаук в синергетическом историческом фазовом пространстве, возможность качественного обновления нейронаук на базе этого потенциала. Новизна данного исследования заключается в том, что философская антропология, экстраполируя своё обновляющееся содержание на исторические и нейронауки, вербализирует проблемы, находящиеся на стыке разных научных направлений. Методология данного исследования основана на анализе и обобщении научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых в области нейронаук, исторического знания, философской антропологии, информационного и знаниявого развития современного общества. Методология исследования включает в себя герменевтический, системный, сравнительный методы. Нейронауки, история и философская антропология имеют обширное научное поле: критерии интерпретации данных, возможности влияния нейронных сетей на субъекта исторического познания, взаимодействие разума и эмоций, проблема воли и ответственности, этические проблемы стимуляции мозга, психофармакология и проблема идентификации человека. Философская антропология оценивает с этико-аксиологических позиций направления деятельности истории и нейронаук. Проблема сохранения национально-культурной идентичности, исторического образования требует не только продуманной стратегии со стороны истории и философии образования, но и должна решаться сквозь призму индивидуальных (когнитивных и личностных) особенностей человека: оценка его когнитивного стиля обучения, хронотипа, ценностей и убеждений. Применение синергетического подхода в историческом познании в метапредметном отображении подразумевает линейность эволюционного научного знания посредством идеи инвариантности оценки исторического события субъектом истории и субъектом исторического познания. Результаты исследования могут быть применены в сфере исторического образования и общественных дисциплин.

Ключевые слова: забвение, история, метапредметность, нейронауки, субъект истории, субъект исторического познания.

Abstracts

Ulturgasheva N.D.

Safarova T.V.

On the issue of holding traditional holidays of nomads in the border regions of Central Asia: a modern aspect (using the example of the Ubsunur aimag and the Ovyur Kozhuun)

The article is devoted to the identification of the main features of the modern existence of the traditional holiday culture of nomads living in the border regions of Central Asia. The authors' analysis of the modern practice of holding traditional holidays of Tuvans and Mongols of the Ubsunur aimag and Ovyur Kozhuun led to the conclusion that there are more similarities than differences in them. We have not been able to find significant evidence of the presence of facts of the spiritual culture of the Mongolian ethnic group in the Ovyur Kozhuun and the Tuvan culture in the Ubsunur aimag, except for those that have already been recorded by researchers and are characteristic features not only of the border areas, but also of all others. Despite their territorial proximity, both peoples retained their national identity, which was formed under the influence of a nomadic lifestyle, and later Buddhism.

Key words: holiday culture, nomads, traditional holidays, border territories, intercultural interaction, calendar rituals.

Maltseva L.V.

Kuban Cossacks (embroidery in Kuban)

The article raises the problem of preserving the traditions and customs of the Kuban Cossacks in the upbringing of the younger generation. This is necessary so that they do not forget their past, their history, their traditions and customs. It is necessary to revive and preserve the traditions of their small homeland, their people, where we were born.

The culture of the Kuban Cossacks exists in the system of the integral culture of mankind, but this global internally dialectically contradictory, and the interaction between individual elements demonstrates both the universal connection of phenomena. Culture cannot be considered to have formed completely independently, and moments of tension associated with the differences between individual cultural norms, values, religions of each nation.

The traditional culture of the Kuban Cossacks is rich and complex. In many ways, rituals and customs are associated with both Orthodoxy and the military way of life.

Key words: traditions, customs, culture, Cossacks, farmstead, education, embroidery, ceremonies.

Lichak N.A.

Lichak D.A.

Creation of the national park of Mali as a cultural space

The article is devoted to the formation of the cultural space of the National Park of Mali in order to preserve the natural and historical and cultural heritage, as well as the development of ecotourism. The key aspects of creating an infrastructure, including museums, ecological trails, information centers and areas for traditional crafts, are considered. Special attention is paid to the involvement of the local population in the process of improving the park, which contributes to improving living standards and preserving ethnic and cultural traditions. The authors analyze successful practices of national parks. The article also discusses the possible economic and social effects of the project, such as the increased tourist attractiveness of the region and the creation of new jobs. The newly created territory of the park is a large semicircular canyon with a protected forest reserve. It is designed to offer wide open spaces for leisure and educational activities for the general public, school groups and tourists. There are many open lawns and flower beds designed in the park. The results can be useful to cultural scientists, environmentalists, city administrations and organizers of tourism activities.

Key words: Mali, national park, cultural space, ecotourism, heritage conservation, local community.

Bozbin V.A.**Substantive transformation of artistic comprehension of reality in modern television show-programmes**

The article is devoted to the search for tools to output the spiritual-worldview crisis caused by the global dominance of canonical mass culture. The author points out that, as a result of the lack of purposeful cultural policy, by the 2010s Russia has completely merged with the transnational consumer lifestyle model, which excludes the perception of the masses of samples of self-sufficient culture in its value-semantic meaning. With this in mind, the author considers it justified to issue in 2014 the Decree of the President of the Russian Federation «On the statement of the Bases of the state cultural policy», which provides juridical protection to cultural transformations aimed at qualitative improvement of the spiritual and intellectual level of mass culture. This transformation essentially leads to a new paradigm of understanding the essence of mass culture: mass culture by distribution through television and electronic media, but not by its artistic level intended for the average unprepared recipient. Further, the author analyses the intermediate results of the implementation of the state cultural policy on the example of show-programmes being part of the broadcasting grid of 29 TV channels of the basic free package of the Moscow region. V.A. Bozbin stresses that the choice of show-programmes as an object of research is not accidental, but motivated by the results of a questionnaire survey of students (2023). The questionnaire showed that show-programmes are the most demanded genre among young people, which means that they can become a «starting point» of increasing the artistic and aesthetic demands of this most important, future-shaping social group. In the final part, the author identifies the following flaws in the course of the execution of the Decree's articles: there is observed a significant predominance of entertainment show-programmes over cultural, a lack of scientific and socio-publicist shows for teenagers and families with children is revealed, and the attitude of media executives to elitist culture programmes and programmes for young children as a «niche product» is noted. Positive changes include: increased attention to coverage of cultural and social partnership with friendly countries, the transformation of a number of «formulary» programmes into personalised and meaningful ones, and the emergence of reality-shows in the format of professional psychological, pedagogical and medical consulting to solve significant family and children's problems.

Key words: mass culture, consumption, spiritual crisis, television, show-programme, decree, cultural policy, artistic level.

Goncharenko A.N.**Timbre morphing as a means of musical expression**

In this article the author examines the technology of sound synthesis timbre morphing as a means of musical expression, the trends in the development of musical culture in the 20th century that led to its emergence, as well as creative tasks that are solved using this technology.

Key words: sound synthesis, timbre morphing, musique concrete, musical avant-garde, art.

Dzhumaeva F.Sh.**Historical genre in the fine arts of Tatarstan**

Tatarstan is a synthesis of two worlds: Eastern and Western, which is reflected not only in architecture and traditions, but also in painting. Here, each artist finds a source of inspiration thanks to the unique combination of cultural values of the Tatar people with the heritage of Russian classics. This article is an example of immersion in the world of fine art of Tatarstan, examining its diversity through the prism of historical painting. We study how artists reflected significant historical events and cultural wealth of the region, as well as how modern masters continue this tradition, bringing their unique vision, new ideas and techniques to it. Particular attention is paid to the analysis of artistic techniques used to convey historical authenticity and emotional impact on the viewer. The works of famous Tatarstan artists who made a significant contribution to the development of the genre are considered, and examples of modern understanding of historical subjects are presented,

combining traditional approaches with current trends in art.

Key words: Historical genre, historical painting, art, painting, Republic of Tatarstan.

Zheleznyaya P.L.

Zheleznyaya A.B.

The “Madonna–Whore” complex in the dynamics of Dmitry Karamazov’s love relationships in F.M. Dostoevsky’s novel the brothers Karamazov: a psychoanalytic perspective

This article presents a psychoanalytic study of the dynamics of love relationships experienced by Dmitry Fyodorovich Karamazov, a character in Fyodor M. Dostoevsky’s novel the brothers Karamazov, with Yekaterina Ivanovna Verkhovtseva and Agrafena Alexandrovna Svetlova (Grushenka). The analysis is grounded in the concept of the “Madonna–Whore” complex, described by Sigmund Freud as a form of polarized idealization and devaluation of the female image within the structure of male libido. The focus is on the mechanism of repression of sexual desire toward the “elevated” woman (Yekaterina Ivanovna) and simultaneous fixation on the “fallen” woman (Grushenka), who permits instinctual realization within a socially acceptable framework. Special attention is given to the deep psychosexual conflict arising within Dmitry’s Oedipal complex and to the phenomenon of castration anxiety activated by his rivalry with his father for the erotic object.

Key words: psychoanalysis, Freudian theory, sexual ambivalence, Madonna–Whore complex, castration anxiety, repression, sublimation, Fyodor M. Dostoevsky, Dmitry Karamazov.

Zhitnikov A.Y.

A positive image of technological progress through the prism of the Russian mentality in the series “Cyber Village”

The subject of the article is the problem of showing positive technological progress on the screen through the prism of national mentality. In the article, the author describes in detail what national mentality is, its origins, development, key figures, and also analyzes this phenomenon through the Russian web series “Cybervillage” and the American film “Terminator”. The analysis of this content is carried out using the scientific works of D.A. Belyaev, E.V. Voevoda, V.V. Goryachev, T.M. Gurevich, S.I. Ozhegov, A.V. Shestopal and L. Levy-Bruhl. The analysis and analysis of the characters, the plot of the series and the film takes place. After the study, the following conclusions can be drawn. The series “Cybervillage” fully reveals the problem of showing positive technological progress, while the film “Terminator”, on the contrary, shows this progress from a negative point of view. The novelty of the study lies in the fact that the topic of positive technological progress is practically not shown in cinematography and therefore the study can be the basis for forming a clear idea of this problem.

Key words: “Cybervillage”, “Terminator”, national mentality, technological progress, patriotism, artificial intelligence.

Zeynalova L.M.

“The book of Dede Gorgud”: a cultural value and spiritual source

“Kitabi-Dədə Qorqud” is a rich source of history, spirituality and culture of the people, which necessitates systematic analysis in all contexts. With the power and sympathy to contain the thinking intellect of the ethnoculturological system, the symbolic layer of the signification it encompasses in the archaic structure, it creates conditions for determining the dynamics of the historical-cultural flow by bringing to the fore the modelings established in the mythological ideology. Folklorists, ethnographers, linguists, musicologists, historians, etc. exhibit an inaccessibility with the function of carrying the cultural matter of the society into the future within the boundaries of history and space. “Kitabi-Dədə Qorqud”, which is of exceptional importance in terms of reflecting the essence of the creation, nature and transmission mechanisms of ethnoenergy, is not limited to those at the level of Azerbaijan, but exhibits an inaccessibility with the opportunities to bring to the fore the cultural arsenal of the Turkic peoples as a whole, the chronotopes included in

their cultural thought and behavior.

Key words: epos, “Kitabi-Dədə Qorqud”, national-spiritual values, ceremonies, epics of Bahad-irliq, ceremonies.

Meng Yuwei

Jiang Wenye: ode to a great poet

The history of Chinese poetry spans 3,000 years, and among the many poets, Du Fu, a poet of the Tang Dynasty, is particularly famous. The many Confucian virtues expressed in his poems have attracted the love and respect of many generations of Chinese. The composer Jiang Wenye, who was also a poet, is one of his followers. He wrote a piano piece called ‘Ode to Du Fu.’ It is the first work in the history of Chinese music written by a composer-poet and based on imitating the sound of traditional Chinese guqin music. Guqin culture is the culture of educated people, especially literary people. It is inseparable from the development process of Chinese music, history, thinking, and social activities of the educated strata of Chinese society.

This paper presents an analysis of Du Fu’s Ode in terms of both Du Fu’s life trajectory and the compositional features of this work.

Key words: guqin culture, Du Fu, Jiang Wenye, ode, traditional Chinese music.

Smirnov Yu.S.

Evolution of creative approaches to creating the illusion of depth of sound perspective in the phonography of non-academic musical genres

This article will discuss the conveyance of subjective sense of space and sound perspective illusion created by sound engineers in stereophonic musical recordings. A comparative analysis of trends in the development of sound-painting concepts will be presented in the period from the late 60s of the twentieth century to these days, using various musical examples. The author will consider mainly artistic phonographies created by famous sound engineers in non-academic musical genres that have the most characteristic sound features for the period of their creation.

Key words: non-academic music, stereophony, phonography, phantom sound source, sound perspective, sound panning, spatial impression.

Wei Dantong

Melnikova L.A.

Conceptual approaches to the cultural study of the concepts of «public urban space», «socio-cultural space»

Public urban space is a multifaceted and dynamic object of research, which includes not only the physical aspects of the urban environment, but also socio-cultural, economic and political factors affecting the lives of citizens. In the context of the rapid changes taking place in cities around the world, the relevance of studying public urban space is increasing. The city becomes not just a place of residence, but also a space where social connections, cultural practices and identities are formed. In this context, it is important to consider how different conceptual

Key words: public urban space, socio-cultural space, city, urbanism, urban environment.

Sun Tingting

Li Shutong - the founder of Chinese national music of the 20th century

Li Shutong (1880-1942) was a pioneer in the history of modern Chinese music. His artistic practice and educational innovations made significant contributions to the modernization of Chinese national music. Returning to China in 1910 after studying in Japan, he founded China’s first music journal, Music Magazine, introduced five-line notation, compiled the Collection of National Songs for Study, and took other initiatives, combining Western musical techniques with Chinese classical poetry, thereby creating a new form of “school music”. His signature works, “Farewell” and “Spring Walk”, have become classics due to their combination of Chinese and Western melodies and literary

qualities that appeal to both the elite and the masses, and the latter laid the foundation for the creation of Chinese polyphonic choruses. Teaching in

Zhejiang's two-tier ordinary schools, he pioneered courses in harmony and counterpoint, trained musicians such as Feng Zikai and Liu Zhiping, and established a modern music education system. Li Shutong's practice broke the traditional musical paradigm and promoted the development of the social function of music through the concept of "temperament education". His works are still culturally symbolic, linking tradition and modernity, and are of great significance to the history of modern music and the development of education in China.

Key words: Li Shutong, music in school, "Farewell", integration of Chinese and Western music, modernization of music education, Teacher Hongyi.

Tursynbayeva K.A.

Zholdubayeva A.K.

Symbolic and sacred functions of money in nomadic societies: on the issue of the multidimensionality of money circulation

The article examines the role of money in nomadic societies and compares it with the functions of money in modern society. This topic is poorly understood in the scientific community. When we consider the history of nomadic societies, we must understand money not as it is understood in modern society, but take into account the context and functions of money. The article focuses on the systematization and analysis of ideas about money among various nomadic peoples. The views of historians and thinkers on the functions of money in nomadic societies are analyzed. The meaning of money in traditional and modern contexts is also revealed. The main goal of this study is to show the multidimensionality and multifunctionality of money in nomadic societies. Differences in attitudes toward wealth in nomadic and sedentary societies were revealed. The study allows us to consider how nomadic ideas about money relate to broader issues of exchange, trust, and identity. The influence of nomadic and sedentary communities on each other is considered, as well as the influence of constant movements of nomadic societies on the functions of money. In the modern world, money has lost many of the functions that it had before. These functions were very important for maintaining social order and, in general, for the functioning of society and the state. Thus, social functions, ritual functions, symbolic functions were lost.

Key words: functions of money, nomadic societies, social order, rituals, natural equivalents of money, nomadic society, loans, taxes, wealth.

Khushbokov O.U.

Mission of the ancient teacher

This article is devoted to the mission of the teacher in the ancient world. At the present stage of development of our society, which is characterized by dynamic changes, technological breakthroughs, orientations towards innovation, there is a rethinking of the qualities and skills required of all teachers. In the article, the characteristics of the teacher are presented as a system of value orientations. The study contains approaches to understanding the enormous mission of the ancient teacher in the context of the development of world civilization. The article presents the sphere of education and the activities of teachers in the ancient world. A general overview is presented accordingly.

Key words: teacher, education, skill, mission, ancient world, upbringing, social values.

Yuan Zhenjun

Teaching techniques for academic singing in China

This article analyzes the technique of teaching academic singing in China. In particular, various aspects of the academic vocal training system in the country are considered, including the practice and theoretical part of vocal training. It is indicated that the European and Russian vocal systems have had a great influence on the vocal education system in the country.

Key words: vocal training technique, vocal education, vocal education in China, practical education, pedagogical experience.

Siconghui Yao

Budkeev S.M.

A brief analysis of the influence of royal architectural and decorative arts of the Qing and Ming dynasts in China on modern architectural design

Chinese culture, as one of the oldest on earth, is replete with significant objects and unique technologies. Since ancient times, the Chinese have developed many artistic styles that have retained their significance to this day. Despite wars and social upheaval, China's cultural life remained active, maintaining its integrity and originality. The creations of Chinese masters of the past demonstrate unsurpassed skill in architecture, sculpture, painting and applied arts. They convey the spirit of lyrical poetry, the richness of myths and legends, as well as the exciting atmosphere of urban novels. Currently, the cultural wealth of China, which includes the royal architectural and decorative arts, constantly attracts the attention of specialists and scientists in various fields of knowledge. Chinese architects and builders of various eras have left a rich heritage in the form of grandiose structures that are part of large-scale palace complexes. The royal buildings of the Ming and Qing eras have been especially well preserved to this day. The object of the study is the royal architectural and decorative art of the Ming and Qing dynasties in China. The purpose of the study is to analyze the application of these art forms in modern construction and design. Research methods: analysis of academic studies and other publications on the architecture of the Ming and Qing dynasties, as well as modern trends in architecture, comparative analysis, deduction, induction. The scientific novelty of the study lies in the systematization of the features of the transition of traditional architectural and decorative elements into modern architectural practice.

Key words: architectural and decorative art of the People's Republic of China, architectural and decorative art of the Qing and Ming dynasties, influence on modern architectural design.

Wang Chenyu

Comparative analysis of the Russian and Chinese systems of higher musical and pedagogical education

Chinese traditional music education has a long history of several millennia. Nowadays, the influence of Russian music-pedagogical education on the system of musical personnel training in the Celestial Empire continues to exist, but it is not as significant as it was in the second half of the 20th century. There are both certain similarities and some differences in Russian and Chinese higher music-pedagogical education. All of them are considered in detail in the context of this study. The study of the peculiarities of the system music teachers' training in the higher education system in their own country and in other states, both in the past and in the present, seems to be extremely relevant. Analysis of educational shortcomings is extremely important, as it helps to minimize the risks of their repetition and to develop measures to improve the quality of educational results. As for the successful experience of another country or another era in the field of music-pedagogical education, it is necessary to be able to adapt it competently to our own realities.

Key words: music education, higher education systems, China, Russia.

Uporov I.V.

Features of municipal-legal responsibility of the head of a municipal for-mation: political and theoretical aspect

The article examines issues related to the public-legal liability of the head of a municipality as the highest official of this public-legal territory. The emphasis is placed on identifying the essence of municipal-legal liability (as a type of public-legal liability) of this official in the system of public-authority relations, that is, the analysis of theoretical judgments on various aspects of this issue

prevails. It is noted that, in relation to the head of a municipality, the sanction of municipal-legal liability is the early termination of the powers of the head of the municipality as a result of a negative assessment of his activities. Accordingly, the article does not consider other types of legal liability (civil, administrative, etc.). It is also indicated that the mechanism for implementing the municipal liability of the head of the municipality needs to be improved.

Key words: local government, head of the municipality, municipal liability, early termination of powers.

Arustamyan G.V.

Shestak D.O.

Dilbandyan R.A.

Tereshchenko O.V.

Russian information challenges and answers to them

The article analyzes the key threats to Russia's information security in 2020-2024, including the increasing complexity of cyber attacks, the use of AI and quantum technologies by intruders, as well as the expansion of attack targets. Based on data from the FSB, the Ministry of Finance, Group-IB and other sources, measures for digital sovereignty were assessed: software import substitution, the fight against fakes, and the development of cryptography. Problems have been identified: a lag in quantum technologies, a shortage of personnel, and dependence on foreign equipment. The directions of development are proposed: technological sovereignty, international cooperation, updating legislation and introducing new methods of protection. It is recommended to increase investments in AI security, quantum computing and specialist training. By 2030, this is expected to reduce successful attacks by 75-80%, increase the share of domestic solutions in critical infrastructure to 95%, and bring Russia into the top 3 in cybersecurity. Conclusion: it is necessary to constantly adapt to threats and consolidate the efforts of the state, business and society to protect digital sovereignty.

Key words: information security, cybersecurity, cyber threats, digital sovereignty, quantum technologies, artificial intelligence, import substitution, cryptography, regulatory and legal regulation, international cooperation.

Darmilova E.N.

Sidakov A.M.

Urchukova S.R.

The influence of information technology on the interaction of political parties and public organizations with social groups in regulating social processes in modern society

Data exchange technologies used in cooperation between political parties, public organizations and representatives of various strata of the Russian reality have an impact on social changes in this community. In the process of digital transformation of society, significant prospects for managing social processes arise due to modern information technologies. In addition, the development of modern technologies has given rise to unique forms of remote communication between people, previously unknown and unknown, capable of uniting individuals around the world and significantly expanding the number and diversity of those involved in such processes.

Key words: information and communication technologies, information space, information society, political parties, social groups, social processes.

Kravchenko V.I.

Banokin D.D.

Social advertising as a tool for solving the problem of drug addiction among young people

The article describes social advertising as a phenomenon, examines its differences from commercial advertising, its main functions and the degree of influence on Russian society. Social ad-

vertising is considered from the point of view of its role in the fight against the problem of drug addiction, its shortcomings are analyzed and options for solving them are provided. The article also examines drug addiction of the population as one of the main social problems on which Russian social advertising is focused.

Key words: advertising, social advertising, society, social problems, drug addiction, social factors, advertising format youth.

Uporov I.V.

The theory of natural law: main stages of development and features of domestic thought

The article examines the process of formation and development of the theoretical foundations of the natural law concept, which assumes that, in addition to formal (state, positive) laws, there are natural (natural) rights inherent in every person from birth. The article examines the views of ancient thinkers and scientists of different eras and states (Justinian, Ulpian, Locke, Hobbes, Rousseau, etc.), as well as domestic legal scholars of the pre-revolutionary period (Trubetskoy, Chicherin, Novgorodtsev, Ilyin, etc.). The interaction of natural and state law is shown. It is noted that after the 1917 revolution in the Soviet state the theory of natural law did not find official support, and for several decades Soviet legal scholars in their political views did not go beyond the program guidelines established by the CPSU, in which natural rights had no place. After the collapse of the USSR in 1991, a fairly large number of works were published on this issue, moreover, in modern Russia, natural human rights have received state support and the corresponding provisions have been included in the Constitution of Russia [. However, there is no integral theory of natural law.

Key words: society, state, personality, natural law, history, constitution, theory.

Aizamu Abaidullah

The value and practical path of telling China's story in civics courses of Colleges and Universities in the new era

In the context of the new era, telling a good Chinese story is of great significance for civic and political education. It not only helps to build a Chinese discourse and narrative system, but also taps into and conveys the Chinese spirit, values and humanistic feelings. Telling Chinese stories well can defend the Marxist ideological position, strengthen the "four self-confidence", promote the main theme, cultivate socialist core values, improve the affinity of the civics class and enhance the effectiveness of teaching. To tell China's history well, authenticity, integration and typicality should be emphasised. By optimising the supply capacity of teachers, stimulating students' sense of independent participation, enriching the story resource base, using diversified teaching media and innovating teaching methods, China's stories can be better told and disseminated, and their important value in ideological and political education can be brought into play.

Key words: new era, China's story, ideological and political education, value, practical paths.

Borisov B.B.

Regulatory dimensions of musical culture in the People's Republic of China

This article addresses the pressing issue of defining the aspects of legal regulation governing musical culture in the People's Republic of China (PRC).

The object of the study is musical culture in the PRC.

The subject of the study includes normative legal acts, laws, and strategic planning documents that determine the legal regulation of musical culture in the PRC.

China's musical culture boasts a rich, centuries-old history. However, its legal status in normative and legal documents remains insufficiently defined. These documents lack a direct definition of the term "musical culture" (音乐文化, yīnyuè wénhuà), necessitating interpretation of legal texts.

The author examines such aspects as the legal and institutional mechanisms for the preservation and development of China's musical culture. The article analyzes constitutional provisions guaran-

teeing the protection of ethnic traditions, freedom of creative expression, and access to education, which form the foundation for safeguarding musical heritage.

The study explores laws on the protection of cultural property, intangible heritage, and public cultural services, which ensure the preservation of both tangible and intangible aspects of musical culture. Special attention is given to the role of state programs, such as the 14th Five-Year Plan for Cultural Development.

The research employs general scientific methods, including systemic analysis, structural analysis, and formalized analysis. This article makes a significant contribution to the study of legal regulation in China's musical culture.

For the first time, PRC normative acts are analyzed from the perspective of musical culture. The study highlights the need to interpret the term "musical culture" through related categories (culture, arts, education).

It is established that the regulation of musical culture is implemented through constitutional norms, heritage laws, and public service provisions.

The article provides an analytical perspective on the legal foundations of musical culture regulation. It proposes an interdisciplinary study of PRC normative legal acts, where musical culture is treated as part of broader cultural policy, necessitating interpretation through adjacent legal categories.

Key words: legal regulation, PRC, copyright, cultural policy, traditional heritage, digitalization, musical culture of China, traditional culture, Chinese law.

Tkachuk I.B.

Language and culture: the system of speech attitude in personal growth strategies

The article presents the system of speech attitudes as a cultural phenomenon. Language is not only a complex system of signs, but also a carrier of many lexical meanings recorded in cultural images. We propose to consider speech attitudes as a socio-cultural phenomenon of objectification and reverse objectification: thoughts, ideas and images - in the activities of a cultural subject. Speech attitudes can be a tool and an activity: influencing the listener's position, sowing seeds of doubt; forming new thinking; strengthening, changing or destroying the personality structure; changing history. That is, speech attitudes can be a tool of a clever manipulator, reflecting the linguistic originality of a period of cultural history - in lexical formulas of influence. Speech attitudes assimilated by a subject influence his strategy of personal growth - of course: they influence the logic of the formation of the life path; position in the conflict process; depth, complexity or simplicity, primitiveness of thinking. The author considers speech attitudes not only as individual characteristics of the speaker and listener, but also as coded images and representations of time in the strategy of personal growth. The author refers to facts from history, culture and literature, demonstrating examples of speech attitudes.

Key words: language and culture, speech and thinking, speech attitudes, lexical formulas of influence, system of speech attitudes, cultural determinants, objectification, codes of time, personal growth strategies, types of personal growth strategies culture.

Li TianYu

Li Pengcheng

Mei Yanling

Influential evaluation system of Civic Education on students' social behavior

The traditional impact evaluation system selects single, static and small coverage evaluation indexes, which leads to the lack of objectivity of the evaluation results of the evaluation system and large evaluation bias. In response to the above problems, the impact evaluation system of Civic Education on students' social behavior is constructed. On the basis of establishing the principles of evaluating the influence of Civic Education on students' social behavior, the evaluation system indicators are determined according to the criteria for selecting influence indicators. The combi-

nation of hierarchical analysis and principal component analysis is used to determine the weights of the evaluation indexes and complete the construction of the impact evaluation system. The case verification shows that the evaluation error of this evaluation system is relatively reduced by about 33.3% and has more reliable evaluation results.

Key words: Civic education, students' social behavior, impact evaluation, evaluation system construction.

Shchuplenkov O.V.

Shchuplenkov N.O.

Features of Neuropsychological Anthropologism in the synergetic historical phase space

The authors of the article try to determine the directions of realization of the potential of philosophical anthropology for neuroscience in a synergetic historical phase space, the possibility of qualitative renewal of neuroscience on the basis of this potential. The novelty of this research lies in the fact that philosophical anthropology, extrapolating its updated content to historical and neuroscience, verbalizes problems that are at the junction of different scientific directions. The methodology of this research is based on the analysis and generalization of research works of foreign and domestic scientists in the field of neuroscience, historical knowledge, philosophical anthropology, information and knowledge development of modern society. The research methodology includes hermeneutical, systemic, and comparative methods. Neuroscience, history and philosophical anthropology have an extensive scientific field: criteria for data interpretation, the possibility of neural networks influencing the subject of historical cognition, the interaction of mind and emotions, the problem of will and responsibility, ethical problems of brain stimulation, psychopharmacology and the problem of human identification. Philosophical anthropology evaluates the directions of history and neuroscience from ethical and axiological positions. The problem of preserving national and cultural identity, historical education requires not only a well-thought-out strategy on the part of the history and philosophy of education, but also must be solved through the prism of individual (cognitive and personal) characteristics of a person: assessment of his cognitive learning style, chronotype, values and beliefs. The use of a synergetic approach in historical cognition in metasubject representation implies the linearity of evolutionary scientific knowledge through the idea of invariance of the assessment of a historical event by the subject of history and the subject of historical cognition. The results of the research can be applied in the field of historical education and social disciplines.

Key words: oblivion, history, metasubject, neuroscience, subject of history, subject of historical knowledge.

Авторы

Арустамян Г.В. - обучающийся факультета Прикладной Информатики, Кубанский Государственный Аграрный Университет, г. Краснодар.

Айзаму Айбайдула - Факультет китайской филологии, Синьцзянский педагогический университет, г. Урумчи.

Банюкин Д.Д. - магистр. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Божбин В.А. - исполняющий обязанности заведующего кафедрой экранных искусств Московского университета «Синергия», аспирант/прикрепленное лицо кафедры культурологии Московского государственного института культуры.

Борисов Б.Б. - кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры истории и теории музыки АНО ВО «Институт современного искусства». Магистрант 2 курса факультета ФГСН, кафедры востоковедения и африканистики ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Будкеев С.М. - доктор искусствоведения. Алтайский государственный университет.

Ван Чэньюй - магистрант. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

Вэй Даньтун - аспирантка ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток.

Гончаренко А.Н. - аспирант, старший преподаватель. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

Дармилова Э.Н. - кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Джумаева Ф.Ш. - аспирант. Академии Наук РТ. Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань.

Дилбандян Р.А. - обучающийся факультета Прикладной Информатики, Кубанский Государственный Аграрный Университет, г. Краснодар.

Железная А.Б. - частный практикующий психолог. ORCID: 0009-0002-8730-3049

Железная П.Л. - индивидуальный предприниматель, инфлюенсер.

Житников А.Ю. - аспирант. Институт кино и телевидения (ГИТР).

Жолдубаева А.К. - доктор философских наук, доцент. Казахский национальный университет имени аль-Фараби.

Зейналова Л.М. - докторант кафедры культурологии. Азербайджанского государственного университета культуры и искусств.

Кравченко В.И. - доктор философских наук, профессор, научный руководитель. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Ли Пэнчэн - профессор и руководитель магистратуры. Университет Лишуй, г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.

Ли Тяньюй - аспирант. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Личак Д.А. - кандидат технических наук, заведующий кафедрой. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ярославский государственный университет имени К.Д. Ушинского, г. Ярославль.

Личак Н.А. - доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой. Федераль-

ное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль.

Мальцева Л.В. - доктор педагогических наук, профессор, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Мельникова Л.А. - кандидат культурологии, доцент ДЗТ ВВГУ ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток.

Мэй Яньлинь - доктор наук, доцент, руководитель магистратуры, Университет Лишуй, г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.

Мэн Юйвэй - аспирант. Нижегородская государственная консерватория имени М.И. Глинки.

Сафарова Т.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры. Кемеровский государственный институт культуры.

Сидakov А.М. - кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Институт деловой карьеры, филиал в Карачаево-Черкесской республике.

Смирнов Ю.С. - Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет профсоюзов.

Сунь Тинтин - магистр. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Терещенко О.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры истории и литологии, Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар.

Ткачук И.Б. - аспирант кафедры философии и культурологии. Челябинский государственный институт культуры.

Турсынбаева К.А. - докторант. Казахский национальный университет имени аль-Фараби.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры. Кемеровский государственный институт культуры.

Упоров И.В. - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Урчукова С.Р. - кандидат политических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента. Институт деловой карьеры, филиал в Карачаево-Черкесской республике.

Хушбоков О.У. - старший преподаватель. Чирчикский государственный педагогический университет, г. Чирчик. ORCID: 0009-0003-4871-3384

Шестак Д.О. - обучающийся факультета Прикладной Информатики, Кубанский Государственный Аграрный Университет, г. Краснодар.

Шупленков О.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Филиала Ставропольского государственного педагогического института, г. Ессентуки.

Шупленков Н.О. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Филиала Ставропольского государственного педагогического института, г. Ессентуки.

Юань Чжэньцзюнь - Российская академия музыки имени Гнесиных, г. Москва.

Яо Сыцунхуэй - аспирант, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет (АлтГУ)», г. Барнаул.

Authors

Arustamyan G.V., Student of the Faculty of Applied Informatics, Kuban State Agrarian University, Krasnodar.

Aizamu Abaidullah, College of Chinese Language and Literature, Xinjiang Normal University, Xinjiang-Urumqi, China.

Banokin D.D., Master. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Borisov B.B., Candidate of Arts, Senior Lecturer Department of Music History and Theory Nonprofit Organization of higher education "Institute of modern art". 2nd-year Master's student, Faculty of Humanities and Social Sciences (FGSN) Department of Oriental and African Studies. Peoples' Friendship University of Russia.

Bozbin V.A., Duty holder of the department of screen arts at the Moscow University of Finance and Industry «Synergy», student/attached person, department of cultural studies, Moscow State Institute of Culture and Arts.

Budkeev S.M., Doctor in Art Criticism. Altai State University.

Darmilova E.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities North Caucasus State Academy.

Dilbandyan R.A., Student of the Faculty of Applied Informatics, Kuban State Agrarian University, Krasnodar.

Dzhumaeva F.Sh., Postgraduate Student. Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimova. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan.

Goncharenko A.N., Graduate student, Senior Lecturer. Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Khushbokov O.U., Senior Lecturer, Chirchik State Pedagogical University. ORCID: 0009-0003-4871-3384

Kravchenko V.I., Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Lichak D.A., Candidate of Technical Sciences, Head of the Department. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Yaroslavl State University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl.

Lichak N.A., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl.

Li Pengcheng, Professor, Head of Graduate Studies, Lishui University, Lishui, Zhejiang Province, China.

Li TianYu, Postgraduate. Student Faculty of Teacher Education of Lomonosov Moscow State University.

Maltseva L.V., Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

Mei Yanling, Doctor of Science, Associate Professor, Head of Master's Program, Lishui University, Zhejiang Province, China.

Melnikova L.A., PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Health and Tourism of the Vladivostok State University, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University", Vladivostok.

Meng Yuwei, Postgraduate. Nizhny Novgorod State Conservatoire named

M.I. Glinka.

Safarova T.V., Candidate of Sciences in Philology, Associate professor in the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo State Institute of Culture.

Shchuplenkov O.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute Branch, Yessentuki.

Shchuplenkov N.O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the Stavropol State Pedagogical Institute Branch, Yessentuki.

Shestak D.O., Student of the Faculty of Applied Informatics, Kuban State Agrarian University, Krasnodar.

Sidakov A.M., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines Institute of Business Career, branch office in the Karachay-Cherkess Republic.

Siconghui Yao, Graduate Student, Altai State University (ASU).

Smirnov Yu.S., St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Sun Tingting, Master's degree. Lomonosov Moscow State University.

Tereshchenko O.V., PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of History and Political Science, Kuban State Agrarian University, Krasnodar.

Tkachuk I.B., Post-graduate Student of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts.

Tursynbayeva K.A., PhD candidate. Al-Farabi Kazakh National University.

Ulturgasheva N.D., D.Sc. in Cultural Studies, professor of Kemerovo state Institute of culture, head of the Department of theory and history of folk art culture of Kemerovo state Institute of culture.

Uporov I.V., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Urchukova S.R., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Economics and Management Department Institute of Business Career, branch office in the Karachay-Cherkess Republic.

Wang Chenyu, Master. Herzen State Pedagogical University of Russia.

Wei Dantong, Postgraduate student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University", Vladivostok.

Yuan Zhenjun, Russian Academy Gnesinyh, Moscow.

Zeynalova L.M., Doctoral student of the Department of Culturology, Azerbaijan State University of Culture and Arts.

Zheleznaya A.B., Private practising psychologist. ORCID: 0009-0002-8730-3049

Zheleznaya P.L., Individual entrepreneur, Influencer.

Zhitnikov A.Y., PhD student of the Institute of Cinema and Television.

Zholdubayeva A.K., Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University.